

Яна Ветрова

Птичья Песня

12+

Яна Ветрова

Птичья песня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67989078

SelfPub; 2022

Аннотация

Лентяйка и лежебока Екатерина, сама того не желая, попадает в услужение к колдуну. Мало того, что в чужом мире ей приходится выполнять работу по дому и бегать по поручениям, так еще и характер колдуна день ото дня становится все невыносимее. Город на берегу реки, домики среди цветущих садов. Будничная магия и оживающие статуи. Запах старых книг, кофе и свежих булочек. Разве не сказка? Только не для того, кто отчаянно хочет вернуться домой. Так ли дружелюбен город, как кажется на первый взгляд? Что таит заросшая мхом тень мира? О чем шепчут алые бабочки? Можно ли доверять незнакомцам? А главное, можно ли доверять себе? Все это предстоит выяснить героине.

Содержание

Глава 1. Путешествие	5
Глава 2. Серебристые следы	32
Глава 3. Побег	52
Глава 4. Новый дом	68
Глава 5. Ссора	89
Глава 6. Забастовка	111
Глава 7. Библиотека	131
Глава 8. Выход в свет	148
Глава 9. Тень мира	169
Глава 10. Новые знакомые	194
Глава 11. Вопросы	216
Глава 12. Тяжёлый день	231
Глава 13. Горькая нотка	249
Глава 14. Призраки прошлого	264
Глава 15. Искорки	287
Глава 16. Кондитер	310
Глава 17. Яблоки	331
Глава 18. Заключение	348
Глава 19. Нужно подумать	370
Глава 20. Раз и два	390
Глава 21. Дом Чёрной свиньи	407
Глава 22. Зеркальная магия	428
Глава 23. Ожидание	444

Глава 24. Совет	459
Глава 25. Есть только он	482
Глава 26. Неудачные тренировки	502
Глава 27. Время	514
Глава 28. Домой	530
Об авторе	558
Социальные сети:	558

Яна Ветрова

Птичья песня

Глава 1. Путешествие

– Катюха!

Я поморщилась. Алина прекрасно знала, как я не люблю это имя, поэтому использовала его только в крайнем случае. Значит, уже не в первый раз зовёт. Я согнала с лица беспричинно тоскливое выражение и поспешила к автобусу.

– Ты чего замечталась? Давай скорее, тут вообще-то нельзя парковаться, быстрее, быстрее!

Именно Алина, моя соседка и бывшая однокурсница, предложила поехать в автобусное путешествие. В любой момент я могу закрыть глаза и оказаться в том весеннем вечере, когда я сидела за компьютером и смотрела какой-то сериальчик с приключениями и погонями. За окном дождь стучал по карнизу, шуршали молодые листья... Я всегда представляла себя на месте одного из героев и в опасные моменты думала – ага, здесь я бы обязательно споткнулась, а тут чихнула, когда надо тихо прятаться от врагов. И вот как раз когда я воображала, как вместе с героем прыгаю с крыши на крышу и не допрыгиваю, вернулась с работы Алина. Так уютно

пузырилась кола в бутылке, так ароматно пахла пицца... И вдруг эти приторные духи, эти светлые кудряшки и звонкий голос, возвещающий о том, что есть горящая путёвка! Как мы и хотели! Автобусный тур! Посмотреть старую Европу!

Ох, Алина, я ведь кивала из вежливости и совершенно не хотела ни в какой тур, не хотела никаких Европ, ни старых, ни новых. У меня прекрасный вид на весь мир через монитор ноутбука. И всё же моя подруга умела увлечь. Загипнотизированная её рассказом обо всех прелестях предстоящей поездки, я вдруг обнаружила себя открывающей ящички стола в поисках документов. Голос в голове простонал: «Что же ты делаешь!», но было поздно: я уже протянула подруге паспорт.

Голос быстро сдался под напором Алины, которая по вечерам вытаскивала меня на кухню, заваривала ягодный чай и списывала бумажки планами, на какую экскурсию идти, какую пропустить, какие города она знает и сама покажет интересные места. Я смирилась с тем, что придётся на пару недель покинуть своё уютное гнёздышко. Как же хорошо, когда за тебя всё решают! Алина, как девушка ответственная, и рюкзак помогла упаковать. Сборы всегда вызывали у меня ступор. Как понять, что из всех моих вещей действительно понадобится? Даже от родителей я переезжала в несколько этапов. У Алины же всё было просто: составить план, проверить план, осуществить план – начиная от покупок, заканчивая сборами в поездку.

Она очень переживала, отпустят ли меня в отпуск прямо через неделю? Да, я тоже переживала. Моя воображаемая начальница была классической начальницей, не терпевшей опозданий и штрафовавшей нерадивых сотрудников. Но на то она и воображаемая, чтобы делать то, что нужно мне.

Алина считала, что я работаю в магазине бижутерии. Частично это было правдой – когда-то я проработала в таком месте почти целое лето. Удобная версия: Алина предпочитала золото, и ей бы в голову не пришло попросить какие-нибудь украшения со скидкой.

По утрам мы вместе собирались на работу. Алина уезжала в своё турагентство, а я провожала её до остановки, делала большой круг и возвращалась домой. Иногда я покупала булку и направлялась к пруду покормить птиц. Утки спешили ко мне, как к родной, чуяли мою птичью душонку.

Алина думала, что мы живём в квартире моих родственников, и радовалась низкой арендной плате. На самом деле эта квартира досталась мне в наследство от бабушки. Алину немного расстраивало, что нельзя устраивать вечеринки, потому что соседи знакомы с моими несуществующими родственниками и, естественно, расскажут им о шумных квартирисьёмщиках. Просто я люблю тишину.

Вот так, с рюкзаком, о содержимом которого у меня были довольно смутные представления, ранним утром весеннего дня я оказалась на небольшой площади недалеко от вокзала, где ждал туристический автобус. В группу набралось все-

го человек двадцать, но запомнились лишь несколько. Двое мальчишек-подростков – о нет! – периодически начинали громко хохотать; толстая женщина шикала на них. Муж и жена с маленькой дочкой, спящей на руках у отца; одна пожилая пара, одна беременная женщина – её-то куда понесло! Старичок интеллигентного вида в вельветовом пиджаке; высокий нервный молодой человек с прилизанными волосами и ещё какие-то непримечательные люди.

Алина вихрем носилась среди них, помогая своей коллеге подгонять сонных туристов. Знаменем развевался её розовый шарф. Даже в отпуске она не могла просто наблюдать за происходящим, её энергии всегда нужен был выход. Я занервничала, глядя, как все эти люди запихивают в багажник автобуса огромные сумки на колёсиках, по сравнению с которыми мой рюкзачок казался чуть ли не игрушечным. Но Алина, заметив моё беспокойство, разрешила взять рюкзак в салон, так что я расслабилась и отвлеклась. Выпадать из реальности – это я умею почти профессионально. И как тут не выпасть! Птички, мои друзья, чирикают; дрожат на ветру листочки, ярко-зелёные после дождливой недели; солнце выглядывает из-за облаков и рисует кружевные тени на асфальте. Тонкая вишня вся усыпана цветами.

Порыв тёплого ветра растрепал мои волосы, но вместо радости вдруг накатила тяжёлая, давящая тоска. Мне захотелось лечь прямо на землю, покрытую молодой травой и одуванчиками, и остаться тут, в этом раннем утреннем городе,

совсем не похожем на свою дневную версию. Машин ещё мало, редкие прохожие спешат на работу, в тёплом персиковом свете даже стеклянные многоэтажки выглядят дружелюбно...

Тут-то меня и окликнула Алина. Я оказалась в хвосте очереди на посадку. И как двадцать человек смогли создать такую толкотню? Кто-то не стал отдавать чемодан в багаж и оптимистично проталкивал его в узкую автобусную дверь. Образовался затор. Алина как будто присутствовала сразу везде, пытаясь помочь всем одновременно, периодически призывая меня на подмогу. Взгляды устремлялись в мою сторону, и я сутулилась, проклиная свой высокий рост. И чем я могла помочь, даже если бы хотела?..

Мне повезло расположиться за второй дверью в центре автобуса, где всегда много места и мало соседей. Так как автобус был рассчитан на большее количество туристов, у меня даже за спиной никто не сел. Алина убежала вперёд, к экскурсоводше, женщине с таким важным видом, словно она везла делегацию министров, а не разношёрстную толпу, мало заинтересованную в том, что она рассказывает. Хотя что это я, вон же, слушают люди... Это меня клонит в сон. Обняв рюкзак, который связывал меня с домом, и полуприкрыв глаза, я смотрела, как проносятся мимо знакомые улицы, машины начинают собираться в заторы, а я как будто прощаюсь со своим городом навсегда. Я трянула головой – ну что за дурацкие мысли? Раз в сто лет выехала из дома и тут же

раскисла! «Птица-унылица», – сказала бы мама.

Птичка, так меня бабушка называла, а ещё иногда Воробушкой. За мой растрёпанный вид, вечно взъерошенные, не достающие до плеч светлые волосы. Маме я больше напоминала цаплю – такая же длинная и неуклюжая. Частенько она сравнивала меня и со страусом. Да, прятать голову в песок – это я умею. Я не лезу ни в какие истории, но иногда они сами влезают в жизнь.

Первые сутки в автобусе слились в какую-то мешанину. Шумные подростки, бегающая по салону девочка, вопли её мамыши. «Даша, держись за поручни! Даша, ты пить хочешь? Не хочешь? Точно? А есть? Смотри... Может, всё-таки поешь? Ну хоть печенье! Запить? А говорила, пить не хочешь!» Потом нам раздали сухой паёк и обещали настоящий ужин где-то в придорожном кафе, но ужин не случился, и пришлось довольствоваться сладким батончиком... Я жалела, что не взяла ноутбук с моими сериальчиками. Но что ноутбук без пиццы и уютного дивана? Было то душно, то холодно. Периодически удавалось задремать. Мне снилось, что всё покрывается зелёным мхом, а над ухом шелестят крылья невидимых бабочек. Я просыпалась с ощущением, что это меня накрыл мох, крепче обнимала рюкзак, который ещё не пропитался запахом автобуса, и жевала шоколадку. Потом наступила ночь, сменился водитель и вёз неровно. Где-то среди этих обрывков сна и не-сна затесалась таможня. И снова ночь. По другую сторону прохода тихонько, словно

стесняясь, храпел интеллигентного вида старичок, а впереди бубнили две тётушки, подружившиеся на почве автобусной бессонницы. Эта бессонница добралась и до меня, и я тревожно вглядывалась в черноту ночи, где кроме фонарей ничего нельзя было разобрать.

Только начинало светать, когда мы остановились на отдых около которой уже по счёту заправки. Я решила не толкаться и выйти попозже. Напротив окна оказалось высохшее дерево, и отражение моего лица прочертили чёрные ветви, словно татуировка воина, готового к битве. «Какой ещё воин, Екатерина?» – раздался в голове недовольный голос моей тётушки, которая когда-то придумала себе аристократических предков и всю жизнь прожила в соответствии с этой легендой. Она пыталась привить свой вымышленный аристократизм и мне, но всё, что я смогла перенять – это романтический вид. Да и тот проявлялся лишь благодаря отсутствующему взгляду в те моменты, когда я в очередной раз проваливалась внутрь своей головы.

На улице было свежо. До чего же приятно ощутить под ногами твёрдую землю! Я вдыхала холодный ночной воздух и смотрела по сторонам. Часть туристов толпилась у кассы круглосуточного магазина, кто-то сразу вернулся в автобус. Водители курили, а рядом с ними один из подростков пинал камушки. Я решила, что ему тоже хочется курить, но он боится, что мать увидит. Нервный молодой человек с немытыми волосами навис над сонной экскурсоводшей и донимал

её вопросами, водя пальцем по карте. Женщина вяло отмахивалась.

– Лилия Сергеевна! – доносился до меня раздражённый шёпот. – Потеряем пару часов, позже в отель приедем, не страшно! Зато увидим дом того самого алхимика, который... Нет! Сам я поехать не мог, вы представляете, как это дорого? Ну что вам стоит!

Стало скучно. Я отошла подальше, чтобы послушать лес. Вдалеке пел соловей, тоже серая птичка, как и я, но я безголосая серая птичка. Кажется, где-то рядом болото или речка – лягушки квакают нестройным хором. Кустарник с плотными листьями и крупными, готовыми распуститься бутонами. У нас такой не растёт. Мелкие синие цветочки и белые маргаритки, которым ещё рано появляться. Я присела на корточки и провела рукой по траве. Нет, ерунда, трава такая же, как дома. Когда же мы приедем хоть куда-нибудь! Как же хочется растянуться на нормальной кровати!

Мягкие шаги позади заставили меня вздрогнуть и обернуться.

– Ах, девочка, не пугайтесь! – улыбаясь, проговорил интеллигентный старичок.

– Я и не пугаюсь, – пробурчала я, с сожалением поднимаясь от травы.

– Простите уж назойливого пенсионера...

Ну вот, начинается! Один в один моя тётушка.

– ...но я смотрю, вы интересуетесь природой, не так ли?

Не так, не так!

– Ну... я... – что ещё воспитанная псевдоаристократической тётушкой барышня должна была ответить?

– ...и людьми, как я посмотрю, тоже. А я в вас сразу приметил родственную душу!

Этого ещё не хватало.

– Вы не замечали, как люди иногда похожи на растения?

На пиявок. Люди похожи на прилипчивых пиявок!

Дедушка выудил из кармана вельветового пиджака блокнот в потёртой кожаной обложке.

– Взгляните, – он наслюнявил палец и принялся быстро перелистывать страницы. – Вот! Наш беспокойный молодой сосед напоминает сейчас плющ, обвивающий степенное дерево.

Для начала я взглянула за спину старичку. Так и есть – нервный всё не отставал от экскурсоводши. Какой там плющ, самая настоящая пиявка! Потом я наклонилась над блокнотом и замерла. Вот это да! Тёмные листья как руки обнимают ствол, а тот будто пытается выпутаться. Всего лишь быстрый набросок карандашом, но как живой!

– Только что изобразил, с позволения сказать, – скромно покашливая, сообщил старичок.

Я взяла блокнот и пролистала назад, озвучивая свои догадки. Вот два чертополоха сплелись шеями – мальчишки-подростки, точно! Распускающийся тюльпан – это Алина. Маленький задорный одуванчик, растущий меж двух мухо-

мором, заставил меня улыбнуться.

– А где же я?

– Вас, моя дорогая, я никак не могу определить. Но ничего, время есть, уж я угадаю, кто вы!

Тихонько посмеиваясь, интеллигентный старичок спрятал блокнот в карман и направился к автобусу. Я постояла ещё немного, удивляясь, как быстро небо у края горизонта успело поменять цвет на ярко-голубой. На душе стало легко, и в автобусе я наконец-то заснула глубоким спокойным сном.

Я сбилась и не представляла, какой по счёту город мы только что покинули. Незаметно автобус заехал из прохладной весны в тёплое начало лета. Шёл пятый день путешествия, и мы колесили по странам, как будто были не туристами, а прошлогодними листьями, которые без всякого маршрута гнал ветер. Алина утверждала, что мы едем чётко по плану, показывала линии на карте. Хорошо-хорошо, я не спорю, тебе виднее!

Экскурсоводша успокоила утомлённую группу тем, что в следующем городе мы задержимся на целых двое суток. До этого мы проводили ночь или в автобусе, или в однотипных дешёвых отелях – кровать, шкаф, душ на несколько комнат. Маленькие городки с брусчаткой и обязательным шпилем собора сливались в один бесконечный город. Я уже научилась угадывать, куда выведет очередная кривая улочка: на

местный рынок, к соборной площади или к скверу с фонтаном. Туристические лавки с одними и теми же сувенирами будто следовали за нами на своих собственных автобусах, обгоняли где-то по пути и выстраивались одинаковыми рядами в новом городке, делая вид, что они стояли здесь всегда. Первоначальный план Алины отделиться от экскурсии был ей самой и отвергнут. Она пребывала в восхищении от Лилии Сергеевны, не отходила от неё и ловила каждое слово. Та благодушно улыбалась и терпеливо отвечала даже на самые дурацкие, на мой взгляд, вопросы.

Даша-одуванчик бегала и скакала вокруг, заставляя свою мамашу беспокойно окликать её. Бессонные тётушки обычно садились поодаль на лавочку и болтали о своём. К ним присоединялась беременная женщина. Где-то рядом маячил интеллигентный старичок, не отрывающий карандаш от блокнота. Случалось, что он поднимал голову и отвечал на мой взгляд улыбкой и кивком. Нервный вечно где-то пропадал, едва успевая вернуться к отъезду. Похоже, у него был свой собственный план поездки. Иногда он, довольный, в последний момент прибежал к автобусу с каким-нибудь свёртком, требовал открыть багажное отделение и долго копался в своём чемодане. Экскурсоводша едва заметно покачивала головой, но не спорила.

Я покупала мороженое и отходила от группы, чтобы отдохнуть от нудного потока исторических фактов, которые туристы мгновенно забывают, стоит экскурсоводу перейти к

следующему памятнику. Кто бы мне рассказал, почему у этого ресторанчика на вывеске, заржавевшей от времени, изображён попугай? Можно зайти, спросить... Но нет, не пойду. Пускай это останется загадкой. Я доставала старый фотоаппарат и, воровато озираясь, снимала то, что мне казалось интересным. Туристам на растерзание отданы обычные достопримечательности, к которым их заботливо ведут экскурсоводы и наизусть зачитывают текст из справочника. А эти вывески, или покосившиеся номерки на домах, или старинная ваза, выставленная на балконе, связанные крючком шторы... Это то, что принадлежит только городу. Смотри, но не трогай, как будто говорит он, а я без разрешения забираю часть его в своём фотоаппарате. Не волнуйся, очередной город, чьё имя я уже забыла, я никому не покажу, это только для меня. Никто не узнает, что я украла у тебя этот кусочек.

Наша группа грузилась в автобус, и я поняла, что потеряла из вида дедушку. На сидении я обнаружила записку и сразу узнала листок из блокнота.

«Моя милая девочка, наше короткое молчаливое знакомство подошло к концу: к сожалению, дела зовут, и мне приходится оставить Вас в дороге.

Счастливого пути!

P.S. Кажется, я нашёл ответ. Пускай он принесёт Вам удачу.»

Я перевернула листок. Тонкий, аккуратно выведенный колосок пшеницы, полусогнутый, а на нём – растрёпанный воробушек. Я аккуратно сложила лист и убрала в задний карман джинсов.

Наконец мы прибыли в то место, где нам предстояло провести две ночи. Маленький городок, по дороге рассказывала экскурсоводша, знаменит колдунами и ведьмами, целителями и алхимиками, проводившими эксперименты за гранью понимания обычного человека! «Да-да, конечно, мы все вам верим! Всё чрезвычайно загадочно и совершенно необъяснимо!» – скептически думала я, пока не окинула взглядом автобус. Нервный молодой человек так вцепился в сиденье перед собой, что побелели костяшки пальцев. Ну ладно, у каждого свои интересы. Даша тоже была в восхищении, да и подростки оживились.

– Наша гостиница, – говорила Лилия Сергеевна, – отнюдь не простое пристанище для туристов. Владелица уже многие годы собирает старинные предметы, окутанные тайнами, связанные с колдовством и магией. Это не только украшения, драгоценности, оружие, всевозможные кубки и бокалы, в которые когда-то незаметно подсыпали яд! Это и старинные книги, картины, предметы мебели, алхимические принадлежности...

Я забеспокоилась и перестала слушать. Ох, нет! Одна из причин, почему я не люблю музеи – запах старой мебели и тканей, такой затхлый, душный, сладковатый, от которого

хочется бежать на воздух! Как же там ночевать! Мне снова нестерпимо захотелось домой, и я вцепилась в рюкзак с не меньшей силой, чем нервный в сиденье, но ткань уже пропиталась запахом бензина и пыли.

Музей-гостиница оказался не так плох, как я себе вообразила. Внушительный трёхэтажный дом, стиснутый по бокам такими же старыми зданиями, снаружи ничем от них не отличался. Зайдя внутрь через непримечательную деревянную дверь, мы попали в царство бордового бархата и тёмного дерева, хрустальных люстр и свечей в тяжёлых подсвечниках. Широкая лестница вела на второй этаж, оттуда коридоры уводили в два крыла – восточное с комнатами для гостей и западное, занятое музеем. Номера гостиницы оказались стандартными. Ничего особенного, чего можно было ожидать от такого места: обыкновенные кровати с белым постельным бельём, светлые стены, унылый пейзаж над телевизором, тесная ванная комната.

Хозяйка гостиницы, широкая и невысокая дама лет за пятьдесят с раскосыми глазами, назвалась госпожой Сай. Она довольно сносно говорила по-английски, поэтому я не слушала, что там переводит экскурсоводша. Госпожа Сай пояснила, что её род берёт начало от необыкновенно богатого китайского мандарина, чей младший сын путешествовал по миру в поисках сокровищ, и она продолжает традиции семьи. Я тут же вспомнила свою тётушку с её псевдоаристо-

кратическими корнями.

На ужин нас пригласили в обеденный зал, большую часть которого занимал длинный дубовый стол. Еда под стать номерам оказалась незатейливая, но разговоры отвлекали. Госпожа Сай рассказывала про свой музей, который обязательно покажет нам после ужина. Алина слушала с раскрытым ртом, как и остальные. Меня же что-то беспокоило. Хитрый взгляд нашей хозяйки бегал с одного человека на другого, по привычке выискивая что-то ценное. Она часто поглядывала на нервного, хотя это как раз было неудивительно – он весь извертелся. Когда её взгляд пересёкся с моим, я почувствовала, как холодеют пальцы и мурашки бегут вдоль позвоночника. За секунду меня перебрали по косточкам, осмотрели со всех сторон и вынесли решение. Я по привычке сделала, как тётка учила – аристократка кроме прочего увлекалась мистикой и эзотерикой. Я поставила между собой и хозяйкой гостиницы воображаемое зеркало, как будто она смотрит на своё отражение, а не на меня. Хозяйка перевела взгляд на экскурсоводшу. Я вздохнула. Всегда приятно думать, что такие маленькие фокусы работают, даже если это и не так. Мне вдруг подумалось, что госпожа Сай сама похожа на сундук с сокровищами. В складках её юбки могли храниться как драгоценности с потопленных кораблей, так и черепа неудачливых моряков, а то и запачканный кровью кинжал.

Я проснулась в холодном поту, стряхивая с себя невиди-

мый мох, который, казалось, обволакивал меня от ног до головы и хотел проникнуть внутрь. Колючим комком распирало грудь неприятное чувство, как будто что-то идёт не так. Алина ровно дышала, отвернувшись к стенке. Я села на кровати, на ощупь нашла джинсы, кое-как зашнуровала кеды. Надо найти кухню и приготовить чай, это всегда помогает дома, должно помочь и здесь.

Я шла по тёмному коридору, стараясь не шуметь и никого не разбудить. Свечи на ночь гасили, но по углам стояли тусклые светильники. К моему разочарованию, в гостиной свет вообще не горел, а выключатель на стене я не нащупала. Очень не хотелось возвращаться в комнату за телефоном, поэтому я пошарила по ящикам комода. Нашлись свечи, а значит, где-то должны быть и спички. Ага! Какая я молодец! Я выбрала свечку подлиннее и подсвечник полегче, похожий на чашку, с круглой ручкой под палец. Не хватало только длинной белой ночной рубашки в кружевах и гремящей цепи на ноге.

Я быстро нашла дверь в кухню для постояльцев. Со всеми этими поисками я забыла про свой кошмар, и мне расхотелось пить чай. Сделав пару глотков воды, я решила заглянуть в музей. По правде говоря, меня не так уж интересовали экспонаты. Нас провели по музею после ужина, тщательно расписывая историю каждого предмета. Уже через полчаса я была готова проклясть все эти банки и склянки, кошачьи косточки и лягушачьи шкурки, бусы и амулеты, диваны и шир-

мы, бесконечные двери, за которыми обнаруживались новые и новые завалы вещей. Помещения не отличались объёмами, туристы толкались, чтобы подойти поближе, кто-то украдкой трогал экспонаты. Даша спала на руках у отца, бессонные тётушки оставались в коридоре у открытого окна. Я бы присоединилась к ним, но Алина за руку тащила меня дальше.

В одной из комнат обнаружилась вторая дверь, ведущая в помещение попросторнее. Я успела разглядеть полки, уставленные книгами, мутное зеркало в углу и стоящее к нему лицом кресло с высокой спинкой. Из-за тёмных пятен на зеркале казалось, что в едва видимом отражённом кресле кто-то сидит. Мне нестерпимо захотелось выбрать с полки какую-нибудь книжку, обязательно с картинками, устроиться в этом кресле... И хорошо бы ещё бутылочку колы кто-нибудь принёс!.. Мои мечтания нарушила госпожа Сай, которая шумно отогнала от двери ринувшегося туда нервного молодого человека:

– Нет, нет! Извините, закрыто!

– Но почему?! – чуть ли не визжал молодой человек.

– Запасник, ничего интересного! – говорила хозяйка, оттесняя нервного и захлопывая дверь.

Тот продолжал возмущаться, и пришлось вмешаться Лилии Сергеевне, которая уверила, что обязательно как-нибудь договорится, чтобы молодого человека пустили в виде исключения. Меня это невероятно разозлило, и я весь вечер надоедала Алине своим ворчанием. Что это значит – его пу-

стят, а других нет? Другим, может быть, тоже интересно! Это что же, если устроить истерику, то всё можно? Алина пообещала поговорить с Лилией Сергеевной, чтобы и меня пустили в виде исключения, и тогда я разобиделась. Она меня ставит в один ряд с этим сумасшедшим, что ли? И вот поэтому, когда я с приключениями добралась до кухни, отчасти от обиды, отчасти от любопытства, я решила попытать удачу.

И что на меня нашло? Я никогда не искала приключений, и мне ни разу в жизни не хотелось пощекотать себе нервы, прогуливаясь в темноте по комнатам, заставленным старой потемневшей мебелью «с историей», как выразилась Лилия Сергеевна. Но в меня словно вселился герой моих любимых книг. Вот он, осторожно оглядываясь – не притаился ли враг в глубокой тени, – выходит из гостиной. По пути он чуть не сносит напольную вазу, но об этом повествование умолчит. Потом он грациозно и бесшумно взлетает по лестнице вверх, к коридорам, споткнувшись и ушибив ногу, но читателю романа незачем об этом знать. Хоть ступени не скрипят, и то хорошо.

Пламя свечи дёргалось, а я вдруг сообразила, что наверняка оставляю за собой капли воска. Эта мелочь вернула меня в реальность, и сразу стало не по себе. Но не разворачиваться же на полпути! Я потянула на себя дверь, и из щели пахнуло затхлым запахом старины. Странно, он не казался таким отчётливым вечером. Наверное, на ночь закрыли окна. Свечка затрещала и погасла. Тьфу ты! Хорошо, что зная о

том, какие неожиданности обычно подстерегают героев приключенческого романа, я захватила с собой коробок спичек.

Потом птица-неудачница довольно долго совалась в разные двери, и ни одна из них не была той самой. Я точно помнила, что в основной комнате стоял безголовый манекен в юбке из павлиньих перьев, но как же его теперь найти? Наконец, на глаза попала полоска подрагивающего света. Это должна быть та самая дверь! И почему я не подумала, что хозяйка вполне может сама сидеть в уютном кресле, конечно, не со стаканом колы, а, скажем, с бокалом вина, и изучать древнюю магическую книгу, готовая наложить заклятье на незваную гостью? Неожиданно раздались мужские голоса. Один был едва слышен, а другой то взвизгивал, то причитал, то умолял. Не наш ли это нервный друг? Но с кем он там разговаривает? Я погасила свечу, поставила подсвечник на пол и подкралась ближе.

...и вновь я спрашиваю себя, что на меня нашло? Может быть, сказался недостаток сериалов? Шла бы в свой номер, курица ты безмозглая, ложилась бы в кровать и смотрела дальше свои замшелые кошмары!

Ближняя комната с манекеном была едва освещена. Через распахнутую дверь из дальнего помещения проникал свет расставленных на полу свечей. Меня неприятно удивило сходство моих и нервного молодого человека действий: прокрасться в библиотеку, не использовать электрический свет... Он снова что-то воскликнул, а ему резко ответил вто-

рой голос. Нервный затараторил, убеждая и умоляя. Да говори же ты чётче, ничего не понятно! Я ступала очень мягко – повезло, что тут ковёр! Даже умудрилась ничего не уронить по пути.

Стараясь оставаться в тени, я заглянула в комнату. Во-первых, кресло отодвинули в угол. Во-вторых, нервный буквально ползал на коленях под зеркалом, хотя скорее это было «во-первых». Но этот факт настолько не укладывался в голове, что мозг для начала отметил перемены в обстановке. В-третьих, повсюду валялись книги, листы бумаги и склянки. Ну и в-последних, зеркало... Пятна пропали, но появилось что-то другое. Нет, это не нервный отражался, как я сначала попыталась себя убедить. У самого края зеркала, не выходя за раму, сидел, скрестив ноги, человек. Он бесстрастно смотрел на моего попутчика, который бился лбом об пол. Прежде чем я успела открыть рот, чтобы закричать, завизжать или что полагается делать в таких случаях, нервный, не замечая меня, возобновил мольбы. Тут бы мне и бежать! Но я словно окаменела.

– О, великий демон зеркала! Одумайся! Снизойди! Я, только я один, предлагаю тебе невиданный дар, жизнь моего нерождённого сына, – он махнул рукой в сторону кресла.

Тогда только я смогла отвести взгляд от зеркала. В кресле, умиротворённо улыбаясь, сидела беременная женщина и поглаживала живот.

– Я повторяю, мне не нужен твой нерождённый сын, – раз-

дельно произнёс демон, который успел устать от пиявочной сущности молодого человека. – А эта женщина...

– Я ей достаточно заплатил, чтобы она молчала! – закричал нервный. Он схватил с пола книгу и потряс ей перед зеркалом. – Но неужели тебе и этого мало?! Я знаю все твои уловки, ты меня не проведёшь! Я настойчив, да, я долго к тебе шёл. Я готов на всё!

Я не могла как следует рассмотреть демона. В дёргающемся свете пламени свечей на жёлтом пятне его лица скакали чёрные тени. Демон помолчал, а потом задумчиво произнёс:

– И ты даже готов занять моё место в зеркале?

– Что? Ты смеёшься надо мной! – взвизгнул нервный, а потом забормотал: – Здесь что-то не так, демон не покидает своё обиталище...

Он стал шарить по полу, нашёл какие-то листы, отбросил, полистал книгу, отбросил и её, схватился за голову. Он дёргал себя за тонкие невымытые волосы, беременная вообще задремала. Я боялась пошевелиться – вдруг демон заметит движение? Только сейчас до меня начало доходить: это не один из моих сериалов. Тут и правда происходит что-то такое, от чего глупым птичкам стоит держаться подальше.

– «Зеркало есть источник силы демона, и существо сие не покидает обиталища без крайней на то необходимости», – шурясь, прочитал нервный строку из книги. – Так в чём подвох?

– Ты останешься в нём на двадцать семь лет.

– Двадцать семь лет охранять зеркало демона, обладая всем тем же, чем обладаешь ты?

Неужели он настолько поглощён своей идеей, что не понимает, что ему сейчас подsunут совсем не то, на что он рассчитывает? Это же и дураку ясно! Я подавила героический порыв выскочить на середину комнаты с призывом не верить всяким потусторонним тварям. Ты, Екатерина, не в телевизоре, а этот колдун-недоучка не стоит того, чтобы рисковать. Вообще никто не стоит! Так что стой тихонько и жди момента, когда можно будет смыться, добежать до своего номера, лечь в кровать и сделать вид, что это тебе приснилось.

– Лишь песчинка в твоих часах, а для меня... Не так много, но всё же... За двадцать семь лет я много чему научусь. А что же ты?

– А я пока погуляю, – мягко проговорил демон.

Да врёт он, врёт! Всё просто, как эта самая твоя песчинка из часов! Неужели поверит?

– Устал сидеть в зеркале, – добавил демон с едва заметно изменившейся интонацией.

А вот это правда, сразу слышно! Однако нервный молодой человек не был так внимателен, как заядлая любительница сериалов. Сейчас бы кусочек пиццы и шипящую колу в стакане... Пришлось себя одёрнуть, ведь это явно не развлекательное шоу. Но и уйти я не могла, я даже боялась пошевелиться, не то что попытаться покинуть комнату. Точно споткнусь и что-нибудь уроню!

Молодой человек вскочил и заметался по комнате. Я ждалась. Только бы он не посмотрел в мою сторону!

– Надо рискнуть! Слишком долгий путь я проделал... А с этой что делать? – внезапно воскликнул он.

Я вздрогнула, но он смотрел не на меня, а в кресло, на дремлющую женщину.

– Ах, к чёрту, я же заплатил – пускай сама разбирается. Ну, демон, я согласен.

Демон поднялся на ноги, потянулся вглубь зеркала, достал длинный плащ и накинул его на плечи.

– Приложи обе руки к поверхности и скажи, что ты согласен заменить меня в зеркале на двадцать семь лет.

– И всё?

И всё, дурачок! Да что же ты делаешь!

Но молодой человек и правда сделал так, как сказал демон. Я и глазом моргнуть не успела, хотя возможно я и вовсе не моргала, как нервный провалился внутрь зеркала. Демон же просто шагнул наружу. Незадачливый колдун метнулся было за ним, но ударился о невидимую стену.

– Эй, это ещё что? Почему я не могу выйти?! У меня же должен быть свободный круг рядом с зеркалом! Стой, ты обманул меня! – он в отчаянии заколотил руками по поверхности. Беременная так и спала, и я позавидовала её нервной системе.

– Ты хотел обладать тем же, чем я – вот и обладай. Всё, что отражается в зеркале – твоё. Через двадцать семь лет

выйдешь.

Демон развернулся, взмахнул рукой перед собой и напоследок обвёл комнату взглядом. У него было совершенно не демоническое, а уставшее человеческое лицо. Он сделал шаг вперёд и пропал. Нервный между тем времени не терял. Он поднимал с пола бумажки и что-то искал в текстах. В другое время мне показалось бы удивительным, что в отражении бумажки переместились, а в комнате остались лежать на полу. Затем колдунишка вытащил из кармана крупную жемчужину и направил её в сторону беременной.

– Думаешь, запер меня? Я ко всему готов! Может, не сразу, но выберусь и найду тебя, обманщик!

Он прикрыл глаза и что-то зашептал, женщина вскрикнула, вскочила на ноги, но тут же рухнула обратно в кресло.

Нервный был опаснее, чем казался на первый взгляд. Может быть, для демона из зеркала он и не представлял угрозы, а для слишком любопытной девицы очень даже представлял! Свободной рукой молодой человек водил в воздухе.

– Кто ещё здесь? – прошипел он сквозь зубы, не открывая глаза.

Я, в панике и совершенно не задумываясь, по глупой привычке вообразила напротив себя зеркало, метнулась к выходу и предсказуемо на что-то налетела. Я едва не приняла препятствие за манекен, но нет, это явно был кто-то живой, да и притом гораздо ниже ростом.

– Пойдём! – прошептала госпожа Сай и потащила меня к

выходу.

Мы оказались в коридоре, она захлопнула дверь и брызнула на неё жидкостью из бутылочки, которую извлекла из складок платья.

– Это его немного задержит, но ненадолго! Девочка, нам надо спешить!

– Что? – только и смогла выговорить я.

Кто это «девочка», куда это спешить? У меня в голове всё перемешалось.

– Что происходит?

– Быстро объясню, а ты пока это надень, – сказала хозяйка и сунула мне в руку свёрток. – Была у меня прекрасная редкость, зеркало с заточённым в нём колдуном...

– Демоном?

– Колдуном! Этот твой недоучка...

Мой?!

– ...решил, что там демон. Теперь он сам заперт, но жемчужина позволит ему собрать достаточно энергии, чтобы выбраться.

– Так надо вывести оттуда эту женщину и накрыть зеркало тряпкой, – сказала я первое, что пришло в голову.

Госпожа Сай всплеснула руками.

– Да если бы всё было так просто! Он доберётся до остальных, потихоньку весь город охватит. Ты не представляешь, что это за жемчужина!

– Я иду будить группу, – заявила я. – Мы садимся в авто-

бус и уезжаем.

Женщина вырвала у меня из рук свёрток, сама открыла его и надела мне на шею тяжёлый серебряный амулет. Для этого ей пришлось встать на цыпочки.

– Сейчас зайдём, я отвлеку мальчишку, а ты увидишь след и пойдёшь по нему. Найдёшь колдуна, скажешь, что госпожа Сай послала тебя...

– Я ухожу, – как-то совсем не убедительно перебила я женщину.

Она не слушала.

– ...в оплату предложишь этот амулет и вернёшься обратно с колдуном, он всё исправит.

Вот так, это только в воображении я смелая. Рядом с решительными людьми я теряю силу воли. Папа всегда говорил, что если бы мне пришлось пойти работать, то я стала бы идеальным сотрудником, падающим в обморок при приближении начальника.

– Быстрее, быстрее!

– Я не пойду.

– Больше никому, ты колдуна видела, знаешь. Я пока задержу мальчишку. Умрут же все, пойми! И подружка твоя!

У меня в голове образовалась пустота. Как же это?.. Как кто-то может умереть? Я же всего лишь пошла на кухню, потому что мне хотелось пить!

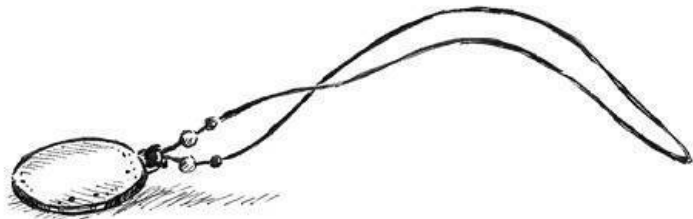
– Ну же, не бойся, – хитрые раскосые глаза бегали по моему лицу, и что-то было не так, но я совершенно перестала

соображать. Всё было не так!

– Это для тебя безопасно, – уговаривала госпожа Сай, – амулет защитит, отведёт взгляды. И это совсем быстро, просто попроси колдуна! Ну?

Там, где колдун махнул рукой, воздух искрился серебряными точками. Я повторила его жест, и воздух передо мной стал мутным. Сай, что-то крича нервному, толкнула меня внутрь.

Глава 2. Серебристые следы

Я бегу по следам, стараясь не поднимать голову. Пыльная дорога посреди зелёной травы. Искры в воздухе. Я провожу рукой и проваливаюсь в снег. Хорошо, что всего несколько шагов! Ещё переход, от которого кружится голова, и я на песчаном берегу моря. Время заката, но ни души вокруг. Пахнет рыбой и водорослями. Бегу дальше. Холодно, а я в одной майке и джинсах, ноги замёрзли в тряпичных кедах. Я просто делаю, что мне сказали. Я сжимаю в руке амулет, чтобы он не давил на шею.

Наконец-то, оказавшись на окраине деревни, я успела заметить, как колдун, человек в тёмном плаще, открывает очередной проход. Я поспешила за ним. Ещё пара переходов, я

догону его, и мы вместе вернёмся домой! Но всё оказалось не так просто.

В этом месте душный воздух был пропитан осенью, тяжёлые тучи нависли над полем пшеницы или чего-то похожего на неё. Женщины косили золотые колосья. На краю поля лежали аккуратно сложенные коричневые плащи. Колдун остановился, и тут бы мне подойти, но из воздуха, разбрызгав вокруг серебристые искры, появился второй мужчина. Не успела! Я поспешно нырнула в колосья, вспугнув стаю серых птичек. Конечно, Госпожа Сай сказала, что амулет отводит взгляды, но она ещё много чего наговорила, например, про быстрое и безопасное путешествие.

Мужчины обнялись. Второй колдун был плотным и широкоплечим, а его светлые коротко постриженные волосы у висков тронула седина. Я решила, что ему около сорока. Зеркальному же колдуну я бы не дала больше двадцати пяти лет. Выглядел он хоть и смертельно уставшим, но всё же молодым, даже несмотря на болезненную худобу и неухоженный вид. Из-за щетины его лицо казалось грязным, а длинные, до плеч, тёмные волосы висели тусклыми прядями. Плащ то ли выцвел, то ли потерял цвет из-за покрывавшей его пыли. Вторым мужчиной тоже носил плащ, бордовый, новый и явно тёплый. Меня вдруг забила дрожь, застучали зубы.

Что же делать? Подойти? Не подойти? Быстренько бежать обратно? Я ведь даже не знаю, как это сделать! Позади серебристых искорок-следов не осталось. Тихонько, ста-

раясь не шевелить колосья больше, чем нужно, я подобралась ближе.

– Джей! Я сразу почувствовал твой зов, но у меня блок по перемещениям, если помнишь.

– Помню, – тихо сказал колдун.

Из-за ветра, гулявшего среди золотых колосьев, я едва слышала его хриплый голос.

– Как же ты выбрался?

Колдун что-то прошелестел в ответ.

– Конечно! О чём я думаю!

Этот вроде бы не страшный. Если колдун из зеркала не согласится, может быть, его друг поможет?

– Срезать через бабочек? Уверен?

Эй, да стойте, куда же вы! Стоило отвлечься на секунду, как они ускакали в очередной проход. Я стукнула кулаком по земле. Мне уже порядком надоело мёрзнуть и бегать, бегать и мёрзнуть. Я привстала, оглянулась – не смотрит ли кто? – и накинула на себя один из коричневых плащей, оставленных девушками. Немного пыльный, весь в траве и золотистых колосках, но главное, греет!

Если бы я тогда знала, что это за лес, я бы ни за что туда не сунулась. Я не могла и представить, настолько это опасно. Но в тот раз мне повезло. Я махнула рукой по следу, привычно уже сделала шаг и оказалась в своём кошмаре. Мох, зелёный мох повсюду, светлая дорога, петляющая сквозь эту

зелень. Голые стволы ярко-красного цвета, уходящие так высоко, что их белые ветви сливаются с облаками. Сами стволы как будто жидкие, дрожащие. Воздух влажный и густой, пропитанный запахом мха. Колдуны не успели уйти далеко. Они медленно ступали по тропе, опустив головы и почему-то зажав уши руками. На всякий случай я сделала то же самое.

Не знаю, что случилось, может быть, ветка хрустнула под ногой, но ближайшее дерево вдруг ожило, заколыхалось сотнями крыльев, и в воздух взвились алые бабочки. Обнажившийся ствол дерева оказался белым, как и ветви наверху. Бабочки устремились ко мне, и я чуть не закричала, но не отняла руки от ушей. Алые бабочки порхали вокруг, но не садились. Звуки, издаваемые их крыльями, всё равно были слышны. Они сливались в шёпот, и мне почему-то стало очень важно услышать, что они говорят. Я споткнулась, и амулет больно ударил по груди. Только тогда я вспомнила, куда и зачем иду. Колдуны уже успели нырнуть в следующий проход. Я поспешила к серебристым искоркам. Как же открыть его? Я отняла руку и тут же зажала ухо плечом, но успела услышать настойчивый шелест крыльев. «Другая жизнь...» Мне нужно, необходимо знать, о чём же они говорят! Но я уже махнула рукой в воздухе и провалилась в скопление серебристых искр.

Стоило мне вслед за колдунами пройти через арку в городской стене, я ненадолго потеряла ориентацию. Я словно вернулась на пару дней назад, на экскурсию по одному из

маленьких городков. За красными крышами и зеленью деревьев торчал шпиль собора. Вдоль улиц тянулись невысокие каменные дома, булыжная мостовая спускалась к каменным берегам речки. Её русло, выложенное тем же булыжником, что и дорога, бежало широкими ступенями вниз от холма. Здесь было многолюдно, и я испугалась, что потеряю колдунов. Я запахнула плащ, накинула капюшон и сжала в руке амулет. Я могла только надеяться, что он действительно не даст им увидеть меня, пока я сама этого не захочу. А я вообще-то не хочу! Моё единственное желание – побыстрее оказаться дома.

Я рискнула приблизиться к мужчинам, чтобы послушать, о чём они говорят.

– Тебя же заперли на сорок лет, – негромко говорил второй. – Я думал, если и увижу тебя, то это получается... Тринадцать лет прошло, то есть через двадцать семь лет! Мы оба превратились бы в почтенных старцев с длинными седыми бородами!

Он засмеялся. Вот, значит, откуда эта цифра. Но тринадцать лет назад колдун должен был быть совсем мальчишкой! Что-то тут не сходится.

– Давай-ка заглянем вон в то местечко, там в это время пусто.

Он указал на дверь с круглой деревянной вывеской, на которой была вырезана гроздь винограда. Зеркальный колдун кивнул и вдруг обернулся. Его болотно-зелёные глаза смот-

рели прямо на меня, и я остолбенела от страха.

– Пойдёшь с нами?

– А это кто? – удивился второй, но тут же заметил колосок пшеницы, приставший к краю моего плаща. – Мы тебя случайно с золотого поля прихватили? Пойдём, погреешься, а потом вернём тебя обратно.

Я смогла только коротко кивнуть. Может быть, и зеркальный колдун меня не узнал? Что же теперь делать? Сказать правду?.. Извините, но вы ошиблись. На самом деле я преследую вас уже довольно давно. А на плащ не обращайтесь внимания, я его, так сказать, позаимствовала.

Мы зашли в трактир и заняли столик в углу. Я опустила голову так, что капюшон скрыл моё лицо, и могла видеть только свои запачканные кеды. Напиток, который принесла официантка, манил пряным ароматом, но я не решалась притронуться к кружке. Я сосредоточилась на разговоре, чтобы не упустить момент, когда можно встрять. Колдун из зеркала сделал глоток, и его голос как будто немного очистился от накопленной пыли.

– Там один мальчишка решил, что я – зеркальный демон.

– Да это же сказочки!

– Самоучка. Почти как мы с тобой, – колдун хмыкнул.

– И что ты сделал?

– Есть способ выбраться из зеркала до окончания срока – нужно найти того, кто добровольно тебя заменит. А он пришёл ко мне сам.

– Ты его так и оставил?

Я напряглась. Вот сейчас можно влезть в разговор!

– Да. Неприятный тип. Для мира с угасшей магией может представлять опасность. Хуже точно не будет. Сначала я думал прихватить его душу, как было принято в старые добрые времена, но решил, что мне ни к чему такой помощник. Да и тот мир слишком далеко от нашего.

У меня внутри всё сжалось. Похоже, от него не стоит ждать помощи. Лучше бежать отсюда подобру-поздорову, а то как бы он мою душонку не прихватил.

– Времена стали ещё менее добрыми, Джей... После твоего случая Совет взялся за этот вопрос. Сразу кто-нибудь донесёт, и Совет придёт проверить, насколько это было добровольно.

– Что же, и нашему учителю досталось? – слово «учитель» он как будто выплюнул.

– Сначала он сбежал, а когда вернулся, стал осторожнее. Десять лет он вообще не мог заниматься прежними делами, а позже ему запретили набирать больше двух мальчишек одновременно.

– Представляю себе, как он рвал и метал, – проговорил зеркальный колдун с оттенком злорадства.

Они замолчали, а я так и не решила, что делать.

– А ты что не пьёшь? – заботливо спросил меня второй колдун. – Может, есть хочешь?

Я вздрогнула и отрицательно помотала головой. Капюшон

немного сполз.

– Да не беспокойся ты, Робин. С детства спасаешь маленьких птичек.

– Как и ты, – ответил Робин.

Птичек?.. Я, не веря своим ушам, подняла голову. Колдун взглянул на меня, как госпожа Сай за ужином – неужели всего лишь вчера! – словно разбирая на составляющие. В тот миг, когда он перевёл взгляд обратно на своего друга, даже чуть раньше, как только дрогнули его ресницы перед тем, как моргнуть, в этот бесконечно длинный миг я вскочила и бросилась к выходу.

Я толкнула дверь и оказалась на улице. Неважно, куда бежать, только бы подальше от этого взгляда! Я перебежала речку через низкий каменный мостик, расталкивая людей, идущих по своим делам. Они не замечали меня – амулет работал. Ах, лучше бы он сработал раньше! Спасибо моим длинным ногам, я бежала быстро, как ветер. Я пронеслась мимо домов, пересекла реку, миновала арку в городской стене. За ней начинались домики попроще. Я поспешила дальше, постоянно оборачиваясь, но колдуны не преследовали меня. Может быть, они решили, что я им не нужна?

Я быстро запыхалась – не так часто мне приходилось переходить на бег. Если подумать, то последние годы моим единственным спортом были прогулки вокруг утинового прудика. Дома мельчали, а расстояние между ними росло. Я оказалась на окраине города, больше напоминавшей деревню. Встав на

обочину, чтобы не мешать повозкам, я сжала обеими руками амулет. Он меня сюда переместил, он должен как-то вернуть обратно! Я вспоминала лёгкое головокружение во время переходов и как металл ненадолго становился тёплым. Я трясла холодный амулет и шептала «Давай, давай же!» Прекрасное заклинание, Екатерина, но тут нужно что-то посерьёзнее.

Внезапно амулет и правда нагрелся. Но стоило мне обрадоваться, как из ниоткуда, подняв фонтан серебряных искр, выскочил старик. Узкие чёрные штаны и рубашка скрывались под полосатой чёрно-красной накидкой. Это выглядело бы смешно, если бы колдун не задыхался от ярости.

– Воровка! Как ты смеешь! Десять лет я его искал, а ты нагло используешь его прямо у меня под носом?!

Он попытался схватить меня, но я сумела увернуться и бросилась к пролеску за домами. Старик догнал меня, схватил за плащ, и я упала. Быстро перевернувшись на спину, я успела заметить, что со стороны города приближается колдун из зеркала с другом. Им-то что нужно?! Колдун в полоску потянулся к моей шее, я отпихнула его и попыталась встать, но он наступил на мой плащ, из которого я теперь не могла выпутаться. Он схватил меня за волосы, и я решила, что мне конец.

– Стой!

Старый колдун обернулся, не отпуская моих волос. От боли текли слёзы, перед глазами всё размылось. Зеркальный колдун подошёл, а его друг остался стоять на дороге,

где уже собралась любопытствующая публика. Старик наконец-то отпустил меня.

– Отдай амулет, – обратился ко мне зеркальный колдун.

Вот теперь точно конец! Что я без него буду делать? Но выбора не было. Я сняла амулет и, как ни странно, почувствовала себя свободнее, что, конечно, мало соответствовало действительности. Мне даже не пришло в голову встать с земли. Я просто протянула тяжёлое украшение зеркальному колдуну. Его опередил старик: с победным вскриком он выхватил у меня амулет, и, спрятав его во внутренний карман плаща, кинул зеркальному колдуну:

– Следи за ней.

– Сам лучше следи за своими вещами, – резко ответил тот.

Чёрно-красный старик ушёл в никуда, оставив за собой серебристый мерцающий след, который мгновенно погас. На меня обрушился гул голосов, говорящих на неизвестном мне языке. Я понимала его, лишь пока амулет был рядом. Остался последний шанс, что я объяснюсь жестами, а колдун по доброте душевной поможет без оплаты или хотя бы закинет меня назад в мой мир.

– Вставай, – произнёс колдун по-русски.

Я уставилась на него и заморгала. Он ждал. Ну да, ведь он разговаривал с нервным. За тринадцать лет можно выучить язык, и даже не один. Я нехотя поднялась на ноги. Одежда перепачкалась в дорожной пыли и грязи, а волосы торчали во все стороны. Больше всего хотелось лечь обратно и чтобы

меня никто не трогал. Колдун знаком показал, чтобы я шла за ним, и направился обратно к городу.

По пути его друг постоянно оглядывался с таким заботливым выражением лица, что мне хотелось плакать. Просто отправь меня домой! Зеркальный колдун не оборачивался, как будто его вообще не беспокоило, иду я или нет. А ведь он прав, без амулета я точно никуда не денусь.

Они о чём-то беседовали так, словно и не расставались на тринадцать лет. Второй колдун хохотнул, снова с беспокойством глянул на меня и что-то спросил у своего друга. Тот равнодушно пожал плечами.

Меня мутило от страха, и я ссутулилась. Я не герой сериала, просто отпустите меня домой! По щекам потекли слёзы, и я поспешила стереть их, пока этот, заботливый, снова не обернулся. А может быть, они сговорились и разыгрывают представление «хороший полицейский – плохой полицейский»?

К моему облегчению, меня не завели в мрачный особняк с сырыми подвалами и ржавыми решётками. Мы вернулись к тому же трактиру. На этот раз второй колдун шепнул что-то хозяину заведения, и тот отвёл нас в скромный кабинет на втором этаже. Окно выходило во внутренний дворик. На ветке дерева, увитого плющом, сидела сизая горлица и ухала. У меня разболелась голова. Второй колдун постучал по мутному стеклу, птица взмахнула крыльями и тяжело спикировала вниз. Не дожидаясь приглашения, я опустилась

на один из мягких стульев, расставленных у круглого стола. «Где твои манеры, Екатерина?» Отстань, тётушка, Екатерина вляпалась во что-то непередаваемо ужасное, и её не держат ноги. Разом навалилась вся скопившаяся усталость. Как будто я пошла на кухню за чаем в другой жизни.

Официантка принесла три кружки с дымящимся напитком и миску с круглыми булочками, похожими на диванные подушки. В центре каждой, в углублении лежал или орешек, или изюм, или зелень. В другой ситуации я бы обязательно попробовала парочку, но сейчас было не до мыслей о еде.

Снять бы грязный плащ, но не хотелось остаться в одной майке. Робин устроился на подоконнике, а зеркальный колдун сел рядом со мной и взял за запястье. Его кожа была сухой и холодной, да и от него самого пахло так же – холодной сухой пылью. Быть может, так пахнут зеркала? Я попыталась освободить руку, но он не отпустил.

– Без амулета ты не понимаешь местный язык. Пока я держу твою руку, я могу сделать так, чтобы ты понимала нас обоих и сама могла говорить.

Я посмотрела на второго колдуна, который казался заслуживающим большего доверия. Он спросил:

– Ты сейчас понимаешь, что я говорю?

Я выдавила из себя:

– Да.

– Рассказывай, зачем ты за мной шла, – сказал Джей.

Я не знала, с чего начать. Может быть, с «отпустите меня

домой»?

– Она не знает, как начать. Надо ей помочь, – нарушил тишину Робин.

Джей повернулся к другу:

– Говоришь, у тебя новая работа?

– Да, и я умею спрашивать так, чтобы люди отвечали.

Мне почудились застенки с пыточными инструментами, и я сглотнула, чтобы убрать комок, подступивший к горлу. Вот тебе и хороший полицейский.

– Меня зовут Робин, – мягко заговорил он, – а моего друга – Джей. Джей только что вернулся домой из заточения в зеркале, и многие будут его возвращению не рады. А тут ты. Вот нам и интересно, кто тебя послал. Для начала скажи, как тебя зовут?

– Е... е... Катерина, – запинаясь, не очень-то по-геройски пробормотала я.

Робин почему-то присвистнул.

– У них так можно, – сказал Джей и наконец соизволил заговорить со мной: – Здесь приняты короткие имена, два-три слога. Если человек родился в простой семье – будет носить односложное имя, если в семье с побогаче – то в два слога. Можно заслужить дополнительный слог, если упорно трудиться или совершить что-то выдающееся. Четыре слога – это исключение...

Колдун вдруг замолчал, как будто выдохся. Свободной рукой он взял кружку с напитком и осторожно пригубил её.

Поморщился. Робин с сочувствием посмотрел на него:

– Нет?..

– Отвык пить, – проговорил Джей.

Он снова пригубил напиток, вздохнул и поставил кружку обратно.

– Так вот, Е-как-там-рина. Простой вопрос: откуда у тебя амулет?

Я смогу! Я же всю дорогу тренировалась, что сказать!

– Меня послала за тобой... за вами...

– ...за тобой... – терпеливо сказал колдун, помогая мне выудить нужные слова.

– Меня послала за тобой госпожа Сай и дала этот амулет для оплаты.

Я выдохнула. Это было очень длинное предложение. Робин удивлённо спросил:

– «Госпожа сай»? Серьёзно? Ты сказал, что зеркало хранилось у сай, но «госпожа»?

– Она себя так называет. Много человеческой крови при- мешалось.

– Неплохо! – покачал головой Робин. – Но какая же наглость!

Моя бедная голова пошла кругом, я переводила взгляд с одного колдуна на другого, ничего не понимая.

– Сай, – начал объяснять Робин, – это такая...

– Сущность, – подсказал Джей, разглядывая напиток в кружке.

– ...с хорошим нюхом на магию. Они бестелесны и жаждут заполучить тело.

– Хозяйка отеля – исключение.

– Возможно, кто-то из её предков был сай, заполучившим человеческое тело. Обычно они встречаются в виде сорок, белок, мышей...

– Которые собирают всякое магическое барахло и тащат в нору, – зеркальный колдун снова смотрел на меня. – Для оплаты чего?

– У нервного... у того, который принял тебя за зеркального демона, оказалась какая-то жемчужина, и он опасен, и его надо... о-обезвредить?..

– Как ты за мной прошла?

– Амулет показывал мне серебристые следы.

Зеркальный колдун посмотрел на своего друга. Робин спросил:

– Это ведь был простой ученический амулет, так? Который усиливает связь ученика с учителем?

Джей только кивнул. Робин развёл руками:

– Извини, давно этим не интересовался... После того, как тебя заперли, я недолго пробыл учеником у нашего дражайшего учителя. Тут началась заварушка, и я ушёл воевать.

– Как же он тебя отпустил?

– Ему пришлось. Заварушка оказалась довольно крупной, с горцами. Королевским указом было велено отпустить всех молодых людей, а Совет как раз прижал Тина. Так что с аму-

летом?

– Стандартный с двойной связью. В самом амулете магии нет. Естественно, раз им пользовался не ученик колдуна, а кто-то посторонний, то энергия для переходов выкачивалась из старика. Думаю, у него была бессонная ночь.

Робин задумчиво кивнул.

– Амулет, который показывает следы. Сай, которая не может справиться с зеркалом. И на что это, по-твоему, похоже?

– На обман, – просто сказал Джей.

Я напряглась, но они не обратили внимания. Это относилось не ко мне.

– Что ты делал для сай, пока был в зеркале?

– Подсказывал, где и что можно обменять или купить. Пока у меня было несколько зеркал, я мог видеть содержимое антикварных лавок. Кое-какую информацию находил в книгах.

– Значит, это своеобразная плата за услуги. Очень в их духе. И что ты будешь делать?

– Ничего, – колдун обернулся ко мне, оглядел, как будто оценивая, и заявил:

– Я не работаю бесплатно.

Я открыла рот, но не придумала, что сказать. Мы так мило болтали, я уже начала надеяться, и вот тебе!

– Но... но! Там же люди! Он их!.. – не находя слов, я взмахнула свободной рукой, словно пингвин, который машет крыльями, безуспешно пытаясь взлететь. – У госпожи... у

сай ещё много всяких штук, она найдёт, чем заплатить!

– Мне её барахло не нужно. Что ты можешь предложить? – спросил он, делая акцент на слове «ты».

– У меня ничего нет! – в замешательстве воскликнула я.

– Предложи мне свою душу.

– Что? – я засмеялась, потом взглянула в его лицо и закашлялась. Это была не шутка.

– Джей! – воскликнул Робин.

– Просто отправьте меня домой, мне ничего больше не нужно! Они там сами разберутся! – закричала я, переводя взгляд с одного на другого.

– Это тоже работа, – ответил зеркальный колдун.

Вот так. Загнал меня в ловушку. Я оглянулась на второго. Тот был удивлён не меньше меня:

– Джей, зачем тебе это?

– Позже объясню.

– Знаешь, – разозлился вдруг Робин, – мне можешь не объяснять. А ей – обязан, раз решил её в это втянуть.

Не дождавшись ответа, Робин обратился ко мне:

– Это древнее название ритуала, душа останется при тебе. Тот серебряный амулет помогает работать связи ученика и учителя, то есть, если у учителя не хватает сил, он берёт их у ученика, а если у ученика не хватает – берёт у учителя. То, что предлагает тебе мой друг, – он вздохнул, – это односторонняя связь. Ей часто пользуются колдуны, которым нужно больше магии. Тот, кто «отдаёт душу», становится слугой и

дополнительным источником магии. Часто люди это делают за деньги, но Джей...

– Я предлагаю оплатить услуги. Хватит разговоров. Робин тебе не поможет, он не может ходить далеко через миры. Ну так что? Одна птичья душонка за – сколько там? – двадцать жизней? Разве это плохой расчёт?

Птичья душонка?! Но какой у меня выбор? Соглашусь я или не соглашусь – всё равно останусь здесь. Только в одном случае буду привязана к этому колдуну. А в другом... Я вспомнила, как мысленно переживала приключения вместе с героями своих любимых сериалов. Часто ли даже в фантазиях мне удавалось выжить? Я сидела, уставившись в пол, а в голове носились бессвязные мысли.

– И что будет?

– Останешься здесь, будешь выполнять поручения и делиться своей силой. Может, я тебя потом отпущу, посмотрим.

В моей голове стало поразительно пусто. Вопрос «Что же делать?», как теннисный мячик, бился о стены. Никаких мыслей, никаких голосов. Никто не помянул куриные мозги, не воскликнула сердито тётушка своё вечное «Екатерина!», когда я тихо произнесла:

– Хорошо.

Зеркальный колдун кивнул и повернулся к своему другу.

– Робин. Мне нужен свидетель.

– Джей, серьёзно? Свидетель? Ты что, собрался?..

Джей отпустил мою руку, и их речь снова превратилась в непонятный набор звуков. Зеркальный колдун что-то долго объяснял, иногда кивая на меня. Робин перебивал его и спорил, неопределённо указывая рукой в сторону. Я пыталась уловить хоть одно знакомое слово, но тщетно. Вернулась птица и снова натужно ухала.

Робин, сложив руки на груди, отвернулся к окну. Джей снова взял меня за запястье, а его друг проговорил:

– Если Совет узнает, прикрыть я тебя не смогу.

Всё прошло быстро и не очень-то по-магически. Никаких свечей, никаких пузырящихся зелий, в которые нужно добавлять кровь. Может быть в том числе и поэтому мне всё показалось несерьёзным. Я была уверена, что как только я окажусь в своём мире, ничто не заставит меня пойти обратно с колдуном. Робин встал у стола и наблюдал. Зеркальный колдун сжал мою правую ладонь в своей и велел повторять за ним. Я больше не видела серебряных искр, но что-то происходило вокруг меня и со мной.

Он говорил текст клятвы на своём языке. У меня закружилась голова, всё вокруг плясало разноцветными огнями, и я повторяла, не вдумываясь. Там было что-то про душу и тело, сердце и мысли, руки и ноги, крылья и перья. Ладно, про это не было. Основной смысл заключался в том, что не посмотреть мне теперь новую серию любимого сериала.

Когда колдун отпустил мою руку, на ладони у основания большого пальца осталась чёрная клякса. Я с удивлением по-

тёрла её.

– Оно не стирается, – сухо сообщил Джей. – Это пятно означает, что мы связаны.

Подал голос Робин:

– Дай-ка посмотреть! Метка от нашего учителя пропала?

Джей рассматривал свою ладонь.

– Нет, теперь одно поверх другого, перекрылись. Всё не так просто.

Глава 3. Побег

Джей не допил то, что оставалось в кружке, и есть тоже не стал. Оказалось, что перемещаться с помощью магии из цен-

тра города запрещено, поэтому нам пришлось вернуться к городской стене и уже за её пределами начать путь через миры. По дороге я, не чувствуя вкуса, воровато жевала булочку, которую прихватила из трактира. Колдун, как и прежде, поводил рукой по воздуху, но без амулета я не видела серебряных искр, и мне пришлось держаться за его плечо.

В этот раз мы не проходили через лес с бабочками, и дорога заняла больше времени.

– Если бы я раньше заметил, что ты идёшь за нами, я бы не стал сокращать путь через бабочек, – соизволил объяснить колдун.

Значит, какое-то время амулет действительно скрывал меня от его взгляда. После этого Джей не проронил ни слова, пока мы не оказались в поле с золотыми колосьями. Девушки продолжали косить, но уже дальше от края. Плащи лежали рядом, светило солнце, а пронизывающий ветер гнал волну по верхушкам колосьев. Чирикали серые птички с полосатыми хвостами. Колдун остановился и взглянул на меня. Так смотрят на муху, которая бьётся о стекло рядом с открытой форточкой.

– Верни плащ и извинись.

– Что?

Он закатил глаза.

– Ты спросила, прежде чем его взять?

Мне этот вопрос совсем не понравился. Он что, будет совать свой нос во все мои дела? Я хотела так ему и ответить,

смело и решительно, как и подобает гордой девушке, которая никому ничего не должна, но вместо этого забормотала, оправдываясь:

– Н-нет, но никто не заметил! Я просто положу его на место, и...

– Нет, – отрезал колдун.

– Но я не знаю их язык! – нашлась я.

– Я знаю, значит, теперь знаешь и ты.

Я скрестила руки на груди, но этот жест тоже не выглядел внушительно, и колдун не передумал. Я сняла плащ и медленно двинулась в сторону девушек. Никто из них не отреагировал на моё приближение, кроме одной. Светловолосая, розовощёкая девчонка лет шестнадцати повернулась и грубо спросила:

– Что?

В моей голове как будто открылся файл, соответствующий этому языку.

– Я проходила мимо, замёрзла и взяла на время плащ, – слова выходили как-то коряво, мой язык не был приспособлен под эти звуки. – Я...

– Нельзя так! – воскликнула девушка, вырывая у меня из рук плащ. – Нельзя!

– Извините, – прошептала я.

Другие девушки остановились и наблюдали за сценой. Лица их были хмурыми и враждебными. Я попятилась и побежала к колдуну.

Он ничего не сказал, вновь махнул рукой, и мы шагнули в следующий переход.

Наконец, мы оказались в отеле. Здесь всё ещё царила ночь, но небо едва посветлело. Сколько же времени прошло? На меня навалилась усталость от последних часов. Произошедшее казалось бессвязным дурным сном. Дверь, ведущую в комнату с манекеном, покрывали подтёки, а рядом в кресле сидела сай и периодически брызгала на неё водой из бутылки. Женщина вовсе не выглядела обеспокоенной, скорее, скучающей. При нашем появлении хозяйка гостиницы вско-чила.

– Господин колдун! Рада видеть тебя! Вижу, ты получил плату за помощь! Но зачем же ты вернулся?

Она непрерывно кланялась. Я хотела сказать этому проклятому заискивающему существу, что амулет оказался краденым и что из-за неё я теперь не могу вернуться домой, как вдруг меня осенило: я же почти дома. Хотя бы в нужном мире! Просто тихонечко отойти, добраться до номера, взять рюкзак с вещами. Только не разбудить Алину, нет времени на объяснения. Найду вокзал, куплю билет на ближайший поезд и уеду домой!

Может быть, из-за того, что я мало спала, или из-за того, что столько всего произошло за короткий промежуток времени, план показался вполне осуществимым.

– Вперёд! – Джей подтолкнул меня к двери.

Я так задумалась, что без возражений сделала, что он сказал – зашла в комнату с манекеном. Дальняя дверь была закрыта.

– Ну наконец-то! – воскликнула беременная женщина, потянувшись и, охая, поднялась с пола.

Пока я пыталась сообразить, как она умудрилась вырваться из лап колдуна, беременная протиснулась между мной и Джеем в коридор и устроилась в кресле сай.

– Вся спина затекла, – пожаловалась женщина. – Я стучу-стучу, кричу-кричу, дверь не открывается, пришлось на пол лечь, отдохнуть.

– А как же колдун? – спросила я.

– А что колдун? Он в меня сначала вцепился этой круглой штукой – вот я напугалась! Чувствую – как душу вынимает!

У меня неприятно кольнуло в груди.

– А потом эта его жемчужина взорвалась, как будто переполнилась.

– Слабый артефакт, – заметил Джей. – К тому же, зеркало не терпит магии внутри себя.

– Я сразу вскочила, хотела убежать, ведь он ещё что придумать мог. Вспомнила, что этот, – она кивнула на Джея, – сказал: у тебя есть всё, что отражается в зеркале. Ну, я скатерть схватила, зеркало накрыла – пускай у него ничего не отражается!

Беременная тарыхтела что-то о том, как из дальней комнаты она вышла, а в коридор попасть не смогла, как снова за-

дремала, а я пыталась осознать, что она сказала. Во-первых, по словам сай, это была сверхмощная жемчужина, а не жалкий артефакт. Во-вторых, я же сразу предложила накрыть зеркало тряпкой! Значит... Что же это значит, Екатерина? Я, конечно, иногда птица-тупица, но в целом не безмозглая. когда надо, соображаю быстро.

Хозяйка гостиницы отправила меня за колдуном не для того, чтобы попросить помощи или чтобы отдать ему амулет – ведь он сам сказал, что ему не нужно её барахло. Это я была платой за услуги!

Сай тем временем заискивающе обратилась к колдуну: раз уж он снова здесь, то не мог бы он сделать что-то с беременной женщиной. Та уже опять дремала. С нервным-то сай разберётся сама! А эту даму она даже выпускать из комнаты опасалась, не придумала, что делать, поэтому заблокировала ей путь. Разболтает ещё!

Джей склонился над беременной и положил ей руку на живот.

– Ребёнку могли передаться способности, но ей об этом знать не надо. Лучше ей вообще всё забыть. Здесь сильный фон, очень много электричества и волн, а вы будете мешать, – он взглянул на нас с сай. – Оставайтесь в коридоре, пока я буду работать с её памятью.

Я не поверила своему счастью. Колдун перенёс беременную обратно в комнату и закрыл за собой дверь. Сай усе-лась в кресло и увлеклась разглаживанием складочек на сво-

ём бархатном платье.

– Я схожу на кухню за водой, – соврала я и направилась в сторону центральной лестницы.

Свернув за угол, я рванула со всех ног. Притормозить пришлось в тёмном зале, куда не проникал свет уличных фонарей. Всё казалось нереальным. Вот же только что я шла здесь и воображала себя персонажем выдуманных историй. На секунду я даже пожалела, что не могу принять участие в том сюжете, в который по глупости влипла. Но нет, не время раздумывать о том, каким бы я была героем сериала. Займусь этим дома.

Я добежала до номера, тихонько открыла дверь. Алина спала. Хорошо, что я не распаковала вещи! Я быстро заглянула в ванную комнату, забрала косметичку и, на секунду задержавшись, схватила ещё и полотенце с золотым вензелем – скромная компенсация за мои злоключения.

Я выскочила на улицу и на бегу накинула свитер – наконец-то тепло! Отель находился в центре города. Небо, бледное на востоке, теснило ночную тьму. На западе висела последняя звезда, и её сияние оттенял тёмный силуэт башни собора, возвышавшегося на центральной площади. Туда я и направилась, рассчитывая найти у главной достопримечательности карту города, а на ней – вокзал.

Свежий прохладный воздух щекотал ноздри. Узкая улочка отклонялась то вправо, то влево. Звук резиновых подошв на мокрой от ночного дождя брусчатке казался чужеродным

и слишком громким. Фонари тускло освещали лишь пространство под собой. Город ещё спал. Я несколько раз обернулась, но меня никто не преследовал. Мне вновь показалось, что это всё было лишь дурацким сном, а я зачем-то собрала вещи и убегаю.

Хотя, если подумать, не так уж мне и нравилось это путешествие. Я устала ехать в автобусе, устала от бессонных ночей, шума мотора, невольно подслушанных разговоров, сменяющих друг друга городов-близнецов, чужих запахов, чужих языков, непривычной архитектуры и еды, не своих столовых приборов, кофе в одноразовых стаканчиках, от невозможности просто закутаться в плед и посидеть в тишине... Но всё же стоило оставить Алине записку.

Последний поворот – и передо мной вырос собор. Я огляделась в поисках карты. Да, вот она, под фонарём у ступеней, ведущих к высокой двустворчатой двери из тёмного дерева. Я хотела было напрямую пересечь площадь, но пространство казалось огромным и пустым, и моя одинокая маленькая фигура выглядела бы на ней беззащитно. Я прошла вдоль окружающих площадь домов, обходя поставленные друг на друга столики ресторанчиков и мельком заглядывая в витрины, как будто прощаясь.

Поскользнувшись на мокрой брусчатке и чуть не рухнув, я приблизилась к карте. Стекло информационного щита запотело, но разобрать слова можно. Надписи дублировались на английском. Вот красный кружок «Вы находитесь здесь».

Я поискала чёрные линии железной дороги. Вот они, а рядом вокзал. Как же повезло, что компьютерные игры научили меня читать карты! Я водила пальцем по улицам, запоминая названия и стараясь примерно рассчитать, сколько времени займёт путь. Сделать бы фотографию на телефон, но ещё слишком темно.

Я в последний раз пробежалась глазами по дорогам, проверяя, что запомнила основные повороты.

– Красивый город.

Хриплый, тихий голос впился в виски. Я вздрогнула всем телом и резко повернулась. Герои моих любимых книг и сериалов в такие моменты говорят «Нет». И я, словно вторя им, прошептала:

– Нет.

Не может быть. Это сон.

И всё же не сон. Джей стоял всего в нескольких шагах от меня. Пятно на руке, о котором я успела забыть, щекотало кожу. Нет-нет-нет. Я бросилась бежать.

Не важно, куда! Метнувшись в первую попавшуюся улицу, я снова поскользнулась, но на этот раз не удержалась на ногах. Вес рюкзака увлёк меня вбок, я ударилась о землю локтем и бедром. Несмотря на боль, я вскочила и побежала, не оглядываясь.

Он уже ждал за поворотом. Увидев силуэт в плаще, я встала как вкопанная. Я просто сплю, вот и всё. Потому что так не бывает.

– Ты, похоже, пока не поняла природу нашей связи, – проговорил колдун, приближаясь.

Я попятилась. Он то ли вздохнул, то ли усмехнулся.

– Вот это, – он поднял ладонь с пятном, как будто в приветствии, – только внешнее проявление. Я всегда буду знать, где ты находишься. Ты сейчас чувствуешь усталость. Мне пришлось воспользоваться твоими силами, я сегодня потратил много своих. Понимаешь?

Я развернулась и побежала. Всего лишь десяток шагов, и моё дыхание сбилось, ноги стали ватными. Я остановилась, борясь с желанием лечь на землю. Кружилась голова. Теперь я поняла. Я согнулась, положила руки на колени и ловила дыхание. Рюкзак сполз мне почти на голову. И что Алина напихала туда, что он такой тяжёлый?

– Мы возвращаемся в отель.

Когда я подняла голову, он уже уходил с площади. Остаться здесь? Закричать? Позвать полицию? Силы возвращались. Я поплелась следом за колдуном. Догнав его, я хотела крикнуть, но получилось едва слышное жалобное бормотание:

– Меня будут искать...

– Поэтому, – раздражённо ответил мужчина, не оборачиваясь, – мы и возвращаемся в отель.

Колдун открыл передо мной дверь и сделал приглашающий жест. Прежде чем зайти обратно в отель-музей госпожи Сай, я оглянулась. Город готовился к пробуждению. Светле-

ло, ночная влага начала испаряться, погружая улочку в молочную дымку. Чирикали первые птицы, где-то вдалеке проехала машина. Я проскользнула в отель.

Мы сели за стол в гостиной, где всего несколько часов назад состоялся ужин. Сай принесла бумагу и ручку.

– Пиши письмо своим родственникам, – сказал колдун, – что ты решила остаться и работать в отеле.

Да кто же в это поверит! Даже если бы это было какой-то невероятной правдой, я бы скорее позвонила, чем стала писать.

– Но зачем письмо?

Он потёр переносицу, провёл пальцем по брови.

– Давай так. Я говорю тебе что-то сделать, и ты это делаешь. Понятно?

Не понятно! Вообще ничего не понятно... Я взяла ручку и зависла над белоснежным листом с золотым вензелем наверху и адресом и названием отеля внизу.

Дорогие мама и папа, пишет вам дочь ваша Екатерина. Я встретила колдуна и случайно стала его служанкой. А может, батареейкой?.. Мама и папа, я заснула, мне снится кошмар. Дорогая тётушка, ты уже давно умерла, но я постоянно слышу твой голос. Твои аристократические советы оказались абсолютно бесполезными в жизни.

Колдун хлопнул рукой по столу. Я подскочила.

– Пиши, как я сказал, одной строкой, – раздражённо сказал он.

Хорошо-хорошо, уже пишу! Я поставила подпись под короткой фразой. Колдун подвинул к себе лист, сложил вдвое, прижал ладонью к столешнице, а пальцами другой руки стал водить рядом, как будто пришивая что-то. Он закрыл глаза и почти перестал дышать. Сай, замороженно наблюдавшая из угла со сложенными на груди руками, напоминала гигантскую белку.

Наконец, колдун выдохнул и сказал:

– Идём к твоей подружке.

Ещё и впутывать в это Алину? С другой стороны, у меня будет шанс предупредить её, и она сможет обратиться в полицию... Я забеспокоилась, вскочила со стула и тут же села – закружилась голова.

Сай выступила из своего угла и заискивающе сообщила, что у неё есть кое-какие амулеты, источники силы.

– Неси, – буркнул колдун.

Он даже не попытался встать. Похоже, и у него не осталось сил. Неудивительно, учитывая, сколько он прошёл сегодня. Я помотала головой. Вот ещё, сочувствовать ему не хватало!

Сай принесла огромную шкатулку со своими сокровищами. Джей покопался в них и вытащил банальнейший туристический магнит в виде маяка. Удивлённо хмыкнул, отложил. Выбрал несколько жемчужин и небольшой рубин. Ключ на цепочке. Автобусный билет. Тут сай сжала губы, но промолчала. Неужели что-то ценное? Последним в кучку отправился велосипедный звонок.

Колдун отодвинул шкатулку. Каждый предмет он брал в руку и через несколько секунд откладывал. Я пыталась рассмотреть какие-нибудь следы магии, хотя бы одну серебряную искорку, но ничего не видела. Дольше всего он сжимал билетик. Я почувствовала себя бодрее. Больше не клонило в сон и даже есть расхотелось. Вот спасибо, не забыл подзарядить свой запасной аккумулятор!

– Идём, – сказал колдун.

Алина не проснулась, когда мы зашли. Она всегда крепко спала. Сай осталась в гостиной – колдун не разрешил ей сопровождать нас. Через шторы пробивался утренний свет. Колдун что-то прошептал, и Алина, не открывая глаз, села на кровати. На ней была футболка с нелюбимым мною избитым сюжетом: грустный котик держался передними лапками за ветку, а под ним красовалась надпись «Держись!» Я мысленно поблагодарила котика за сочувствие. Может, разбудить Алину и попросить, чтобы она меня немедленно спасла? Но ведь колдун просто выкачает из меня сразу все силы, чтобы я упала в обморок и не мешала ему.

– Пожалуйста, молчи, – сказал он мне, как будто прочитав мысли, – работа с памятью очень тонкая. Мало кто умеет это делать так, чтобы не навредить человеку.

Подразумевалось, конечно, что он один из таких специалистов.

Колдун положил мою записку на прикроватную тумбочку.

ку, склонился над Алиной и положил кончики пальцев ей на виски. И вновь эта скучная немагическая магия, без свечей, без крыльев летучей мыши и светящегося в темноте зелья.

У меня из глаз потекли слёзы. Это же Алина, которая следовала за мной столько лет. Заботилась обо мне, решала мои вопросы. Кто же теперь будет мне помогать? Я всхлипнула и тут же зажала рот рукой, но колдун не обратил внимания. Я откуда-то знала, что он не делает ничего плохого, словно через тонкую связь между нашими ладонями передавались отголоски чувств. Я только боялась, что Алина забудет обо мне.

Колдун отошёл от кровати. Мне показалось, или его руки дрожали? Алина улыбалась. Не замечая нас, она взяла записку, прочитала, кивнула и, как ни в чём не бывало, легла и заснула по-настоящему.

Джей мягко взял меня за локоть и увлёк в коридор. «Только не забывай меня», – прошептала я Алине.

– Не забудет. Она думает, что ты здесь работаешь. Уверена, что сама помогла тебе принять это решение. Она передаст записку твоим родителям, и магия распространится на всех, кто о тебе спросит. Её на много человек не хватит, но у тебя ведь мало знакомых?

Я расценила это как оскорбление. Да с чего он это взял! Не дожидаясь ответа, колдун пошёл обратно в столовую. Там он объяснил сай, что нужно сказать группе про исчезнувшую туристку, чтобы не тратить на них магию, доставшуюся Али-

не.

Наконец, он решил, что пора уходить, и махнул в воздухе рукой. Я вытащила из-под стола рюкзак, подошла к колдуну, готовясь шагнуть в неизвестность, к головокружению, жаре и ветру, холоду и золотым колосьям. Про бабочек я предпочитала не думать и надеялась, что мы снова их как-то обойдём.

Джей странно посмотрел на меня.

– Что ты взяла?

Я пожала плечами:

– Там мои вещи.

– Что ты отсюда взяла?

– Ничего!

Колдун закинул голову и прошептал в потолок: «Боги!» Когда он заговорил, в его голосе отчётливо звучали грубые нотки:

– Если тебе надо объяснять всё медленно и разборчиво, хорошо, объясняю. Правило первое: ты делаешь то, что я тебе говорю. Правило второе: ты мне не врёшь. С моральными установками у тебя не очень, так что врать мне не надо не потому, что это плохо, а потому что я узнаю. Понятно?

Понятно, что он не имеет права так со мной разговаривать из-за какого-то пятна на руке. Я промолчала.

– Доставай.

Я поставила рюкзак на пол и выудила полотенце. Надо было прятать лучше! Сай захихикала, но тут же спохватилась и забормотала извинения. Джей развернул полотенце и указал

на золотой вензель.

– Вот это сделано специально для таких, как ты. Три года неудач, неплохо, да? А для тебя так вообще смертельно.

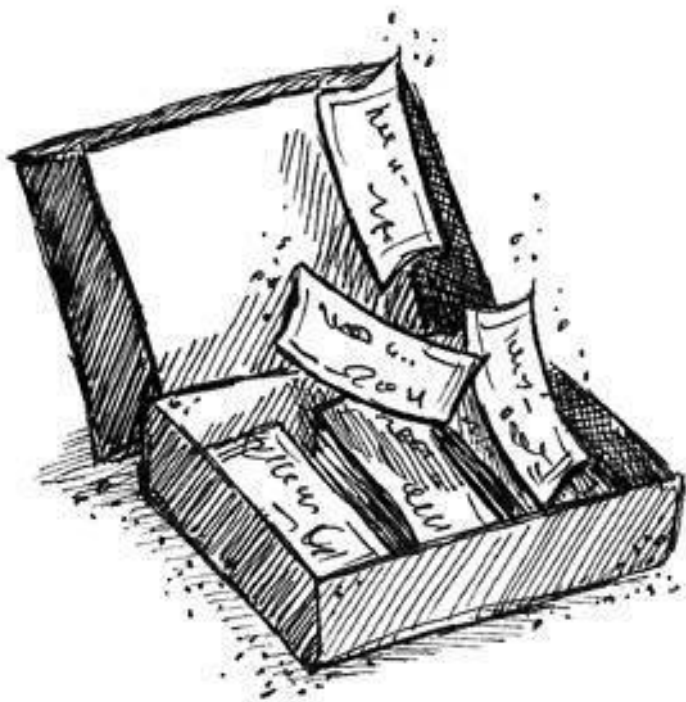
Я опустила голову и сжала губы от обиды. Колдун не только видел насквозь всё, что я старалась скрыть, но ещё и кидался язвительными фразами.

Джей протянул полотенце сай, и та, прижав его лапками к груди, разразилась фейерверком благодарностей, не забывая кланяться. Я больше не могла видеть в ней человека. Это была самая настоящая белка, суетливая и наглая. Жаль, что старичок из автобуса её не видел – у него бы вышел отличный рисунок.

– За мной, – приказал колдун.

Я неохотно положила руку ему на плечо, и мы шагнули в переход.

Глава 4. Новый дом

Третье всего лишь за одну ночь путешествие через миры уже не казалось чем-то фантастическим. Хоть амулеты сай

и придали сил, я была настолько вымотана впечатлениями и тревогой, что не смотрела по сторонам.

Когда мы добрались до мира колдуна, то не стали возвращаться в трактир. Мы вновь прошли через арку городской стены, пересекли речку с каменным руслом и сквозь лабиринты улочек вышли к широкой реке, которая делила город на две части. В прошлый раз я попала сюда ранним утром, теперь же день близился к середине, и воздух нагрелся. Хотелось снять свитер, но майка выглядела бы странно. Свитер хотя бы по форме походил на блузы, а джинсы – на узкие брюки, которые носили некоторые обитатели этого мира.

Большинству прохожих было с нами не по пути. Приходилось лавировать среди людей в разноцветных одеждах, идущих навстречу. Очевидно, после многих лет в заточении Джей чувствовал себя неуютно в толпе. Мне же становилось всё интереснее. Я проследила взглядом за женщиной на велосипеде, которой прохожие привычно уступили дорогу. Надо же! Может, тут царит не мрачное средневековье, как я решила поначалу? Велосипед был трёхколесный, спереди одно колесо средних размеров, а сзади – два поменьше, а над ними – коробочка для багажа. Очень даже неплохо! Никогда не могла понять, почему у детей отбирают трёхколесный велосипед и сажают на неудобную конструкцию, на которой нужно большую часть времени посвящать тому, чтобы удерживать равновесие.

Вдоль мостовой на другом берегу реки выстроились мага-

зины и жилые дома крупнее и новее, чем в центре. Хотя я и боялась потерять колдуна из виду, всё же то и дело оборачивалась, чтобы рассмотреть окрестности. Хотя чего бояться, ведь если отстану, колдун вернётся и потащит меня за руку. Я остановилась, чтобы оглядеться как следует. Река текла между холмов, которые грядами толпились слева, а правее плавно теряли высоту и переходили в зелёную равнину. На одном из холмов слева, на полпути к вершине стоял замок, а выше – смотровая башня. Под замком раскинулись домики с красными крышами, и где-то среди них затерялся утренний трактир. Вдоль берега реки стояли более новые кирпичные дома.

– Рина!

Я вздрогнула и обернулась. Так меня ещё никто не называл!

Вопреки моим ожиданиям, колдун не вернулся за мной, чтобы тащить за руку, а сообщил, что если я потеряюсь, то буду ночевать на улице.

– Я буду звать тебя Риной. Екатерина – слишком длинно.

Мог бы хоть для вежливости спросить, не против ли я. Хотя я вроде бы была не против – всё лучше Катюхи. Я вспомнила про Алину, удержала готовый вырваться всхлип и поплелась за колдуном. Мы свернули на боковую улицу, которая начинала пологий подъём на холм, застроенный аккуратными особнячками. Здесь царила сонная безлюдная тишина. Жители то ли ушли в центр, то ли занимались домашними

делами.

Улица не петляла, а чинно и плавно загибалась вокруг холма, иногда разветвляясь на две. По обеим сторонам тянулись двух- и трёхэтажные дома, разнообразно украшенные на вкус хозяев лепниной, колоннами и даже гаргульями. Аккуратные садики изо всех сил старались поразить воображение, каждый стремился показать свой уникальный характер. Тут остриженные в шарообразную форму кусты самшита и раскидистые гортензии с ещё не раскрывшимися зонтиками цветов обрамляют узкие дорожки, а здесь всё засажено ельниками. У фонтанчика стоит статуя девушки, задумчиво касается рукой пряди волос. В высокой живой изгороди, отделяющей участка друг от друга, шумно перекрикиваются птицы.

Колдун выглядел чужеродно в этом месте – ссутулившийся, бледный, сухой, как старая книга, которую достали из древнего сундука и ещё не успели смахнуть пыль с обложки. Куда же мы направляемся?

На очередном повороте нас ждал Робин с большим мешком у ног. Он-то как раз вполне походил на обитателя особняка – высокий, крупный, с горделивой осанкой и широкой улыбкой человека, покорившего весь мир и заслужившего бокальчик вина у камина. Значит, Джей поселится у друга, пока не найдёт себе жильё. Я вновь переключилась на сериальное восприятие, забыв, что я не сторонний наблюдатель, а участник, и мне тоже надо где-то жить.

– У тебя что, работы нет? – буркнул Джей, приблизившись к другу.

– Ты теперь моя работа, – широко улыбнулся тот. – Серьёзно! Ты подумай, в город вернулся опасный колдун, которого так рано не ждали. Многие уже в курсе. Мне приказали следить за тобой.

– Кто приказал? – нахмурился Джей.

– Всё расскажу, давайте сначала зайдём в дом.

Трёхэтажный особняк был до самого верха увит диким виноградом, закрывшим даже окна. Я тут же усомнилась в своём выводе о принадлежности этого жилища Робину. Если дома здесь всем своим видом показывали характер, то этот ясно говорил, что он гостям не рад. Ощетинившись заросшей изгородью в сторону соседних домов, он выкинул ветви кустов к тротуару, будто желая оттолкнуть зазевавшихся прохожих, не сообразивших перейти на противоположную сторону дороги.

Вход в сад преграждала кованая калитка не выше метра высотой, которая скорее служила украшением, нежели защитой от непрошенных посетителей. К ней зачем-то были прикреплены два почтовых ящичка – один снаружи, другой изнутри. По обеим сторонам от калитки на невысоких постаментах располагались мраморные львы. Один сидел, гордо выпрямившись, а второй безмятежно спал, положив голову на лапы. Мрамор, некогда белый, зарос мхом и покрылся слоями грязи.

– Тринадцать лет, – прошептал Джей и погладил по голове сначала одного льва, потом другого. На его усталом лице появилось подобие улыбки.

Он провёл руками над калиткой, и та скрипнула в ответ.

– Всего-то? – удивился Робин.

– Это только один уровень, – ответил Джей. – И через него пытались проникнуть.

Над дорожкой, ведущей к дому, нависали ветви, образуя узкий коридор. Робин придерживал каждую, пока я не перехватывала её. Сад был недружелюбен и всячески старался насолить, подставляя подножки в виде корней, цепляясь руками-ветками за волосы и свитер, пытаясь стащить с плеч рюкзак.

Джей сорвал плети винограда и плюща, облепившие дверь тёмного дерева. Освободив небольшое пространство, он приложил обе руки к поверхности. Он молчал и не шевелился. Я выглянула из-за спины Робина, чтобы посмотреть, не мелькнёт ли искорка. Тот прошептал:

– Очень мощная магия.

И тут я пошатнулась и схватилась за его плечо, чтобы не упасть. Из меня снова утекали силы. Робин всё понял и поддержал меня, но я отстранилась. Мне не нравилось его молчаливое пособничество моему пленению вкупе с бездеятельным сочувствием. То ли помогает, то ли не помогает! Я скинула рюкзак на землю, а сама гордо осталась стоять.

Наконец, дверь щёлкнула. Дом как будто выдохнул, а рас-

тения в саду ослабили напряжённые ветви.

– Тут ничего не изменилось! – восхищённо сказал Робин, заходя вслед за Джем.

Перед этим он попытался взять мой рюкзак, но я оттолкнула его руку. «Екатерина, настоящим леди не пристало таскать тяжести!» – укоризненно пропел в моей голове голос тётушки. Я отмахнулась, приподняла рюкзак и тут же пожалела, что отвергла помощь. Сил у меня стало гораздо меньше, и рюкзак казался наполненным камнями. Но ничего не поделаешь, чувство собственного достоинства имеет свою цену. Я потащила рюкзак по земле, приподняв его, только чтобы втащить на ступеньки.

Внутри не было и следа той запущенности, которая царилa снаружи. Пахло осенью, а в коридоре валялся красно-жёлтый лист, будто только что упавший с дерева.

– Он бы ещё сто лет так простоял, – с оттенком гордости сказал Джей. – Я его перед уходом заморозил.

– Значит, знал, что тебя схватят.

– Я надеялся скрыться. Думал, если поймают – в худшем случае дадут несколько лет тюрьмы. На зеркальный зал я, сам понимаешь, не рассчитывал.

Мы стояли в холле, справа наверх бежала лестница и упиралась в ограждённую деревянной балюстрадой площадку. Вглубь дома вёл коридор. Я отчего-то решила, что дверь слева скрывает кладовку или гардероб, но Джей открыл её и бросил мне:

– Твоя комната.

Его голос звучал так, словно он всё ещё злился на то полотно.

Я затащила рюкзак внутрь и огляделась. Комната оказалась просторной, больше, чем номер в отеле. Несмотря на открытые шторы, в помещении стоял полумрак. Одно окно выходило в одичавший сад, второе – на узкий промежуток между стеной дома и не менее заросшей живой изгородью, отделяющей от соседей.

В углу стоял комод, вдоль стен расположились узкая кровать, стол и стул. На потолке висела шарообразная лампа, но проводов и выключателя, как и розеток, я не заметила. За узкой дверью в углу скрывалась ванная комната с унитазом, раковиной и неким подобием душевой кабины, представлявшем собой медный таз с высокими краями и лейку на длинной ноге. Я ужасно обрадовалась, что они тут кроме велосипеда уже изобрели водопровод и канализацию. Однако моя радость оказалась преждевременной – я покрутила вентиль над краном, но воды не было.

Я начала копаться в рюкзаке, чтобы сменить свитер на что-то полегче. Первой попалась красная клетчатая рубашка, которая выглядела в этом мире ещё более неуместно, чем джинсы с кедами.

– Рина! – нетерпеливо позвал колдун.

Я бросила раскопки и вышла из комнаты, на ходу надевая рубашку. В конце коридора обнаружилась большая светлая

кухня. Здесь растения пощадили окна, и через грязные стёкла открывался вид на веранду и широкий внутренний двор, покрытый высокой колосящейся травой, мелкими деревцами и окружённый всё той же недружелюбной зелёной изгородью.

Слева располагались плита с раковиной, справа – шкафы и полки, а посередине стоял круглый стол, на который Робин выкладывал из мешка еду. Джей бросил свой пыльный плащ прямо на пол и остался в тёмной, не менее пыльной рубашке, коричневых узких брюках и высоких сапогах, которые без слоя пыли скорее всего оказались бы чёрными. Плащ Робина аккуратно висел на спинке стула, а сам мужчина был в чёрных брюках и светло-голубой рубашке с широкими рукавами.

– Рина? – удивлённо спросил Робин и ухмыльнулся.

Я вопросительно взглянула на него – что смешного?

– Это птичка такая, ринка. Может, заметила в золотом поле? Маленькие, серые, похожи на воробьёв, но с полосатыми хвостами. Прячутся в колосьях.

Я только вздохнула в ответ. В этом мире моя птичья сущность отчаянно пыталась вырваться наружу. Внезапно на меня навалилось осознание, что я не дома. Со всеми перемещениями и переходами я совсем забыла, что я не в выдуманном временном приключении, куда случайно проникла сквозь монитор ноутбука. Это не сон, а самая настоящая катастрофическая ситуация. Я обессиленно рухнула на стул.

Гора продуктов на столе напомнила, что я давно не ела. Амулеты сай искусственно приглушили голод и жажду, которые теперь вернулись. Однако есть никто не предлагал, поэтому я обхватила себя руками и ссутулилась. Может быть, Робин заметит, какая я несчастная, и даст мне хотя бы вон то яблоко?..

Джей достал из полки кружку и наполнил её водой из-под крана. Неужели только в моей комнате нет воды? Колдун медленно делал глоток за глотком, как будто снова привыкая к жидкости. Я поняла, что мне и воды не предложат. «Где же ваши манеры, господин колдун?» – подумала я с тётушкиными интонациями. Интересно, насколько в моём положении разрешается проявлять самостоятельность? А то полотенце не возьми, плащ не трогай! Я решительно поднялась, прошла мимо Джея, достала себе кружку из той же полки и покрутила вентиль. Воды не было. Я открутила до упора – ничего. Почувствовав спиной взгляды, я обернулась. Надо бы спросить, что я делаю не так, но я и без того чувствовала себя преглупо.

– А как у неё с магией? – поинтересовался Робин.

– Никак, – ответил Джей и поболтал остатками воды в кружке. Его голос уже не был таким хриплым.

– Но и клятва сработала, и амулет?..

– Потенциал есть у всех, но она из мира с угасшей магией.

Это как...

Робин кивнул и подхватил:

– ...как ждать от жителя пустыни, что он сразу поплывёт, впервые зайдя в озеро.

– Именно. Но научиться он может, – он с сомнением посмотрел на меня. – Если увидит воду.

Он коротко провёл рукой по крану. Полилась вода.

– Видишь что-нибудь?

Воду я прекрасно видела, но он имел в виду другое. Я прищуривалась, наклоняла голову и даже попробовала посмотреть одним глазом, но ничего не разглядела.

Джей прикрыл глаза, только чтобы не видеть мои жалкие попытки, вздохнул и снизошёл до объяснений:

– Вода, свет, плита – всё работает от магии. Поэтому нет ни труб, ни проводов. Я просто открываю и закрываю проход для воды, а вентилем регулирую интенсивность и температуру.

– Если труб нет, то куда она девается? – спросила я.

– Перемещается в очистные пруды. Там от неё отделяют грязь.

– Тоже магией?

Джей посмотрел на меня так, как будто я действительно была бестолковой птицей, случайно освоившей человеческий язык.

– Джей, – укоризненно подал голос Робин, – она же не ела, не пила и не спала. Да ещё и ритуал... Давайте перекусим, а я расскажу, как это работает.

Я сообразила подставить кружку под струю воды, пока

колдун снова не выключил её. В меню, кроме яблок, были свежий хлеб, сыр, помидоры и огурцы. Откуда-то взялся и виноград, а ведь здесь, как и дома, стояла поздняя весна. Наверное, тоже магия. Вообще-то ела в основном я. Робин, очевидно, имел возможность пообедать, а Джей только делал маленькие глотки из кружки и вертел в руке яблоко.

Робин рассказал, что вода с помощью магии перемещается из подземных источников в кран, а потом – в пруды, где очищается с помощью магии. В крупных городах система водоснабжения регулируется, поэтому краны привязаны к определённым источникам и пруду. Здесь нельзя вызвать воду из какого-то другого источника себе в дом. Краны бывают заколдованы по-разному. Можно купить самый простой, тогда вода будет ледяная, прямо из источника, и нагревать её нужно отдельно. В этом же доме краны посложнее – нагрев и регулирование скорости потока уже вплетены в их магию, нужно только подвинуть рычажок. Это придумано, чтобы владелец дома мог потратить свои силы на что-то более полезное.

– А что же мне делать? – спросила я с набитым ртом.

Тётушкин голос промолчал, потому что онемел от ужаса. Извини, тётушка, я не могу сейчас не есть и не спросить тоже не могу.

– На такой случай, – ответил Робин, – я кое-что принёс.

Он достал из мешка коробочку. В ней оказались желтоватые бумажки размером в половину моей ладони, распреде-

лённые стопочками по цвету текста.

– Это записки с заклинаниями. Вот эти с синим текстом – для воды.

На каждой была написана всего пара слов, но я не могла их понять. Я повертела бумажку. Не держу ли я её вообще кверху ногами? Но я же понимаю их язык! Как так?.. Я взглянула на Джея, не решаясь задать вопрос – опять нагрубит или посмотрит как на говорящее полено. Сейчас он больше всего напоминал мне меня саму, когда я, дождавшись новую серию любимого сериала, внимательно следила за приключениями героев, попавших в затруднительное положение.

– Читать и писать нужно учиться, это так не передаётся.

Ну, тогда они бесполезны. Я положила записку обратно в коробочку.

– Не страшно, – ответил Робин, вновь неодобрительно глядя на своего друга. – Текст необходим лишь для того, чтобы обозначить область применения. Ты и по цвету букв разберёшься. Можно прикоснуться к предмету или просто махнуть рядом. Каждая записка рассчитана на несколько применений, этого запаса должно хватить на месяц.

Потом он спросил Джея, покажет ли он мне позже, как ими пользоваться. Тот кивнул и тут же недовольно поморщился, может быть, потому, что решился наконец откусить яблоко. А может, потому что ему не хотелось ничего объяснять. Джей решительно положил яблоко подальше от себя и посмотрел на Робина:

– Так. Ты рассказываешь мне новости. А ты, – обратился он ко мне и махнул рукой на продукты, – убираешь всё это.

– Дж..., – начал было Робин укоризненно.

Джей закатил глаза.

– Ты, пожалуйста, рассказываешь, а ты, пожалуйста, убираешь. Вон в те полки. Это холодильник, – указал он на одну из них.

Больше колдун не обращал на меня внимания. Я нерешительно встала и начала открывать ящик за ящиком, чтобы понять, что где должно лежать. В шкафу, наречённом холодильником, оказалось морозно и пусто. Только лампочки не хватало. К моему великому облегчению, всё было относительно чистым, ведь дом застыл в том же состоянии, в каком колдун оставил его тринадцать лет назад. Либо чистоту тут наводят тоже магией, либо у него работала служанка. Сообразив, кто теперь тут считается служанкой, я замерла посреди кухни, примеряя к себе новый статус. В ту минуту моим единственным желанием было, чтобы уборочные записки всё-таки существовали.

Моя комната никогда не являлась образцом чистоты. Вот чтобы важные вещи были аккуратно разложены – это я люблю! У дисков с фильмами – своё место, у мультиков и сериалов – своё. Книги расставлены по алфавиту, журналы разложены по датам. Фигурки киногероев и человечки из конструктора живут в разных коробках. Это важно. А всякая ерунда вроде одежды как-то существует в шкафу без мое-

го участия. Что, кстати, являлось одной из причин, почему Алина собирала мой рюкзак в эту злосчастную поездку. На кухню я вообще старалась заходить только за чаем. Редко когда влажная тряпка касалась пола в моей комнате, а окна и зеркала рисковали зарости грязью, если бы иногда Алина не устраивала генеральную уборку. Она деятельным ураганом пробегалась по квартире, включая мою комнату, пока я медленно и вдумчиво оттирала пятнышко на плите.

Я отчего-то снова поверила, что сплю, и пока я нахожусь в этом затянувшемся бредовом кошмаре, можно и поиграть по его правилам. Ноющая спина и гудящие ноги намекали, что я не права, но пока удавалось их игнорировать. Наверное, мозг включил какую-то хитрую защитную систему, чтобы не перегреться.

Робин и Джей вышли на веранду, где стояли плетёные стулья. Надкушенное яблоко колдун захватил с собой, да так и вертел его в руках. Дверь и окно остались открытыми, и до меня доносился разговор, на который я, впрочем, не особо обращала внимание. Глядя на кучу еды, я пыталась вспомнить, как она хранится у родителей. Я бы с радостью сунула всё обратно в мешок и просто убрала под стол, но вряд ли колдун это одобрит. Итак, что должно храниться в холоде, а чему не повредит комнатная температура? Логично, что место сыра, овощей и фруктов – в холодильнике. Я засомневалась насчёт картошки, но всё же определила её в нижнюю полку без охлаждения, а булочки – в верхнюю.

Пока я перетаскивала продукты по местам, а также боролась с законом физики, по которому яблоко и всё, подобное яблоку, обязательно упадёт, а круглое ещё и укатится под стол, пока ползала, собирая помидоры и картофелины, колдуны успели обсудить курсы валют, стоимость золота, изменения законодательства и политические новости. Уборка на кухне проходила под выпуск новостей параллельного мира.

При упоминании о золоте что-то звякнуло. Я вынырнула из-под стола, где была занята охотой за помидориной. Робин положил на уличный стол мешочек, по всей видимости, с монетами, а Джей стал отмахиваться. Он вообще махал руками не в пример лучше, чем разговаривал. Робин не принял возражений и сунул другу ещё и пачку бумажек. Значит, и банкноты здесь тоже изобрели. Почему я вообще решила, что попала в дикое средневековье? Из-за маленьких домиков в центре? А может из-за того, что колдунам не место в цивилизованном мире, где магию давно уже вытеснила наука и технологии. Разве можно вообще вообразить колдуна на велосипеде?

Я уже собрала все разбежавшиеся виноградины из-за ножек шкафчиков и полок, вызволив их из объятий комков пыли, и вытряхивала мешок, чтобы посмотреть, не осталось ли в нём ещё чего-то. Мелкий сор рассыпался по деревянному полу. Я сделала вид, что так и было, и принялась как ни в чём не бывало перебирать записки в коробочке.

За этим занятием часть разговора я пропустила мимо

ушей. Уловила только, что сейчас страной правит внук старого короля, которому не исполнилось и шестнадцати лет. Кроме того, существует независимый магический Совет, который тринадцать лет назад и посадил Джея в зеркало. После того случая ужесточили контроль над тем, как колдуны набирают себе учеников, а учитель Робина и Джея был признан частично виновным в преступлениях своего ученика. Я встряхнула плечами, чтобы согнать мурашки, побежавшие по коже.

Наконец, Робин стал рассказывать о себе. К тому моменту я перебрала все записки и не обнаружила ни одной закорючки, похожей на знакомые буквы, тихонько скинула крошки со стола на пол и решила, что мне не помешает ещё одна булочка. Ей-то я и подавилась, когда Робин сказал, что работает в тайной городской полиции, точнее, возглавляет её.

Не зря я представляла сырые подвалы и гремящих кандалами заключённых, когда шла за колдунами в трактир, и думала о хорошем и плохом полицейских – вот он, Робин, два в одном! Для всех он был средним офицером полиции, а на самом деле работал на короля и имел сеть информаторов по всему городу, которые в свою очередь так же считали его всего лишь звеном в цепи.

На войне пригодилась его склонность к лекарской магии, и тогда же обнаружилось, что люди охотно доверяют ему секреты.

– Возможно, – сказал Робин, – это, как и заблокирован-

ные путешествия, следствие наших детских экспериментов с магией.

– Это было в тебе всегда, – возразил Джей.

Робин обернулся и через окно сообщил, что они с Джем выросли вместе. Я, забыв жевать булочку, опасливо кивнула, снова потеряв успевшие появиться крупницы доверия к нему, да ещё и запутавшись, как они могли вместе вырасти, если Робин выглядит лет на десять старше.

Они продолжили беседовать, а я решила проверить действие записки, тем более, что в горле у меня снова пересохло, а булочка как будто застряла на полпути. Я махнула запиской с синими буквами над краном, как тогда, когда открывала проходы вслед за колдуном. Из крана хлынула вода, обдав меня фонтаном брызг. Я поспешила завинтить кран и заодно обнаружила сзади рычажок, меняющий температуру. Робин передал мне через окно две кружки, попросив наполнить и их тоже.

Джей остался недоволен и отдал кружку обратно:

– Холодную, – бросил он, а после покашливания Робина добавил: – Пожалуйста.

Я поменяла температуру, отдала ему кружку, и, не зная, как остановить поток, снова махнула запиской. Сработало!

Солнце близилось к горизонту. Колдуны всё трепались, как офисные сотрудники, не желающие после перекура возвращаться обратно в свой опенспейс. Мысли мои путались, я подпёрла голову рукой, но воображение уже унесло меня к

стеклянному небоскрёбу, в который влетали ведьмы на мётах. Наверное, турникеты для них нужно установить повыше, а то охранник будет ругаться... Молодой человек, поправляя остроконечную шляпу, жалуется, что ему придётся заказывать новые очки, потому что глаза портятся от компьютера, а верховный начальник завалил его десятком заказов на записки. Старый колдун в чёрном костюме и полосатом чёрно-красном галстуке склонился над столом ведьмочки-секретарши в леопардовой мантии и ноет, что на их этаж завезли бракованные зеркала, в которых кто-то бродит.

Я очнулась, когда моя голова сползла к локтю. Ещё чуть-чуть и я бы ударилась о столешницу.

– Спать, – объявил Джей.

Робин обещал зайти завтра, и колдуны снова обнялись.

– Я так рад тебя видеть, – сказали они почти одновременно и улыбнулись. Джей – натянув губы, а Робин – широко и лучисто, показав все свои белоснежные зубы.

Он по-дружески хлопнул меня по плечу, сказав на прощание, что провожать его не надо. Я подавила желание побежать за ним и попросить, чтобы не оставлял меня наедине с Джеем.

Хлопнула входная дверь. Без Робина дом сжался и затих, и я, подчиняясь его настроению, тоже. Джей молчал и скептически разглядывал меня так, словно жалел, что не может завести вместо меня робота или на крайний случай умудрённую опытом старую служанку. Тогда можно было бы обой-

тись без объяснений, как тут что работает.

Колдун поднял плащ с пола и вышел в коридор. Я поспешила за ним, прихватив коробочку с записками.

– Дом покажу завтра, – сказал он и кивнул на коробочку: – С этим ты уже разобралась. Для света – оранжевые.

Я открыла коробочку и извлекла бумажку с оранжевыми буквами. Уже с лестницы колдун кинул:

– Я тебя разбужу.

Я кивнула ему в спину. Он взмахом руки включил свет на втором этаже и скрылся за дверью. Ну, спокойной ночи, господин колдун, с внезапной злостью подумала я. Пить он отвык, есть отвык, говорить нормально тоже разучился. Или мне попался самый грубый в мире колдун? И почему меня не заколдовал Робин! С другой стороны, посидел бы он тринадцать лет в зеркале, тоже вернулся бы не таким дружелюбным.

В комнате я помахала запиской над лампой, она зажглась и тут же погасла. Понятно, махать надо один раз. Справившись со светом, я закрыла шторы, чтобы не налетели насекомые. Постельное бельё нашлось в комодке вместе с полотенцами и туалетным набором. Наверное, это была комната предполагаемой бывшей служанки или просто гостевая.

Рюкзак так и стоял призраком другого мира посреди комнаты, такой же чужой и нелепый в этом окружении, как и я. Не хотелось его тревожить, но мне нужно было в чём-то спать. Я весь день проходила в той самой майке, в которой

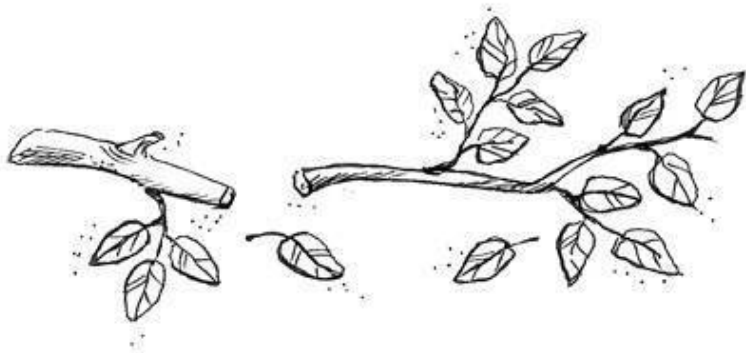
спала в отеле.

Переодеваясь, я нащупала что-то в кармане джинсов. С удивлением я вытащила оттуда сложенную бумажку. Карандашный рисунок маленькой растрёпанной птички, балансирующей на пшеничном колоске. Никакой это не воробей. И хвост полосатый, как у той самой ринки на краю золотого поля, и ноги чуть длиннее, чем надо. Я сунула рисунок под подушку и удивилась своему хладнокровию. Вот я, маленькая растрёпанная птичка, попала из своего родного золотого поля в самое сердце заколдованного леса – и ничего, спокойна, как камень, холодна, как горный ручей.

Я махнула запиской с оранжевыми буквами, свет погас, и тогда я зарыдала.

Глава 5. Ссора

Я проснулась от ощущения, что надоедливый комар звенит над ухом. Не открывая глаз, я спрятала голову под подушку. Зудение никуда не делось.

– Алина, тут комар, – пробормотала я.

Никто не ответил. Я открыла глаза и вспомнила, что я не дома и даже не в отеле. Я откинула подушку и потёрла глаза, которые никак не хотели открываться после ночных слёз. Села, потянулась, повертела головой туда-сюда, чтобы размять шею, и тут заметила смятую бумажку на кровати. Ну ты и птица-тупица, Екатерина! Додумалась положить рисунок под подушку! С досадой на саму себя я взяла листок, распра-

вила его и не обнаружила на нём никакого рисунка с птичкой. Я повертела его, подошла к окну и зачем-то посмотрела на свет. Ни следа! Текст с пожеланием удачи немного смазлся, но остался на месте, а обратная сторона листа была девственно чистой.

Что за фокусы? Я даже не могла понять, расстроена я больше или раздражена. Срочно в номер! Загадочная пропажа птицы! Как-то двусмысленно, не находишь, Екатерина? Сработала ли магия, которую колдун применил к Алине, поддадутся ей ли родители? Неужели не станут меня искать? Я отмахнулась от невесёлых мыслей. Рыдать удобнее по вечерам, когда никто не видит.

Комариное чувство не уходило. Видимо, колдуны будят колдовскими методами, а не простым стуком в дверь. Ничего, пускай позвенит, я не такая раздражительная, как некоторые. В ванной обнаружилось неудобство: нужно было как-то умудриться включить и выключить воду в душе, не намочив записку. Если махнуть ей далеко от душа, включалась вода в раковине. С другой стороны, если на бумагу попадёт несколько капель, не испортится же из-за этого магия? В процессе оказалось, что даже если уронить записку прямо в душевой таз, то магия останется на месте.

Разобравшись, я встала под струю воды, которую специально сделала погорячее. Вода была потрясающе мягкая, пар быстро заполнил маленькую комнатку. Я намыливалась душистым мылом, когда увидела её, пропавшую птичку.

– И как это понимать? – вслух спросила я.

Сначала пятно от клятвы, а теперь это. Ринка преспокойно устроилась вместе со своим пшеничным колоском у меня на левой руке чуть ниже плеча, занимая сантиметров десять в высоту. Каждая чёточка была выведена чётко, как на злосчастной записке. Сначала я понадеялась, что рисунок каким-то невообразимым образом отпечатался у меня на руке, пока я спала, и потёрла его с мылом. Нет, никакой это не карандашный отпечаток. Это вторая непрошенная татуировка за сутки.

Я кое-как заправила постель, а записку от интеллигентного старичка-художника скомкала и бросила в угол. Непонятно, то ли это с домом колдуна что-то не так, то ли этот старичок и сам был заезжим туристом-волшебником. Только вот зачем бы ему лепить мне татуировку на руку! Оставалось надеяться, это не очередная выкачивалка сил.

Мне не хотелось выходить, но комариный будильник в ушах стал невыносимым и почти материальным. Так недалеко и до чёрных, не серебристых, искорок в глазах. Я снова надела джинсы и вчерашнюю красную клетчатую рубашку, которая всё ещё пахла автобусом. Ну хорошо, Екатерина, сейчас ты выйдешь, скажешь колдуну, что ты свободная личность, и потребуешь немедленно показать тебе дорогу домой!

Стоило покинуть комнату, как звон прекратился. Джей вышел мне навстречу с кухни. Он то ли почистил свои ко-

ричневые штаны и чёрную рубашку от пыли, то ли его гардероб не отличался разнообразием. Волосы он помыл и собрал в хвост, но на них словно остался налёт пыли. Лицо было всё такое же уставшее, осунувшееся, с тёмными кругами у глаз, как будто он и не спал.

– Давай договоримся, – начал он, и я поняла, что вместо «доброе утра» мне сейчас зачитают правило номер три. – Если я тебя зову, ты сразу приходишь.

– Мне нужно было умыться.

– Полчаса?

– Я разбиралась, как всё работает, – как-то жалко стала оправдываться я и расстроилась, что момент проявить твёрдость характера упущен.

– Я сейчас покажу, как всё работает, – раздражённо сказал колдун.

Он открыл дверь под лестницей, которую я вчера не заметила. Там оказалась вместительная кладовка. Колдун вытащил метлу, совок, прямоугольное металлическое ведро и пошёл на кухню.

– Вот так это работает!

Он смёл крошки с пола в совок и ссыпал в ведро, затем протянул мне метлу:

– Вперёд.

– А что, нет записок для уборки? – с надеждой спросила я.

– Записки неспецифичны, – непонятно буркнул Джей и налил себе воды из-под крана.

Всё-таки тут была какая-то магия – мусор из ведра исчезал. Я медленно возила метлой по полу. Пыль не хотела отправляться в совок и кружилась серыми пушинками. Под столом обнаружилось несколько виноградин, которые я вчера не заметила или предпочла проигнорировать. Я хотела и их ссыпать в ведро, но Джей сказал:

– Нет.

Он оставил недопитую воду, достал из полки под раковиной ещё одно ведро, только обычное, с дном круглой формы.

– Это для пищевых отходов.

Ну надо же, разделение мусора! Наверное, вёдра перемещают мусор на разные свалки, а если перепутать, придёт злой инспектор и оштрафует.

Хлопнула входная дверь – пришёл Робин, принёс свежие булочки, молоко и яйца. Булочки были те же, что в трактире – круглые, величиной с ладошку, а в середине какая-нибудь мелочь, орешек, ягода или листочек.

Робин сразу принялся хозяйничать на кухне – открывал полки, вытаскивал посуду. В шкафчиках нашлись специи, масло, мука и прочие штуки, которые окончательно убедили меня в том, что с хозяйством колдуну кто-то помогал. Невозможно было представить этого мрачного пыльного типа у плиты или за покупкой разнообразных пряностей. Пока ко мне не переехала Алина, на моей кухне водилась только соль, а если покопаться – то мог найтись и перец. Я продолжила подметать, но не потому что было так уж грязно, а по-

тому что опасалась, что меня привлекут к процессу. А я готовить не люблю и не умею.

– Достань, пожалуйста, помидоры, – бросил через плечо Робин.

Он уже что-то резал, разбивал, смешивал.

– Ты умеешь готовить? – как будто прочитав мои мысли, спросил он, когда я передала ему несколько холодных помидоров.

Джей вышел на веранду, сел на крыльцо и сжал голову руками. Я сказала тихо, чтобы не было слышно с улицы:

– Я умею жарить яичницу до угляков.

Робин рассмеялся.

– Ну, это просто, ты научишься.

Я скептически скривила губы. Зачем учиться всякой ерунде, которая не пригодится дома.

– Я заказываю пиццу и суши, – сообщила я.

Робин закрыл омлет крышкой и, пока тот шипел и ворчал, стал выпытывать у меня подробности.

– Я забежал в полицейский участок пораньше, отметил, а потом сразу к вам. Не успел позавтракать. А когда я голодный, очень люблю поговорить про еду!

Оказалось, что рис у них тоже есть, но заворачивать его в водоросли и засовывать внутрь рыбу и овощи никто не додумался. Зато здесь готовят булочки, похожие на пиццу. Тесто обмазывают томатной пастой, в середине делают углубление и кладут сыр и помидоры, иногда мясо, а потом готовят в

печи.

Джей ещё отказался, оставшись сидеть на веранде. Сказал, что ему от запаха еды плохо, но принял у Робина яблоко, которое тот протянул ему через окно.

– Почему записки неспецифичны? – тихонько спросила я Робина, пока мы завтракали.

– А почему ты его не спросишь?

Хотела я сказать тётушкиным тоном, что неприлично отвечать вопросом на вопрос, но промолчала. Робин глянул на Джея, который перебрасывал яблоко из одной руки в другую и смотрел в заросли травы.

– Он не такой на самом деле, дай ему время.

Я сделала вид, что очень занята собиранием крошек на тарелке в кучку.

– Так почему записки неспецифичны? – повторила я, чтобы перевести тему.

– Ты доела? Дай-ка я покажу.

Я сбегала за коробочкой, которую оставила в комнате. Там я вспомнила про свою новую птичью татуировку, но мне не хотелось спрашивать даже Робина. Почему-то казалось важным, чтобы в этом мире у меня были свои секреты.

Я вернулась, и Робин взял записку для света. Вытянутой рукой он провёл широкую дугу. Свет зажёгся и в коридоре, и на кухне. Робин подошёл к двери, про которую я ещё не успела узнать, и открыл её. Там тоже горел свет. Это оказалась столовая, средних размеров комната со столом на во-

семь персон. Шторы были закрыты, посередине стола стояла ваза с увядшими розами – ещё один привет от домохозяйки.

– Они просто включают и выключают свет, неважно, где.

– А в чём же проблема сделать записку для уборки мусора с пола? – так и не поняла я.

– Для этого нужно описать, что такое мусор. Что такое мусор?

– Ну, – я задумалась, – крошки, пыль, грязь с улицы... вот виноградины тоже!

– А теперь подумай, как это описать. Напишешь «пыль» или «грязь» – записка уберёт только их, напишешь «остатки еды» – придётся вынести еду из комнаты, потому что исчезнет всё в зоне действия записки. А если станешь описывать подробно, какого размера остатки еды, что считать остатками, а что нет, то записка выйдет дороже услуг уборщицы на неделю.

Я хотела узнать, какого цвета буквы относятся к нагреванию плиты, но решила, что это может быть расценено как проявление интереса к кулинарии.

– А что вы тут пьёте? Ну, чай, кофе?

– Чаще всего чай из трав и ягод. В городе есть чайные, я тебе потом покажу.

– А у нас не чайные, а кофейни! И ещё кафе и кафетерии, – улыбнулась я.

– Кофе растёт южнее, его экспортируют, так что это дорогое удовольствие. Но у Джея мог остаться.

Я оживилась. Кофе я люблю! Кофе и колу, но про колу спрашивать не имело смысла: даже если тут и есть подобный напиток, он точно не похож на настоящий.

Робин пошарил по полкам, извлёк бумажный мешочек, открыл его и понюхал. Молотый кофе оказался свежим – ведь тут всё застыло в том состоянии, в котором колдун оставил дом тринадцать лет назад.

– А как... – начала я, но тут Робин достал турку.

И тогда настал мой звёздный час. Я оттеснила Робина от плиты, сама понюхала кофе и закрыла глаза от удовольствия. Замечательный! Сладковатый, средней обжарки, с цветочными нотками. Прикинула размер турки, насыпала три ложечки кофе с горкой. Не глядя, протянула руку:

– Записку для воды.

Наполнила турку водой до узкого горлышка.

– Записку для плиты.

Слова на записке были написаны красными буквами. Какая же я хитрая! И спрашивать не пришлось!

Аромат кофе притянул Джея с веранды. Он положил надкусанное яблоко на стол. Робин принёс из столовой три изящные чашечки с узором из сине-зелёных листьев и золотых капелек. Когда поверхность заволновалась, я сняла турку с плиты и подождала, позволяя частичкам кофе осесть на дно. Я едва не забыла выключить плиту запиской и проворчала, что это небезопасная магия, но Робин ответил, что если на плиту ничего не ставить в течение нескольких минут,

она сама выключится.

Я разлила кофе по чашкам.

– А говорила, что не умеешь готовить! – похвалил меня Робин.

Джей метнул на меня быстрый взгляд – значит, не слышал наш разговор.

– Это не готовить, – покраснела я.

С одной стороны, было приятно, а с другой, я уже винила себя в том, что проявила что-то вроде заботы и продемонстрировала навыки обращения с посудой и плитой.

Булочки оказались все разные. С травкой наверху – со специями, с орешком – ореховая, а с ягодкой – без начинки, но сладкая. Джей зачарованно смотрел, как я поглощаю булочку за булочкой. Может, мне должно быть неловко от того, что тут человек страдает и давится одним кусочком яблока, да и тётушкин голос нудил о том, что молодой леди нужно вставать из-за стола с лёгким чувством голода, но я демонстративно не останавливалась.

Робин предложил показать мне город, но Джей решил, что сегодня нужно привести в порядок сад и стоит начать прямо сейчас. Я с облегчением вздохнула – булочки в меня уже не лезли. Джей сказал, чтобы я сначала помыла посуду, а потом присоединялась к ним.

В раковине лежали вчерашние ножи и вилки, я положила туда тарелки, сковородку, чашки и задумалась, что с этим делать. Под раковиной не оказалось ничего похожего на губ-

ки или мочалки. Я заткнула слив пробкой, налила горячую воду и встала над ней, как будто ждала, что посуда очистится сама собой. Частички молотого кофе лежали на дне, масло со сковородки плавало сверху грязным пятном, а по нему, словно яхты и корабли, рассекали поверхность кусочки помидоров и зелёного лука. Я уже несколько минут наблюдала воображаемый бой красных и зелёных пиратов, когда вернулся Джей. Конечно, он же знает, где я нахожусь. Наверное, почувствовал, что я уже несколько минут стою без движения. Он положил рядом с раковиной стопку полотенец, а в воду налил мутный белый раствор из стеклянной бутылки. Вода тут же вскипела радужными пузырями, и мой красно-зелёный флот был повержен. Запахло цветами. Масляное пятно в страхе разбежалось мелкими пятнышками к краям раковины. Колдун сунул мне в руки мочалку и очень медленно произнёс, как будто всерьёз начал сомневаться в моих умственных способностях:

– Давай так. Если ты чего-то не понимаешь – спроси.

Правило номер четыре, подсчитала я. Может, и правда в следующий раз спросить? И так, и так нагрубит. Вроде не такой уж он и страшный, как мне сначала показалось, просто резкий.

Помыв посуду, я кое-как распахала её по полкам. Кроме красивых кофейных чашечек, которые определённо следовало держать в столовой, в шкафу с целой витриной разнообразных тарелок и чашек для гостей. Для чисто гипоте-

тических гостей, потому что на месте любого посетителя я бы сбежала отсюда спустя пятнадцать минут. В столовой было сумрачно и недружелюбно, а букет мёртвых роз навёл на мысль, что эту комнату забросили гораздо раньше, чем колдун заморозил дом.

В саду Джей срывал плети винограда со стены, а Робин переворачивал большую каменную вазу, которая завалилась набок под натиском одичавших ветвей.

– Садовые ножницы в кладовке. Будешь стричь кусты, – сказал Джей.

– А что, нет никаких записок для сада? – без особой надежды спросила я.

– Есть садовые ножницы, – теряя терпение, рявкнул Джей.

– Записки неспецифичны, понятно, – недовольно прошептала я, направляясь в кладовку и надеясь, что колдун услышит и лопнет от злости всем на радость.

Ножницы длиной с мою руку были тяжёлыми и тугими. Я прошлась вдоль дорожки, отрезая самые некрасивые и выступающие ветки.

– Может, по листочку отрывать будешь? – подал голос Джей от дома.

Может и буду! Разозлившись, я отрезала какой-то куст прямо у основания, и он завалился на дорожку, напоследок царапнув меня колючими ветками по щеке. Робин разобрался с вазой, нашёл вторые ножницы и присоединился ко мне. Он с растениями не церемонился, и скоро проход к дому был

чист.

Ветви мы оттаскивали на дорогу, потому что Робин сказал, что проще всем скопом переместить их в лес. Я поинтересовалась, почему нельзя целые растения из сада отправить в лес, чтобы они там продолжали расти. Робин снова своим учительским тоном спросил меня, что такое дерево.

– Ну... ствол, ветки, листья... корни.

– Правильно, – почему-то обрадовался Робин, – корни. Куда ты их денешь? Каждое дерево нужно аккуратно извлекать и знать точное место в лесу, где ничто не растёт, чтобы поместить туда корни. Магия не всегда эффективнее обычной физической работы.

То тут, то там в соседних домах мелькали любопытные лица соседей. У всех сразу тоже нашлись какие-то дела в саду. Многие решили, что в этот солнечный весенний день хорошо бы помыть окна, выходящие на дом колдуна. Мимо прошла, коротко поздоровавшись, женщина с собакой, напоставившей смесь болонки и пуделя. Женщина была одета в яркие шаровары и узкую белую кофту, как противоположность костюму Робина, у которого был узкий низ и широкий верх.

В течение дня я заметила, что это отвечает местной моде – и мужчины, и женщины носили или шаровары в сочетании с узкими кофтами, или наоборот, узкие штаны и широкие блузы с пышными рукавами, как будто соблюдая баланс. Некоторые несли в руках плащи. В цвете предпочтений не наблюдалось, встречались и яркие, контрастные, и приглу-

шённые, землистые оттенки.

Мы немного продвинулись вглубь сада, и я тащила новую порцию веток наружу, когда к калитке подбежал мальчишка довольно-таки наглого вида, в коротких оборванных штанах, наполовину заправленной в них рубашке, кепке, надвинутой на лоб, и при этом босой. Заходить за калитку он не стал.

– Господин Робин здесь? – спросил он и, не дав мне ответить, проорал: – Господин Робин!

Робин подошёл, наклонился, и мальчишка быстро зашептал ему что-то в ухо.

– Скажи ему, что уже иду.

Мальчишка кивнул и со всех ног бросился вниз по улице.

– Джей, – позвал Робин.

Колдун вышел из-за дома, отряхнулся от листьев. Вид у него был неважный: волосы снова растрепались, а бледные щёки пошли розовыми пятнами.

– Ты бы отдохнул, – сказал Робин с сомнением. – У меня дела в городе, может, возьму заодно Рину, покажу ей окрестности?

Джей отмахнулся от предложения отдохнуть и помотал головой:

– Завтра. Сегодня нужно тут всё привести в порядок.

Руки мои, привычные к печатанью на клавиатуре и кликанью мышкой, отказывались поднимать тяжёлые ножницы, и я бродила по дорожке, собирая отстриженные ветви и относя их в кучу. Я не спешила, зачем? Это у некоторых кол-

дунов наполеоновские планы по расчистке за день территории, которая зарастала годами, а у меня таких амбиций нет. Мои амбиции – остановиться раньше, чем устану работать.

– Кажется, кусты растут не только вдоль дороги, – ядовито сообщил Джей, увидев, как я несу букет из тонких прутьев.

Солнце припекало, и я, плюнув на тётушкин голос в голове, причитающий, что майка – это нижнее бельё, в котором нельзя даже из комнаты выходить, сняла через голову рубашку, повесила её гордому, но грязному льву на голову и побрела за ножницами.

Джей догнал меня.

– Что это?

Курица ты безмозглая, Екатерина. Конечно, он увидел мою птичью татуировку.

– Ничего, – буркнула я на ходу.

– Стой. Откуда она у тебя?

– Какая разница? Она у меня давно.

Получилось нескладно. Я отвернулась, чтобы идти дальше, но колдун резко схватил меня за локоть и дёрнул к себе.

Я запнулась, чуть не потеряла равновесие, а когда подняла голову, то встретилась с ним взглядом и похолодела. Не ты ли, Екатерина, только что решила, что не такой уж он и страшный? От колдуна пахло пылью, как будто он пропитался ей в зеркале на веки вечные. Его болотно-зелёные глаза прожигали насквозь. Волна раздражения, перелившись через край, хлестнула меня, как ветка одичавшего дерева. В

тот момент я впервые по-новому ощутила мою с ним невидимую связь – не как отток энергии, не как требовательное жуужание в ухе, а как чувство его настроения.

– Ты помнишь, что я тебе сказал?

Если я сейчас скажу «да», то признаюсь в том, что соврала, а если скажу «нет» – снова совру. Я промолчала.

– Предупреждаю в последний раз, – тихо произнёс колдун и перевёл взгляд на рисунок.

Наконец, он отпустил меня и направился к дому, кинув:

– За мной.

Когда он отвернулся, я трясущейся рукой вытерла слёзы.

На кухне колдун будничным тоном сказал: «Надо перекусить», налил воду в две кружки, одну поставил передо мной. Сам сел напротив, откусил яблоко, с отвращением прожевал, но проглотил.

На улице ветер шелестел листьями деревьев, перекрикивались вороны и щебетали мелкие птички. Джей катал надкушенное яблоко по столу. Я старалась подавить всхлипывания, которые никак не хотели прекращаться. Дрожащей рукой я взяла кружку и сделала пару глотков.

– Откуда она у тебя?

Я боялась, что он сейчас снова разозлится, но ответила честно:

– Не знаю.

– Она появилась дома или уже здесь?

– Здесь, но рисунок у меня уже был.

– Какой рисунок?

– Мне дедушка в автобусе нарисовал, – мой голос звучал тускло, словно доносился из зазеркалья. – Он всех рисовал в блокноте. Сам сошёл на полпути, а мне оставил рисунок с запиской.

– Где записка?

Я сходила в комнату, подняла с пола скомканный листок бумаги и принесла колдуну. Он рассмотрел его со всех сторон, расправил, прочитал текст. Я даже не удивилась, что он читает по-русски.

– Робин вечером посмотрит. Отдохни немного, потом продолжим работать.

Он сунул бумажку в карман и ушёл. От его слов я разволновалась, хотела спросить, не опасная ли это штука, но конечно не спросила. Робин объяснит. Я не могла понять, что меня больше расстроило – то, что колдун узнал про картинку, или его реакция. А может быть эта внезапная эмпатия, которая, должно быть, действовала в обе стороны. Очень удобно – слуга всегда знает, в каком настроении его господин, и лишний раз не будет его раздражать. Мои надежды на то, что колдун вернёт меня домой, если я просто топну ногой и потребую, стремительно таяли. Я готова была предаться печальным мыслям о несправедливости мира к одной несчастной девушке, но заурчавший желудок вернул меня на землю.

Я набрала в тарелку булочек, помидоров и сыра и долго

сидела на веранде, залитой полуденным солнцем.

Джей заметил, что я уже с трудом поднимаю ножницы и эффективность меня как отстригателя веток сходит на нет. Он решил, что пора сменить вид деятельности, и приказал взять ведро, мыльный раствор и щётку и оттереть с львов многолетний слой грязи и мха. Колдун разговаривал спокойно, и я своим новоприобретённым чувством попробовала понять его настроение – то ли ничего у меня не получилось, то ли его раздражение ушло.

Львов мыть оказалось чуточку проще, чем стричь деревья, потому что моя голова была почти вровень с головой сидящего льва, а спящий лев лежал на уровне моей груди, и не приходилось высоко поднимать уставшие руки. Впрочем, тереть заросший мрамор щёткой тоже оказалось непросто, поэтому пока колдун не видел меня, я не напрягалась.

Когда солнце было на пути к закату, а тень от дома закрыла собой сад, вернулся Робин, присвистнул, сказал, чтобы мы закруглялись, и потащил меня в дом. Я не помнила себя от усталости. Не думаю, что я когда-то в своей жизни столько работала. Джей выглядел совсем плохо, но молчал. Я подавила злорадство, испугавшись, что он почувствует.

Первым делом на кухне я помыла руки. Ссадины от колючих веток и мозоли защипало, и пришлось на них дуть. Клетчатая рубашка тоже пострадала. Робин извлек из шкафчика в столовой большой чайник и заварил травяной чай, который

принёс с собой.

– Ну-ка, дай посмотреть, – попросил он меня.

Я испугалась, что он хочет взглянуть на мою татуировку, но он имел в виду ссадины. Он же что-то говорил про то, что умеет лечить.

– Магией времени балуешься? – хмуро спросил Джей, наблюдая, как Робин держит свои руки над моими царапинами, и те затягиваются на глазах.

– Этот подвид к запрещённой не относится, сам знаешь.

– Я теперь ничего не знаю.

– А у тебя что? Давай посмотрю, – обернулся к нему Робин, когда залечил мою утреннюю царапину на щеке. Мне захотелось отодвинуться, когда его рука оказалась в сантиметре от моего лица, но я сдержалась.

– У меня ерунда, не мешает, – отмахнулся Джей.

– Если ты не будешь есть, то от одного чиха умрёшь, – попытался урезонить его Робин.

Джей снова махнул. Ну дирижёр, честное слово.

– Лучше посмотри на это, – сказал он и положил на стол смятую записку от старичка, а потом сказал мне: – Покажи руку.

Я расстегнула рубашку и приспустила левый рукав.

– Ты видел что-нибудь подобное? – спросил Джей своего друга.

Тот повертел в руках бумажку и теперь рассматривал мою птичью татуировку.

– Потрясающе, – наконец-то озвучил он свой вердикт. – Тонкая, многослойная работа!

– Что ты видишь?

– Очень запутанно. На бумаге осталось условие, при котором магия заработает. На самом рисунке первый слой, очевидный – удача. Второй скрыт, и его трудно разобрать, мне нужно покопаться в книгах. Откуда это?

– От старичка из автобуса, – ответила я.

– Это транспортное средство, – пояснил Джей и тяжело взглянул на меня. Я уставилась в пол. – Расскажи про этого человека.

Робин, нахмурившись, переводил взгляд с меня на Джея.

Я рассказала, как в автобусе старичок сравнивал всех людей с растениями и рисовал их, хотела описать его внешность, но оказалось, что кроме вельветового пиджака и общего ощущения интеллигентности я ничего и не помню.

– Всё? – спросил Джей.

Я кивнула. Я ругала себя, но ничего не могла сделать. Эх, Екатерина, уже второй раз за день ревёшь на людях, а ведь хотела тайно рыдать по вечерам в подушку. Но вдруг Робин мне поможет, если увидит, что мне плохо?

– Так, – сказал Робин.

Джей сжал губы. Я почувствовала, что он снова начинает раздражаться, и пискнула:

– Можно, я пойду?

– Да, – сухо произнёс Джей.

Робин сунул мне в руки чашку чая и тарелку с булочками и сыром. Мне уже хотелось какой-нибудь нормальной еды, если не пиццы, то хотя бы макарон с кетчупом, но я схватила то, что дают, и поспешила покинуть кухню.

Я даже не успела дойти до комнаты, как они начали ссориться. Робин заговорил тихо, но с интонацией, не обещавшей ничего хорошего:

– Знаешь, на кого ты сейчас похож?

– И на кого же? – с вызовом спросил Джей.

– Вот ты мне и скажи! – повысил голос Робин.

– На старого козла Тина? Ну извини, другого учителя у меня не было, – язвительно закричал ему в ответ Джей.

– У меня тоже!

– А я не знаю, как ты с заключёнными себя ведёшь!

– Она тебе не заключённая!

Тут кто-то из них стукнул кулаком по столу. Стало тихо.

– Ты сам её в это втянул, это раз. Ты сам меня взял свидетелем, это два. Я теперь тоже за неё отвечаю. Ты мне хоть и друг...

Решив не дослушивать, я аккуратно прикрыла дверь, надеясь, что они не начнут кидаться друг в друга заклятьями и проклятьями... Только сейчас я заметила, что на двери нет ни замка, ни задвижки.

Я поставила чашку и тарелку на стол, а сама легла на кровать, не раздеваясь. Пока ещё было относительно светло – солнце не село, а в окно больше не лезли ветки и виноград.

Скоро стемнеет, а я забыла коробку с записками на кухне.

Я незаметно провалилась в сон, но через пару часов проснулась, разбудив сама себя тем, что снова плакала. Мне снился дом. Я начала подсчитывать, когда я в последний раз спала в своей кровати. Неужели всего два дня я здесь?.. Неделю мы путешествовали... а как будто вечность, в которую уместились отели, сувенирные лавки, разношёрстные туристы, колдуны и будничная магия. Этот мир приобретал всё большую реальность, а дом начинал казаться сном, и я зажмурилась, стараясь в деталях вспомнить свою квартиру, знакомые звуки и запахи, но не получалось. Непривычно и терпко пах уже остывший чай, запахи комнаты были чужие, не похожие даже на гостиничные. Ничто не нарушало ночную тишину, кроме птичьих голосов. Никаких звуков шоссе, самолётов, далёкой сирены, чем-то потревоженной сигнализации во дворе. Не раскладывают диван соседи сверху, не плачет за стенкой ребёнок, не бубнит телевизор. Я на ощупь нашла рюкзак, наугад извлекла какой-то предмет одежды, который ещё хранил запах автобуса, и положила на подушку.

Я несколько раз просыпалась от мшистых, зелёных снов, где я лежала во мху, который обволакивал меня, накрывал, свисал с деревьев, но пах выхлопными газами. Зато он был мягкий и не пытался царапать меня, как злые дикие кусты. Казалось, что ночь будет длиться вечно. Пускай, ведь тогда не придётся больше приводить в порядок сад – ничего не будет видно.

Глава 6. Забастовка

Утром в ванной комнате нашлась та записка, которая вчера промокла под душем. Под комариный звон в ушах я умылась, надела свитер – было прохладно – и вышла.

Робин уже сидел на кухне, как будто и не уходил.

– Готова к выходу в город? – спросил он.

Я хотела поинтересоваться, где Джей, но, похоже, что кроме чувства его настроения, во мне проросло и чувство его местопребывания. Он был в доме, но кроме первого этажа я ещё ничего не видела, так что не могла понять, где именно.

– Лучше бы дом мне показали, – пробурчала я. По утрам я не самый приятный человек.

– У тебя есть какая-нибудь кофта с широкими рукавами? Сейчас так носят. Штаны подходят, – улыбнулся Робин.

– Это джинсы, – хмуро поправила его я и пошла в комнату.

В рюкзаке нашлась белая рубашка с широкими рукавами на манжете. Вроде не моя. Алина, заядлая любительница шопинга, периодически освобождала свои шкафы для новых приобретений, поэтому что-то кроме футболок появлялось в моём гардеробе только благодаря ей.

Я переделалась, запихнула вынутые вещи обратно в рюкзак. Всё почему-то не влезло.

Робин остался доволен. Сам он был в тех же чёрных брюках и светло-голубой рубашке.

– А разве у полицейских нет формы? – вдруг пришло мне в голову.

– Я в вынужденном отпуске, – сказал колдун.

– А мы не должны сказать, ну?.. – я кивнула наверх.

– Он знает, – ответил Робин. – Итак, к делу: скоро я не смогу бывать здесь так часто, так что для начала покажу тебе продуктовый рынок.

Я сразу сникла, ещё чего не хватало! Во-первых, я не хочу и не умею покупать продукты, потому что, во-вторых, я не знаю, что с ними делать, если они не приготовлены. Когда приготовлены – есть, само собой разумеется. И потом, что же я буду делать, когда останусь наедине с Джемом и некому будет меня защитить?

Мы прошли вниз по извивающейся улице к мостовой, пересекли её и свернули на узкую дорожку между домами. Холм остался позади, рельеф выровнялся.

Дома в один-два этажа тесно прижимались друг к другу и не могли похвастаться шикарными садами, как в том районе, где стоял дом колдуна. Я уже не в первый раз удивилась, насколько его внешность не соответствовала жилищу, но пока не стала спрашивать Робина – у меня и без того было много вопросов.

– Робин, а как так получилось, что вы учились вместе? – спросила я по пути. – Ведь ты старше лет на десять.

– Вообще-то Джей меня на год старше.

– Как так? – я чуть не остановилась от удивления.

– В зеркале всё замедляется, почти останавливается. Там не надо есть, пить, спать. Вероятно, теперь он постепенно приблизится к своему настоящему возрасту. Я только в книгах об этом читал, да и вообще на практике никто не знает. Такое наказание не применялось уже, наверное, несколько сотен лет, – Робин понизил голос. – Древняя магия опасна, потому и запрещена. Триста лет назад наш мир был разрушен, затем с трудом восстановлен. Появился магический Совет, который ввёл запрет на некоторые виды магии.

– Это какие? – спросила я, но слушала без особого интереса.

Это как разговаривать с айтишником и из вежливости спросить, какие бывают виды процессоров. Трудно предста-

вить, чтобы мне когда-нибудь понадобилось знание классификации магии. Тем более что я собираюсь в ближайшее время как-нибудь, как угодно, вернуться домой.

Робин перечислял:

– Во-первых, зеркальная магия – любое использование зеркал и отражающих поверхностей.

– А Совету, значит, можно? Раз они заперли... – я замялась. Мне почему-то не хотелось называть Джея по имени. – Запирают там людей.

– Только единогласным решением всех двенадцати членов Совета. Во-вторых, магия времени, но с исключениями. И, в-третьих, любые манипуляции с волей и памятью других людей.

– Но как же застывший дом? И Алина, и мои родители, которые теперь думают, что я работаю в отеле!

Робин сначала не ответил, и мы некоторое время шли молча.

– Джей, он... Ему раньше плевать было на запреты. Я надеюсь, теперь он будет осторожнее.

Ага, вот и доплевался! Так ему и надо. Я хотела спросить, кому в этом мире жаловаться на нарушения магических правил, но рядом со мной шёл полицейский, который и так всё знал, но ничего не предпринимал. А было бы так просто – пойти в полицию и заявить, что меня обманом притащили сюда и держат в заложниках. Я спросила иначе:

– Кто же тогда следит, чтобы не пользовались этой маги-

ей?

– Совет и следит – в основном, по доносам. На Джея, скажем так, были поставлены маячки, поэтому Советники сразу узнали, что он вернулся.

– И ничего не сделали? Ведь он вернулся раньше срока, правильно?

– Правильно. Но древняя магия не служит ни чьей выгоде. Они заперли Джея на сорок лет, но в ритуале есть лазейки и для заключённого: например, никого нельзя запереть в одно зеркало, только в зеркальный зал, а ещё если найдётся человек, готовый занять место заключённого, тот может покинуть зеркала раньше.

Незаметно меня увлёк его рассказ. Такой интересный сериал показывают! Меня распирало от миллиона вопросов, от «что такое зеркальный зал» до «что будет с нервным колдунном из моего мира», но мы уже поднялись по лесенке, перила которой были увиты только начинавшими зацветать розами, и вышли на рыночную площадь.

От количества людей в разнообразных одеждах рябило в глазах. Такого нам Лилия Сергеевна на экскурсиях не показывала! Цвет, звуки и запахи заполнили пространство и поглотили моё внимание.

Площадь окружали невысокие домики с красными крышами. Оконные рамы также были красными, а с балкончиков свешивались оранжевые, жёлтые и фиолетовые цветы с чёрными серединками и округлыми листьями, заостряющи-

мися на кончиках.

Вся площадь была уставлена светлыми навесами, защищавшими от солнца. На столах продавцы разложили товары: фрукты и овощи, хлеб и творог, травы, специи, кухонную утварь, свежие цветы, венки с разноцветными лентами. Я задержалась у фигурок из сена с вплетёнными стеклянными бусинами. Тут были кошки, мышки, олени, человечки, а с навеса свисали шары – от маленьких, с ладонь величиной, до огромных, которые не обхватишь руками.

Мне хотелось остаться там надолго, всё рассмотреть и пощупать, но я боялась потерять Робина в толпе. За разговорами я не особо следила за дорогой и теперь вряд ли смогла бы самостоятельно добраться до дома.

Робин покупал яблоки у пожилой женщины с короткими седыми волосами, завитыми в легкомысленные кудряшки, и высоко поднятыми, прорисованными углём бровями, которые придавали её лицу удивлённое выражение.

– Робин, – прошептала я, – это у вас яблоки весной спеют?

– Нет, – засмеялся он, – их перемещают из других стран, поэтому они сейчас дорогие. Осенью будут местные.

– Значит, что угодно можно переместить, и даже из других миров?

– Можно, в разумных пределах. Но из других миров – это мало кому по карману, да и если речь о продуктах, то в основном везде всё одинаковое. На Старом рынке у замка продают экзотику, а на Новом – это здесь – и на Южном торгуют

обычными продуктами.

Я на некоторое время оставила Робина в покое, переваривая информацию. Я-то думала, тут будут какие-нибудь эльфийские крылышки, корень мандрагоры и светящиеся лепестки. Но Робин кидал в мешок картошку, морковь и кабачки с баклажанами. Никогда не могла запомнить, что из них что, одно зелёное, другое фиолетовое. Я слегка напряглась, ведь это всё надо как-то изобретательно готовить, а не просто кинуть в кастрюлю, залить водой и подождать, пока оно сварится.

В самом центре площади, окружённый прилавками, располагался каменный фонтан в виде чаши. На постаменте, из-под которого водопадом стекала вода, спиной друг к другу стояли четыре небольших статуи – две женщины и два мужчины в плащах. Пока Робин остановился рядом с торговцем яйцами, на столе у которого топталась пушистая рыжая курица, я пробралась между столами и обошла фонтан кругом. Мужчины были бородаты и носили круглые шапочки. Одна женщина прикрыла голову шляпой с полями, на второй головного убора не было. Каждый персонаж держал что-то в руках. Первый мужчина – домик, второй – чашу, женщина в шляпе – кукурузу, ну а последняя героиня прижимала к груди перо. Я присела на краешек фонтана и поболтала рукой в холодной воде.

– Основатели города, – раздался у меня над плечом голос Робина. – Не конкретные люди, а образы: строитель с

домом, дипломат с чашей воды – она символизирует разговоры, фермер и колдун. Перо тут и письменный инструмент, и знак путешествий.

– А ты яйца прямо к овощам кинул, – разглядывая мешок, сообщила я Робину, уже подозревая, что там какое-нибудь заклинание.

– Они не разобьются, пока по ним не ударить ножом или не стукнуть о край сковородки.

Ну, это вообще высший пилотаж от шеф-повара. Моя яичница и так обычно дополнена кусочками скорлупок, а если я разобью яйцо о сковородку – это я буквально разобью его, с последствиями по всей плите, а то и по полу.

Мы направились к выходу, медленно пробираясь через шумную толпу. Многие покупали булочки и чай и ели прямо на месте, но Робин хотел зайти в пекарню, которая находилась на мостовой. На этот раз я попыталась запомнить хоть какие-то приметы, но одна узкая улочка между домами сменялась другой, поворачивая и обрываясь на перекрёстке. Наверное, мы шли другой дорогой. А мне бы пригодилось знание улиц, если придётся бежать. Конечно, Джей сразу узнает, где я нахожусь, но я не сомневалась, что существует способ разорвать клятву, тем более, что меня обманули. Я даже немного прониклась сочувствием к нервному колдуну, которому теперь сидеть в зеркале двадцать семь лет. Но у него хотя бы ограничен срок!

Вдоль широкой улицы, ведущей к мосту, выстроились до-

ма повыше. На первых этажах располагались лавки и магазинчики, а перед ними, отделяя пешеходную часть от дороги, росли деревья, в тени которых отдыхали посетители чайных. Между столиками сновали официанты.

Мы подошли к лавке с вывеской в виде булки в шляпе. Витиеватая надпись была настолько неразборчивой, что я даже не смогла отделить буквы от слов. Запах свежего хлеба манил. При взгляде на прилавок, заваленный хлебом, хлебцами, булочками, кренделями, печеньями, кексами и пирогами, у меня разбежались глаза. И как только прохожие оставались равнодушными и проходили мимо!

Кроме круглых булочек, сладких и со специями, Робин купил и простых, каждой по три штуки, а для меня взял ту булочку, похожую на пиццу, о которой говорил. Наверное, тоже услышал зов моего желудка, который громко напомнил о том, что его давно не кормили. Булочку я тут же съела, не забыв напрячься от навязчивой опеки Робина. Мне же не двенадцать лет, в конце концов, и я давно живу одна. Булочка была маслянистая, острая и напоминала пиццу лишь отдалённо. На обратном пути я уже жалела, что не оставила её на потом. Теперь ужасно хотелось пить, и я с трудом преодолела подъём на холм.

Робин заставил меня стоять рядом с ним, пока он готовит омлет, и запоминать его действия. Что толку их запоминать, если в итоге я всё спалю?.. Но я послушно стояла рядом, потому что он сказал, что завтра придёт только днём.

– Не может быть! – вдруг воскликнул Робин. – Тень мира?

Мне пришлось отвлечься от наблюдений за тем, как на поверхности омлета под стеклянной крышкой вырастают холмы. Сегодня зелёные кусочки лука были не пиратами, а деревьями, растущими среди пустыни, а помидоры... я как раз размышляла, что могут изображать помидоры.

Робин глядел за мою спину, а я даже оборачиваться не стала. Понятно, что это хозяин дома пожаловал. Чтобы проверить своё новое чувство, я мысленно прощупала его настроение. Надо же, он может быть чем-то доволен! Джей уселся за стол, и я скосила на него взгляд. Он, едва заметно улыбаясь, отодвинул яблоко, заботливо выставленное Робинком на середину стола, взял булочку и стал осторожно отламывать по кусочку.

– Я там поел, – наконец, произнёс колдун.

– И что же ты там ел, скажи на милость? – поинтересовался Робин, уперев руки в бока, словно недоверчивая мамаша, которой сын рассказывает, как любит брокколи и цветную капусту на обед и с радостью променял бы на них все шоколадки мира.

– Их стандартное меню: салат из мха, отбивные из мха и картошку. Тоже из мха. На десерт мох со мхом, – язвительно ответил Джей.

Я наострила уши, вспомнив мои замшелые кошмары.

– Ты со сном там поаккуратнее, не увлекайся, – наставительно сказал Робин.

– Знаю, – отмахнулся Джей, – но лучше там, чем вообще не спать.

Несмотря на то, что Джей заявил, что теперь чувствует голод, съел он совсем немного. Дождавшись, пока я помою посуду, он снова погнал нас в сад.

Робин не сопротивлялся: ему нравилось возиться с растениями, даже если они были колючими, сухими и норовили поцарапать или подставить подножку. Я попыталась поднять садовые ножницы на уровень груди, но мышцы болели после вчерашнего ударного труда.

Джей понаблюдал за моими тщетными попытками справиться с ветками в глубине сада и снова отправил мыть львов. Я даже спорить не стала, ведь вчера не слишком старалась, оттирая грязь со статуй. Впрочем, стараться я и сегодня не собиралась. Не только из-за ноющих мышц, о существовании которых я раньше не подозревала, но ещё и из принципа.

Я набрала немного воды в ведро, потому что много всё равно бы не унесла, и поплелась к калитке, проклиная колдунов за то, что они не изобрели садовый шланг, и подозревая, что есть способ наполнить ведро, не таская его в дом. Может, и записки есть, тут никакая специфичность не требуется.

У львов я на некоторое время остановилась, соображая – это со мной ли что-то не так, или это дом, который превращает рисунки в татуировки, ещё и меняет львов местами. Я

была уверена, что вчера сидящий лев располагался слева от входа, а куст с белыми цветами практически лежал у него на голове. К тому же, сегодня он казался гораздо грязнее лежащего, а я ведь отмывала их с одинаковым энтузиазмом, то есть, с минимальным.

Днём Робин продолжил кулинарные занятия, крошил в сковородку с кипящим маслом овощи, заставлял меня запоминать последовательность, что из овощей готовится дольше, что быстрее, и повторял, что всё делается на глаз, надо только начать. Я не имела никакого желания начинать, но Робин повторил, что завтра утром не придёт, и завтрак готовить должна я.

Я ковыряла кусочки овощей в тарелке, пока колдуны обсуждали всякую ерунду про жизнь старых знакомых. Кто вообще придумал овощи, их же невозможно есть! Если это, конечно, не попкорн. Я выложила из кусочков грустную рожицу. Как в зеркало смотрюсь, честное слово!

Робин что-то шепнул Джею, потом начал корчить рожи и толкнул в плечо. Тот вздохнул.

– Рина, п... – он прокашлялся и продолжил: – Пожалуйста, приготовь кофе.

Всё лучше, чем выкладывать овощные аппликации. К тому же, это немного отодвинуло возвращение к работе.

К удивлению, мы уже почти справились с приведением сада в порядок. Ветки больше не цеплялись за одежду, когда я проходила мимо, проваливаясь в опавшую листву прошлых

лет. На некоторых кустах только-только появились листочки, хотя здесь уже почти наступило лето. Им не хватило солнца. Теперь можно было разглядеть, что где растёт. В основном в саду рос шиповник, а у края дорожки пробивалась дикая трава и измельчавшие тюльпаны. Вечером в моей комнате стало значительно светлее, а из окна я могла видеть львов, охраняющих калитку. Их всё ещё теснила неаккуратная разросшаяся живая изгородь, мало походившая на подстриженные под прямым углом зелёные кусты соседей, а у одного из львов на голове лежала ветвь с крупными белыми цветами.

Утром я вновь была разбужена комариным будильником. До этого я предусмотрительно забрала из коробочки с записками несколько синих и оранжевых в свою комнату, а остальные оставила на кухне. Надписи на синих, водных, которые я использовала чаще всего, за пару дней успели побледнеть. Я только вздохнула. Зачем нужна такая магия, от которой одни беспокойства! До чего проще было бы изобрести электричество и водопровод.

Новый повод для печали обнаружился сразу после душа. Моя рубашка была в не самом лучшем состоянии из-за колючих веток, а теперь ещё стала несвежей, так что я отбросила её в угол и стала рыться в рюкзаке. Майку я ещё могу постирать в раковине мылом, но как-то же они тут чистят одежду, обходясь без стиральных машин. Не в реке же?

Из рюкзака я извлекла серую футболку с Микки-Маусом. Не видела её лет сто! И где только Алина её откопала? От

футболки пахло сушёной лавандой. Наверное, валялась где-то в дальних полках шкафа.

Разбирать рюкзак я принципиально не стала. Во-первых, у меня не оставалось на это сил, а во-вторых, Джею рано или поздно придётся меня отпустить. Точнее, рано. Зачем ему бестолковая служанка, которую нужно учить, как включается свет и вода, и которая в этом мире чуть более дееспособна, чем младенец?.. Стой-ка, Екатерина, а ведь это идея! Конечно, когда я воображала себя героиней сериалов, то была отважна и благородна, хоть и несколько неуклюжа. А вдруг это не моя роль? Вдруг моя роль – тупая служанка, от которой больше вреда, чем пользы, а ещё невероятное количество раздражения? Она всё роняет, шумит, тратит попусту время, не понимает элементарных вещей, ошибается как будто нарочно, и в итоге хозяин не выдерживает и отправляет её домой.

Великолепный план! А учитывая, как просто вывести Джея из себя, у меня есть все шансы вернуться домой до конца весны. К тому же, мне и притворяться особо не придётся, что я и доказала за завтраком.

Робин не пришёл, как и предупреждал. Джей сидел на веранде и жевал яблоко. Услышав мои шаги, он обернулся.

– Почему так долго?

Потому что этот комариный писк вполне можно игнорировать. И тебе доброго утра, сказочный волшебник. Как спалось, и спалось ли вообще?

Легко быть язвительной в мыслях, на самом же деле я промямлила:

– Я искала одежду.

– Нашла? – сухо поинтересовался колдун.

Я поправила футболку, сложила руки на груди и ничего не ответила.

– Не соблаговолите ли приготовить завтрак? – Джей сделал театральный жест в сторону плиты и отвернулся. Вот у кого язвительность получалась естественно и непринуждённо!

Я извлекла на свет сковородку, которую сама же засунула вчера в неведомые глубины полки. Миска стояла у раковины. В ней предполагалось смешивать ингредиенты, которые я нашла в холодильнике. Вроде всё было просто, когда Робин показывал. Итак. Разбить яйца. Не о край сковородки – плиту ведь мне придётся мыть. Ножом страшно, я и по пальцам могу попасть, а Робина нет, чтобы срочно меня вылечить. Попробую о край миски. Миска выразила несогласие тем, что соскользнула на пол и разбилась на три больших осколка. Опасливо поглядывая на веранду, я отодвинула их ногой к стене – потом уберу. Колдун даже не обернулся. Прекрасно, продолжим. Найдя другую миску, я взяла её покрепче одной рукой, а другой ударила яйцом о край. Результат превзошёл ожидания – половина попала в миску вместе со скорлупой, часть оказалась на столешнице, а остатки стекали у меня с руки. Я вытащила самые заметные скорлупки, а мелкие пус-

кай плавают. Знаю, мне тоже придётся это есть, но я готова пожертвовать своим благополучием, чтобы насолить колдуну.

Кстати, о соли! Её вполне можно проигнорировать. Расправившись с яйцами и щедро полив их молоком, я взбила смесь вилкой. На жидкости с прозрачными и жёлтыми краплениями образовалась симпатичная пенка, и я вылила плоды своих трудов в сковородку. Ах да, её вроде полагалось смазать маслом, ну, ничего. Насчёт подогреть заранее я тоже была не уверена. Оно же всё равно нагреется и приготовится, решила я, махнув запиской над плитой, какая разница? Следующими в сковородку полетели кое-как нарезанные помидоры и подвявший лук. Не стоит ли добавить масло сейчас?..

Жидкость запахла омлетом, а затем стала обугливаться по краям, но при этом не желала приобретать нужную консистенцию. Я с сомнением потыкала бурчащую жижу лопаткой и попыталась перевернуть. Увлёкшись, я на время забыла, что совершенно не хотела готовить. Даже интересно, напоминает игру про ресторан, в которую я играла на лекциях, спрятав телефон под стол.

Другое дело, что игра не воняла горелым, а то бы меня немедленно выгнали из аудитории. Я оставила попытки помочь омлету приготовиться и вывалила его на тарелки как есть. Получилось живописно и разнообразно – тут вам и горелое, и подсохшее, и жидкое. На сковородке остался почерневший слой.

Колдун так и сидел спиной к кухне, уставившись в свой личный кусочек дикого поля на заднем дворе. В высокой траве, росшей вперемешку с молодыми деревцами, чирикали птицы. Надо было позвать Джея, но мне до сих пор не хотелось обращаться к нему по имени. На улице люди обращались друг к другу «господин пекарь», «господин продавец»... Господин колдун? Во-первых, если уж на то пошло, я не видела, чтобы он колдовал после путешествий между мирами. А во-вторых, господин? Ну уж нет!

– Готово, – после некоторых раздумий буркнула я и села ковырять содержимое тарелки, не дожидаясь колдуна.

Тот бросил огрызок яблока в траву, распугав коричневых птичек с красной грудкой.

– Пахнет отвратительно, – сказал он, усаживаясь за стол, – а выглядит ещё хуже.

Ты ещё на вкус не пробовал, дорогой.

Пришлось положить в тарелку кусочек вчерашнего подсохшего хлеба – иначе собрать жижу не представлялось возможным. Джей отделил светлую часть омлета с куском помидора от подгоревшей корки, пожевал и отодвинул тарелку. Я сосредоточенно пережевывала скорлупки и делала вид, что не замечаю его взгляд, которым он словно пытался прожечь во мне дыру. Видишь, я ем, значит, это съедобно! Но моя жертва оказалось напрасной.

– У вас дома такое едят? – тихо спросил Джей.

Я с трудом проглотила очередной кусок и ничего не отве-

тила. В наступившей тишине я особенно остро почувствовала, что раздражение начинает заполнять колдуна, как вода стакан, и скоро перельётся через край.

– Давай договоримся, – медленно произнёс он.

Любит он договариваться, только почему-то все договорённости получаются односторонние. Сейчас наверняка последует правило номер четыре.

– ...я спрашиваю – ты отвечаешь и не заставляешь меня повторять дважды.

По спине побежали мурашки. Как же быстро выветрились воспоминания о том, каким пугающим он может быть. В этот раз я хотя бы не заплакала. Решив не испытывать терпение колдуна, я отложила вилку и, глядя в стол, выдавила из себя:

– Нет. Такое не едят.

– Завтра постарайся лучше, – сказал он и добавил: – И не лезь к Робину, он и так слишком много делает.

Я-то ни к кому не лезу, господин колдун! Это вы все ко мне лезете. Вместо ответа я только сжала губы.

– Есть что-то кроме этого? – Джей кивнул на тарелку. Его совсем не смущало моё угрюмое молчание.

В холодильнике оставались помидоры и пара веток винограда. На нижней полке валялись вчерашние овощи и несколько яиц, но я даже смотреть на них не хотела. Даже если я сейчас попробую что-то приготовить, получится просто другой вид жижи. Джей забрал виноград, подсохшую булочку и отправился на веранду гипнотизировать траву.

Я искала в омлете что-нибудь съедобное, но быстро оставила это безнадёжное дело. Ужасно хотелось кофе, но тогда придётся готовить и для колдуна, а это будет выглядеть, как будто я извиняюсь. А я ничего плохого не сделала, я же не нарочно приготовила отвратительный завтрак, я даже, можно сказать, старалась. Извиняться тут должен он! Если не за то, что притащил меня в свой мир, то хотя бы за то, что заставляет заниматься кошмарными хозяйственными делами.

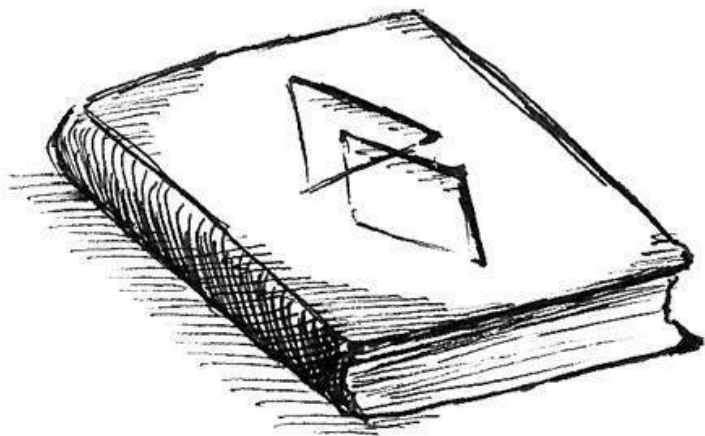
Лучше бы он забрал Алину. Она любит чистоту и уют, обожает готовить и не может жить без путешествий. Ей бы даже понравилось. Я представила, как Алина ураганом проходит по дому, не оставляя ни пылинки. В городе покупает самые модные шаровары цвета фуксии и кофту с гигантскими розами... Она очаровательно болтает с торговцами на рынке, и её все обожают... По утрам она готовит кашу, на обед суп, сама печёт хлеб, пирожки и булочки.

Вскорости у Джея вырастает пузо, три подбородка, а щёки его почти свисают на плечи. Конечно, Алина заставляет его подстричься и сменить чёрно-коричневый гардероб на что-то посвежее. Она учится видеть серебряные искорки, преуспевает в магии и позже открывает лавку колдовских принадлежностей и записок госпожи Алины.

Ну а я тем временем занимаюсь поисками новой покладистой соседки, а то и вовсе переезжаю обратно к родителям. Кто-то же должен меня кормить и убирать в квартире.

С тарелки вновь смотрела выведенная вилкой грустная рожица. Я выкинула кулинарный эксперимент в мусорное ведро и принялась отдраивать сковородку.

Глава 7. Библиотека

Мне было поручено сгребать в кучу сухие листья, а Джей орудовал ножницами неподалёку. Вороша граблями копившийся годами мусор и всё глубже пробираясь через культурные слои, я погружалась в запахи прелых листьев и сырой земли. Не спеша перебирая в уме осенние воспоминания, я запнулась о свежее. Тот красный листок в прихожей и ощущение тёплого осеннего утра, когда солнце обжигает, а воздух прозрачный и кристально-холодный... Конец сентября?

Я покосилась на колдуна. Могло ли быть, что и он в ворохе сухих листьев нашёл тот день, когда ему пришлось заморозить дом, не зная, что он покидает его на тринадцать лет?

Я совершенно не хотела понимать его и гнала от себя ощущение, но привычка сопереживать героям любимых сериалов делала своё дело. Я даже на мгновение подумала, не приготовить ли примирительный кофе – был бы хороший сюжетный ход! – но сразу встряхнулась. Екатерина, возьми себя в руки! Ты сама неожиданно покинула дом, и кто знает, сколько лет тебе придётся тут проторчать. И никто тебя не пожалеет. Ну, если только Робин, но он не поможет. Он же сам это одобрил и стал свидетелем, что бы это ни значило.

От мысли о возможности застрять здесь на годы я снова разобиделась на колдунов, на хитрую сай, интеллигентного вида старичка и даже на Алину, которая потащила меня в это злосчастное путешествие. Я принялась яростно грести листья и не заметила, как докопала до земли, покрытой длинными белыми волосинками травы, которая пыталась расти, но ей не хватало ни света, ни воздуха.

В районе полудня пришёл Робин. Я обрадовалась – вот и законный повод приготовить кофе! Но сначала я хотела посмотреть, как он уберёт листья. В прошлый раз фокус с ветками я пропустила.

Сначала Робин спросил, не хочет ли Джей сам это сделать, но тот помотал головой. Тогда Робин провёл руками над кучей листьев и веток, состриженных колдуном, как будто по-

мещал их в куб, а затем сделал несколько плавных пассивов. Вот куча есть – а вот её и нет. Я чуть не зааплодировала! Хороший фокус! Это уже больше похоже на магию, чем включение воды и исчезновение мусора в ведре.

– Ты что-нибудь заметила? – спросил Робин.

Я отрицательно помотала головой. Должно быть, с серебряными искорками это смотрелось гораздо эффектнее. Робин тем временем оглядел расчищенный сад и остался доволен.

– А что с внутренним двором? – спросил он, когда мы пили кофе со свежими печеньями из пекарни. Робин не мог прийти с пустыми руками.

– Я попробую убрать траву, – с сомнением произнёс Джей, – но надо разогнать птиц и мышей. Или исключить из узора.

– Почему не использовать несколько заклинаний последовательно?

– Хочу сделать изящно.

– Понимаю, – улыбнулся Робин.

Я слушала вполуха и растягивала остатки кофе – не хотелось опять мыть посуду, сколько можно! Что такого, если попить из этих чашек завтра? Это тот же кофе, только подсохший, он просто перемешается со свежим. Внедрять этот новаторский способ я не решилась.

Однако мыть чашки не пришлось.

– Джей, я хочу тебя кое о чём спросить, – начал Робин

осторожно.

– О чём?

Робин покосился на меня.

– Сам знаешь. Слухи ходили, а Совет всё порывался обыскать твой дом, но не смог. К тому же, ритуал поиска на километр вокруг ничего не показал.

Джей усмехнулся.

– Конечно, не показал.

– В тени мира они тоже искали... Так у тебя его нет?

Джей помолчал, а потом сказал:

– Я его спрятал. Очень надёжно, даже слишком... Рина, иди помой львов.

– Я их уже вчера отмыла, – возразила я, прекрасно понимая, что он просто хочет выпроводить меня из кухни.

Он выстрелил в меня взглядом, сравнимым по эффекту с ударом пушечного ядра. Я оставила чашку с недопитым кофе и выскочила в коридор. Да. Конечно. Правило номер один – делать то, что он говорит.

Ворча и ругая бесполезную магию, я потащила на улицу ведро с водой.

Меня ждал сюрприз. За уборкой листьев я не обратила внимания на львов. Сегодня я уже не сомневалась, что они поменялись местами. Спящий лев был чистым, каким я его и оставила вчера, а вот тот, который сидел, снова покрылся мхом, да ещё и к морде грязь прилипла. А вдруг колдун нарочно его испачкал, чтобы была причина удалить меня из

дома? Ерунда, тут же отвергла я сама свою теорию, не нужны ему никакие причины, он и без объяснений может меня в любой момент выгнать. Правило номер один!

– Где же ты так извозился? – спросила я гордо поднявшего голову льва. Ну точно, вчера белые цветы лежали на голове у сидящего льва, а теперь он спал, и ветви висели у него над спиной.

Я оттирала грязь с гривы, когда Робин вышел из дома и сказал, чтобы я бросала это неблагоприятное занятие и шла переодеваться – мы идём в центр города.

Спуск к мостовой я запомнила – это было просто, главное – идти всё время вниз, а там уже покажутся плотно стоящие дома и деревья. Вот и пекарня с хлебом в шляпе. Я подбежала к окну, чтобы полюбоваться булочками и выпечкой, и замерла, увидев себя в отражении. Тётушкин голос в голове запричитал, что годы усилий и попыток сделать из меня леди пошли прахом. Джинсы порядком испачкались, кофта сидела как с чужого плеча – ведь она и была чужой. Я совсем забыла, что мои короткие, не достигающие до плеч, мышинового цвета волосы хоть и прямые, но всё равно иногда нуждаются в расчёсывании. Почему-то утром в небольшом зеркале в ванной перепутавшиеся пряди не так бросались в глаза, как в отражении посреди нарядной солнечной улицы. Я расчесала волосы руками, пригладила, убрала отросшую чёлку за уши. Надо будет её подстричь, когда вернусь домой.

Робин терпеливо ждал, когда я закончу свои девчачьи ри-

туалы. Похоже, он всё ещё думал над их с Джеем разговором. О чём думала продавщица в пекарне, поглядывая на меня из-за прилавка, я не взялась бы предполагать.

Солнце стояло высоко и припекало. Мы шли к мосту, а я рассеянно смотрела по сторонам, мысленно помещая вместо себя на эту улицу Алину. Вот и магазин с одеждой, перед входом выставлены вешалки с цветастыми шароварами, кофтами, юбками и стойка с шарфиками. Лавка с самоцветами и кристаллами, парфюмерный магазин, книжный. Я так задумалась, что вздрогнула, когда Робин заговорил:

– Здесь дорого. У дворца, в центре, тоже. А в западной части, справа, есть недорогие магазины.

Мы уже подходили к мосту, и Робин показал налево, где на берегу среди плакучих ив стояли одноэтажные домики с плоскими крышами. На участке, открытом солнцу, были натянуты верёвки, на которых сушилось постельное бельё и одежда.

– Это прачечные. Есть срочная чистка магией, есть обычная, дешевле. Я всё время говорю про цену, потому что Джею нужно найти источник дохода, а сейчас денег у него немного.

Я пожала плечами. Какая мне разница? Есть правило номер один, мне думать вообще не нужно.

Мимо проехала пара велосипедистов. Людей было совсем не так много, как в тот вечер, когда я впервые оказалась в городе. Должно быть, днём все работают. А может, в тот день

проходил какой-нибудь концерт или представление?

– Тут есть театр? – ляпнула я невпопад.

Робин как раз объяснял, что название реки – Карне – означает «чернильная река» и имеет несколько версий происхождения.

– Да, конечно, – удивился он, – и очень старый. В одной из легенд как раз говорится о том, что название реке дал придворный писатель, который любил сидеть на берегу и сочинять пьесы для того самого театра.

Мы вышли на середину моста, и я замерла, поражённая видом, и следующую версию прослушала. Справа расстилались поля, сочные, свежие, залитые солнечным светом, а их зелёное пространство пересекала синяя лента реки. В дымке на горизонте угадывались далёкие горы.

– Рыбный мост, – указал Робин на мост чуть дальше по течению реки. – Ведёт к пристани и Рыбному рынку. Там в основном, естественно, продаётся рыба, но и остальные товары тоже. Сразу скажу – не самый приятный район.

Я нехотя отвела взгляд от горизонта. Там природа, горы, романтика, а он мне про рыбу. За мостом в гавани толпились лодки и небольшие судна.

– Я не ем рыбу, – соврала я, испугавшись, что меня и её заставят готовить.

– Мы тоже. Когда занимаешься магией, мясо лучше не есть.

– Почему это? – удивилась я.

– Можно... привлечь что-то хищное. Вроде алых бабочек.

– Это которые в лесу были? А что в них такого?

– Ничего хорошего, – ответил Робин. – Не хочу тебя пугать.

Разве можно напугать взрослую девушку сказками про бабочек? Я, между прочим, ещё в детстве прочитала все книги в разделе с ужасами в районной библиотеке! Но Робин предпочёл ознакомить меня с уже какой там? Десятой?.. версией происхождения названия реки.

–... самая романтическая версия: если выйти на мост ночью, то в реке будут отражаться небо и звёзды, как искры магии в чернилах.

– Бывают чернила с магией?

– Это древний способ изготовления записок, больше он не используется. Сейчас заколдовывают саму записку, а раньше заколдовывали чернила и писали ими текст. Но это невыгодно, много записок не продашь – ведь все видят текст заклинания, значит, могут его скопировать.

Я начала слегка раздражаться. Про бабочек же интереснее, чем про технологию изготовления записок и коммерческие секреты колдунов. Но приходилось терпеть, не возвращаться же в дом к бесконечной уборке.

Слева округлые холмы, покрытые тёмными елями, деревьями со свежей яркой листвой и виноградниками на солнечной стороне, обрамляли петляющее и исчезающее за очередным поворотом русло реки. У подножия ближайшего

холма раскинулся старый город. Красные черепичные крыши, шпили с флюгерами, башенки и печные трубы – всё как в моём внезапно оборвавшемся автобусном путешествии. Вдоль набережной, среди цветущих кустов, похожих на сирень, располагались скамейки для отдыхающих. На полпути к вершине холма возвышался над городом замок с четырьмя башнями по краям и площадкой на западной стороне. Я сразу представила, как прекрасная принцесса выходит вечером полюбоваться на закат. Или тут король? Что-то там Робин рассказывал Джею, и я решила спросить.

Эта история оказалась неплохой. Сын старого короля, наследник престола, погиб при загадочных обстоятельствах. Так как отношения с горцами в то время были на пике напряжения, то обвинили во всём именно их.

– Но вообще он напился, возжелал искупаться при свете звёзд и утонул, – понизив голос, сообщил Робин. – Знаю из надёжного источника. Но его смерть поспешили использовать для развязывания войны – старый король хотел захватить горы и заодно территорию за ними, которая когда-то принадлежала его предкам. Ну и залежи драгоценных камней его тоже немного порадовали бы.

Война ни к чему не привела, кроме потерь с обеих сторон. Старый король умер. Вдова его сына прав на престол не имела из-за происхождения. Теперь страной правит его внук, которому ещё не исполнилось и шестнадцати лет. Из-за возраста он пока не коронован, но все называют его королём. Его

поддерживает кабинет министров, а мать тоже имеет право голоса, находясь при сыне регентшей. Поговаривают, что у юного короля есть тайный советник, которого, впрочем, никто никогда не видел.

И тут я сообразила:

– Так это столица, получается?

– Ну да, – улыбнулся Робин.

– А почему же она на границе?

– Её перенесли после разрушения мира. Чтобы горцы понимали, что мы когда-нибудь вернём себе горы и землю за ними, – вздохнул колдун.

Я сообразила, что не знаю название города. Это тоже была бесполезная информация, но странно не знать, где ты находишься.

– Анкарне, – ответил Робин. – «Ан-» означает принадлежность, так что город называется «У чернильной реки». Если человек из небольшого города и незнатной семьи, то его называют по имени города, например, Джей ан-Тарин.

– Значит, вы с ним из города, который называется Тарин?

– Именно. Но у меня есть фамилия – Кор, мои родители довольно известные мастера по шитью праздничных нарядов. Сначала мать шила платья местному правителю и его жене, а отец расшивал их бисером и цветами из ткани. Теперь о них знает вся страна и даже королевский двор.

– А у?.. – я неопределённо махнула головой в сторону дома.

– Отец мельник, а мать пекла хлеб и воспитывала его пятерых братьев и сестёр.

А ведёт себя, как наследный принц, чуть не заявила я, но сдержалась.

Мы шли по старой части города, отдаляясь от замка. А вот и речка, русло которой выложено камнем, таким же, как мостовые. Её я видела в тот день, казалось, бесконечно далёкий, когда бежала от колдунов. Значит, я пробежала через неё на запад, добежала до городской стены и оказалась за чертой города.

– Элла, в честь одной из королей древности, – сообщил Робин, – берёт начало из источника вон в том холме и ниже впадает в Карне. Девушки верят, что если умыться водой из источника, лицо станет свежим и сияющим, а парни – что один глоток спасает от похмелья.

Мы вышли к Южному рынку, который оказался компактнее нашего – архитектура старого города не позволяла развернуться. Было многолюдно, даже несмотря на то, что торговцы уже начинали собираться.

– Они приезжают рано, а к середине дня уже закрываются. Старый рынок у замка работает с полудня до вечера, но там и товары другие. Всего в черте города городе три рынка – Новый на другом берегу, Южный и Старый, а четвёртый, Рыбный, находится за городской стеной.

На сам рынок мы не пошли, а последовали по набережной Эллы и свернули в один из дворики. Он оказался сквозным

и вывел нас на узкую улочку, застроенную двухэтажными каменными домами. Здесь не было больших стеклянных витрин, как на бульваре у моста. Торговцы выставляли полочку с основными товарами у входа или в окнах, а ещё можно было ориентироваться по вывескам.

– Вот здесь продают записки, тут хороший книжный магазин, здесь – приманки для сай, тут всё для сада – семена, горшки, инструменты...

Крошечный садовый магазинчик был забит шкафами с тысячу ящичков, отличающихся друг от друга надписями и рисунками растений. Воздух пропитался запахом земли. На звон колокольчика над дверью вышел хозяин лавки, и Робин купил несколько мешочков с семенами.

Пока мы двигались от витрины к витрине, я только и успевала вертеть головой. Робин читал вслух надписи на вывесках. Частная кондитерская лавка госпожи Мун, швейное ателье господина Цери, записки и заклинания ещё какого-то господина... Вина из региона. Сыры с юга. Письменные принадлежности. Антикварная лавка. Магические услуги госпожи Карры.

– Это если нужно заколдовать предмет или что-то в доме, – объяснил Робин.

Вывески покачивались на ветру, который нёс запах реки. Незаметно мы снова вышли к Карне. Неровная улица по диагонали вывела нас между Старым и Рыбным мостом. Здесь всё было или старое, или новое, или западное, или восточ-

ное. Ах да, иногда ещё рыбное или чернильное.

Я решила найти дом колдуна на другом берегу. Это не заняло много времени – я просто проследила за направлением, куда мрачно, сложив руки на груди, глядел Робин. Самого дома не было видно, но из-за крыш клубами валил дым.

Я забеспокоилась, не спалил ли колдун своё жилище, решив сжечь траву на заднем дворе. Меня волновала судьба рюкзака. Ладно, одежда, но в нём же телефон с фотоаппаратом, хоть и разряженные! Как я без них обойдусь дома!

– На полчаса отойти нельзя, – проворчал Робин.

Я нащупала своё новое чувство. Джей находился в доме и был раздражён не больше обычного.

– Всё там в порядке, – буркнула я.

– Знаю... А ты так хорошо его чувствуешь?

– Что тут сложного, он всё время раздражён, – пожала плечами я.

– Пойдём, – только вздохнул Робин.

По пути он объяснил:

– Я тоже немного чувствую. Мы в детстве самостоятельно учились магии, как могли. Всё, что находили, пробовали применить. Иногда удачно, иногда нет. Из-за этого я только несколько миров вниз и вверх по спирали могу переместиться.

– Спирали? – переспросила я.

– Все миры выстроены в спираль, – непонятно сказал Робин и замолчал, видно, был не в настроении читать мне оче-

редную лекцию.

По дороге он купил в другой пекарне целый пирог и сказал, что завтра мне нужно будет самой сходить на рынок. Я нахмурилась и понадеялась, что дом всё-таки сгорел, и меня отпустят домой за ненадобностью – ведь убираться будет негде.

Из трубы вырывался белый дым. Робин отправил меня с пирогом на кухню, а сам поспешил вверх по лестнице. Я заварила чай, как он сказал, и тоже пошла наверх. Можно было воспользоваться ситуацией, чтобы в тишине полежать в кровати, но на второй и третий этаж меня ещё не приглашали, и любопытство победило.

Лестничный пролёт оказался широким, просторным, на стене висели две потемневшие картины со скучными пейзажами, на полу между ними стояла пустая ваза. Скамейки не хватает – была бы приёмная. Сначала я подёргала ручку двери справа, но она оказалась заперта. Тогда я аккуратно приоткрыла дверь слева.

– Эту мог бы и продать, – говорил Робин, подталкивая ко-чергой коричневую обложку – всё, что осталось от внушительного тома.

– Чтобы кто-то начал применять на практике ту чушь, что там написана?

Джей сидел на полу библиотеки и кидал в камин книги из стопки перед ним. Я не могла поверить глазам: помеще-

ние было явно больше моей комнаты и кухни, хотя находилось над ними. Ряды полок из тёмного дерева, уходивших к потолку на два человеческих роста, пара кресел с высокими спинками и столик перед камином, рабочий стол с письменными принадлежностями у балкона и шкаф в углу.

– Заходи уж, – произнёс Джей, не отрываясь от книг.

Я поняла, что это относится ко мне, проскользнула в щёлку и встала у стены.

– Принеси мне книги с нижней полки, – сказал колдун и махнул куда-то за собой.

Я неохотно отлипла от стены и пожалела, что не осталась внизу. В комнате стояла удушающая жара, а запах дыма перебил библиотечный дух. Книги были тяжёлые, в толстых обложках, из под которых виднелись неровные края пожелтевшей бумаги. Положив перед колдуном первую стопку, я вернулась к полке, вытащила наугад книгу. На обложке был выдавлен треугольник с заходящим в него снизу ромбом.

– Это не библиотека, а позор, – сообщил Джей. – Сай приносила мне все книги, которые могла достать, и я должен сказать, что магическая наука нашего мира погублена Советом с его запретами. В этих книгах одни фантазии.

Пока Робин таскал книги, а Джей раздражённо листал страницы, я отошла к окну между полками и потянула на себя створку. Свежий ветерок вступил в борьбу с жаром из камина. Я присела на широкий подоконник и раскрыла книгу. С первой страницы на меня глядела хоть и красиво нарисо-

ванная, но жуткая морда. Это был дракон, похожий на китайские рисунки – с широкими ноздрями, удлинённой прямоугольной челюстью, но с человеческими глазами. Зачесалась птичья татуировка – может, почувствовала магические чернила? Я поспешила перевернуть страницу. Текст был не рукописный, напечатанный. Удерживая тяжёлую книгу одной рукой, другой я листала страницы с непонятными геометрическими схемами, графическими изображениями драконьих частей тела, стрелочками и подписями, колонками текста на непонятном языке, пока не наткнулась на рисунок пятипалой чёрной лапы с ромбовидными когтями. Рядом с каждым пальцем стояла короткая подпись. Художник изобразил лапу такой натуральной и объёмной, что мне на секунду показалось, что она сейчас потянется и вырвет моё часто забившееся сердце.

Джей подошёл и мягко вытащил книгу у меня из рук. Как ребёнок, честное слово! Стоило мне найти интересную игрушку, и он сразу захотел именно её.

– Я возьму почитать? – спросил Робин, разбиравший книги, отложенные Джейем как достойные его библиотеки.

Колдун не ответил. Углубившись в книгу про дракона, он водил пальцем по строчкам и хмурился. Моё чувство сообщало, что он взволнован, но нюансов – хорошо это или плохо – я не ощущала. Робин тоже увлёкся чтением, а я вышла на балкон и любовалась видом на крыши соседних домов и холмы. Когда в комнате стало прохладнее, я побродила сре-

ди полок, задрав голову вверх. Мне почему-то казалось, что самые интересные книги стоят под самым потолком. Я примерялась к лесенке, стоявшей в углу, и прикидывала, не повалюсь ли я вместе с полками, если решусь забраться на неё. Мои размышления прервал требовательно заурчавший живот.

– Робин! – вдруг вспомнила я. – Там же чай остыл!

Робин отложил книгу и снова позвал своего друга.

– Пойдём перекусим, Джей.

Тот с трудом оторвался от книги:

– Ты вообще можешь думать о чём-то, кроме еды?

Робин рассмеялся и спросил меня:

– Может, принесёшь пирог и чай сюда?

Наверное, со стороны в этот момент я выглядела очень забавно, потому что губы Робина вновь растянулось в улыбке, а Джей удивлённо приподнял брови. Я выпрямилась, потрясла головой и вскричала:

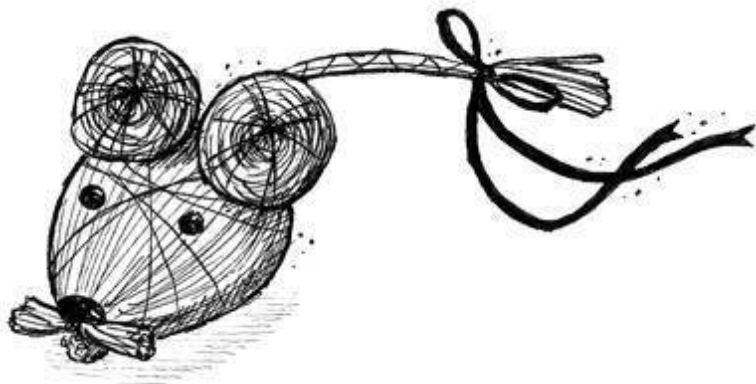
– Есть в библиотеке?!

Ну и порядки у них тут! Может, ещё и страницы листать, не вымыв руки! Я демонстративно распахнула дверь и вышла. Тётушкин голос в голове принялся отчитывать меня за неподобающее поведение. На лестнице я услышала Робина:

– Видишь! А ты говорил, что...

Что именно говорил Джей, я не стала слушать – была слишком возмущена.

Глава 8. Выход в свет

Чай, конечно, остыл, но Робин подогрел чайник и пирог движением руки. Я опять ничего не увидела, но из носика потянулся пар. Пирог оказался с капустой и яйцом, почти такой же, как готовила моя бабушка. Когда я была ещё птенчиком, летние каникулы я проводила в деревне, а зимой часто прибегала к бабушке после школы и в выходные полакомиться пирогами. Потом бабушка умерла, а в её квартиру почему-то заселилась папина старшая сестра, моя незабываемая тётушка, хотя бабушка к ней никакого отношения не имела. Мама моя, вечно исчезающая в офисе, решила, что

мне будет полезно общение с элегантной женщиной, которая обучит меня манерам и сделает из сорванца настоящую леди. Папу я устраивала и в качестве сорванца, но он всегда терял силу воли в присутствии сестры, которая была старше почти на двадцать лет и воспитала его, как сына.

Мне полагалось сразу после школы идти к тётушке, чтобы в обед учиться сервировке и правилам использования столовых приборов. Затем нужно было наизусть читать ей, устроившейся в кресле у окна, стихи, выбранные накануне вечером. За этим следовали уроки фортепьяно. Потом приходилось бежать в магазин за пирожными и печеньями, потому что ближе к вечеру подтягивались тётушкины подружки, такие же элегантные дамы, на чашечку чая. Одна из подружек приносила завтрак и обед – тётушка принципиально не ужинала, чтобы сохранить фигуру. Несмотря на эту жертву, фигура носила на себе воспоминания обо всех съеденных эклерах и конфетах с вишневым ликёром.

Сначала обязанность по приготовлению еды тётушка хотела свалить на меня. По её словам, настоящие леди не готовят, но мне сначала нужно научиться всем женским премудростям, а потом уже становиться леди. После того, как я несколько дней подряд зажаривала все виды продуктов до угольков, тётушка слегла с мигренью, и тогда одна из подружек вызвалась снабжать её провизией. После этого мне доверяли только заваривать чай и подавать высокому обществу десерт на ажурных фарфоровых тарелочках.

Пока общество обсуждало последние сплетни из жизни тех подружек, которые не смогли прийти, и планировало в очередное полнолуние устроить спиритический сеанс, мне положено было делать домашние задания. Но их кудахтанье доносилось даже через закрытую дверь второй комнаты, и я никогда не могла сосредоточиться.

Домой я приходила выжатая как лимон. Мама задерживалась на работе, а папа по вечерам проверял работы студентов и готовил лекции, так что я заказывала пиццу и пялилась в телевизор, даже не понимая, что там происходит. Когда родители заметили, что мои оценки плавно ползут вниз, а элегантнее я не становлюсь, они сократили мои визиты к тётушке до трёх дней в неделю.

Это не слишком помогло, потому что тётушка, решив доказать свою состоятельность как наставницы, взялась за меня с удвоенной силой. Как можно, Екатерина! Выпрямись, Екатерина! Кто же так ест! Кто же так пьёт! Волосы нужно отпустить, глаза нужно красить, застегни верхнюю пуговицу! Это что, джинсы? Это что, кеды?! Откуда у тебя чернила на щеке? Сейчас же умойся. И причешись. И выпрямись. И так далее, и тому подобное. Я сжималась, сутулилась ещё больше и постепенно перестала быть сорванцом, но в леди так и не превратилась.

При всём этом тётушка имела тягу к мистике, обожала гороскопы, следила за фазами луны, учила меня кидать соль через левое плечо, стучать по дереву, мысленно ставить зер-

кало перед неприятным человеком, прикалывать булавку на изнаночной стороне кофты от сглаза, а ещё устраивала спиритические сеансы. На одном из таких у неё и случился сердечный приступ. Тётушкины подружки шептались, что она увидела призрак своего бывшего мужа, который не оставил ей ни копейки при разводе.

Я поступила в университет, и родители разрешили мне жить в бабушкиной квартире с Алиной, которая с радостью сбежала из общежития. Первым делом я избавилась от ненавистного пианино, бархатного тётушкиного кресла, а потом уж и от остальной мебели. Следом за письменным столом на помойку отправилось большое собрание стихотворений разных авторов, которые я так и не смогла выкинуть из головы, как и тётушкины недовольные возгласы и причитания.

– Рина, тебе ещё чай налить? – голос Робина вывел меня из транса.

Я подставила кружку, а сама взяла второй кусок пирога, села ровно на стуле, взяла вилку и нож и начала отрезать маленькие кусочки, как положено леди. Хотя они-то едят эклеры и тарталетки, а не капустные пироги.

Джей смотрел на меня изучающе, как на картину в музее. Жалко, что на него зажаренная еда не произвела такого впечатления, как на тётушку. Но может, ещё пара дней, и он тоже сляжет с мигренью? Тем более что я не специально испортила омлет, это получается у меня естественным образом, а учиться и стараться я не собираюсь.

После обеда мы вышли во внутренний дворик, заросший травой, колосьями и порослью молодых деревьев. Джей придумал, что делать с мышами и птицами. В одно заклинание у него всё собрать не получилось, поэтому он немного злился.

Мы с Робинсом наблюдали с веранды. У колдуна был профессиональный интерес, а мне хотелось посмотреть, как Джей творит магию, ведь он не делал этого с тех пор, как я попала сюда, и я в тайне надеялась, что у него ничего не выйдет. С другой стороны, есть шанс, что когда он будет колдовать, я всё-таки увижу серебряные искорки, раз уж я с ним связана. Я потёрла пятно на правой ладони.

Джей примял ногами стебли, чтобы расчистить место, встал на одно колено и упёрся ладонями в землю. Его волосы свесились, закрыв худое лицо, но я слышала, что он что-то шепчет. Затем он замолчал, а его спина напряглась. Внешне колдун как будто ничего не сделал, но через связь я почувствовала мощный толчок энергии, который заставил меня вздохнуть и задержать дыхание.

В тот же миг из зарослей вылетела стая мелких птичек с красными грудками и несколько воробьёв, а с ветки тонкой осинки тяжело снялась серо-чёрная ворона и с возмущённым карканьем устремилась в сторону холмов. Поднялся рой мух, пчёл, мотыльков и разлетелся по округе. В сторону дома ринулась толпа мышей, и часть уже лезла по ступеням на веранду. Я подобрала ноги, а Робин подскочил со стула и захлопнул дверь на кухню. Мыши бросились в сто-

роны, за живую изгородь к соседям. Слева раздался женский визг. Робин хрюкнул, сдерживая смех, а Джей приступил ко второй части.

Он встал, откинул волосы с лица, и я увидела, что он улыбается. В отличие от Робина, который как будто плавно дирижировал оркестром, когда убирал листья, движения Джея были резкими, короткими, скупыми. Он расчертил ладонями воздух. Должно быть, если видеть магию, искры образовали бы геометрическую фигуру.

Колдун расплостёр руки, словно обнимая то, что нарисовал в воздухе, и резко соединил ладони. Трава, деревца – всё исчезло. Перед нами был квадрат пустой земли, прочерченный изгибами обнажившихся каменистых дорожек.

Джей повернулся к дому, и его качнуло в сторону. Робин помог другу подняться по ступеням на веранду и усадил на стул.

– А почему не?.. – начала я и оборвала сама себя. Ну ты и птица-тупица, Екатерина.

Господин колдун, ну прекрати сверлить меня взглядом, я не музейный экспонат! Он, конечно, понял, что я собиралась сказать. Давай, выкачивай из меня энергию, раз уж я сама сдуру предложила. Я тут же почувствовала, как уходят силы, но это продолжалось недолго – он забрал совсем немного.

Я вернулась на кухню, дрожащей рукой подняла чайник и налила в кружку остатки чая.

Конечно, отдыхать никто не собирался. Чтобы засеять поле семенами, которые купил Робин, нужно было вскопать землю. И что же ты, колдун, сразу это с помощью заклинания не сделал? К счастью, земля оказалась мягкой, сохранив пустое пространство от исчезнувших корней, и я монотонно работала граблями, продвигаясь от одного края к другому. Я снова переоделась в футболку с Микки-Маусом, и Робин допытывался, что это такое и почему я называю это мышью. Он ещё мою футболку с символом Бэтмена не видел! Джей вернулся в библиотеку, и дым из трубы повалил с новой силой. Робин наполнял ведро водой с помощью магии, чтобы полить почву, а я откопала в кладовке лейку и заодно поинтересовалась, почему они не изобрели садовый шланг. Оказалось, что изобрели, просто в доме его нет.

Наконец, мы закончили с внутренним двориком. Остались ещё семена для сада перед домом, но Робин решил, что этим мы займёмся завтра, а сейчас ему не терпелось вернуться в библиотеку, чтобы Джей не сжёг что-нибудь лишнее. Я сказала, что мне сначала нужно принять душ, но на самом деле, вернувшись в комнату, я легла лицом в подушку и не шевелилась до тех пор, пока меня не поднял комариный писк в ушах. Ворча и не стесняясь в выражениях, я нехотя встала, потащила в ванную комнату, быстро умылась и направилась в библиотеку.

Джей разделил книги на кучку для сжигания, стопку для продажи и на достойные его библиотеки. Некоторые сразу

возвращались на полки, а самые интересные отправлялись на стол. Я не могла читать, так что моей обязанностью было таскать томики с полок к камину, где оба колдуна, устроившись прямо на полу, листали книги и спорили о своих колдунских вещах. Я украдкой откладывала книжки с красивыми картинками на верхние полки, чтобы их не было видно снизу. Я всё ещё с опаской поднималась на стремянку, но она оказалась крепкой, а полки стояли прочно, так что обошлось без происшествий, не считая того, что я всё-таки иногда роняла книги по пути к камину.

На закате я, пропахшая дымом, чихающая и покрытая книжной пылью, вынуждена была стоять рядом с Робинотом у плиты и делать вид, что запоминаю, что он делает с остатками овощей.

Наверное, есть предел усталости, после которого человек не может больше заснуть. Я обнимала подушку, отбрасывала её, вертелась, запутывалась в одеяле и распутывалась, а потом меня накрыла туча мыслей, погрохотала в голове и вылилась ливнем слёз.

Я снова чувствовала себя сутулой девочкой-подростком, которая вынуждена проводить часы с немолодой странной тёткой, в то время как сверстники гуляют, ходят в кино, да и просто общаются. Я была заперта в этой кошмарной тюрьме, и вот, пробыв несколько лет на свободе, которой не сумела как следует насладиться, вновь угодила в клетку.

Я ненадолго забывалась неглубоким сном, полным знакомых и незнакомых лиц, просыпалась и проваливалась обратно в вязкие кошмары. То тётушка в остроконечной шляпе пыталась продать мне семена, из которых должен был прорасти китайский дракон, то я читала стихи мышам, которые окружили меня и сверлили болотно-зелёными глазами, то я с родителями ужинала пирогом из мха, а мама кричала в телефон, что этот отчёт никуда не годится, и его нужно сжечь в камине.

В который раз уже проснувшись, в призрачной предрасветной полутьме я встала с кровати и подошла к окну, чтобы открыть его. Наверное, я снова спала. Лежащий мраморный лев встал и потянулся, как кот. Второй смотрел на него и скалил зубы в приветствии. Входная дверь отворилась, из неё выскользнул в сад Джей. Я спряталась за штору, чтобы он меня не видел. Но раз это мой сон, то он и так не увидит меня, если я не захочу. А я не хочу.

С каждым его шагом всё вокруг преобразалось – деревья становились прозрачными, таяли в холодном утреннем тумане, а земля вздыбливалась холмиками и покрывалась мягким зелёным мхом, который заползал на дорожку и скрывал её под собой. Вокруг появлялись упавшие колонны, раскиданные по зелёному морю осколки мрамора и развалины каменных стен. Земля пружинила под сапогами колдуна. Белые львы бросились к нему, как пара обезумевших от радости щенков. Они носились вокруг колдуна, прыгали, норо-

вили лизнуть в лицо, а потом и вовсе повалили с ног, а он смеялся и катался вместе с ними по мягкому мшистому ковру, зарываясь в их шерсть руками.

Наконец они наигрались, и один лев запрыгнул обратно на свой пьедестал, а второй последовал за колдуном в туман, стелящийся среди мрамора и красных камней.

Я задёрнула шторы, свернулась в клубочек на кровати и не просыпалась до самого утра.

Сегодня должен был случиться мой первый самостоятельный выход в свет. Я взяла плетёную корзинку, на которую Робин вчера наложил заклинание уменьшения веса – вот почему на рынке покупатели заполняли такие корзинки доверху и легко несли на сгибе локтя. В кладовке нашлась чёрная сумка-кошелёк на длинном шнурке с вышивкой в виде розы, которую я повесила на шею. Рядом с коробочкой с записками теперь стояла пузатая деревянная шкатулка. Мне было велено брать из неё деньги, когда я иду за покупками, и возвращать остаток на место.

На выходе я сурово взглянула на обоих львов. Так и есть! Сидит снова тот, под цветущим кустом, и он снова грязный! Один вред от этой магии!

На улице я почувствовала себя преглупо. Если белая блузка с широкими рукавами ещё хоть как-то могла сойти за местную одежду, да и гуляла я под прикрытием Робина, который отвлекал на себя внимание девушек своей статной фи-

гурой и сияющей улыбкой, то сейчас прохожие задерживали взгляд на моём наряде. Джинсы, кеды, всё в обтяжку, а ещё эта дурацкая сумочка и корзина! Голубая футболка с удлинёнными рукавами, тоже доставшаяся от Алины, мне не шла.

Я решила начать с покупки яиц, потому что это был понятный продукт. Рыжая курица, нахохлившись, недобро глядела на меня с прилавка. Я отвечала ей тем же. Старичок-продавец, вместо того, чтобы помочь, отвернулся и что-то перекидывал в коробах. Наверное, он тоже почувствовал себя неловко. И как же подступить к этому нелёгкому делу? Тут надо самой класть товар в корзинку? Или отдать её продавцу? И что сказать? Когда платить? Меня решительно оттеснила крупная женщина средних лет и кивнула продавцу, который с облегчением поприветствовал нормально-го покупателя.

– Десять штук, – сказала женщина, по одному кинула яйца прямо на пучок зелени и связку морковки, сунула продавцу монеты и удалилась, неодобрительно смерив взглядом мою футболку.

Пока продавец снова не отвернулся, я быстро сказала:

– Десять штук!

– Десять? – почему-то удивился старичок.

Я залилась краской и стала аккуратно складывать яйца в корзинку. Промучившись с кошельком с добрую минуту, я протянула старичку монеты на ладони, чтобы он сам взял, сколько нужно. Он удивился ещё больше, но выбрал несколь-

ко монет и поспешно попрощался.

От пережитого стресса у меня тряслись руки, а лицо горело. Я отошла к фонтану. Родители бы сейчас на смех меня подняли. Взрослая девица не умеет ходить в магазин!

– Очень даже умею! – вслух возразила я.

Голубь, сидевший на краю фонтана, испуганно спрыгнул на землю и отбежал подальше.

Я вздохнула. Надо продолжать покупки, пока меня не начал поторапливать комариный звон. С горем пополам я купила помидоры, яблоки и картошку. Подумав, купила такой же пучок зелени, какой был у решительной женщины. Продавцы исподтишка разглядывали мою одежду, пока я мялась у прилавков, потом смущённо копались в подставленной ладони с монетами.

В целом всё прошло удачно, и я была вполне довольна собой. Напоследок я остановилась у столика с соломенными фигурками и венками. До чего же интересные! С краю сидели маленькие усатые мышки из высушенной зелёной травы и золотистой соломы. Некоторые были перевязаны разноцветными ленточками. В этот раз я обратила внимание на продавца – его длинные усы, ниже подбородка, были заплетены в косички, заканчивавшиеся бусинками. Он сидел под тентом на табуретке, наматывал солому на шарообразный каркас и что-то неторопливо говорил.

Ему помогала девушка – подавала бусины и ленты, которые он вплетал в травинки. Она на секунду обернулась, вни-

мательно посмотрела на меня и улыбнулась. Девушка выглядела как принцесса с обложки сборника сказок – первыми бросались в глаза пышные пшеничные волосы, забранные в высокий хвост. Аккуратный лоб каскадом обрамляла чёлка длиной почти до самых глаз серо-голубого цвета. Персиковый румянец подчёркивал широкие скулы. Кукольный носик и тонкие розовые губы дополняли образ. Вот кому подошла бы Алинина футболка!

Дома оказалось, что я забыла про молоко, так что сегодня на завтрак была моя фирменная яичница с обугленными краями и засохшим желтком. В отличие от омлета, в ней можно было наковырять что-то съедобное, чем мы с колдуном и занялись. На кухне стояла гнетущая тишина, нарушаемая скрежетом вилок о тарелки. Колдун сдался первым, отложил вилку, налил себе чай и наблюдал за тем, как я настойчиво отделяю кусочки, более или менее похожие на еду, от обугленного нижнего слоя. Я сдаваться не намеревалась! Наконец, Джею надоело, и он нарушил молчание – значит, я победила.

– Уберись здесь и приходи мыть львов.

Я была порядком раздражена фирменной яичницей и всё ещё голодна, поэтому с вызовом спросила:

– А что с ними не так?

– С ними всё в порядке.

– Тогда почему они постоянно пачкаются? – не удовлетворилась я ответом.

– Потому что они охотятся.

Я нахмурилась, и Джей объяснил:

– Не здесь, в тени мира.

Значит, не приснилось! Но я предпочла умолчать о том, что видела. Ведь он не спросил, знаю ли я что-нибудь – значит, я и не обманула.

– Это тоже форма сай. Все бестелесные существа в большей или меньшей степени мечтают заполучить тело. Я предложил им тела в обмен на то, чтобы они охраняли мой дом.

– Но это же не настоящие тела, а статуи! – возразила я, понимая, что он сейчас уйдёт, так ничего и не объяснив.

– Здесь они статуи, в тени мира они настоящие львы, насколько там что-то может быть настоящим. Они по очереди охотятся на других бестелесных существей. Один охраняет дом – и здесь, и там, тогда его статуя сидит, в то время как другой охотится и отдыхает, и вторая статуя выглядит спящей, – голос колдуна стал хриплым, он залпом допил чай и этим поставил точку в разговоре.

Я поняла, что бесполезно расспрашивать его про тень мира, он и так перевыполнил норму по разговорам за день. К тому же, я не хотела испытывать судьбу – сейчас колдун выглядел относительно дружелюбным, но я помнила, что в любую секунду он может явить на свет своего мистера Хайда.

Второй лев тоже слегка перепачкался – ещё бы, ведь они все вместе валялись во мху. Джей стриг живую изгородь со стороны улицы. Соседи уже привыкли, что в саду что-то про-

исходит, и больше не высовывали свои любопытные носы из каждого окна. Редкие прохожие здоровались, но колдун почему-то всегда оказывался к ним спиной, и отвечать приходилось мне. Закончив с половиной изгороди, Джей ушёл в дом, и чувство говорило мне, что он поднялся в библиотеку. Наконец-то можно отдохнуть!

Я медленно возила тряпкой по львиному боку и размышляла про тень мира. Что же это за место? Очередной параллельный мир? Раз я его увидела, может, я смогу туда попасть, а оттуда домой? Надо раздобыть волшебный амулет, чтобы видеть магические искорки. Я же примерно помню последовательность миров, как-нибудь доберусь своего, легкомысленно решила я.

– А ты не знаешь, как мне попасть домой? – спросила я льва с гордо поднятой лохматой головой. Лев невозмутимо улыбался.

– Ах да, – спохватилась я, – ведь ты не знаешь ничего. Меня зовут Екатерина, и я ужасно хочу домой. Этот твой колдун обманом затащил меня сюда, заставляет готовить и отмывать твою мраморную шкуру. Кстати, раз ты живой, то у тебя должно быть имя. Как тебя зовут?

Проходивший мимо мужчина споткнулся на ровном месте и ускорил шаг.

– Я буду звать тебя Бонифацием, – сообщила я льву, оттирая пятно под пастью. Лев продолжал радостно скалиться. Я собралась было пожаловаться ему на то, что мне к тому

же не дают спать, сколько хочется, как раздался звон в ушах.
– Вот видишь! – воскликнула я.

И тут же перед моим внутренним взором возникла чашка кофе. Вот оно что, эта связь ещё и так работает. Может, колдун вообще скоро перестанет со мной разговаривать? Было бы чудесно. Уже на кухне, глядя, как в турке образуется пенка, я поняла, что я опять поступила недальновидно. Умнее было бы сделать вид, что я не приняла его сигнал. Эх, Екатерина, только облегчила колдуну жизнь! Я пообещала себе в следующий раз обязательно подумать перед тем, как что-то делать.

Колдун спустился из библиотеки с книгой в руках, сел за стол и, не отрываясь от чтения, взял чашку и отпил из неё. Я, сжав губы, наблюдала, как он той же рукой, которой отламывает кусочки от масляной булочки, листает страницы. Книга была толстая, в тёмно-синей обложке и совсем без картинок. Джей хмурился и иногда скептически качал головой. Мне показалось, что он выглядит чуть лучше, чем несколько дней назад. Тени под глазами посветлели, кожа уже меньше напоминала пергамент, хотя всё равно казалось, что его припорошило пылью, а волосы, собранные в хвост, были тусклыми и неживыми.

Он так и не проронил ни слова, пока не допил кофе, а покидая кухню, вдруг произнёс, не оборачиваясь:

– Пол тоже нужно иногда мыть.

И вышел. Я только сильнее сжала губы, чтобы не ответить.

Руки неплохо бы мыть, прежде чем трогать книги! Я нашла в кладовке швабру и тряпку, притащила ведро, которое за-была в саду у львов, наполнила свежей водой. Тряпка ста-ла грязной от первого же соприкосновения с полом, на неё налипли волосы, крошки и пыль. Я сообразила, что снача-ла стоило подмести. Пришлось возвращаться в кладовку за метлой. Как только я начала подметать, сразу же умудрилась перевернуть ведро.

– Тьфу ты! – воскликнула я, отскочила от лужи и опроки-нула стул. Кеды моментально промокли.

Я едва не расплакалась, но быстро взяла себя в руки. Ес-ли Джей сейчас что-то почувствует, то спустится из библио-теки, начнёт сверлить меня взглядом и договариваться о но-вых правилах. Давай договоримся, Рина, что ты больше не ревёшь в светлое время суток. Это у вас так моют пол или ты изобрела новый метод? Давай договоримся, что ты будешь впредь мыть пол классическим способом. И ещё что ты не будешь ходить по дому в мокрой обуви!

Я сняла кеды и повесила их за шнурки на солнечной ве-ранде. Ступать босыми ногами по намокшему полу было неприятно, но я не пошла за другой обувью, чтобы не испор-тить и её. В рюкзаке лежали кроссовки и балетки – Алина считала, что в путешествии нужно иметь запасную обувь.

Часть воды утекла под полки и плиту, часть просочилась в щели в полу, древесина потемнела и распухла. Сначала я по-пыталась собрать лужи в ведро, но потом решила, что про-

ще будет тряпкой распределить воду по кухне и коридору – вроде как и пол помыла. На деле оказалось не так просто, но за час я справилась. По углам прятались комки намокшей пыли, местами можно было заметить разводы, но стало чище, чем до этого. Пока тряпка была мокрая, я повозила ей по полу в своей комнате и даже по ступенькам. В столовую я даже заходить не стала – всё равно ей никто не пользуется. Подумав, я ещё раз окунула тряпку в ведро и протёрла пол на лестничном пролёте с мрачными пейзажами. Я задумчиво стояла перед лестницей на третий этаж, когда дверь библиотеки отворилась, и Джей сообщил, что там мне делать нечего, а вот библиотеку не стоит обходить вниманием. Мои босые ноги он то ли не заметил, то ли проигнорировал.

Уже второй раз за день я пообещала себе сначала думать. Нет чтобы убравшись на кухне, сразу скрыться в саду! Только добавила себе работы. К счастью, колдун был слишком погружён в чтение, чтобы осуждать мои методы уборки.

После того, как я помыла пол в библиотеке, мне хотелось одного – добраться до кровати, лечь и не шевелиться до вечера. Но приближалось время обеда. Колдун всё ещё ел мало, а я всегда предпочитала плотно позавтракать, поэтому обед был поздний. Робин, похоже, решил сегодня не приходить.

Проклиная всех колдунов вместе взятых, а также их замшелый мир, я бросила в кастрюлю картошку, залила водой и поставила на плиту. Вспомнила, что картошку надо было по-

мыть, пришлось сливать уже нагревшуюся воду, мыть клубни и снова заливать водой. Давно я не чувствовала себя такой растяпой, как сегодня.

Я присела, положила голову на стол и сама не заметила, как уснула. Проснулась я, когда вода уже почти выкипела, а картошка растрескалась и развалилась. Спасибо, что не сгорела! Я вывалила картошку в раковину, кое-как, обжигаясь, счистила шкурку, переложила в большую тарелку. Пригодилась купленная утром зелень – я присыпала неаппетитные развалины укропом.

Джей зашёл на кухню и воззрился на распухший влажный пол. Я испугалась, вспомнила про тётушкин способ и быстренько представила зеркало между мной и колдуном. Тот нахмурился и ничего не сказал. Обед прошёл в молчании. Джей отковыривал оставшиеся шкурки и каждый кусочек картошки запивал водой. Он съел совсем мало, сказал, чтобы я занялась изгородью, и опять удалился в библиотеку. Интересно, когда же наступит мой черёд посидеть в кресле с книжкой?

К вечеру я валилась с ног от усталости, мысли путались и перескакивали с одного на другое. Я вспомнила про кеды на веранде и тут же забыла про них, вспомнила про мшистый мир, задумалась, как бы через него попасть домой, переключилась на воспоминания о тётушке и так и заснула.

Проснувшись от комариного звона, я разозлилась на себя, что не смогла снова увидеть тень мира. Сегодня каменный

Бонифаций спал. Он был чистым, но я всё равно смахнула с него уличную пыль. Теперь нужно придумать имя и второму. Я стёрла с него пыльцу от нависавших белых цветов, протёрла покатый лоб. Ну конечно! Я посчитала слоги – у каждого получалось по четыре. Меньше, чем в «Екатерине», но по-королевски много для этого мира.

– Нарекаю тебя Достоевским! – торжественно произнесла я.

Теперь у меня появилось целых два друга, вынужденных слушать мои жалобы – убежать-то они не могли.

Следующие несколько дней прошли прекрасно. Каждое утро я ходила на рынок. Можно было бы покупать больше продуктов и бывать там реже, но я использовала любую возможность, чтобы избегать колдуна, даже если это означало очень медленно и тщательно отмывать Достоевского и Бонифация, не менее тщательно стричь дикую изгородь по периметру участка, вдумчиво поливать посаженные Робин-ном цветы, которые уже дали первые ростки. Робин забегал несколько раз на кофе, один раз принёс Джею книжку, в которую тот вцепился и не вышел из библиотеки даже пообедать. Тут я не могла ему посочувствовать – нечего было тащить кого попало, то есть меня, из мира без магии. Мог спокойно найти опытную служанку здесь.

Хоть я и ложилась спать раньше и не была такой уставшей, никак не удавалось снова увидеть тень мира. Даже когда мне случилось пару раз проснуться на рассвете, за окном зеленел

всё тот же сад, хоть уже и приведённый в порядок, но не тот, который я хотела увидеть вновь.

Глава 9. Тень мира

В тот день в гости заглянул Робин. Он зашёл на кухню, когда мы с Джем заканчивали искать в тарелках съедобные кусочки, и даже попробовал найти что-то похожее на еду в сковородке.

– Брось, это невозможно, – сказал Джей, взял яблоко и ушёл на веранду.

Робин присоединился к нему, а я махнула запиской над крапом, чтобы помыть посуду. То ли магии в записках сразу было мало, то ли я тратила много воды, отмывая львов, но запас уже истощился вполовину. Надо бы спросить Роби-

на, для чего нужны остальные записки и попросить принести новых.

Я уменьшила поток воды и прислушалась, о чём там щебечут колдуны. Джей ворчал, что мои кулинарные потуги больше похожи на попытки отравления. Я даже уронила щётку от возмущения!

– Не ной, – оборвал его Робин, – сам виноват.

Правильно, сам виноват!

– Мне всегда не везло, но это же просто катастрофа!

Я со злостью принялась оттирать сковородку. Хорошо, что она чугунная, а то я бы протёрла в ней дыру.

– Тебе всегда везло больше, чем другим, – возразил Робин, – поэтому ты воспринимаешь нормальные вещи как катастрофу. Она научится.

А вот это неправильно! Не собираюсь я учиться!

– Да если бы она и хотела, – огрызнулся Джей, – времени нет. Тин скоро будет в городе.

– Откуда ты знаешь?

– Я его пригласил.

– Так он исключительно ради тебя приедет?

– Ты же его знаешь. Не упустит случая пошантажировать.

А мне бы только избавиться от этого пятна. Он её увидит и умрёт от смеха...

– Не худший вариант, – вздохнул в ответ Робин.

Я поняла, что они говорят о своём старом учителе, с которым у Джея была неправильно разорвана связь. Джей на-

кручивал себя, а Робин уговаривал, что всё получится. Я не стала слушать дальше этот колдовской сеанс психотерапии. Мне бы и самой такой не помешал! Я ведь нахожусь здесь больше недели и не предприняла ни единой попытки вырваться, даже слова не сказала о том, что они обязаны вернуть меня домой!

Недовольная, да ещё и подпитываемая раздражением от колдуна через мою с ним связь, я выключила воду и ушла жаловаться на жизнь львам.

Скоро подошёл Робин. Наверное, хотел провести беседу и со мной, но я не желала обсуждать с ним рецептуру моего омлета, поэтому спросила первая:

– Что такое тень мира?

Дело было даже не в том, что я почему-то вбила себе в голову, что через неё смогу попасть домой. Меня просто тянуло туда, к туману, влажному воздуху и тишине.

Робин прислонился к спящему Достоевскому. Бонифаций, который сегодня был на сторожевом посту, сиял на солнце свежеотмытой мраморной шерстью.

– Тень мира... Это то, что раньше было нашим миром, нашей планетой. Теперь это только тень, существующая параллельно.

– Это как те миры, через которые мы шли сюда? Параллельные миры?

Робин помотал головой:

– Нет, это совсем другое. Мы шли сюда через разные пла-

неты.

У меня внутри что-то оборвалось. Значит, оттуда домой никак не добраться. Робин продолжал:

– Давай сядем, я тебе объясню.

Пока мы приводили сад в порядок, в зарослях обнаружилось несколько широких ваз под клумбы и пара скамеек. Я опустила на одну из них.

– Сначала про тень мира или про планеты?

Я пожала плечами. Сейчас расскажет мне, что хоть мир и не плоский, а шарообразный, но держится всё равно на слонах и черепахе.

– Всё в природе копирует себя и развивается по спирали, – сказал Робин своим учительским голосом. – Люди, животные, растения. И планеты тоже. Когда новая планета развивается по благоприятному сценарию – не стораёт, не замерзает, не разрушается, и на ней появляется жизнь – то природа копирует её. Новая планета может быть на огромном расстоянии в космосе от своей прародительницы, но всегда связана с предыдущей особенным видом связи. Это космическая спираль, на которую, как бусины на нить, нанизаны планеты. У людей, животных, растений ведь тоже так, знаешь? Внутри есть спираль, которой дети связаны с родителями.

– Ты про ДНК?

Вот вам и средневековье! Я произнесла аббревиатуру по-русски, значит, мой внутренний словарь не перевёл это слово, потому что его не было в языке этого мира. Робин не по-

нял, но кивнул.

– Значит, знаешь. Так как это спираль, то можно переходить не последовательно, а перепрыгнуть на виток выше или ниже.

– Как через то место с алыми бабочками?

Робин поморщился и кивнул.

– Да, иногда приходится через них, чтобы сократить путь.

– И много существует планет?

– Очень много.

Я задумалась.

– Это же так можно идти-идти и дойти до самой первой планеты?

Профессор колдунских наук строго посмотрел на меня:

– А ты можешь поговорить со своим пра-пра-прадедушкой?

– Нет, конечно.

– Вот и с планетами так же, первая вряд ли существует. Были исследователи, которые уходили очень далеко и не возвращались. Может, нашли свой идеальный мир, а может, погибли. Таких смельчаков по пальцам пересчитать.

– А что же, – не унималась я, – может, есть и другие спирали? Или, например, короткие, оборвавшиеся, такие космические бусы из дюжины планет?

– Да ты, я смотрю, философ, – улыбнулся Робин, – есть и такие теории, но их не проверить.

Ох, Екатерина, прекращай умничать! А то ещё Робин рас-

скажет Джею, что я что-то соображаю, и тот уверится в том, что я назло ему готовлю несъедобное, и взвалит на меня какие-нибудь более интеллектуальные задачи, чем мытьё статур и полов.

– А что такое тогда тень мира, если не соседняя планета?

– Ещё триста лет назад не существовало Совета, не существовало запретов в магии, каждый колдун был сам по себе и, естественно, следовал личным интересам. Наш мир был уничтожен необдуманной, эгоистичной магией. В последние дни его существования, когда шансов спастись не оставалось, все колдуны мира объединили свои силы и создали копию планеты, на которой мы сейчас и находимся, и перенесли людей, животных, часть домов – всё, что успели. Они спасли миллионы жизней, но при этом породили множество аномалий, таких, как тень мира, разнообразные новые виды сай, город вне времени и ещё много всего.

Мне хотелось закидать Робина вопросами, но я просто слушала, стараясь запоминать и жалея, что у меня нет под рукой блокнота. Послушаю местные истории, вернусь домой и буду писать сказки.

– А тень – это, как ты правильно сказала, параллельный мир. В нём только разрушенные здания и необычные сай – тени животных, которых колдуны не успели перенести на новую планету. Растёт там мох, иногда грибы попадают.

Я чуть было не ляпнула, что видела, но вовремя сдержалась.

– И они съедобные? – вместо этого спросила я, вспомнив, что Джей говорил тогда за завтраком.

– Как сказать. Есть их можно, но только в крайнем случае. И задерживаться там не стоит. Этот мир очень зыбкий, существующий лишь потому, что прицеплен к нашему. В нём всё гораздо тише, спокойнее. Там можно легко потерять себя. И уж точно не рекомендуется там спать. Есть сай совсем примитивные, есть с ограниченными интересами и возможностями – такие, как эти львы. Им бы только поохотиться. Но и в них есть жажда найти себе тело. А есть сай умнее, хитрее. Можешь заснуть, а проснёшься уже не ты. Точнее, ты тоже останешься в теле, но сай в итоге подавит тебя, и ты угаснешь. А алым бабочкам люди вообще добровольно отдают себя.

У меня по телу пробежала дрожь.

– Так та... госпожа Сай в гостинице?.. Она?..

– Она скорее всего и не украла тело, возможно, кто-то из её родителей. Кто знает.

Робин замолчал, да и у меня пропало желание задавать вопросы.

Как будто решив подшутить надо мной, именно в ночь после этого разговора тень мира вновь просочилась в мои сны, и под утро я проснулась, ощущая кожей мох, вдыхая тяжесть туманного воздуха. Птичья татуировка, о которой я успела забыть, чесалась.

Сколько раз я говорила себе, что я не герой приключен-

ческого сериала! Но меня разрывало от любопытства. Я будто подсмотрела у кого-то в телефоне кусочек серии, и очень хотелось узнать, что же там происходит. После рассказа Робина было страшновато, и часть меня требовала завернуться в тёплое одеяло с головой и попробовать заснуть.

Вместо этого я подошла к окну и посмотрела в щель между занавесками. Так и есть – зелень расстилалась до горизонта и исчезала в низком тумане, куда уже направлялся Джей с одним из львов.

Обуваться и переодеваться было некогда – неизвестно, сколько времени колдун проведёт там. Я решила выйти через окно, потому что боялась, что пока дойду до двери, потустороннее утро развеется и станет обыкновенным.

Как герой-неудачник, уже на подоконнике я встретила препятствие в виде занавески, которая зацепилась за мою ногу. Наконец, растрёпанная, но гордая тем, что вышла победителем из схватки с куском ткани, я спрыгнула на землю. Мох был пружинистый, влажный и скользкий, а мелкие веточки и камушки впивались в ступни.

На меня обернулся лев с большим лбом и печальными глазами, и я застыла. Грязный после охоты и отдыха, он только что заступил на дежурство. Мраморно-белый зверь спрыгнул со своего пьедестала и, скалясь, медленно пошёл в мою сторону. Я не на шутку перепугалась, потому что отчего-то была уверена, что он должен меня узнать!

Я вжалась в стену, которая больше не была целой стеной

дома, а представляла собой раскрошенные обломки крупного камня, увенчанные широкой рамой без стекла. Наружу свисала занавеска из другого мира. Если даже я сейчас попытаюсь забраться внутрь – не успею, да и учитывая мою грацию, точно упаду.

Лев тем временем приблизился на расстояние вытянутой руки.

– Достоевский... – позвала я.

Лев остановился и наклонил голову, прислушиваясь.

– Ты же меня знаешь, я тебя на той стороне всё время мою, это же я, Рина, Екатерина, – уговаривала я льва, не уверенная в том, что он знает моё имя, да и своё тоже.

Лев подошёл ко мне вплотную, и я зажмурилась. Зверь по-кошачьи заурчал и уткнулся мне в живот. Я с облегчением рассмеялась. Достоевский требовательно просунул голову мне под руку, и я гладила его густую белую гриву, шелковистые бока. Лев завалился на бок, а потом и на спину, подставляя пузо, совсем как кот. Здесь и правда было легче и спокойнее, чем по ту сторону. Я так давно не улыбалась, что заболели щёки. Внезапно по левой руке пробежали мурашки и тут же перешли в зуд. Я помассировала руку. Лев сел рядом и внимательно глядел на меня.

«Вот что бывает, когда гладишь дворовых кошек», – назидательно сообщила тётушка.

Зуд исходил от татуировки. Я приподняла рукав футболки, и внезапно оттуда выскочила птица. На коже остался

только рисунок пшеничного колоска.

Птица была растрёпанная и тоже не понимала, что произошло. Она покружила у меня над головой, а потом села льву на макушку.

– Стой! – крикнула я.

Но лев никак не отреагировал на птичку, только зевнул, как будто его ничуть не волновало, что кто-то сидит у него на голове.

– Вот ещё новости, – в отчаянии сказала я. – И что мне с вами делать?

Я представила, как из тумана выходит колдун, а тут сижу я, в одной футболке и трусах, рядом мурлычет его лев, вокруг скачет серая птичка с полосатым хвостом. Вся лёгкость сразу куда-то улетучилась, а сердце стучало так, что я вздрагивала всем телом под его гулкие удары.

Лев почувствовал, что со мной что-то не то и лизнул мою щёку тёплым шершавым языком. Птица бегала туда-сюда по каменным плитам, которые когда-то были дорогой, и возбуждённо махала хвостом. Не так уж она и похожа на воробья, даже ноги длиннее.

– Эй, – тихо позвала я птицу, – нам бы надо домой, пока хозяин не вернулся.

И сама сразу же поморщилась от слова «хозяин». Я имела в виду, хозяин львов и дома, но получилось так, будто я говорю и про себя. Лев сочувственно потёрся головой о мою руку, а я обняла его. Шерсть пахла мхом.

– Мы с тобой ещё сегодня увидимся, – шепнула я ему, – ведь мне всё это отмывать.

Птица наклонила голову, как будто ожидая от меня первого шага.

Тут обнаружилась проблема. Окно располагалось достаточно высоко, а камни стояли плотно, без малейшего намёка на выступы, по которым я могла бы забраться наверх. Спрыгнуть было гораздо легче! Я подёргала занавеску, но она казалась непрочной.

Я посмотрела вокруг, но не увидела дверь, через которую вышел колдун, затем в отчаянии обернулась – не идёт ли он из тумана? Но его пока не было. Лев уже занял своё место на пьедестале и не глядел на меня. Я обратилась к птице:

– И как нам попасть обратно домой?

Птица встрепенулась, как будто получила задание, оттолкнулась от земли и полетела. Я кинулась за ней, но далеко бежать не пришлось. Птичка сидела на ступенях перед приоткрытой дверью, которая была не видна от окна, как в настоящем мире, а находилась за ним. Наверное, окна и двери как-то соединены с другими окнами и дверьми в тени мира и могут располагаться иначе. Но времени обдумывать эту мысль не было, и я проскользнула в щель, стараясь не задеть дверь и не изменить её положение, чтобы колдун не заметил.

Я оказалась в коридоре дома. Через приоткрытую дверь виднелся обыкновенный сад, освещённый первыми лучами солнца. Птица сидела на колоске пшеницы на моём плече,

будто и не бегала только что по развалинам.

Утро сразу не задалось. Лил дождь, и комариный звон едва перекрывал его. Я собралась, надела балетки, которые не страшно было намочить, и тут вспомнила – кеды! Они так и висели на веранде, теперь уже насквозь мокрые. Я вылила из них воду и повесила в кладовку, надеясь, что не расклеятся швы. Зонтов в доме не водилось, а в путешествие Алина взяла один большой на двоих и хранила его в своём чемодане. Наверняка здесь существовало какое-то противодождевое заклинание или записка, но не махать же всеми подряд бумажками из коробочки!

По улице, пузырясь, текли потоки воды. Над городом нависли тяжёлые тучи, туман зацепился за холмы и висел рваными клочьями. Влажный густой воздух пах мокрой землёй. Я накинула ветровку с капюшоном, который не спасал, и побежала к мостовой. На полпути меня окликнул мужчина. Он как будто находился в пузыре, по стенкам которого стекали капли.

– Девушка, что же вы! У вас записки закончились? – сочувственно спросил он.

Даже не начинались, господин из шара. Я кивнула и собралась бежать дальше.

– Погодите-ка!

Мужчина покопался в кармане, извлёк несколько записок и махнул одной из них у меня над головой.

Дождь сразу прекратился, точнее, прекратился локально. Теперь я тоже была внутри шара. Поблагодарив мужчину, я не спеша двинулась дальше. Чего в шаре не хватало – так это дворников и обогрева. Ручейки воды мешали обзору. К счастью, ливень закончился, моросил мелкий дождик. Но я успела изрядно промокнуть, и теперь с одежды и волос текла вода.

Торговцы и посетители рынка уже привыкли к моему странному виду, но сегодня их ждало новое представление – посмотрите, Рина из дома колдуна умудрилась намокнуть в сухом шаре. Некоторые не скрывали смешков.

У палатки с овощами маленький мальчик подёргал седовласую женщину за подол юбки и громко спросил:

– Бабушка, а что с тётёй?

– Записки с ошибками! – нравоучительно ответила та. – Так бывает, когда плохо учишься.

Я залилась краской, опустила пониже мокрый капюшон и окружила себя десятком воображаемых зеркал. На выходе я не смогла отказать себе в удовольствии остановиться у стола с соломенными фигурками. Армия мышей поубавилась, зато появились стрекозы. Я хотела заговорить с девушкой, но она была слишком занята нанизыванием бусин на ленточку, а усатый мастер даже не заметил меня. Он наматывал солому на каркас и что-то монотонно рассказывал девушке, которая изредка кивала.

Последние пару недель всем моим общением были лекции

о городе и параллельных мирах от Робина. Я жалела о том, что не ценила те вечера, когда Алина приходила с работы, оттаскивала меня от компьютера, а я недовольно ворчала, что только включила новую серию. Она заваривала чай, доставала круглую металлическую коробку с печеньями и рассказывала мне об одном из своих путешествий по живописным городам. Как вернусь, куплю ей самого лучшего печенья! Сливочного, с кусочками шоколада! Или лучше набор, в котором разные виды – от прямоугольничков, покрытых шоколадом, до вафельных трубочек и кокосовых медальончиков. И ещё коробку конфет. И мармелад.

Я так углубилась в свои мысли, что перестала смотреть под ноги и, не дойдя всего пару метров до выхода, поскользнулась на мокрой дороге. Не удержав равновесие, я рухнула на камни, едва успев подставить руки. Они приняли на себя часть веса, но я неудачно ударилась коленкой. От боли слёзы брызнули из глаз. Корзинка перевернулась. Яйца весело покатались по брусчатке, не разбиваясь. На помидоры наложить закливание никто не додумался, и они полопались от удара о землю. Я села и ободранными ладонями схватилась за коленку. Ко мне уже бежали люди, кто-то собирал продукты, а золотоволосая девушка тут же оказалась рядом.

– Покажи.

Я убрала руки. Джинсы перепачкались, но не порвались, поэтому было неясно, что с коленкой.

– Встать можешь?

– Не знаю... – простонала я и залилась слезами, оплакивая свою несчастную судьбу.

– Ну, ну, нога на месте! – успокоила меня девушка. – А остальное можно вылечить.

Она помогла мне подняться, но у меня даже не получилось распрямить ушибленную ногу, не то что встать на неё. Кто-то из прохожих предложил помощь, но девушка ответила, что мы и вдвоём доберёмся до дома. Одной рукой она держала меня за талию, а я опёрлась на её плечо. От волос девушки приятно пахло сухими розами. Свободной рукой она подхватила корзинку и крикнула:

– Дядя, я пошла!

Усач стоял у лавки, уперев руки в бока и качая головой. На слова племянницы он интенсивно закивал, будто говоря – какие могут быть возражения!

Дождь почти прекратился. Мы кое-как дошли до мостовой, молча, потому что я была очень сосредоточена на том, чтобы не наступать на правую ногу, при этом левой не поскользнуться снова и не слишком утомлять девушку.

– Меня Лорой зовут, – наконец заговорила она, – а тебя?

– Е... Рина. Нам вон туда, за пекарню.

– Знаю.

– Ты знаешь, где я живу?

– Видела тебя в саду. Я как раз приехала к дяде, когда пошли слухи, что колдун вернулся. Ну, я сразу побежала посмотреть, любопытно было.

В горку мы ползли очень медленно, как две древние старушки на променаде. Коленка пульсировала и горела, балетки набрали воды из луж и хлюпали. Лора пыталась подбодрить меня, шутила, но у меня разболелась голова, так что я даже ради приличия не могла улыбнуться. Прыгать на одной ноге было тяжело, чёрная сумочка-кошелёк била по животу и позвякивала монетами.

– У моей мамы такой же был, – снова нарушила молчание Лора, но у меня не осталось сил ответить.

К тому времени как мы добрались до дома, моё дыхание окончательно сбилось, да и Лора устала. Мы остановились отдышаться. Из почтового ящичка торчал мокрый конверт. Достоевскому на голову осыпались белые лепестки.

– Пойдём? – я кивнула на вход.

Лора вдруг рассмеялась:

– Смешная ты, как я пройду?

Я непонимающе посмотрела на неё.

– Это же охранники, – девушка кивнула на львов. – Нужно, чтобы колдун разрешил. Ну, или если ты вдруг знаешь имена.

Она снова засмеялась. Я открыла было рот, но она меня опередила:

– Да шучу я, шучу! Никто не даёт сай имена.

– Почему это? – возмутилась я.

– Ты же не даёшь имя табуретке!

Кажется, я её очень развеселила.

– Я одна до двери не дойду, – буркнула я.

– И не надо! Подождём, пока твой хозяин нас заметит.

Я поморщилась от слова «хозяин». Да и чего тут ждать? Я мысленно поискала колдуна в доме – он снова был в библиотеке – и попробовала направить ему свой образ. Вот, смотри, я несчастная, с ушибленной коленкой, стою у калитки и одна до двери не доберусь. Не позволите ли, предобрейший хозяин, этой милой девушке помочь мне дойти до комнаты?

– Смотри-ка! – вдруг воскликнула Лора.

Я проследила за её взглядом, но ничего не увидела.

– Да вон же, меняется!

– Что меняется?

– Узор, ну! У входа!

Я пожала плечами.

– Да ты магию не видишь! – догадалась она. – Как же тебя колдун на работу взял? Ну, не расстраивайся, я тоже совсем чуть-чуть вижу и могу только самые простые вещи делать, воду пустить через кран или плиту нагреть. Даже огонь разжечь у меня не всегда получается.

Когда мы одолели половину сада, дверь распахнулась. На пороге, сложив руки на груди и хмуро глядя на нас, стоял Джей в своей вечной чёрной рубашке и коричневых брюках. У Лоры сбился шаг, и я, потеряв равновесие, чуть не упала.

Колдун в несколько шагов оказался рядом и подхватил меня на руки, вырвав из облака сушёных роз. От его кожи и волос всё так же, как и в первый день, пахло мёртвой зер-

кальной пылью. Я сжалась и задержала дыхание.

– Заходи, – кивнул колдун Лоре.

– Да, господин, – едва слышно выдохнула девушка.

Эх, Лора, он же сейчас совсем не страшный! Джей ногой открыл дверь в мою комнату, опустил меня на неубранную кровать и сказал:

– Снимай джинсы.

Слово прозвучало инородно, а я уставилась на колдуна с негодованием.

– Или прыгай на одной ноге, пока не пройдёт. Если там не трещина, – резко сказал колдун и отвернулся, чтобы закрыть дверь.

Я, пытая и стеноя, кое-как стянула прилипшие, всё ещё влажные от дождя джинсы и откинула их на пол. За ними отправилась насквозь мокрая ветровка. Коленка покраснела, опухла и отчаянно пульсировала. Джей расправил покрывало и сел рядом со мной на кровать. Он прочертил над коленкой квадрат и сначала просто смотрел, а потом стал чертить ещё какие-то фигуры и завязывать невидимые ниточки. Когда он в очередной раз замер, открылась дверь, и в комнату зашёл Робин.

– Джей, ты тут? Ой, извини, Рина!

– Да чего уж, заходи, – пробормотала я, ещё больше краснея. Не комната, а проходной двор.

– Я прихожу – а у вас на кухне волшебная фея хозяйничает. Спросила меня, что господин колдун на завтрак пред-

почитает!

Ну надо же, фея! Волшебная! А я-то им сразу растрёпанный воробей.

Робин не заметил, что я обиделась, и продолжил:

– Я кое-что узнал про татуировку, хочу проверить. Ты закончил?

Джей дважды провёл указательным пальцем над моим коленом, как будто поставил знак «равно». Я протянула ему ободранные ладони – начал, так уж лечи до конца.

– Готово.

– Где это ты такому научился? – спросил Робин. – Это же не магия времени?

– В библиотеке у сай.

Так значит, я выступила в роли лабораторной мыши! Я всё ещё дулась на Робина за фею, а благодарить Джейа даже не думала. Обойдётся. Табуреткам не дают имена, но их чинят, если ножка сломается, и не ждут благодарности. Я согнула и разогнула ногу. Краснота проходила на глазах, отёк спал. Я встала и прошлась по комнате. Нога совсем не болела, только продолжала пульсировать.

– Что там с татуировкой? – спросил Джей.

Робин подвинул к кровати стул, сел и позвал меня. Джей встал рядом с ним. Я уселась на кровать и закатала рукав. Лабораторную мышь погоняли по лабиринту и теперь созвали консилиум.

– Вот, смотри, – Робин прочертил квадрат в воздухе, как

будто приглашая коллегу взглянуть на экран, – это след от осуществлённого условия. А это...

Робин нахмурился, а Джей наклонился поближе.

– Что такое? – спросила я.

– Ничего страшного, – медленно проговорил Робин, – только к ней сай прицепилась.

– Что?! Как это? Это она во мне теперь, что ли? – я чуть не вскочила с кровати.

– Не волнуйся, – успокоил меня Робин. – В таком виде она не представляет для тебя опасности. Теперь у неё есть тело, хоть и в виде рисунка, на твоё она покушаться не будет. Просто она теперь живёт у тебя на руке.

Этого ещё не хватало! Что дальше, на лоб мне печать поставят?!

– Может, пробралась за тобой из тени мира? – Робин спрашивал Джея. Тот снова сверлил меня взглядом.

– ...или из города. Мы проходили мимо магазина с ловушками, вдруг там что-то отцепилось, мало ли... Джей?

Тот не отвечал, тогда Робин переключился на меня.

– Рина, а ты не... – он не успел закончить. Джей положил ему руку на плечо и произнёс:

– Не надо.

Теперь они гипнотизировали друг друга. Я попыталась понять, о чём думает Джей, но мысли читать связь не давала, так что я нащупала лишь постоянный фон раздражения. По крайней мере, он не стал приставать с тенью мира, и я мог-

ла сохранить в тайне своё посещение мшистого сада и ожившую птицу.

– Хорошо, – наконец ответил Робин. – Тогда продолжим.

Они снова занялись моей татуировкой, в которой оказалось столько всего намешано, что колдуны никак не могли отделить одно значение от другого.

– Теперь я вижу вплетённую ловушку для сай, – сообщил Робин. – Значит, так и задумывалось. Вернёмся к тому, что я нашёл – видишь, похоже на символ дороги, путь.

– Вижу. Значит, функция сай – проводник?

– Да, именно так. Но и без сай работало. Вот как Рина прошла за тобой: амулет тянул из старого колдуна энергию, а татуировка направляла её и помогала открыть проход по свежему следу.

– Да, это всё объясняет.

Я делала вид, что занята коленкой – сгибала её, разгибала, гладила, а на самом деле моё сердце билось часто-часто. Если то, что Робин говорит, верно, то у меня есть навигатор, и найти путь домой теперь не проблема! Нужен только источник колдовской энергии, и тогда я смогу вырваться отсюда! Я старалась дышать ровно, чтобы Джей не связал моё волнение со словами его друга.

– А потом, – продолжил Робин скорее для меня, чем для Джея, – в ловушку попала сай, и сразу получила цель – быть проводником.

– Что же, я теперь по пути на рынок не заблужусь? – яз-

вительно спросила я. Соседство с Джем не шло на пользу моему характеру.

– Сейчас, – оборвал меня Джей, – тебе надо одеться и, не заблудившись, дойти до кухни. Робин, пойдём. У нас там фея без присмотра.

Я извлекла из рюкзака домашние штаны серого цвета, мягкие, по местной моде сужающиеся книзу и обхватывающие ноги серой резинкой на лодыжке.

Пока Джей занимался лечением моей коленки, Лора захватила кухню. Она нашла холодильник, разложила покупки и приготовила омлет. Вчерашние подсохшие булочки превратились тосты, а помидоры и зелень отправились в салат. По мне так слишком много возни с тем, что можно просто съесть.

Стол был накрыт на двоих, колдуны сели, а меня Лора потянула за локоть в коридор.

– Как твоя нога? – спросила она, когда мы зашли в комнату.

– Нога в норме, только я есть хочу.

– Ну и поешь скоро, я много приготовила.

– А сейчас почему нельзя? – удивилась я.

Лора залилась смехом.

– Ну ты смешная, честное слово! Откуда ты такая взялась? Сначала хозяева едят, потом слуги.

– Мы всегда ели вместе, – нахмурилась я.

– Ой, странно! Ну, может быть, твоему колдуну после

многих лет в зеркале одиноко, но это непорядок.

Я не собиралась с ней спорить, вместо ответа поsgiбала и поразгибала ногу. Лора продолжала:

– И странно, почему это они на кухне едят. Столовой тут нет?

– Есть, – буркнула я.

Прилетела волшебная фея и за полчаса навела свои порядки. Похоже было, что на мою территорию покушаются, и в этом я оказалась права. Робин ушёл сразу после завтрака, а Джей позвал нас и предложил Лоре приходить по утрам и готовить, если она не против.

Девушка, которая в присутствии колдуна бледнела и устремляла взгляд в пол, оживилась. Она приехала на пару месяцев навестить дядю и помогает ему на рынке. Уделить новой работе несколько часов ей будет не сложно.

Я с удивлением поймала себя на том, что злюсь. Эй, Екатерина, ты что это? Тебе же так будет лучше – минус одна раздражающая обязанность. А там глядишь – и Лора так понравится Джейу, что он быстренько отправит тебя домой за ненадобностью.

Лора убежала, пообещав вернуться к обеду. Посуду она успела помыть, пока я ела. Нужно признать, готовила она даже лучше, чем Робин. Я пошла к львам. Мыть было особо нечего, утренний дождь постарался. Цветы поливать тоже не надо. В почтовом ящичке с внешней стороны калитки так и торчал мокрый конверт. Я забрала его и положила на столик

в прихожей. Даже странно, подумала я, у меня теперь есть свободное время. Как будто прочитав мои мысли, из библиотеки вышел Джей со стопкой книг в руках и сказал, что раз я освобождена от обязанностей повара, то смогу поработать курьером.

– В Старом городе есть книжный салон господина Туана, за эти книги проси с него не меньше ста монет. Понятно? – И не дав мне ответить, продолжил: – Дашь ему этот список, если у него что-то есть – покупай. Это всё стоит не больше пятидесяти. Если нет, спроси, сможет ли достать. Потом зайди в лавку господина Руты в торговом районе у Эллы. Повтори.

Я открыла рот, вдохнула воздух.

– В Старом городе... и у Эллы торговый район. – Я специально делала длинные паузы, стараясь казаться глупее, чем я есть. – В первом господину...

– Туану.

– Туану! Продать книги за сто монет, а во втором... не помню, – жалобно закончила я.

Джей на секунду прикрыл глаза. Я чувствовала, как он начинает закипать.

– Во втором Рут! Рута! Господин! – поспешно сказала я. – Первому продать и купить, во втором купить, если в первом не будет! Но первого попросить достать.

Джей потёр переносицу, но хотя бы передумал вскипать.

– У тебя три часа.

Я даже не успела запротестовать, что это слишком мало

для человека, который ни разу не был один в городе. Колдун забрал мокрый конверт со столика и удалился на второй этаж.

Глава 10. Новые знакомые

Я погрузила стопку книг в рыночную корзинку, список положила на дно. Робин показал мне записки для зонтика, и одну я сунула в карман. Джинсы нужно было стирать, поэтому на улицу я отправилась в серых домашних штанах и балетках, а сверху накинула свитер. Тётушка, увидев меня в таком виде, непременно объявила бы, что я хочу свести её в могилу. Дождь прекратился, но клочья тумана так и висели

на холмах. Я шла не торопясь, чтобы снова не поскользнуться на влажной брусчатке, да и просто чтобы это новое задание заняло как можно больше времени. Если из меня выйдет такой же никудышный курьер, как и повар, то Джею придётся нанять ещё кого-то, а меня наконец-то вернуть на моё законное место. Я шла к мосту и ничего не замечала вокруг, пытаюсь воссоздать в памяти свою спокойную старую жизнь. Близился полдень, а значит, я бы сварила себе кофе, взяла баночку клубничного мороженого и включила бы какой-нибудь старый фильм из детства, а может даже мультик.

На другой стороне реки я остановилась, не зная, куда идти. Мне и в голову не пришло спросить колдуна, где находится эта лавка. Скорее всего, он раздражённо велел бы разбираться самой. Я повернула на первую попавшуюся улочку, кривую, со старыми двухэтажными домами, стены которых были выкрашены в пастельные цвета – светло-зелёный, розовый, голубой и персиковый. Оконные проёмы пестрели разнообразными растениями в кадках – от простеньких маргариток до цветущих кактусов. Улочка была настолько узкая, что две женщины, высунувшись из окон стоящих друг напротив друга домов, разговаривали, почти не повышая голоса. Одна жаловалась, что выросли цены на рыбу, а вторая сочувственно поддакивала. Вскоре запах жареного лука и приправ сменился ароматом кофе, который вывел меня к центральной улице. Здесь белые дома с красными рамами напоминали об архитектуре рыночной площади по ту сторону ре-

ки. Мимо витрин лениво прогуливались прохожие, задерживавшие взгляд на моём наряде. Огибая их, спешили по делам велосипедисты. Я свернула налево, туда, где между домов высился шпиль. На подходе к зданию из крупного красного кирпича, которое в моём мире служило бы собором, мне перегородил дорогу бритый молодой человек в светлом балахоне. Приветливо улыбаясь, он поздоровался и спросил:

– Веруешь ли ты в брата нашего Аида, сестра?

Я опасливо отступила на шаг вбок, чтобы обойти его, но приставучий молодой человек словно ждал этого и преградил мне путь.

– Все заблудшие души стремятся домой, – сообщил молодой человек.

Я отгородилась корзинкой с книгами и попыталась обогнуть его с другой стороны. Он тоже сделал шаг, не давая мне пройти.

– Дом Аида открыт для всех с шести утра до восьми вечера, за городской стеной направо, не доходя до Рыбного рынка.

Молодой человек ловко сунул мне в корзинку листовку и, когда я наконец-то умудрилась обойти его, прокричал вслед:

– Мы настоятельно советуем не посещать Дом всех богов во избежание путаницы!

Я быстро добежала до красного собора со шпилем и остановилась отдышаться. Вблизи он выглядел гораздо выше и внушительнее, чем издалика. Я вынула из корзинки бумаж-

ку. С одной стороны тянулись длинные строки, написанные мелким почерком, а на другую занимал голубь с огненными крыльями. Молодой человек уже нашёл новую жертву и настойчиво совал ей в руки листовку. Я опасливо посмотрела по сторонам, нет ли тут ещё таких сумасшедших. Дальше на улице девушка в красном плаще с откинутым капюшоном что-то настойчиво доказывала толстячку, тщетно пытавшемуся вырваться на свободу.

Аккуратная бабуля, как раз вышедшая из здания, заметила, что я разглядываю листовку.

– Ах, братья Аида! Нигде от них покоя нет, вечно ошиваются у Дома всех богов. Смотри-ка, а вон там и свидетели Юты.

Я вопросительно взглянула на бабулю, а та оценивающе оглядела мой костюм:

– А ты неместная, как я посмотрю.

Я кивнула.

– Давно здесь?

– Пару недель, – неохотно ответила я и уже раздумывала, как бы обойти приставучую старушку.

– И что же, не попадались тебе раньше ни братья, ни свидетели?

– Я работаю на другой стороне реки. А вы не знаете, где магазин Туана? – спросила я, не дав бабуле задать мне новый вопрос.

– Книжный салон господина Туана? Да кто же не знает! Я

тебя отведу, а заодно расскажу кое-что.

Бабуля ловко схватила меня под руку и повела за собор, подальше от девушки в красном. Мы вышли на широкую площадь. За ней, над крышами домов высился светло-коричневой громадой замок.

– Тут вот Старый рынок, но он после обеда откроется. Ну-ка, обернись!

Я послушно посмотрела назад. С этой стороны стена здания была испещрена маленькими круглыми окошками с цветными стеклами. Должно быть, утром, когда солнце встанет из-за холма, внутри очень красиво.

– Дом всех богов, – гордо произнесла бабуля, как будто лично вставляла цветные стёклышки в окна. – Сюда каждый может прийти и помолиться в тишине своему богу. Ты не знала?

Я помотала головой.

– Ну вот, из какой же глубинки ты приехала, – поцокала языком старушка и воззрилась на мои балетки. – У вас-то там, наверное, каждому богу по отдельному дому. А тут, в столице, нельзя. Дома за городской стеной. Я, когда помоложе была, каждый день бегала в Дом светлого нашего солнца, а теперь только досюда дохожу. И нет такого дня, чтобы эти вот зазывальщики ко мне не прицепились! А их бумажку ты выброси, зачем забивать себе голову. Ты сама в какой дом ходишь?

– Ни в какой, – буркнула я.

– Вот и славно, – пропела старушка, – пока дойдём до лавки, я тебе расскажу про светлое наше солнце!

Я попыталась аккуратно высвободить руку из цепких лапок бабули, но не тут-то было. Она выполняла свою миссию гораздо успешнее бритого молодого человека.

Я не слушала и смотрела по сторонам. По моим расчётам, мы шли перпендикулярно реке. Я составляла карту в голове, чтобы в следующий раз не спрашивать дорогу и так глупо не попасться.

– А где полицейский участок? – вдруг спросила я, перебив старушку.

Та запнулась и ослабила хватку.

– А-а-а... Это зачем?

Я промолчала.

– Один, старый, у подножия холма недалеко от истока Эллы, речка такая, знаешь? – я кивнула. – А второй, новый, с большой тюрьмой – на холме напротив замка. Чтобы заключённые всегда видели из окон обитель нашего молодого короля и предавались раздумьям о том, что натворили. А вот и салон! – обрадовалась старушка.

Слава всем богам, чуть не закричала я вслух. Бабуля поспешно попрощалась и скрылась за углом.

Я осталась одна в маленьком сквере, окружённом статными белыми домами с колоннами. Впереди резко устремлялась ввысь скала с непонятно как цепляющимися за вертикальную поверхность кривыми сосенками. В сквере стоя-

ли лавочки, почти все свободные, посередине весело шумел невзрачный фонтан, цвели рододендроны всевозможных оттенков – фиолетовые, красные, малиновые, оранжевые, такие яркие, как будто их раскрасили фломастерами из детского набора. Стряхнув с лавочки капли, я ненадолго присела отдохнуть, чтобы бабулин голос выветрился из головы. Мне там хватало и тётушкиного.

...Господин Туан стоял за стойкой в конце узкого холла и рыбьими глазами из-под полуприкрытых век презрительно оглядывал посетителей. За его спиной тянулись ряды книжных полок, упирающихся в потолок с затейливой лепниной и сотней мелких ламп-шариков. Пахло цветочными духами. Посетителей было немного, и когда я зашла, все взоры устремились на меня. Я даже удостоилась того, чтобы господин Туан приоткрыл веки. Он определённо не одобрил ни мои штаны, ни свитер, ни спутанные волосы, а уж книги, сваленные в продуктовую корзину, заставили его широкие ноздри затрепетать, а тонкие губы лишиться краски. Он был немолод и оттого крайне консервативен.

Ну что ж, здесь мне пригодятся уроки тётушки-псевдо-аристократки. Я выпрямилась, убрала волосы за уши и гордо прошествовала по красному ковру к стойке, тоже прикрыв веки и кивая посетителям. Дама в узкой юбке, расположившаяся на диванчике, возмущённо подняла повыше газету, мужчина в сером отвернулся.

– Добрый день, госпожа, – откуда-то сверху раздался хо-

лодный голос господина Туана. Мужчина был настолько высоким, что даже мне с моим немаленьким ростом пришлось задрать голову, чтобы смотреть ему в лицо.

– Добрый день, – мило улыбнувшись, пропела я и поставила корзинку прямо на стойку. – Покупаете ли вы книги?

– Смотря какие, – натянуто улыбаясь одними губами, ответил владелец лавки, а потом глаза его опустились на содержимое корзинки, и брови поползли вверх. – О-о-о!

Он бросился копаться в книгах, сразу став похожим на паука с длинными быстрыми лапками, и периодически восклицал:

– Редкая вещь! Все страницы целы! Надо же, то самое издание!

Впрочем, он быстро взял себя в руки, снова прикрыл веки и вернул презрительный взгляд, но волнение выдавали разругавшиеся щёки. Нет ничего страшнее коллекционера, который нашёл пополнение для своего собрания.

– Сколько вы за них хотите, госпожа?

– Сто... сто пятьдесят, – рискнула я, вспомнив компьютерные игры, где надо было повышать навык торговли, предлагая торговцу несусветную цену.

Левая бровь господина поползла наверх, но он быстро вернул её на место.

– Сто десять.

Ну нет, дядя, ты так легко не отделаешься!

– Сто тридцать.

– Сто двадцать, и это моё последнее слово!

– Чудесно, – милостиво уступила я. – Раз с этим вопросом мы разобрались, то не взгляните ли на список? Что из этого вы можете мне предложить?

Господин Туан переложил книги на стойку, вернул мне пустую корзину и приблизил к глазам список.

– Мне знаком этот почерк, – задумчиво произнёс он. – Неужели?..

– А вы что же, не слышали? – любезно поинтересовалась я. Мне понравилось играть новую роль, это вам не полы мыть и не за яйцами на рынок бегать! Меня, можно сказать, к этому всю юность готовили.

– Слышал, но, по правде сказать, до конца не верил... А вы работаете у господина колдуна? – мужчина наконец посмотрел на меня с интересом, а не как помеху для созерцания книжных полок.

– Да. Меня зовут Рина, – представилась я и протянула руку. Моя ладонь утонула в длинных паучьих пальцах.

– Что касается этих книг, госпожа Рина, то дневники Сари и «Учение о всяких тварях неразумных» я вам сейчас вынесу. Новую редакцию Запретов Совета спросите у господина Руты в торговом районе, я популярную литературу не держу. «Логика Миротворения» у него тоже должна быть, у меня последний экземпляр недавно купили. А что касается этой, – господин Туан понизил голос и постучал пальцем по верхней строке списка, – то только господин ан-Тарин мог так легко-

мысленно записать это название на бумагу. Мой вам совет, будете у господина Руты – оторвите край листа.

– Что же, – шёпотом спросила я с показным разочарованием, – хотите сказать, что даже вы, господин Туан, не имеете связей, чтобы такое раздобыть?

Господин Туан оглядел посетителей своими рыбьими глазами и наклонился ближе.

– Давайте так, госпожа Рина. Приходите через два дня, и у меня будут для вас новости.

Он выпрямился и сухо произнёс:

– Итак, госпожа, сто двадцать монет я вам должен, минус десять за дневники, десять за Учение и двадцать за услуги, – тут он стрельнул в меня глазами.

Я заподозрила, что где-то он меня обманул, но согласно кивнула – не моё дело. Господин ан-Тарин вообще не приказывал торговаться. Владелец салона начеркал что-то на бумажке – наверное, названия и цены, удалился в коридор книжных шкафов и вернулся оттуда с двумя довольно большими томами. Из ящичка в стойке он извлёк горстку монет и несколько банкнот. Распихав их по карманам – кошелёк я забыла дома – я начала перекладывать книги в корзину, но господин Туан воскликнул:

– О, прошу вас!

Он порылся у основания стойки и вытащил узкую холщовую сумку с длинными ручками. Я поблагодарила торговца, сложила книги в сумку, на которую тоже, судя по весу, было

наложено заклинание.

Выйдя на улицу, я положила сумку в корзинку. Не ходить же с пустой корзиной и сумкой на плече! Я отошла в дальний уголок сада и села на лавочку под прикрытием пурпурного куста. У меня тряслись руки и пересохло в горле. Мне понравилось играть эту маленькую роль, но до чего же страшно! Каждую секунду я ждала, что вот-вот господин Туан поймёт, что я ни в книгах ничего не смыслю, ни в его работе, да что там, даже читать не умею. Недолго было из-за Джея, который видел меня насквозь, утратить навык.

Я ориентировалась на массив замка, который высился над городом на востоке, и старалась не выйти снова к Дому всех богов, но, пока блуждала по узким аккуратным улицам, всё равно каким-то образом оказалась у здания со шпилем. Лысый молодой человек был занят с новой жертвой, а девушку в красном я обошла за десяток шагов. Я узнала улочку, по которой добралась до центра от моста, и хотела свернуть на неё, но тут меня поманил запах кофе. Я осталась на главной улице и пошла по направлению от замка параллельно большой реке, Карне, разглядывая витрины магазинов и прилавки.

Мне хотелось тоже сесть за столик у пекарни, и чтобы принесли чашечку кофе, чая или даже какао и вон то красивое пирожное с клубникой. Или корзиночку с чёрной смородиной. А может, булочку-пиццу. Я даже решила зайти в одну чайную, но с прилавка смотрели непонятные буквы и, веро-

ятно, цифры, и внезапно на меня с новой силой обрушилась чужеродность окружающего пространства. Я выскочила из чайной и поплелась к реке, подальше от широких улиц, от соблазнительных запахов и любопытных взглядов.

Я нашла свободную скамейку у отцветающего куста сирени и твёрдо решила никуда не идти. Ни в лавку, ни обратно к колдуну, вообще никуда. Пускай я замёрзну здесь, у реки, с которой дует неприятный мокрый ветер, под холмами, закутанными обрывками тумана, с видом на тюрьму. Однако быстро выяснилось, что умирать от холода скучно и некомфортно. Я закуталась в свитер, поджала ноги, но лучше не стало. Тогда я решила полистать книги.

В той, что поменьше, совсем не было картинок. Наверное, это дневники какого-то там господина. Вторая оказалась интереснее, с картинками. Ну конечно, это что-то про тварей! Потрёпанные края и загнутые уголки наводили на мысль, что книга сменила не одного владельца. Я открыла наугад и попала на большую, в полстраницы, иллюстрацию, изображавшую бабочку. Несмотря на то, что рисунок был чёрно-белый, я сразу поняла, что это алая бабочка. Оставшийся разворот занимал текст, а в уголке теснилась крошечная фигурка с раскинутыми руками и бабочкой вместо головы.

Отчего-то стало жутко, но я продолжила листать страницы. Иллюстраций было не так много, в основном небольшие, как тот несчастный человечек. Никаких совсем уж необычных животных я не находила. Вот лошадь с длинной ше-

ей почти как у жирафа, вот пушистый кролик, вот медведь. Медведь, правда, держал в лапе фонарь, поэтому тоже вызвал у меня неприязнь. Дальше шли разные птички. Одна грозила человеческой рукой из-под крыла, и я поспешила перевернуть страницу.

А вот и мой старый знакомый, китайский дракон с плоской мордой! Тут он не выглядел таким устрашающим, как в книге из библиотеки колдуна, наверное, потому что был изображён маленьким, на полях, и походил на ящерку. Больше места на этот раз занимала фигура человека, схематично нарисованная несколькими линиями. Внутри фигуры располагались чёрные ромбики – два у рёбер, третий в районе сердца, четвёртый под горлом и пятый в середине лба. Человек кричал. Я закрыла книгу. На душе было мерзко, погода была мерзкая, и мерзкие мысли одолевали меня. Я не знала, сколько прошло времени, но думала, что около часа. Нужно было двигаться дальше, пока в голове не возник мерзкий поторапливающий звон.

До Эллы я добралась довольно быстро, потому что погода не располагала к неспешной прогулке. Набежали тёмные тучи и заморосил дождь. Про записку-зонт я вспомнила только на полпути. Стало сухо, но холод никуда не делся. Я шла по выложенной камнем узкой набережной и вглядывалась в домики, пытаясь опознать тот, через дворик которого мы с Робинотом попали на торговую улицу. Пришлось спрашивать прохожих, которые разглядывали мою одежду и отвеча-

ли неохотно. Чтобы не было страшно обращаться с вопросами к незнакомым людям, я представляла себе, что я жительница этого мира. Скажем, путница в поисках Дома Аида, которой как можно быстрее нужно попасть к своим братьям и сёстрам, а заодно купить книгу.

Наконец, я добралась до торговой улицы и нашла домик, увитый девичьим виноградом, с вывеской в виде раскрытой уголком книги над деревянной дверью. Дождь к тому времени лил вовсю, даже сильнее, чем утром. Я ввалилась в книжную лавку и застыла на пороге. Внутри всё выглядело как противоположность салону господина Туана – тёмное тесное помещение, забитое книгами, которые лежали на столиках, толпились в книжных полках, покрывали все свободные поверхности. Шарiki-лампы висели хаотично, освещая отдельные островки. Пахло старыми книгами и свежей выпечкой. Откуда-то из глубин раздался голос:

– Дверь закройте!

Я поспешила захлопнуть тяжёлую деревянную дверь, но за порог уже налилась лужица. Вслед за голосом из темноты появился невысокий пожилой мужчина. Лицо его окружал ореол седых волос, которые торчали из-под серой шапочки, вились лохматой бородой, топорщились усами. За мужчиной следовал парящий в воздухе шарик света.

– Ах, поди ж ты! – расстроено всплеснул он руками. – Элла! Элла! Иди сюда!

На его зов из двери сбоку выскочила полная женщина в

домашнем платье невозможно оранжевого цвета в крупный белый горох и с не менее растрёпанными, но не такими седыми, как у мужа, волосами.

– Элла, ну ты глянь! Лужа!

– Рута, ты зачем истеришь? – строго обратилась к нему женщина. – У тебя посетитель, займись своим делом, а я займись своим.

Она выскочила в дверь, через мгновение вернулась с тряпкой и ловко вытерла лужу, приговаривая:

– Вот и всё, вот и нет лужи, а ты, девочка, не обращай на старого ворчуна внимания!

Девочка, то есть я, тем временем мечтала испариться. Я бы выбежала обратно на улицу, но проход был перекрыт Эллоу.

– Смотри что наделал, старый дурак! Она же и так вся трясётся, замёрзла, а ты тут со своей лужей!

– Эта лужа вовсе не моя! – взвился мужчина, но тут же успокоился. – Так, значит. Я Рута, это жена моя, Элла, названная в честь реки. Объясняю сразу, потому что всегда этот вопрос у новых посетителей. А какой у вас, госпожа, вопрос?

– Ох уж надулся, вон какой суровый! – проворчала женщина и обратилась ко мне: – Я тебе сейчас горячего чаю принесу.

Мужчина откашлялся и сделал попытку пригласить бороду.

– Ну так вот, по какому вопросу?

– Мне нужны книги, – запинаясь, произнесла я и сунула ему листок с оторванным верхним краем.

К счастью, господин Рута не обратил на это внимания. Шарик света проплыл вперёд и завис над списком.

– Про животных и дневник у меня уже есть, – осторожно нарушила я тишину.

– Правильно, правильно, – проговорил мужчина.

И чего он там так долго читает!

Вернулась Элла с маленьким подносом. Если бы её руки не были заняты, она бы ими обязательно всплеснула.

– Ну Рута, ну как так!

Мужчина встрепенулся и повёл меня через книжные полки к другим книжным полкам, которые опасно нависли над крошечным столиком и тремя креслицами, освещёнными ярким шаром-лампой. Элла водрузила на столик поднос с тремя кружками ароматного чёрного чая и тарелочкой печенья, а сама уселась в одно из кресел. Рута последовал её примеру, а мне указал на третье кресло. Сам он протянул лист жене и выжидательно смотрел на неё. Я сжала руками колени, чтобы не схватить чашку с чаем. Неприлично, бубнил в голове тётушкин голос, надо подождать, пока возьмёт кружку хозяйка. И я ждала. Хозяйка тем временем повертела листок в руках и отдала Руте.

– И что тут такого? Очередные запреты Совета, сказки про тварей и «Миротворение». Дневники Сари – ещё куда

не шло.

– Элла, а почерк?!

Она снова выхватила у него лист:

– Да не может такого быть!

– Я тебе говорил, Элла? Говорил! – победно вскричал Рута. – А ты всё – не выдумывай, как это так, чтобы кто-то из зеркал вырвался до срока!

– Ох, уймись! – только отмахнулась женщина. – А ты, девочка, как тебя зовут, кстати? Бери чай, бери печенюшку, не стесняйся, она имбирная, сразу холод прогонит.

– Рина, – сказала я и наконец-то взяла в руки горячую чашку. Пахло травами и лимоном.

– Слышишь, Рута, как птичка! Ну-ка расскажи нам, птичка, неужели вернулся? Неужели прямо из зеркала? И как он?

Я пожала плечами, подула на чай, отпила чуть-чуть – горячо – и отчего-то ляпнула, как есть:

– Из дома не выходит и раздражается.

– И не удивительно, столько лет потерять, – заметил Рута, который успел выпить половину своего чая и уминал третье печенье.

– Брось, Рута, он и раньше был вспыльчивый да своенравный! А из дома не выходит, так это понятно, дюжину лет быть запертым в клочке невещественного пространства, каково ему, а?

Теперь настал черёд Руты пожать плечами.

– А ты печенюшку бери, Рина, я сама пекла. И что же, ты

у него работаешь, значит?

Я кивнула и откусила печенье. От сочетания сладости и остроты сразу загорели щёки, а по телу расплозлось приятное тепло. Я впервые за долгое время расслабилась. Ведь это именно то, что я люблю – кресло, горячий вкусный чай, печенье и тысячи книг вокруг.

– Элла, ты не отвлекай, – строго сказал Рута. – Сама говоришь, вспыльчивый был, а сейчас, представь, какой? С этим-то своим характером! А ты девочку задерживаешь, ругаться будет, небось.

Ругаться? Я беззаботно махнула рукой – чего я там не видела. Сейчас мне было хорошо. Элла вдруг подняла брови и стала усиленно кивать мужу, тот нахмурился и пожал плечами, как бы говоря – чего ещё ты, жена, хочешь? Меня клонило в сон, и я наблюдала из-за полуприкрытых век. Женщина потёрла свою ладонь под большим пальцем, и я догадалась, что она заметила пятно.

– Ну, тем более, Элла! – зашептал Рута, думая, что я дремала. – Тем более он будет ругаться!

Женщина только вздохнула и отодвинула от Руты тарелочку. Мужчина заметил, что я открыла глаза, и сказал:

– Новые Запреты Совета на столике, можешь взять.

Я протянула руку и взяла первую попавшуюся книжку, потом другую.

– Да нет, вон же, на ней так и написано!

Я раньше не знала, что значит сгорать от стыда, но теперь

этот момент настал. Может быть, горячий чай с имбирным печеньем сделали своё дело, но я залилась краской от шеи до волос. Проглотив печенье, я, дипломированный переводчик со знанием двух иностранных языков, выдавила из себя:

– Я не умею читать.

– Ах, – всплеснула руками Элла, – как же тебя колдун на работу взял!

Я слышала этот вопрос уже второй раз за день.

– Случайно, – ответила я. – Я... не из этого мира.

– Вот оно что, Рута, смотри-ка! Из другого мира, ишь ты!

Вот и одежда, видишь, не местная!

Рута воспользовался тем, что Элла отвлеклась, и ел уже пятую или шестую печенюшку. Отряхнув под суровым взглядом жены крошки с бороды и усов, он авторитетно заявил:

– Ну, на своём-то языке, она, положим, и говорить, и читать, и писать может, так?

– Так, – кивнула я, прекращая сгорать, – и ещё на двух.

– Вот видишь, Элла, всё-то тебе сенсации подавай. Научится, коли надо будет. А что до книг, то «Логику Миротворения» сейчас откопаю. Всего будет семь монет, две за Запреты, пять за «Логику».

Пока он копался, ворча, в книжных полках, Элла заставила меня съесть ещё печенье, а я была совсем не против. Тут же она объяснила мне, как различать банкноты по картинкам и цвету. Я вдруг поняла, что утратила контроль над временем

и теперь в любую минуту в ушах мог зазвенеть комариный писк. Элла сбегала в жилую часть дома и принесла мне ещё печенюшек в бумажном пакетике. Уже у порога Рута поинтересовался, сколько Туан взял с меня за «Учение о всяких тварях неразумных», а услышав ответ, вздохнул, как будто хотел найти повод поругать конкурента, но не получилось.

Я с сожалением покинула уютную лавку. Дождь и не думал прекращаться, а мой волшебный зонтик начал протекать. Покопавшись в карманах штанов, полных монет, банкнот и бумажек, в поисках записки, я восстановила защиту от дождя и побрела к старому мосту. От луж записка не защищала, так что балетки скоро стали хлюпать и неприятно шлёпали по ступням.

До дома я добралась уставшая, голодная и раздражённая. Комариный писк так и не появился, чтобы поторапливать меня. Наверное, колдун чувствовал, что я направляюсь к дому, а то и вовсе забыл. Первым делом я скинула балетки и надела носки. Тётушкин голос был против того, чтобы я ходила по дому без обуви, но у меня оставались только кроссовки, и я решила их поберечь. И почему Алина не позаботилась о какой-нибудь непромокаемой обуви на случай дождя!

Колдун находился наверху, но не в библиотеке, а за дверью напротив. Я стояла перед ней добрую минуту, не зная – постучать или нет, что сказать, а может просто пойти на кухню и дожидаться, когда Джей сам спустится?.. В конце концов

я тихонько постучала. Щёлкнул замок. Я нажала на ручку и толкнула дверь, за которой обнаружился небольшой, скромно обставленный кабинет. За столом у окна сидел колдун и писал что-то на листе бумаги. Слева к стене прижалась узкая книжная полка, а вторая дверь, по-видимому, соединялась с библиотекой. Пыль осязаемо висела в воздухе, и было неясно, пахнет ли это зеркальной пылью или настоящей.

Джей забрал у меня книги, выслушал про предложение господина Туана и выразил надежду, что через два дня ему не придётся мне напоминать, чтобы я посетила книжный салон. Затем он быстро дописал что-то на бумаге, запечатал письмо в конверт и велел мне кинуть его в почтовый ящик с внутренней стороны калитки. Оказалось, что так здесь работает исходящая почта. Вырученные деньги должны были отправиться в шкатулку, и я могла использовать их для оплаты прачечной и покупки продуктов, книг и прочих необходимых вещей.

Уже у двери я, осмелев от сегодняшних разговоров, сказала быстро, чтобы не успеть испугаться:

– Я хочу домой.

Перо в руке колдуна на секунду зависло над новым листом бумаги, а потом снова продолжило выписывать завитки. Я постояла немного и вышла в коридор. Вслед мне донеслось:

– Приготовь кофе.

И никакого «пожалуйста».

Вечером пришла Лора и начала выпытывать из меня всё,

что нужно и не нужно было знать про дом и колдуна. Во сколько он ест, сколько раз в день, что именно, почему на завтрак всегда омлет, почему не творог, почему не каша, а как варить кофе, какие овощи на ужин, почему не рис, почему на кухне, а не в столовой?

Мне пришлось показать ей заброшенную комнату. Я прошла к окну и раскрыла штору, вырвав помещение из полумрака. В пыли на полу отпечатались мои следы.

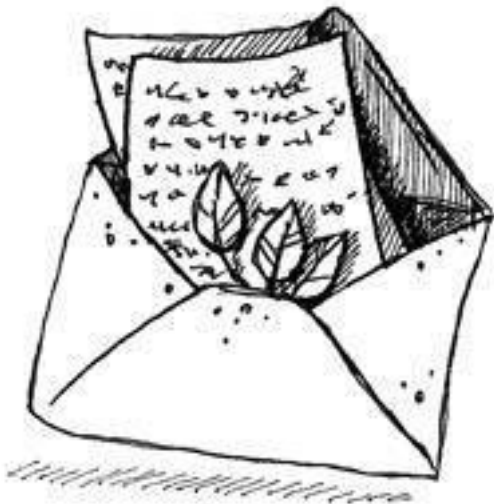
– Если хочешь, можешь тут убраться, но меня вполне устраивает, что он ест на кухне, – сказала я, глядя в окно. Живую изгородь я постригла довольно-таки неплохо для человека, который впервые держал садовые ножницы в руках.

Лора не ответила, и я обернулась. Она, хмурясь, дотронулась до розы в засохшем букете посередине стола. Роза была бордовая, почти чёрная. От прикосновения верхние лепестки полетели на стол. Лора отдернула руку и, заметив мой удивлённый взгляд, произнесла:

– Нет... нет. На кухне, так на кухне.

Я только пожалала плечами – чем меньше работы, тем лучше. Лора тут же вышла, и мне пришлось последовать за ней. Приготовив ужин, она тут же убежала, пообещав вернуться завтра рано утром с продуктами.

Глава 11. Вопросы

Мне очень нужно было в тень мира. Я хотела спросить птицу, не может ли она как-нибудь вывести меня домой. Я никак не могла заснуть, вспоминая свою комнату, мебель, книги, даже кружку. «Домой» становилось всё более абстрактным понятием. Я называла это слово, но за ним ничего не было, кроме тоски и безысходности, охватывавшей меня в чужой постели, чужом доме и чужом мире.

Я ненадолго проваливалась в тревожные сны, но просыпалась от каждого шороха, пока воздух не пропитался влажным запахом мха, а свет не стал холодным, зеленоватым. Я с трудом села на кровати и уговаривала себя, что нужно дойти до окна. Когда, если не сегодня? Может быть, колдун ещё несколько дней не пойдёт со львом на охоту, а мне нужно узнать сейчас!

Достоевский с колдуном уже ушли, и я аккуратно вылезла через окно, снова забыв позаботиться об обуви и штанах. Птица сразу выбралась из-под рукава и села мне на плечо, как пиратский попугай. Бонифаций радостно бросился к нам и улёгся на спину, всем своим видом говоря – что же ты стоишь, чеши мне пузо!

– Бонифаций, всё-таки ты кот или собака? – спросила я виляющего хвостом и мурлыкающего льва.

Птица слетела с плеча и забегала по траве: ей хотелось немедленно отправиться в путешествие. Я села рядом со львом и гладила его бархатное пузо.

– Ты можешь отвести меня домой? – спросила я птицу.

Та наклонила голову, пробежалась влево-вправо, а потом развела крылья, как будто пожалала плечами. Я на всякий случай присмотрелась – нет, человеческие руки у неё из-под крыльев не торчали.

– Знаешь, тебе тоже нужно имя. Мне тут сказали, что вы как табуретки, но с табуретками-то я не дружу. Раз ты указываешь путь, то давай я буду звать тебя Звёздочкой.

Вдруг лев резко сел, а за моей спиной раздался голос.

– Так, значит.

Вмиг я сама застыла словно статуя и не могла заставить себя обернуться. Птица моя тоже испугалась и шмыгнула под рукав, приняв вид рисунка. Кровь так пульсировала в ушах, что я едва слышала его слова.

– Им не дают имена не потому, что они как мебель, а для безопасности. Если у сай нет имени, то они слушают только того, кому служат. Я не понимаю, почему мои львы приняли от тебя имена. Так или иначе, они решили, что тебе можно доверять.

Джей подошёл и сел передо мной в мох, скрестив ноги. Лев сразу положил ему голову на колено, а колдун запустил руку в его лохматую гриву и расчесал её пальцами.

– Пообещай мне, что никогда ни о чём их не попросишь и никому не скажешь их имена.

Я уставилась в землю и кивнула. Колдун настойчиво повторил:

– Пообещай. Иначе придётся от них избавиться. А мне бы этого не хотелось.

Я вздрогнула и подняла на него взгляд. Джей расчёсывал гриву льва. Я не могла понять, что он чувствует, в тени мира всё было приглушённым.

– Обещаю, – тихо сказала я.

Колдун кивнул и поднялся.

– И ещё... Какое имя ты дала второму?

– Достоевский.

Джей некоторое время молчал, размышляя.

– Про Достоевского понимаю, а Бонифаций – кто это?

– Тоже писатель, – соврала я и тут же пожалела.

– Ты вообще умеешь не врать? – устало спросил колдун.

Я опустила глаза и произнесла:

– Извини. Это лев из мультика.

Я извинялась не за ложь – хотя врать в этом случае и правда было необязательно. Мне и правда стало неловко за выбор имени. Нет, чтобы придумать что-то более интеллектуальное! Хотя бы Леонардо. Или соврать получше, что это имя какого-нибудь папы римского. Ведь он спросил, кто такой Бонифаций, а не в честь кого я назвала льва! Эх, Екатерина, так недолго совсем утратить способность правдоподобно врать!

Джей скрылся в тумане, лев вернулся на свой постамент, а я закатала рукав и попыталась выманить птицу, но та так перепугалась, что не собиралась выходить. Я прекрасно её понимала.

Выспаться не удалось. Наверное, прошла пара часов, но мне показалось, что не больше минуты, как кто-то забарабанил в дверь, и я подскочила на кровати. Сердце чуть не выпрыгивало из груди.

– Рина! Ты что, спишь? – раздался голос Лоры.

– Уже нет, – хрипло ответила я.

Лора, конечно, не услышала и продолжила стучать. Я с

трудом поднялась и, приоткрыв дверь, как можно спокойнее сообщила, что умоюсь и приду на кухню. На самом деле мне хотелось молча кинуть в Лору подушкой и укрыться от этого утра в гнезде из тёплого одеяла. Но смысла в этом было мало – комариный будильник никто не отменял.

– Ну ты и соня! – заявила Лора, когда я появилась на кухне. Стоило мне сесть, как она продолжила вчерашний допрос, но сейчас её больше интересовала я.

Первым делом волшебная фея, колдовавшая над плитой, поинтересовалась, как моя коленка. К счастью, та была в порядке, в отличие от меня. После беготни по городу под дождём, бессонной ночи и неудачного похода в тень мира у меня гудела голова и ныли мышцы. Я уже придумала себе десяток вероятных болезней и мысленно начала составлять заветание. Птицу, пожалуй, оставлю Робину, рюкзак заберёт Джей – в него удобно будет собирать мох и грибы. Одежду пускай отдадут на благотворительность, кроме голубой футболки – она отлично подойдёт Лоре. А больше у меня ничего и нет.

– А ты что же, готовить не умеешь? – прервала Лора ход моих печальных мыслей. – Иначе зачем я тут нужна?

Я кивнула, мне совсем не хотелось разговаривать.

– Ну тогда иди сюда и посмотри!

– Смотрела уже, – проворчала я, но поднялась со стула и встала рядом с плитой, опёршись о столешницу.

– А что ещё ты делаешь?

– Убираюсь в доме, в саду... В книжный магазин вчера ходила.

– А ещё что? – не унималась девушка. – Может, что-то магическое?

Я помотала головой.

– Ах да, ты же магию не видишь! А зачем же тебя колдун на работу взял, если ты ничего не умеешь?

Я поморщилась от этой поразительной прямолинейности.

– Это была оплата услуг.

– Каких? – тут же спросила Лора, но, увидев моё выражение лица, поспешила добавить: – Не хочешь, так не говори, я не настаиваю! Но я просто удивляюсь, что за услуги такие, чтобы стоили больше недели работы.

Я заметила, что завтрак почти готов, и мысленно поискала колдуна, чтобы он пришёл и прервал эту мучительную беседу. Я отправила образ тарелки, подавив желание послать ему в уши комариный звон. Я не сомневалась, что у меня получится, но рисковать не стала. Джей не замедлил появиться. Лора, при виде колдуна терявшая весь свой напор, быстро накрыла на стол и подтолкнула меня к выходу. Она и не думала от меня отвязываться.

Бесцеремонно зайдя в мою комнату, она быстро привела неубранную постель в порядок. Пока я соображала, как бы выгнать эту деятельную госпожу из комнаты, а желательно из дома – ведь завтрак уже был приготовлен, она уселась за стол, с интересом поглядела на мой растерзанный рюкзак, из

которого торчали грязные джинсы, и продолжила задавать вопросы.

– Я к чему это всё. Я же вижу, тебе не нравится... Да ты садись, садись! Ну и я думаю – чего же ты не уйдёшь прямо сейчас?

Я пожала плечами и отвернулась к окну. Не хватало ещё при ней зарыдать!

– Или доработай месяц и уходи.

– Да он же не отпустит! – не выдержала я.

– Как же это не отпустит? Услуга за услугу! Выполнила свою часть – просто уходи домой. Даже если он за тобой пойдёт, силой он тебя, что ли, потащит!

– Но это же магия, – я показала пятно на ладони.

– Ой, да брось! – Лора совсем не выглядела впечатлённой. – Это добровольная клятва. Ты хоть сейчас можешь уйти.

– Мне некуда, – неохотно призналась я и, предвидя вопрос, добавила: – Я не из этого мира.

Лора оглядела меня с ног до головы, как будто надеясь обнаружить хвост, чешую или второй набор рук, а потом внезапно заявила:

– Тоже мне проблема!

Я окончательно лишилась дара речи от возмущения, а Лора рассмеялась.

– Любишь ты выдумывать сложности! Просто найди колдуна, который умеет ходить по спирали, заплати ему, и всё.

Так твой нынешний хозяин точно обратно тебя не притащит!

Она снова засмеялась, как будто придумала удачную шутку, а я поспешила поймать её на ошибке:

– А где я деньги возьму?

Девушка махнула рукой:

– Ой, подумаешь, деньги. Пойди на рынок да попросись в помощницы. Или в любой дом, служанки толковые всегда нужны! Ну... или хоть какие. Та же работа как тут, только за деньги.

У меня уже не осталось сил обижаться, поэтому я пропустила очередное оскорбление мимо ушей.

– Почему бы тебе прямо сейчас и не начать? К концу недели уже найдёшь работу и забудешь об этом доме.

Я потрясённо обдумывала эту возможность. Боюсь, Лора недооценивает моего, как она выразилась, нынешнего хозяина. Я не сомневалась, что он не только притащит меня обратно, но ещё и каким-нибудь образом ограничит мои и без того недолгие вылазки на рынок и в город. Лора тем временем прислушалась и сказала:

– Ушёл. Пойдём тоже поедим, а потом я тебе прачечную покажу, – девушка кивнула на мои джинсы. – Что это за ткань такая, кстати?

Вопросы так и сыпались, и я успела сто раз пожалеть, что рассказала ей, что я не из этого мира. Чтобы отвлечь настырную фею хоть ненадолго, я попросила её взять деньги на прачечную из шкатулки, пока я мою посуду.

– Опять ты! – засмеялась Лора. – Я оттуда взять не могу, она не для всех открыта.

Я даже отвечать не стала. Опять эта дурацкая невидимая магия.

Допрос продолжился и по дороге к мосту, и в самих прачечных, и на обратном пути. Я отвечала односложно и преувеличенно много времени уделяла созерцанию пейзажей, которые и правда сегодня были хороши, несмотря на хмурое небо и туман, окутавший холмы. К счастью, дождя не было, а влажный воздух напитался ароматами цветущих кустарников. Головная боль постепенно прошла.

Дома мне тут же пришло сообщение от колдуна в виде образа чашки кофе, и я схватилась, как утопающий за соломинку, за возможность хоть на время отвернуться от Лоры к плите. Но и тут она осталась недовольна порядком дел: зачем, говорит, отвлекать господина колдуна от важных дел, когда можно взять поднос, который она уже успела найти в кладовке, и отнести прямо ему. К тому же, кухня будет свободна, и она сможет сразу приготовить обед и быстрее уйти домой. Лора истолковала мою радость как согласие с её идеей.

Кофе я приготовила сама, а Лора внимательно смотрела. Почётную обязанность отнести Джею чашку на подносе я оставила ей. Мне не хотелось видеть колдуна после утренней встречи, да и остаться одной хотя бы на пару минут было бы прекрасно.

– Дверь слева, – сказала я Лоре, давая понять, что я с ней не пойду.

– А ты откуда знаешь?

Я представила себе, какой нескончаемый водопад вопросов обрушится на меня, если я скажу, что чувствую, где находится колдун. От того, на какую дальность работает это чувство, до точности определения местонахождения. Подавив внезапно накотившее раздражение, я коротко ответила:

– Там библиотека.

Долго побыть в тишине не удалось. Лора прибежала обратно и продолжила болтать, пока готовила еду на вечер. Я сообразила, что у меня есть законный предлог оставить её – Бонифаций всё утро простоял грязным. Позже, пробегая мимо меня, Лора прошептала, чтобы я подумала над её идеей, а завтра мы ещё раз всё обсудим. Я кивнула, делая вид, что очень занята работой. Как только Лора скрылась за углом, я бросила щётку, обняла льва за шею и прижалась лбом к его холодной мраморной шкуре.

И вновь я не успела отдохнуть – колдун послал меня в город с новыми заданиями, вручив несколько конвертов. Утреннего разговора как будто и не было. Мой хозяин сегодня проявил невиданную заботу и на отдельной бумажке написал по-русски имена и адреса, поэтому приставать к прохожим с расспросами стало проще.

На следующий день конвертов в ящике входящих писем прибавилось, и я вновь провела почти весь день в городе,

разнося ответы. Я была совсем не против – мне хотелось отдохнуть от Лоры, которая прибежала ни свет ни заря.

Она принесла нам отдельный завтрак, чтобы не дожидаться, пока поест колдун. Она извлекла из компактной корзинки зернистый творог, абрикосовое варенье, которое сварила её тётя, чёрный хлеб с тмином и какой-то особо вонючий сыр, к которому я отнеслась с великим недоверием. Творог тоже не был в списке моих любимых продуктов, но я беспрекословно впихнула его в себя, запивая тёплым молоком, от которого клонило обратно в сон.

На этот раз девушка вытрясала из меня всё о расписании Джея. Она была настроена очень серьёзно. Но я решила отнестись к её причудам благодушно, ведь чем лучше она работает, тем выше вероятность, что колдун решит вернуть меня домой, и всё произойдёт само собой, без моего активного вмешательства. И не придётся следовать замысловатому плану с поисками новой работы и наймом колдуна, который отправится со мной через миры. Положение больше не представлялось безнадёжным.

Я обнаружила, что мне нравится гулять по городу, рассматривать, как люди украшают подоконники цветами и глиняными фигурками – кажется, в моде были мышки, зайчики и стрекозы. Попадались и соломенные шары, сплетённые дядей Лоры. Разглядывая вывески всевозможных лавок и магазинчиков, я удивлялась, почему же мне не нравилась та автобусная экскурсия. Быть может, потому что даже в ко-

роткие паузы между лекциями экскурсоводши – как же её звали... Лилия? Лидия Сергеевна?... – в те моменты, когда она не вела нас организованной группкой по облепленным другими туристами достопримечательностям, когда оставался час или два свободного времени, всё равно приходилось спешить, жадно впитывая трудноуловимую за сувенирными лавками и рекламными плакатами атмосферу старинных городов.

Здесь же, хоть и приходилось возвращаться в дом к колдуну, а наша связь ощущалась незримым присутствием, я была относительно свободна. А дом, в отличие от экскурсионного автобуса, оставался на месте. Я бессовестно тратила время на то, чтобы зайти в приглянувшийся переулок, рассмотреть внимательно витрину с диковинными товарами – ведь всегда можно сказать, что я заблудилась, и это не будет такой уж вопиющей неправдой, потому что я ещё ни разу не нашла нужный адрес с первой попытки.

Наконец-то мне представилась возможность выйти за городскую стену. Я узнала дорогу, по которой бежала в первый день в этом мире. Сейчас я смогла лучше рассмотреть этот район, и он меня не впечатлил. Вдоль главной улицы теснились дома проще и беднее, чем в центре, было заметно грязнее. Постоянно приходилось отходить на обочину, пропуская повозки, запряжённые лошадьми. Я догадалась, что в центр их пускают ограниченно, скорее всего, только торговцев на рынок. Я поспешила доставить конверт и вернуться в

уютный старый город.

В то утро снова шёл дождь. Я проснулась рано и смотрела в окно на тень мира. Там слегка моросило, невесомые капли словно были тенью настоящего дождя. Лев, помахивая хвостом, сидел на постаменте, птица рвалась наружу, но мне не хотелось выходить. Я пододвинула стул к подоконнику и смотрела в мутную зелень, пока в дымке не появился силуэт колдуна.

В последние дни я была занята и так уставала, что мне и в голову не приходило вечером поплакать в подушку. Даже моё возмущение, что приходится делать дурацкую работу для дурацкого колдуна, отошло на задний план и больше не громыхало в голове фейерверками. Следовало признать, что, похоже, мама была права, когда говорила, что мне нужно заняться делом, а не торчать весь день дома за компьютером.

После завтрака колдун уединился в библиотеке, а на столике в прихожей обнаружилась стопка книг, увенчанная парой писем и запиской с адресами. Кажется, это было ненавязчивое напоминание о том, что мне сегодня следует заглянуть к господину Туану. Я решила не откладывать дело в долгий ящик и, принарядившись ради похода в книжный салон в белую рубашку с широкими рукавами и джинсы, направилась в старый город, не забыв окружить себя непромокаемым пузырём.

Быстро расправившись с доставкой писем, я дошла до салона, за несколько улиц обойдя Дом всех богов, чтобы не

нарваться на братьев, сестёр или свидетелей всевозможных богов, а также приставаучих старушек. Сегодня я особенно гордилась своей способностью ориентироваться в малознакомых местах. Кажется, господин Туан оценил мои старания выглядеть соответственно его заведению и, когда мы закончили с делами, удостоил меня предложения выпить чашечку кофе. Я, конечно, отказалась, потому что согласно тётушкиным урокам это было всего лишь формой вежливости. Тем более, сколько ни наряжайся, я всё равно буду выглядеть здесь как пустынная колючка посреди розария. Тётушкин голос ради разнообразия со мной согласился.

Времени я потратила совсем немного, так что назад можно было не спешить. Пока я разглядывала витрины с булочками и пирожными и наслаждалась ароматами разнообразных травяных чаёв, подошла чёрная кошка разбойничьего вида и обтёрлась о мои ноги, оставляя на джинсах шерсть.

– Спасибо, кошка, они же только что из прачечной! – вздохнула я и наклонилась, чтобы погладить её, но она изящно увернулась и поспешила по своим делам.

Кошелёк позвякивал монетами, пока я шагала к мосту, и я решила рискнуть. Я снова выторговала в книжном салоне не меньше пятнадцати монет и заслуживаю вознаграждения. Ведь можно считать, что часть денег – это плата за мои услуги и отлично выполненную работу.

Я нашла пекарню, рядом с которой стояли под широкими зонтами – наверное, тот случай, когда магию применять

невыгодно! – высокие столики без стульев, в дождливую погоду не пользующиеся популярностью. Я купила булочку-пиццу и кружку лавандово-шоколадного чая со сливками и устроилась под одним из зонтов. Тепло от чая разливалось внутри, пока я наблюдала за клочьями тумана, карабкающимися по склону холма и спотыкающимися об уродливое здание тюрьмы. Длинное серое прямоугольное строение как будто вырвалось из недр холма и, расталкивая вечнозелёные ели и деревья со свежей салатовой листвой, намеревалось скатиться к реке, но почему-то застряло на полпути. Тёмные окошки испещрили его тело унылыми рядами. И как Робин умудряется сохранять свою жизнерадостность, работая в таком месте! Я тряхнула плечами, сгоняя побежавшие по спине мурашки. Нужно было возвращаться.

Глава 12. Тяжёлый день

Лора почему-то до сих пор не ушла. Она успела проинспектировать полки на кухне и теперь занялась кладовкой.

– А твои вот эти... ну, обувь... она так и будет тут висеть? – спросила не в меру деятельная фея, как только я переступила порог.

Опять я забыла про кеды! Моё благодушное отношение к Лоре сразу куда-то испарилось, и я, коротко ответив «да», с

несвойственным мне рвением взбежала по лестнице. Снизу донеслось: «Странная ты!»

Джей на этот раз работал в кабинете. Я отдала ему конверт от господина Туана, который колдун тут же вскрыл.

– Прекрасно, – проговорил он, но по тону было ясно, что всё далеко не прекрасно.

Отдав приказ приготовить кофе, колдун принялся строчить новое письмо, моментально забыв обо мне. Не успела я достать турку и опустевший наполовину пакетик, как Лора очутилась у плиты и потребовала научить её варить кофе.

– У меня все родственники предпочитают чай. Вот когда я маленькая была, родители часто его пили.

Она заговорила тихо, погрузившись в воспоминания.

– У нас всегда было много цветов, весь дом в цветах! И ароматы волшебные, ты не представляешь! А потом дом продали, папа уехал к Острому морю и стал рыбаком, а мама забрала меня к бабушке и дедушке на ферму на равнине. Я родителей часто навещаю, но у них свои семьи, так что чаще живу у дяди. Ну, у него тоже семья, но тут мой родной город, а он и не против, ведь я помогаю.

Я заслушалась и чуть не проворонила момент, когда пенка зашипела, поднялась и попыталась вырваться через узкое горлышко.

– Вот так делать не надо, – сердито произнесла я, словно учительница химии, у которой перед всем классом не удался отточенный годами эксперимент.

Я хотела, чтобы Лора опять сама отнесла чашку колдуну, потому что с моей грацией ходить по лестнице с подносом было сомнительным мероприятием. Но колдун прислал образ письма, и я поняла, что отдохнуть снова не выйдет. В кабинете я поставила поднос на свободный от бумаг край стола и с видимым неудовольствием приняла у колдуна новую стопку писем с инструкцией.

По пути я опустила часть новых писем во внутренний почтовый ящик. Лора приготовила ужин раньше и вышла из дома вместе со мной. Разговор у нас не клеился, чему я была только рада. На мостовой мы разошлись в разные стороны.

Дождь закончился. Через серую пелену неба просвечивал белый диск солнца, низко над рекой сновали крикливые чайки. Я блуждала в лабиринтах старого города. Сразу за Эллой я снова увидела чёрную кошку разбойничьего вида. Она пошла рядом, делая вид, что у неё свои дела, а я её вообще не интересую, но стоило мне остановиться, чтобы спросить у очередного прохожего направление, как она тоже останавливалась и ждала, когда я пойду дальше.

Я сделала ещё одну попытку погладить её, но кошка убежала на другую сторону дороги. Может быть, это вообще была другая кошка, дальняя родственница первой.

– Надеюсь, тут чёрные кошки на удачу, – сказала я ей вслед.

Господин О-Ули жил прямо у городской стены, через неровную кладку которой пробивались цветы и даже кусты-

ки. Робин сказал, что стена давно уже не защищает, а только отделяет старую часть города от новой. Для защиты города существует магическая линия ближе к горам. Узкая дорожка вела через ухоженный сад к раскинувшейся веером лестнице. Я осторожно постучалась в деревянную дверь с вырезанной на ней фигурой пуделя. Кто знает, вдруг это тоже сай?..

Дверь открыл несуразный худой человек в светлом халате до пола и колпаке, натянутом на тонкие белёсые волосы. Человек был бледный, водянистый и прозрачный, как будто провёл всю жизнь в заполненной водой пещере, не выходя на солнце. Трудно было оценить, сколько ему лет.

Я пробормотала приветствие, а он выхватил конверт у меня из рук и, вытащив письмо тонкими цепкими пальцами, вдруг уставился на меня и сердито сказал:

– Да, я из Забережья! И что! Много кто из Забережья!

Я только и смогла, что поднять брови. Даже я со своим искусственным знанием языка сразу услышала, что господин О-Ули говорит с сильным акцентом. И тут же обнаружила неувязку в плане Лоры. Стоит мне сказать колдуну, что я нашла другую работу и ухожу, он тут же лишит меня возможности разговаривать и понимать местную речь.

Меж тем водянистый человек, шевеля губами, читал письмо, потом помахал листком в воздухе, покусал палец и вдруг вскричал:

– Ну и нахал! – далее последовали ругательства на другом языке, который Джей, по-видимому, немного знал. По край-

ней мере, на уровне нецензурных выражений.

Господин О-Ули убежал в дом, оставив меня ждать на пороге. Он вернулся с букетом металлических прутиков, закруглённых на концах, и заявил, что хочет за них семьдесят монет. На моём листке с адресами напротив этого было указано «не больше пятидесяти», поэтому я притворно удивилась и развела руками:

– Тридцать монет – куда ни шло, но семьдесят! – я покопалась в файлике с языками и выудила слово на забережном: – Неприемлемо!

На прозрачной коже господина О-Ули выступили синие сосуды. Я решила было, что он разозлился, но оказалось, что это признак смущения. Он прокашлялся, извинился и сразу снизил цену до сорока. Я протянула ему две банкноты, надеясь, что правильно запомнила, когда Элла учила меня различать номинал по цвету. Мужчина без вопросов принял деньги и неохотно отдал прутики, заявив, что таких ловушек теперь не делают, а потом бесцеремонно добавил, что с менее осведомлённого человека взял бы все сто монет.

На этом он захлопнул дверь, оставив меня с новой идеей. Положим, работу я искать не буду и от колдуна никуда не уйду. Но ведь он не проверял, сколько я потратила вчера на книги и сколько сэкономила... Мою остановку на чай он даже не заметил. Сейчас у меня образовались лишние десять монет. Я понятия не имела, сколько стоят магические услуги, но подозревала, что сотней я не отделаюсь.

Я сунула прутики в книжную сумку, которая оказалась гораздо удобнее продуктовой корзины, и направилась по оставшимся адресам. Кошка куда-то пропала. В списке стояли ещё две покупки, а остальным людям нужно было просто передать письма в руки.

Я кружила в торговом районе недалеко от Эллы в поисках последнего адресата, когда меня окликнул Робин. Он был в узких тёмно-зелёных брюках, высоких чёрных сапогах и чёрной рубашке. Рукав украшала нашивка, изображающая три горизонтальных линии и чёрную корону поверх них на серебряном фоне. Полицейская форма хоть и не соответствовала последним модным тенденциям, однако была светловолосому Робину к лицу.

– Как раз иду в старый участок, – улыбнулся он. – Ты что-то ищешь? Давай пройду с тобой.

Я заулыбалась в ответ. У Робина была удивительная способность исправлять настроение одним фактом своего появления, а ещё я успела соскучиться по тем дням, когда он приходил на ужин.

– А зачем в городе две тюрьмы? – спросила я, пока мы, не торопясь, шли по узким улочкам.

– Старая тюрьма крошечная и используется для тех, кого поймали в городе. Вечером их перевозят в тюрьму на другом берегу. А бывает и такое, что какому-нибудь любителю вина нужно сутки отоспаться в тишине.

Робин показал мне зелёную дверь, которая скрывалась в

незаметном переулке. Я быстро передала письмо и, не удержавшись, проворчала:

– Я не понимаю, почему просто не бросить в почтовый ящик?

– Понятия не имею, что там написано, – понизил голос колдун-полицейский, – но из ящика все письма попадают в городское почтовое отделение, и при желании можно получить к ним доступ. Джей сейчас много кого интересуется, не говоря уже о Совете.

Я заподозрила, что он в курсе потому, что сам пользуется таким способом для своей основной работы. Чтобы перевести тему, я задала вопрос, который меня уже некоторое время беспокоил:

– А ты без выходных работаешь?

– Беру иногда, но работы обычно много. Да и чем мне в выходной заняться?

– А рынок и магазины ведь тоже без выходных?

– Почему же, как и все – нужен торговцу выходной, он берёт свободный день.

– Нет, я имею в виду, чтобы в один день всё было закрыто.

– В праздники так бывает.

Робин не понимал, и мне пришлось объяснить, что бывают рабочие дни, а бывают выходные. Трудисься пять дней, а потом два отдыхаешь. В воскресенье в маленьких городах вообще может быть всё закрыто. Робин не одобрил такое положение дел.

– Если в городе в один день всё закрыто, чем люди занимаются? – рассмеялся он, почему-то напомнив мне Лору.

Сейчас ещё добавит «Странная ты!», и тогда я на него обижусь. Но он сказал:

– Все работают и отдыхают, когда хотят. Ну или как с хозяином договорятся. Не отпустить не имеет права. Ты хоть на год можешь взять выходные, но деньги закончатся, клиенты про тебя забудут, вместо тебя новый работник появится, что потом делать? Так что как устаёт человек – отдыхает. А ту же тюрьму вообще не закроешь ни на минуту. Обязательные выходные только в школах Совета.

Такое устройство мира не добавило ему привлекательности в моих глазах. Это надо же, работай, пока не устанешь! Алина бы не вылезала из своего туристического бюро, что нехорошо – когда бы она поила меня чаем и развлекала разговорами? А я бы устала в первый же рабочий день. Да что там, когда я работала в магазине бижутерии, я чувствовала упадок сил, только переступив порог торгового центра.

Робин пошёл дальше вдоль Эллы к участку, а я направилась к Чернильной реке. Откуда-то вновь вынырнула чёрная кошка и проводила меня до моста. Я снова сомневалась, была ли это первая кошка или вторая, а то и вовсе одна и та же. Я склонялась к последнему варианту – не может быть в одном городе двух кошек настолько наглого вида.

Из ящика на внешней части калитки снова торчал конверт, который я забрала и положила на столик в прихожей.

Пол в коридоре выглядел не самым лучшим образом, ведь я не мыла его с тех пор, как Лора впервые появилась в доме, а тогда, как и сегодня, было грязно из-за дождя. Я поёжилась, представив себе, что скажет Джей, когда спустится к ужину.

Чтобы не терять времени, я положила пакет с прутиками, бутылочкой тёмной жидкости и ворохом жёлтых перьев, которые купила в городе, прямо на столик и направилась в кладовку. Лора и правда навела порядок, расставив всё по-новому. Только кеды висели там, где я их оставила. Когда я наклонилась в поисках ведра, длинный шнурок кошелька зацепился за коробку, и из него посыпались монетки.

– И надо было ей тут всё переставить! – ворчала я, ползая по полу на коленях. Из этого положения я хотя бы сразу увидела ведро.

Вдруг в моей голове, словно подсвеченная молнией, сверкнула идея. А почему бы и не начать сейчас, Екатерина? Я разделила собранные монеты на две горстки, часть отправила обратно в кошелёк, а оставшиеся высыпала в кеды и заправила язычки внутрь. И никто ничего не заметил! Потом надо будет переложить их в рюкзак, хотя и здесь довольно безопасное место.

Я вытащила ведро и швабру с тряпкой, убрала кошелёк в шкатулку на кухне и помыла пол. Получилось не с первого раза. Мой предыдущий метод – разлить воду и повозить тряпкой, не сработал. Грязь распределилась по полу вместе с водой, поэтому уборка снова заняла уйму времени. Надо

бы как-то привлечь Лору к этому делу – посуду она уже и так иногда моет.

Справившись с мытьём полов, я разогрела ужин, умудрившись каким-то чудом не прижарить рис с овощами к сковородке. Волшебная фея завела новые порядки, и я не ужинала вместе с Джемом, как раньше. Пока колдун был на кухне, я сходила за грязной чашкой кофе и подносом и заодно заглянула в библиотеку. Книги вернулись на полки, и хоть коллекция изрядно поредела, их оставалось довольно много. Внутренняя стопка рядом с выходом наводила на невесёлую мысль, что это всё мне придётся таскать на продажу в город. На рабочем столе лежало «Учение о всяких тварях неразумных», раскрытое на странице с кричащим человечком. Колдун немилосердно прошёлся по тексту, внося в него исправления и оставляя пометки на полях. И как можно так обращаться с книгами! Я вышла из библиотеки, решив, что Джем может не понравиться, что я долго стою у его рабочего места.

Колдун уже сидел на веранде с яблоком. Посаженные Роббином растения стремительно вытянулись, выпустили листья и со дня на день готовы были зацвести. И тут не обошлось без магии! Я с недовольством отметила, что Джей съел больше, чем обычно, и мне осталось гораздо меньше еды, хотя Лора и так готовила с запасом. Пришлось в дополнение соорудить себе бутерброд. Я взяла на тарелку и ушла в свою комнату. Вопреки ожиданиям, с появлением Лоры я стала чувствовать себя в доме колдуна гораздо уютнее.

Пропасть между мной и Джеем росла. Раньше я была экзотическим сувениром из мира, где он провёл тринадцать лет, бесполезный магнитик, который вчерашний турист пытается пристроить то на холодильник, то на стиральную машину, а то и просто убрать в стол. Теперь появилось чёткое разделение: он – хозяин, я – прислуга. Он отдаёт приказ, я выполняю.

Я сидела на кухне за столом, точнее, почти лежала, подперев голову рукой, и наблюдала, как золотоволосая фея впервые самостоятельно колдует над кофе. Несмотря ни на что, появление Лоры облегчило мою жизнь. Колдун начал употреблять человеческие порции еды, и готовить приходилось больше. Нельзя было не отметить, что и выглядел он лучше – кожа перестала напоминать пергамент, посветлели тени вокруг глаз, а волосы стали мягче и приобрели блеск. К тому же он прибавил в весе и стал меньше сутулиться. Я вспомнила, как представляла на моём месте Алину, которая быстро откормила бы его в толстячка. Интересно, за какое время с этим справится Лора?

Девушка сосредоточенно помешивала кофе в турке, хотя я сказала, что этого делать не нужно. Но кто же будет слушать неумеху Екатерину, которой нельзя даже приготовление яичницы поручить! Я была не в настроении. Поход в город сегодня не задался. Возможно, адресаты реагировали недружелюбно из-за налетевшего холодного ветра и из-за то-

го, что лето никак не хотело наступать, но я склонялась к менее романтической версии. Колдун начал с писем тем людям, с которыми он был в хороших отношениях в прошлом, а теперь настал черёд менее приятных личностей.

С самого утра я нарвалась на костлявую мадам лет пятидесяти в оранжевой мантии и шароварах в мелкий цветочек, которая, только увидев подпись на конверте, смяла его в кулаке и свободной рукой прочертила сверху несколько линий. В тот же миг на землю посыпались тлеющие кусочки бумаги. Женщина тонким голосом прокричала: «Чтобы я тебя здесь больше не видела!» и захлопнула дверь. Я попятилась, а потом развернулась и поспешила прочь от этого дома.

Отбежав на безопасное расстояние, я прижалась к стене и успокоила сбившееся дыхание. Мне стоило великих трудов не расплакаться прямо на месте. Кто знает местные обычаи, может, тут принято убивать гонцов, приносящих плохие известия, и испепелять курьеров от несимпатичных колдунов! Следующие адресаты оказались не агрессивными, но и не слишком приветливыми.

В книжной лавке Рута неприятно удивился, когда я попросила экземпляр «Сказок трёх сестёр» и сборник детских стихов. Что это такого серьёзного господина колдуна на глупые истории потянуло! Элла была рада меня видеть и сразу набросилась на мужа, что он категорически неправ, потому что в старых сказках можно найти упоминания о древней магии. Ведь все остальные источники Совет запретил. Ока-

залось, что Совет с момента разрушения мира начал охоту за сохранившимися книгами. До сих пор он старательно отслеживает, не всплывут ли где-то дневники колдунов прошлого или переписанные от руки старые книги, и каждый год придумывает, что бы ещё нового запретить. «Недолго им и до сказок добраться!» – пробурчал Рута.

– А ты, Рина, знаешь сказки трёх сестёр? – поинтересовалась Элла, наливая мне чай.

Три сестры, Илу, Инки и Итта, сидят в домике на болоте, ткут ковры и рассказывают друг другу сказки. Если заблудившийся путник будет хорошо себя вести, то его угостят чаем, который готовит Илу из крапивы и мха, и расскажут сказку, сюжет которой появится на новом ковре. А если путник придётся сёстрам не по душе, то они превратят его в лягушку. Впрочем, Итта и без причины может превратить незваного гостя в какую-нибудь болотную тварь. Инки самая добрая из сестёр и провожает путника до края болот. Вообще-то даже сёстры не знают, кто из них Илу, кто Инки, а кто Итта, ведь они каждый день меняются. Обычно никто не хочет быть Иттой, потому что она самая вредная. Кроме того, все, кто был на болотах, рассказывали разное – кто-то видел в домике трёх уродливых старух, кто-то – трёх молодых женщин, а кто-то вообще смешливых девчонок со светлыми волосами, отливающими болотной зеленью.

– Так и сказки, которые рассказывают три сестры, всегда о превращениях. Моя любимая – про мальчика-соловья, а у

Руты – Сон о короле-лисе.

– Ничего подобного! – воскликнул Рута. – Во-первых, это вообще не сказка трёх сестёр, а во-вторых, король-лис – это в принципе не сказка!

– Король-лис – не сказка! – передразнила его Элла. – Ты ещё скажи, что Лисий город существует!

– А то не существует, по-твоему? – взвился Рута. – Ещё десяток лет запретов, и тень мира переведут в разряд сказок!

Я бы с радостью осталась и послушала забавные препирательства этой парочки, а ещё лучше какие-нибудь из сказок трёх сестёр, но у меня оставалось последнее письмо.

Особняк находился на той же стороне реки, что и дом колдуна, но выше по дороге, огибающей холм. Мне ещё не доводилось бывать так далеко от дома. Отсюда не было видно замка, а сегодняшней дикий ветер из долины гулял на полную, не ограниченный холмами, защищающими город. Его не останавливали те редкие деревья, что покрывали пологий склон. Здесь соседи не отгораживались друг от друга кустарником, только цветущие кусты одиноко торчали среди аккуратно постриженных газонов. Я то и дело убирала волосы, но они всё равно лезли в лицо, и получше заворачивалась в клетчатый шарф. Тут чувство вкуса подвело Алину – шарф не подходил вообще ни к чему из остальной одежды.

К порогу нужного мне дома вели строгие квадратные плиты. Дверь открылась, не успела я постучать. Темноволосый мужчина с рыжей бородой взял конверт и со снисходитель-

ной улыбкой стал читать письмо. Наконец, он вложил его обратно в конверт, порвал надвое и протянул мне. Я потянула руку, и тут мужчина ловко схватил меня за запястье. Я дёрнулась, но он сжал сильнее и повернул мою ладонь вверх.

– Клятва души... Или? – он осмотрел меня с ног до головы. – А ты даже и не отсюда.

Я тяжело дышала и тянула руку на себя. Он взмахнул ладонью у меня перед лицом и пробормотал:

– Магии не видно... Зачем же тогда?... – он вдруг приблизил лицо к моему и зашептал: – Ты вообще знаешь, с кем связалась? Он снова нарвётся, понимаешь? И уж на этот раз Совет не оставит ему лазейку. Думаешь, о тех, кто с ним раньше работал, Совет просто забыл? А с тобой что будет, подумала? Что он тебе наобещал?

Я попыталась вывернуться, но никак не получалось, и в отчаянии я сделала то единственное, что умела – представила между нами зеркало и ещё раз как следует дёрнула руку. Колдун разжал хватку, я тут же вырвалась и сломя голову побежала прямо по газону к дороге.

– О себе подумай, девчонка! – донеслось мне вслед, и я чуть не поскользнулась на траве.

И вот теперь я лениво наблюдала, как Лора варит кофе, и думала о себе, когда вдруг хлопнула входная дверь, и на кухню заглянул Робин в полицейской форме. От неожиданности Лора резко повернулась и задела локтем турку. Та немедленно упала, кофе залил плиту и пол и испачкал светло-синее

платье девушки.

Я подскочила на стуле от сопровождавшего всё это грохота. Ну надо же, не одна я, оказывается, умею проворачивать такие фокусы! Робин, чувствуя себя виноватым, собрался принести тряпку из кладовки, но я его опередила – нечего туда соваться всяким любопытным полицейским. Я нашла тряпку и заодно перевесила кеды в уголок, заново завязав узел на шнурках – как мне казалось, прочнее.

Лора уже мыла турку и тёрла её с такой силой, как будто та была виновата в том, что упала с плиты.

– Не беспокойся, Рина, я всё уберу! – воскликнула девушка и вырвала у меня из рук тряпку.

Я пожалала плечами, устав удивляться её энтузиазму. Я только заметила, что у неё дрожат руки. Вот так, перфекционизм до добра не доведёт. Робин не знал, куда себя деть, и я предложила ему присоединиться к Джею в библиотеке, всё равно кофе он пьёт там.

– Что же, – усмехнулся Робин, – теперь туда с едой и напитками пускают?

Я сердито кивнула в сторону Лоры, которая уже снова наполняла турку молотым кофе.

Робин передал мне пакетик с печеньем и поднялся наверх, а я пожалела, что нельзя отправить Лору домой, выгнать Джея в тень мира и спокойно побеседовать с Робинком. У меня накопилась к нему куча вопросов, но не задавать же их при Лоре! Это только разожжёт её неуёмное любопыт-

ство. Но этой девушке и предлогов не надо было. Как будто угадав мои мысли, она нерешительно спросила:

– Рина, скажи... А он, ну, полицейский, часто приходит? Он друг хозяина?

– Раньше каждый день приходил и готовил завтрак, – вздохнула я, – а сейчас говорит, что работы много.

– Хорошо, когда полиция занимается делами, – невпопад ответила Лора и сосредоточилась на кофе.

Мне пришлось тащить поднос с чашками и печеньем в библиотеку, потому что Лора заявила, что ей стыдно перед Робинном.

– Сам смотри, – Джей как раз передавал книгу со стихами Робину.

Тот отмахивался.

– Да что мне смотреть, я с детства помню: «Раз и два – обняли когти, третий сердце нанизал»...

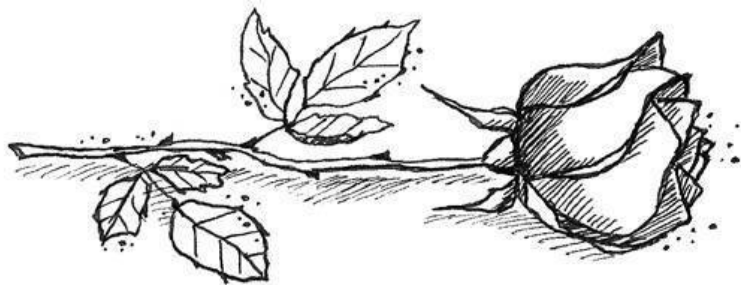
Я остановилась у двери, ожидая продолжения, но Робин замолчал. Ну и пожалуйста! Тоже мне, тайное собрание! Элла расскажет, если попрошу. Я демонстративно грохнула поднос на стол так, что кофе слегка расплескался, и вышла из комнаты, подгоняемая волнами недовольства господина колдуна. То ли сегодня я была особо чувствительной, то ли степень его раздражения достигла новой высоты.

Лора уже занималась ужином. Кофе, по её мнению, был дорогим удовольствием и предназначался для хозяина дома и его друзей, поэтому она уже убрала и турку, и пакетик в

полку. По моему же мнению, с этим утверждением можно и нужно было поспорить, так что как только фея упорхнула домой, я сварила себе небольшую чашечку кофе и села на веранду насладиться тишиной. Колдуны увлечённо читали сказки, ужин оставалось только подогреть, а я выполнила все поручения. Среди облаков то и дело проглядывали кусочки синего неба, а ветер у холмов поутих, будто решив, что справился с задачей. На стеблях разной высоты, среди узких и широких, аккуратных и разлапистых листьев появились и круглые бутоны, и распустившиеся розовые, белые, жёлтые, оранжевые цветы. Вряд ли Робин был специалистом по садоводству, но эта мешанина форм, размеров и цвета нравилась мне гораздо больше, чем аккуратные газоны на западной стороне холма.

Глава 13. Горькая нотка

– Я не хочу творог, – заявила я, как только Лора начала готовить завтрак.

Я твёрдо решила противостоять попыткам изменить мой рацион на более здоровый.

– Ну и ладно, я в холодильнике оставлю, – ответила Лора. – Завтра съешь, если получится.

Не получится, не получится! Зато у меня прекрасно получается есть булочки и омлет. Но до этого было ещё далеко. Сначала позавтракал Джей – Лора по моей просьбе приготовила больше, потому что вчера колдун не только расправился с ужином, но и опустошил половину холодильника.

– Почему бы тебе, – осторожно начала я, – не готовить с самого утра ужин, а потом уже завтрак? Тогда ты сможешь

сразу уходить домой и не тратить тут время.

Лора бродила по комнате и как будто не слушала. То шторы разгладит, то подвинет стул, чтобы он стоял ровнее.

– И дяде будешь успевать помогать на рынке, – не отставала я.

Мне хотелось, чтобы Лора продолжала готовить и убираться, но при этом проводила бы меньше времени в доме, донимая меня своей неуёмной любознательностью.

Девушка не ответила, снова подошла к стулу и решительно задвинула его под стол.

– Знаешь, я сейчас сбегая домой. Я кое-что забыла сделать. Ты не пойдёшь сейчас в город?

– Нет, пока новых поручений нет.

– Ну, всё равно, давай я вернусь и приготовлю кофе! Только дождись меня!

Удивительно – неужели то, что она вчера опрокинула турку, так задело её самолюбие? Не понять мне этих перфекционистов. Я сделала вид, что не возражаю. Вообще-то после вчерашнего неудачного дня мне не хотелось даже выходить из комнаты, не то что проявлять какую-то активность, но всё же приготовление кофе было тем немногим, что я умела делать хорошо. Сегодня я особо тщательно отмыла льва, как будто утверждая за собой право хотя бы этот кусочек территории. Затем, повинувшись ранее неведомому мне чувству, подмела садовые дорожки и веранду.

Лора вернулась взбудораженная и, когда я поинтересова-

лась, в чём дело, сказала, что слегка повздорила с дядей, но ничего страшного – к вечеру он поймёт, что она права, как всегда. Я посочувствовала усатому дяде, которому приходилось жить под таким давлением, но вслух ничего сказать не успела. Колдун заказал кофе, о чём я и сообщила Лоре.

– А господин полицейский не приходил? На одного готовить? – девушка живо заняла место у плиты, как будто боялась, что я её опережу.

– Он вчера сказал, что дел по горло, может быть, через пару дней заглянет... И как вы тут без выходных живёте!

– Как же без выходных? Устал – бери выходной.

Я только покачала головой. Как объяснишь этим людям про нормальный трудовой распорядок?

– Ой! – воскликнула Лора.

Я подумала было, что она опять что-то пролила.

– Я, кажется, утром поднос унесла в кладовку, не принесёшь?

Вот уж не стоит так переживать из-за какого-то подноса. Я недовольно поднялась и пошла в коридор. Там меня настиг вызов колдуна – он опять был чем-то недоволен. Ничего необычного.

Лора уже налила кофе в чашку, поставила на блюдечко и с нетерпением перетаптывалась с ноги на ногу.

– Он меня позвал, – сообщила я, – так что я понесу.

– Нет! Я хочу посмотреть! – девушка поспешно вырвала у меня из рук поднос.

И на что она там собралась смотреть? На то, как я заберу книги на продажу? Если она и эту обязанность хочет у меня отобрать, то я не против!

Я первая поднялась по лестнице, коротко постучала и, не дожидаясь ответа, открыла и придержала дверь для Лоры, которая сосредоточенно несла поднос.

Джей даже не обратил внимания, что к нему ворвалась, по его меркам, целая толпа. Он сидел в кресле за столиком у камина и перелистывал книги. Пока Лора аккуратно освобождала место для чашки, он сунул мне в руку одну из приобретённых у Туана книг и спросил:

– Посмотри. Что с ней не так?

Я повертела в руках томик. Потёртая обложка была испещрена непонятными буквами. Неужели колдун решил, что я каким-то чудом начала понимать эти каракули?

Джей тем временем поднял к губам чашку, но не отпил, приносиваясь.

– Ты варила кофе? – спросил он меня.

Я не успела ответить, как голос подала Лора. Оказывается, она до сих пор была в библиотеке, только отошла ближе к полкам. Так вот оно что, она хотела посмотреть на книги.

– Я, господин.

– Слишком крепкий. Принеси стакан воды.

Я напряглась, потому что почувствовала, что он сказал не то, что думал. Так вот как он понимает, что я вру! Надо быть поаккуратнее...

Лора пролепетала: «Да, господин» и вышла, а сам господин сходил в свой кабинет, который соединялся дверью с библиотекой, и вернулся, что-то сжимая в ладони.

– Ты была с ней на кухне?

– Да, – с удивлением ответила я, отрываясь от книги. Я как раз нашла, что не понравилось колдуну – в середине оказались вырваны страницы, сразу штук десять, и ещё несколько дальше, вразброс.

Джей смотрел на меня, будто хотел одним взглядом вывернуть наизнанку. Того и гляди, схватит за руку, как вчерашний колдун из белого дома. Я нахмурилась и поставила у него перед носом зеркало, высокое, от пола до потолка. Нечего меня взглядом сверлить, полюбуйся лучше на себя. Колдун моргнул и перевёл взгляд на стопку книг на столе. Мне полегчало. Может быть, в этом мире и правда действует тётушкина магия? Тогда неплохо бы прицепить к одежде булавку от сглаза и завести амулет на удачу – этого добра тут должно быть достаточно.

Вернулась Лора со стаканом воды. Она шла медленно, будто опасалась, что пол разрушится под ногами. Джей забрал стакан у неё из рук и отвернулся, чтобы поставить на столик. Ловко, словно фокусник, он загородил стакан рукой, и мне показалось, что в воде расплзлось мутными щупальцами синее пятно и тут же потеряло цвет. Всё это заняло меньше секунды, и я не могла быть уверена, что это не игра света и тени. Колдун поставил стакан и взял чашку с кофе.

Воздух в комнате как будто загустел, до того очевидным стало напряжение. Лора стояла, сжав кулаки и в упор глядя на Джея. Тот, не отрывая от неё взгляда, протянул мне чашку и сказал:

– Пей.

Я отложила книгу, взяла у него из рук чашку. В запахе чувствовалась горькая нотка. Я сделала глоток.

...Позже, сидя под старой ивой у моста на берегу реки, я прокручивала последовательность событий снова и снова.

Лора словно дикий зверь бросается на Джея. Она кричит: «Ты уничтожил мою семью!» Сбивает колдуна с ног. Они падают в узкое пространство между креслом и столиком.

Мне тяжело дышать, шею как будто сдавливают, а сердце сбивается с ритма.

Джей кричит «Робин!» Руки Лоры на его шее. Он хватается её за запястья.

В глазах пляшут искры. Я оседаю на пол.

Из ниоткуда появляется Робин и, мгновенно сориентировавшись, оттаскивает Лору от колдуна. Она кричит и вырывается.

Джей бросается ко мне и вливает мне в рот жидкость из стакана. Я захлёбываюсь и кашляю, но он не останавливается до последней капли.

Я сажусь и откашливаюсь. Джей отворачивается к Робину, который удерживает изворачивающуюся и кричащую Лору. Она больше не похожа на фею: волосы разметались, лицо по-

краснело, а глаза сияют первобытной яростью.

...Джей положил ладони на виски девушке, и она, тут же замолчав, словно тряпичная кукла рухнула в кресло. Робин продолжал держать её за плечи, а Джей встал перед креслом на колени, не отпуская голову Лоры. На миг мне показалось, что мы снова в комнате в отеле, и перед колдуном сидит Али-на.

– Не надо, – прошептала я, всхлипнула и расплакалась.

– Замолчи, – оборвал меня Джей.

Я зажала рот рукой, но рыдания было уже не остановить.

– Вон отсюда! – крикнул колдун, обернувшись на меня.

В болотной глубине его глаз сверкнуло яростное пламя первобытного огня, подхваченное от Лоры. Колдун тут же отвернулся, а я с трудом поднялась на ноги и, спотыкаясь, вышла из библиотеки.

На лестничном пролёте я прижалась спиной к стене и, продолжая рыдать, сползла на пол. Ноги не держали. Я не смогла бы даже спуститься по лестнице, не говоря уже о том, чтобы покинуть этот дом и бежать куда глаза глядят. Я ждала, что с минуты на минуту из меня начнут вытекать силы, но этого так и не случилось. Колдун стал сильнее за прошедшие недели. Я не понимала, сколько времени прошло, но плакать больше не могла, только вздрагивала при каждом вдохе.

Наконец, дверь библиотеки открылась, вышел Робин со спящей Лорой на руках, и дверь за ними закрылась. Он спустился по лестнице, завернул в мою комнату и положил де-

вушку на постель.

– Рина, – позвал он.

Я прошла вслед за ним на кухню. Он налил мне воды, но я не прикоснулась к стакану.

– Он стёр ей память, да?

Робин опустился на стул, кивнул и сам сделал глоток воды.

– Но это незаконно, ты сам говорил.

Мужчина не ответил.

– Ты же полицейский! – дрожащим голосом сказала я.

Робин не смотрел на меня.

– Я служу городу. По-твоему, лучше было бы отправить её в тюрьму?

Он достал из кармана крошечную серебряную шкатулку. Стенки её покрывал серый с чёрными вкраплениями налёт.

– Это я нашёл у Лоры в кармане. Пустынный колючий. Три щепотки на стакан жидкости – и человека клонит в сон, а затем незаметно отказывает сердце.

– Поверь мне, это было заметно, – сухо произнесла я и вышла из кухни.

Заглянув в комнату, я увидела, что Лора улыбается во сне. Я вышла в сад, но находиться рядом с домом не хотелось. Облака разбежались, выглянуло солнце, и стало заметно теплее. Я шла к реке, засунув руки в карманы и ссутулившись. На улице кипела жизнь. Разговаривали, встретившись на ступенях пекарни, две пожилые женщины в широких длинных

юбках, с воплями гонялись друг за другом мальчишки, выскакивая на дорогу.

– Ты дракон!

– Нет, ты, нет, ты!

Велосипедист резко затормозил, начал ругаться и грозить кулаком, мальчишки с хохотом разбежались.

Я опустила голову, чтобы чёлка упала на лицо.

Птицы чирикали, порхали бабочки над белыми маргаритками, покрывавшими берег реки. По синей глади в отражении неба скользили утки, ныряли за рыбой чёрные поганки, неспешно плыли несколько белых лебедей. У основания моста, склонив голову и касаясь воды, стояла старая плакучая ива. Я спряталась в гуще тонких веток, покрытых узкими миндалевидными листочками.

Внутри меня разлилась кислота и выжгла все чувства и мысли. Всё, что я могла – это прокручивать в голове те несколько секунд. Солнце проникало через листву и играло тенями на моём лице.

Прошло не меньше часа, прежде чем мою голову, раскалывавшуюся от боли, начали заполнять мысли.

Я сорвала веточку и воткнула в землю. Вот Лора. Она видит меня несколько раз на рынке, но уже знает, где я живу. Она начинает работать у колдуна после того, как я споткнулась, а она помогла мне дойти до дома. Она готовит для колдуна отдельно. Она запрещает мне пить кофе. Она подсыпает колдуну яд. Вопрос: зачем? Ответ: он уничтожил её семью.

И она не останавливает меня, когда я пью из его чашки...

Я воткнула вторую ветку в землю, предварительно оборвав с неё все листики. Вот колдун. Он тащит меня в свой мир, заставляет работать, а сам читает сказки. Он предлагает Лоре работу, чтобы не есть горелый омлет. Он знает, что в кофе яд, даёт мне выпить его, но тут же даёт противоядие. Он стирает Лоре память, но при этом не трогает мою энергию. Вопрос: зачем я ему нужна? Ответ: нет ответа.

Третьей ветке я оставила листок на голове. Робин. Колдун, полицейский. Глава тайной полиции. Хорошо готовит. Обо всех заботится. Улыбается. Свидетель моей клятвы. Полицейский, который помогает творить запрещённую магию. Вопрос: зачем? Ответ: потому что он служит городу. Не людям.

Четвёртая ветка никак не хотела отламываться, а потом встала рядом с остальными, опустив голову. Вот птица-неудачница Екатерина. Сначала позволила обмануть себя сай в отеле. Потом позволила обмануть себя колдуну. Позволила обмануть себя Лоре. Ведь она просто использовала тебя, глупая ты курица. Как и сай, как и колдун. Как и тётушка. Что же ты молчишь, тётушка, и не скажешь мне, что настоящим леди не пристало сидеть на земле, на берегу реки в колдовском мире и играть с веточками. Я пнула ветки, обхватила ноги руками и положила голову на колени.

Если бы Алина не потащила меня в эту поездку! И зачем я ей понадобилась! Она прекрасно проводила время без моего

вялого участия... Вдруг в голове заговорил голос, но не тётушкин, а незнакомый, холодный, резкий. По крайней мере, Алина тебя не обманывала. Это ты на протяжении нескольких лет вполне успешно использовала её.

Я помотала головой, прогоняя ненужную мысль, провела руками по лицу. Нечего саму себя расстраивать, другие справляются с этим куда лучше. К берегу прибежали мальчишки с собакой, они хохотали, кричали, бросали палку в реку, а собака, заливаясь счастливым лаем, прыгала за ней, поднимая фонтан брызг. Стало трудно сосредоточиться на своих несчастьях, я покинула убежище и поплелась вдоль берега.

Перед внутренним взором так и крутились ивовые палочки. Лора. Что случилось с её семьёй и когда? Тринадцать лет назад она была ребёнком... Робин, закрывающий глаза на преступления. Возможно, он прав. Я не могла представить Лору за решёткой. Не ту, с перекошенным от злости лицом, а золотоволосую фею. Колдун, которого я не хочу называть по имени. Зачем он дал мне выпить отравленный кофе? Выпил бы сам, раз у него имелось противоядие, а лучше бы вылил.

Стоп, Екатерина. Я остановилась. Я и не заметила, как дошла почти до Рыбного моста. Тропинка вилась вдоль берега между зарослей камыша и неухоженных кустов, среди которых ютились редкие покосившиеся лавочки. За ними берег резко поднимался вверх, к дороге, а дальше выстроились рядами невысокие дома.

Я стряхнула с лавочки грязь и села, задумавшись. Получается, он решил меня на несколько минут обезвредить. Противоядие у него было готово. Ведь если бы он сразу схватил Лору, я могла ему помешать. Например, броситься на улицу за помощью... Тогда ему никакой Робин не помог бы избежать последствий. Не уверена, что я бы от ужаса не встала столбом среди библиотеки, но и колдун не мог быть уверен, что я не стану действовать. Вдруг бы мы вдвоём с ним справились?..

Снова пришлось помотать головой, и виски пронзила боль. Вот так, тётушка, твой неудавшийся проект по превращению воробья в леди сидит на старой лавке в камышах и гадает, удалось бы убийство или нет.

Я пошла дальше и вскоре вышла на разбитую дорогу, упирающуюся в Рыбный мост. После дождя в глубоких колеях ещё оставались лужи. Пахло болотом и лошадиным навозом. Меня замутило. Мимо, буксуя в грязи, проехала повозка, и я едва успела увернуться от брызг. Возница хохотнул и щёлкнул в воздухе кнутом, чтобы лошадь прибавила шаг.

Мост был тоже исполосован следами колёс. Справа чёрные тучи размывали столбами дождя далёкие горы на горизонте. Слева красовался в лучах солнца замок, а блеск крыш и шпилей старого города слепил глаза. В небольшой гавани у моста толпились лодки, рынок был полон людей. Назло всему, я пошла туда, откуда порыв ветра нёс почти невыносимый запах рыбы.

Это оказалось неудачное решение. Пускай на рынке было не так грязно, как я себе вообразила, но уровень шума в сотню раз превышал привычный. Орала продавцы. Перекрикивая друг друга, торговались покупатели. Чайки галдели и бегали под ногами, ссорились за кусок украденной у зазевавшегося торговца жареной рыбы, от запаха которой слезились глаза. Из-под полосатого навеса валил пар. Повар зачерпывал бумажным кульком из огромной сковороды позолоченных кипящим маслом рыбёшек, его помощница разливала пенное пиво. За высокими столиками собрались рыбаки, у них под ногами требовательно орал плешивый кот. Кто-то кинул ему обглоданный рыбий скелетик.

Прижав рукав к носу, я нырнула между палатками и оказалась в узком пространстве между стен домов. Перепрыгивая через мусор и лужи, я протиснулась на улицу. Здесь всё пропиталось рыбным запахом. Я взяла левее, чтобы выйти к Элле, но однообразные улочки никак не заканчивались. Мною овладело такое отчаяние, которого я раньше не знала. Оказавшись посреди очередной серой, непримечательной улицы, я прислонилась к стене и закрыла глаза.

Головная боль ритмично ударяла в виски, кровь шумела в ушах, грудную клетку сдавило. Мне не выбраться отсюда. Как глупо было рассказывать себе сказки о возвращении домой. Нет больше никакого дома. Я шумно вдохнула воздух – вот она, реальность. Не там, в воспоминаниях о доме, не в выдуманных историях по ту сторону экрана, а здесь, во влаж-

ном рыбном воздухе и неровных камнях мостовой.

Кто-то толкнул меня по ноге, и я открыла глаза. О мои джинсы тёрлась чёрная кошка разбойничьего вида. Она почти беззвучно мяукнула и медленно пошла по улице, оглядываясь и словно приглашая следовать за ней. Хорошо, магический мир, я буду играть по твоим правилам.

Как ни странно, кошка не привела меня к избушке на курьих ножках или пряничному домику, а оставила на берегу Эллы. Я и глазом моргнуть не успела, как она скрылась за углом, но не стала преследовать её дальше. Неподалёку была лавка Руты, но мне казалось, что стоит мне увидеть продавца книг и его жену, как я расплачусь и расскажу им всё. И кто знает, что со мной сделает колдун, прежде чем его схватит Совет.

На знакомых улицах мне стало спокойнее, и отчаяние перестало распирать грудь, собравшись комком в районе солнечного сплетения. Я вышла к Дому всех богов, молча обошла брата Аида, бросившегося навстречу с листовками, и направилась к Старому рынку, который как раз открылся. Он и правда отличался от остальных рынков. Даже навесы над столами выглядели богаче – тяжёлая ткань густых оттенков оранжевого, бордового, изумрудного, пурпурного цветов была украшена кисточками на концах. Я вдохнула запах специй, непривычный и острый. С краю примостились столики со знакомыми фруктами и овощами, в основном же на прилавках лежали экзотические плоды, корешки, смеси

трав. Стойка с разноцветными порошками и жидкостями в маленьких скляночках заставила мою кожу покрыться мурашками.

Ветер пригнал тучи с гор, и они накрыли город тёмным покрывалом, окутали душным воздухом. Редкие, но крупные капли дождя ударялись о ткань навесов. На меня навалилась смертельная усталость. В кармане оставалась мелочь, и в чайной палатке я ткнула наугад в один из пузатых чайников, покрытых яркими геометрическими узорами. Я наблюдала, как на дно чашки оседают случайно попавшие через сеточку лепестки. Чай янтарного цвета пах мятой и чем-то похожим на манго. Кисло-сладкие нотки переплетались с травянистым вкусом, оставляя фруктовое послевкусие.

Когда я добралась до дома, капли падали чаще, но никак не становились полноценным дождём. Над холмами сверкали зарницы, пытаюсь разогнать рано захватившие город сумерки. Я задержалась у калитки и положила руку на лапу льву. Колдун был в библиотеке. Я отмахнулась от его чувств – мне хватало своих, почти бегом добралась до входа и прошмыгнула в свою комнату. Не раздеваясь, я легла на кровать, сохранившую навязчивый аромат роз. Пришлось скинуть покрывало на пол. Комната осветилась молнией, протрещал гром, и на город обрушился ливень.

Глава 14. Призраки прошлого

Я уже поняла, что утренний комариный писк – как будильник, настроен на одно время и будет зудеть, пока я не выйду из комнаты. Может быть, просто остаться лежать вот так, не двигаясь, не думая, не вспоминая? План был хороший, но моё тело, измученное вчерашним хождением по лабиринтам улиц, требовало заботы. К тому моменту, когда я

вышла из душа, комариный писк заполнил собой всё пространство внутри моей черепной коробки, и ему вторил бурчанием пустой желудок.

В холодильнике не осталось ничего, кроме творога, который принесла Лора, и пары яиц. Творог даже показался вкусным. Я злилась на себя за то, что вчерашних решительных настроений как не бывало. Наверху, в библиотеке, пульсировал комок раздражения и злости, и я опасалась дать ему лишний повод, чтобы всё это не обрушилось на меня.

Я налила в сковородку масло, разбила яйца прямо о бортик и отстранённо отметила, что получилось не уронить ни одной скорлупки в яичницу и не пролить ничего на стол. Впрочем, яичница от этого лучше не стала. Она не хотела готовиться, и я повозила лопаткой в сковородке. Получилось месиво, которое я соскребла на тарелку. Приятного аппетита, господин колдун. Взяв из шкатулки деньги и прихватив корзинку, я поспешила покинуть дом, чтобы не встретиться с колдуном. Я не хотела его видеть.

Я долго не могла заставить себя подойти к палатке с соломенными фигурками, хотя уже давно купила всё, что нужно, кинула голубям у фонтана крошек, третий раз прошла мимо стола с зеленью и под вопросительным взглядом торговки была вынуждена купить укроп.

Наконец, я решилась. Не кружить же здесь до закрытия рынка. Усатый дядя сматывал кого-то из соломы, насвистывая простенькую мелодию. Бусинки на концах усов покачи-

вались в такт.

Я нерешительно потопталась у прилавка и спросила:

– А где Лора? – и тут же, опередив тётушкин голос в голове, добавила: – Здравствуйте.

Усач сначала прищурился, как будто не узнавая, а потом протянул:

– А-а-а, подружка! Что, не сказала тебе Лора?

Я помотала головой. Усач подозвал меня, и я, протиснувшись между прилавками, села рядом с ним на место, которое обычно занимала Лора, и стала слушать. После каждого предложения мужчина делал короткую паузу и начинал следующее с короткого полувздоха, словно наматывая новый слой на рассказ.

– Вчера прибегает радостная, говорит, дядюшка, я решилась! Я удивился, ведь мы утром повздорили из-за её планов. Спрашиваю осторожно, на что, говорю, решилась? А она – извини, дядюшка, бросаю тебя, поеду к отцу жить, он давно зовёт. А маму, говорит, и тебя буду навещать иногда. А у отца её, брата моей жены, домик у моря, жена молодая и сынишка растёт. Лора раньше им мешать не хотела, разрывалась между тремя домами. Матери она вроде и не в тягость, но у неё трое малышей, да ещё и двое мужниных, нет свободной секунды, чтобы время уделить старшей дочери. А у меня Лили и Тимо подрастают, Лили давно просится мне помогать, вот и пришёл, значит, её черёд... Я Лоре говорю, как же твоя работа, милая? А она смотрит на меня, смеётся:

какая ещё работа, дядюшка! У меня от сердца отлегло – значит, ушла она от колдуна. Ушла?

Мужчина строго посмотрел на меня, чтобы я подтвердила его догадку. Я неопределённо качнула головой и соображала, что бы соврать. Возможность взять паузу мне предоставил грустный долговязый мужчина, который уже некоторое время вертел в руках то одну, то другую соломенную фигурку.

– Мастер, почём мышка? – прервал он наш разговор.

– Две монеты, – ответил усач.

Мужчина присвистнул.

– Ты тут посиди весь день и помотай, тогда посвистишь!

– Не кипятись, мастер! А если двух возьму, скидку сделаешь?

– От десятка скидка.

– Грабёж! – обречённо возмущался грустный мужчина, выбирая монеты в кошельке. Он ещё долго придирчиво вертел в руках каждую мышь, как будто проводил конкурс красоты. Усач терпеливо ждал, потом положил победительниц по коробочкам, а я помогла перевязать их красными лентами. Грустный мужчина выдохнул удивительный звук – одновременно и скорбный вздох, и «спасибо» – и удалился. Дядя Лоры вернулся к наматыванию соломы на каркас и продолжил, забыв, что я оставила его вопрос без ответа:

– А я и рад, ох уж как я рад! Сначала подумал – вдруг натворила чего, так быстро убегает... А теперь смотрю, раз ты ходишь тут как обычно, покупки делаешь, значит, всё в

порядке. Всё в порядке? – вновь строго спросил он, оторвавшись от шарика соломы.

Я пожалала плечами, протянула ему ленточку с нанизанным на неё цветком и тут же принялась копать в коробочке с бусинами.

– Я ей сразу сказал – брось ты эту затею! А Лора же у нас такая – придумала чего, не отговоришь. Как с этими поездками через всю страну! И мать, и отец, да и я тоже, все мы уговаривали её задержаться хоть где, а она всё «нет» и «нет», носится, места себе не найдёт. В очередной раз приехала, а я на свою голову ей и ляпни, что колдун вернулся. Видела бы ты её! Побледнела, губы сжала, – усач покачал головой, бусинки в усах вторили ему, – сходила к дому, вернулась и повторяет – отомщу, отомщу.

Я замерла. Мир поплыл перед глазами, а соломенные шарики бросились в пляс. Значит, она с самого начала?.. Подружка, значит?.. Я сосредоточилась на дыхании, и окружающий мир вернулся в стационарное положение. Думать буду потом, сейчас надо слушать. Усач продолжал, не заметив, что я была на грани обморока.

– ...она, говорит, согласилась мне помочь. Я удивился, ты же тихая такая, исполнительная. Бегаешь тут, стараешься, хоть и ничего не понимала поначалу, а теперь смотри-ка. А Лора говорит, не нравится ей, тебе, то есть, у колдуна. Ну, это мне понятно, какому нормальному человеку у колдуна понравится, а тем более, человеку издалека. А тем более у та-

кого колдуна, от которого только и жди неожиданности или неприятности. Однако же работа есть работа, раз согласилась, то и выполняй, что обещала. Так?

Я медленно кивнула под взглядом его прозрачно-голубых, как бусины, глаз.

– Так, – довольно кивнул дядя. – А я и думаю, ты же Лору нашу, значит, отговорила. Я-то не смог, да что я, старый, кто меня послушает, а вы ровесницы. Вот я всю неделю боялся, не знал, что делать. Получилось бы у неё, так поймали бы – и в тюрьму, а куда ей, красавице такой, в клетке сидеть! Ей бы замуж, детишек, да цветочную лавку открыть. А не получилось бы – так ещё хуже, кто же его знает, господина колдуна? Он и по молодости был вспыльчивый, а после многих лет в зеркале даже представить страшно. Уже месяц тут, а из дома носу не кажет, а?

Я всё нанизывала одну бусину на ленточку и никак не могла попасть в дырку. Не дождавшись ответа, усач продолжил:

– А нам, сама понимаешь, местным, посмотреть на него охота. В саду его видели, но так-то не встанешь там, не разглядишь! А тогда... сколько же? Тринадцать лет назад, вот был франт, вот красавец! Девицы как увидят его – так дыханье сразу сбивается, щёки розовеют, голоса сразу томные становятся.

Я оставила в покое бусину и воззрилась на дядю.

– А он вечером выйдет из дома, то по набережной прогуляться в хорошую погоду, то в театр, а то и на королевский

бал. И каждые две недели у него новая спутница, а бывало и чаще. Ну, если не пропадёт в других мирах на месяц-другой... И без разбору, богатые дамы, девушки попроще, постарше и помоложе. И все как одна, кто с ним, э-э-э, ох, прости старика, ну, близко пообщался, расцветали, словно бутон по весне. Да мало того, денег у него – немерено, редкие вещицы доставал, говорили, с древней магией играл, но Совет ничего доказать не мог.

Так, дядя, постой, лихорадочно соображала я, это ты сейчас про колдуна Джея, сына мельника из деревни? Про вот того пыльного, сутулого, злого? Который разговаривает через силу, а то и просто машет рукой? Который не вылезает из чёрно-коричневой одежды? Это вот он – покоритель и разбиватель женских сердец?

– А ему что – он как улыбнётся, так любая за ним хоть на край света пойдёт. Вот мать Лоры и попалась.

Я выронила бусину.

– Что, не рассказала тебе наша девочка? – удивился дядя.

Я полезла доставать бусину под табурет, но на этот раз усач решил дожидаться ответа.

– Она сказала, что колдун уничтожил её семью, – молодец, Екатерина, даже не соврала.

– Ох уж эта Лора, вечно всё преувеличит и в трагедию превратит, – засмеялся дядя. У меня сжалось сердце.

– У её родителей сразу пошёл разлад. Встретились, а через неделю уж свадьбу им подавай! А как Лора родилась,

чувства поутихли, стало ясно, что они друг друга на дух не переносят. Но для Лоры делали вид, что всё хорошо. Она же ангелочек, куколка, как её расстроишь, скажи? Отец её тогда владел полем, цветы выращивал, красивые – загляденье. Да с такой магией всё обустроил, что и в дождь, и в снег, и в мороз – всегда цветов росло море. А мать в лавке торговала, букеты какие собирала! Даже, бывало, королева на праздники закажет, а от желающих украсить дом вообще отбою не было. А Лоре всё покупали, что захочет, даже лошадку подарили и часть поля под это дело отвели.

Дядя покачал головой, улыбаясь воспоминанием. Я заворожённо смотрела, как он наматывает слой на слой, в то время как у меня в голове слой за слоем отваливалась краска с холста, и разрушалась картина, которую я себе нарисовала. Мужчина уже успел соорудить три шарика, украшенных бузинками, и приступил к четвёртому.

– Мама Лоры тосковала, день за днём, всё ей было не мило. И где-то она господина колдуна повстречала. Начала она по вечерам к реке бегать, на свидания, куда ещё? Муж молчал, что ему, они давно уже только для дочери притворялись. А мы, я да жёнушка моя, думали, что вот неделя прошла, вторая пройдёт – и кончатся её вечерние свидания. И тут вдруг новость – Лиза, ну мать Лоры, у нас, видишь, как будто и традиция, девочкам давать имена на букву «л», вот и дочка моя Лили. Так вот, Лиза собрала вещи и к колдуну ушла жить. А муж плечами пожал, расстроился, что ему

теперь самому придётся букеты крутить да в лавке торчать. Неделя прошла, другая, дамы в городе ходят заплаканные, от румянца и следа не осталось. Как увидят парочку в городе, молнии мечут. Уж не вспомню, сколько прошло, может, месяца два. Долго! Лиза приходила Лору навестить каждый день, в лавке поработать. Сначала Лора плакала страшно, а потом в один день замолчала, словно онемела. Есть перестала. Лиза металась между дочкой и любовником, а мы-то ничего сделать не могли. Такому не поможешь, тут сердце само должно решить.

А однажды смотрю, сидит утром Лиза на скамейке у цветочной лавки, улыбается, перебирает ветки хлопка, колосья золотой пшеницы, розу то добавит, то уберёт, вплетает синюю ленту. А вид такой мечтательный, как будто витает где-то. Я ей говорю, ты что же это, насовсем вернулась? А она смотрит на меня, смеётся, говорит, что и не уходила никуда. Только сон мне такой приснился чудесный, что я свободна от всего этого. Развела руками, цветы отбросила, а лентой волосы подвязала. Волосы у неё глубокого каштанового цвета с красным отливом, как кора молодого деревца. Я, говорит, полна любви и новых надежд. Так прямо и сказала, как сейчас помню. А для дочки, говорит, будет всё самое лучшее и настоящее, а не спектакль. Нельзя так, говорит. Про колдуна больше и не вспоминала. А его не далее, чем через полгода после этого Совет судил. Лиза быстро с мужем разошлась, Лору забрала с собой к родителям на равнину, а отец тут де-

ла устроил, лавку продал, поле мне с женой оставил, а сам к морю уехал. Давно мечтал рыбу ловить, сети плести. Говорил, цветы видеть сил больше нет, а уж запах этот! Ишь ты, рыба ему милее, представь?

Я наматывала ленточку на палец и разматывала, наматывала и разматывала.

– Лору он брал летом на море, и новая жена хорошо её приняла, но девочке нашей всё не было покоя. А теперь, вот уж я рад так рад, сначала забеспокоился, не случилось ли чего, а нет, ты говоришь, всё хорошо. А вот это, – усач протянул мне последний шарик на ленточке, – это тебе. Да бери, бери, он не колдовской, самый обыкновенный! В благодарность тебе, что нашу Лору отговорила от глупостей.

Я взяла шарик и выдавила улыбку, хотя губы дрожали, а брови сложились в траурный домик. Дядя Лоры решил, что я сейчас заплачу от благодарности. Я прошептала, что мне пора бежать.

– Конечно-конечно! – рассеянно улыбнулся усач, взял новый каркас и тут же забыл про меня. Как будто не мне рассказывал всю эту историю, а просто вспоминал вслух.

Я не пошла домой. У реки было спокойнее. Я расположилась там же, где и вчера, под ивой у моста. Хоть солнце припекало, земля оставалась мокрой после вчерашней грозы, и пришлось подстелить ветровку. Взяв из корзинки булочку и отщипнув кусочек сыра, я так и держала их в руках. Меня

мутило. Пахло свежей травой и влажной глиной. У самого края воды плавали утки, которых гонял агрессивный лебедь. Я запустила в него веточкой. Утки не оценили мою заботу и, разбежавшись по воде, перелетели к другому берегу. Лебедь остался и кружил по отвоёванной территории, не зная, чем себя занять.

Я отломил ветку и оборвала листья, кроме нескольких наверху, оставила две веточки по краям, как руки, а потом отломил верхушку. Вот так, и никаких лишних воспоминаний. Стоит только надоесть колдуну, как он залезет тебе в голову, покопается там и вырежет всё лишнее, а ты проснёшься счастливой и побежишь менять свою жизнь к лучшему. Только ты ли проснёшься? Каждое, даже самое скучное воспоминание принадлежит человеку. Каждая секунда важна. Что же говорить о месяце, о двух?

Сегодня мне не удалось поиграть с веточками и побродить по берегу. Комариный писк вернулся, а я, хоть и решила игнорировать его до последнего, долго выносить нарастающий шум не смогла.

Оба колдуна ждали меня на кухне. Робин ходил туда-сюда и что-то тихо монотонно говорил, Джей сидел за столом, сгорбившись и обхватив голову руками. Я зашла и, не глядя на них, стала раскладывать покупки по полкам. На плите стояла грязная сковородка, а рядом – тарелка. Мне стоило огромного труда притворяться, что я одна на кухне. Я прошествовала к раковине, делая вид, что на меня не обращены

две пары глаз.

– Рина, сядь, – голос Джея звучал так, как будто он предпочёл бы ничего не говорить. – Робин приготовил речь.

Я махнула запиской, выключая воду, тщательно вытерла руки, отодвинула стул от стола и села.

Джей смотрел вниз, сжав губы. Робин сел напротив меня.

– Послушай, ничего страшного не произошло. Так всем лучше. Представь себе, что Лора оказалась бы в тюрьме, а через несколько лет вышла озлобленная, без целей в жизни, кроме одной – совершить то, что не удалось. Я сам виноват, так ушёл в работу, что и не подумал проверить, кто она. У нас не было выбора.

В голову вдруг ударила кровь, и я сразу, без предисловий, начала кричать:

– Не было выбора? Не было?! – я давилась слезами. – Всегда есть выбор! С Лизой тоже не было выбора?!

Джей резко выпрямился, черты его лица как будто одеревенели. Он ударил ладонью по столу и встал. Я вжалась в стул, поняв, что ляпнула лишнее. Он подошёл, склонился надо мной, обдав облаком пыльного запаха, и тихо, с яростью произнёс:

– Если ты думаешь, что вернёшься домой с полным набором воспоминаний, то очень ошибаешься.

Он вышел из кухни, поднялся по лестнице и хлопнул дверь библиотеки. Я смотрела в воздух перед собой.

– Она сама его попросила.

Я перевела взгляд на Робина.

– Лиза. Она попросила Джея стереть ей воспоминания, – повторил Робин и сложил перед собой руки, как школьник за партой.

– Почему? – спросила я, но, кажется, уже сама догадалась.

– Потому что не могла выбрать. Без дочери не могла, а муж бы не отдал её. И без... без Джея тоже не могла.

– И он, что же, согласился? Как?

Робин нашёл на столе какую-то крошку и сбросил на пол, потом грустно улыбнулся и ответил:

– Вырастешь – поймёшь.

Мы помолчали. Наконец, Робин сказал, что ему нужно идти.

– Работы много, нехорошие дела творятся.

– Подожди, Робин, – меня волновал ещё один вопрос, – ведь он дал мне выпить отравленный кофе! У него и тут не было выбора?

Робин тяжело вздохнул.

– Хотел удостовериться, что ты не знала.

– Я... Я ни при чём, – я запнулась, – я бы не стала...

– Знаю, – вновь вздохнул Робин.

Он ушёл. Мысли никак не унимались, скакали с одного на другое, на доли секунды формируясь в обрывки фраз и разлетаясь вновь. Я бы не стала?

Если сначала Джей был просто помехой на пути к дому, то

теперь я взглянула на него другими глазами. Раньше происходящее напоминало мутный предрассветный сон, который вот-вот разгонят первые лучи солнца, на игру, где он кидал в меня мячик, а я отклонялась и пряталась. Я была погружена в свои мысли, вспоминала дом и представляла, как вернусь обратно, а меня рывком вытащили наружу. Окружающий мир оказался колючим, многогранным и очень реальным.

Джей перестал казаться лишь персонажем фильма, который волшебным образом вмешался в мою жизнь и так же должен был её покинуть. Он был настоящим и опасным. У него обнаружилось прошлое, не эфемерное, не придуманное, как у героев в кино, а реальное, повлиявшее на жизни других людей.

Если раньше я раздражалась от его голоса, старалась избегать колдуна в доме и подольше бродить по городу, выполняя поручения, игнорировала его вопросы и не задавала свои, то теперь я просто боялась.

До этого он представлялся мне злой силой, которую можно остановить, ведь Совет когда-то поймал его и посадил в зеркало. Теперь же я осознала, что Робин, этот добрый приветливый человек, наделён достаточной властью, чтобы покрывать новые преступления своего друга. Робин. Заботливый, сочувствующий, всегда приходящий на помощь. «Я служу городу», – сказал он, и я не понимала. Лучшей помощью городу было бы отправить его друга обратно в зеркаль-

ную ссылку.

Я не считала, что Лора права, однако в моём представлении она была чуть менее неправа, чем оба колдуна. Но я всё равно не могла злиться на Робина. Что-то в нём вызывало доверие. Может, и правда следы той мальчишеской магии, а может его искреннее желание помочь.

По утрам я оттирала мох с каменной львиной шкуры. Мне не хотелось больше жаловаться львам на жизнь. Они тоже были частью этого нового опасного мира, который не хотел выпускать меня из своих цепких лап.

Джей молча съедал все плоды моих кулинарных потуг. Он стал есть гораздо больше, и мне приходилось каждый день на рынке забивать корзинку под завязку. Я набирала много хлеба и сыра, которые исчезали в тот же день, и готовила утром и завтрак, и обед, чтобы разделаться с готовкой до следующего дня.

На столике в коридоре меня всегда ждала стопка книг и листок с заданиями, и я мечтала уйти в город и бродить там до темноты, которая наступала всё позже. Но я не могла позволить себе этого. Я боялась злить колдуна, который стал ещё более угрюмым и раздражительным. Я списала это на то, что он готовится к встрече со своим учителем – она должна была состояться на днях. Не мог же Джей до сих пор злиться из-за истории с Лорой! Даже я уже почти перестала о ней думать. Я не понимала, зачем ему встречаться со старым колдуном, если даже мысль об этом настолько выводит его из

себя. Робин попытался объяснить, что их связь учитель-ученик не разорвали, как положено, потому что когда Джея судили, Тин сбежал из города, испугавшись, что ему тоже достанется от Совета. Формально Джей так и оставался связан с ним, хотя ни о какой передаче силы и чувстве местонахождения речь уже не шла. Робину повезло, если так можно сказать о начале войны – тогда король особым приказом освободил всех желавших идти воевать молодых людей от ученичества. Колдуну Тину не оставалось другого выбора, как отпустить Робина и оставшихся своих учеников, которые только обрадовались возможности отделаться от старого брюзжащего обманщика.

Робин рассказал, что это в древности, задолго до разрушения мира, когда магия была другой, опасной, не нынешней бытовой игрой с записками, а серьёзным делом жизни, колдун не отпускал ученика, пока не убеждался в его готовности служить магии и только магии. Встречались даже такие, кто сохранял ученичество до самой старости, ведь, по сути, когда ученик взрослеет, занимается собственными исследованиями и изучает другие миры, ученичество становится партнёрскими отношениями, где оба колдуна могут многому научиться друг у друга. Жаль, говорил Робин, но сейчас всё проще – тот же Тин набирал по двадцать, тридцать мальчишек, таких, от которых отказались другие учителя. Не самых сообразительных, взбалмошных, без особого таланта, со слабым чувством магии, или таких, как Джей и Робин – слиш-

ком взрослых. Зачастую родители и сами были рады избавиться от сына: формально ребёнок пристроен в ученики, а не болтается на улицах в сомнительной компании. Были и колдуньи, которые брали на воспитание только девочек по такому же принципу. Взаимовыгодное сотрудничество: дети под присмотром, а колдун, даже слабый, получает достаточно энергии, чтобы творить заклинания. Кроме того, существуют усиливающие амулеты, когда и ученик, и учитель изначально не обладают большими способностями к магии. Я вспомнила о шкатулке с сокровищами в гостинице у сай.

– Это немного другое, – откликнулся Робин, занятый переписыванием закорючек со стены дома в блокнот.

Я случайно встретила его на улице, когда шла от Туана, который передал мне новое письмо, касавшееся всё той же книги из первого списка. Я направлялась в торговый район, чтобы пополнить истощившиеся запасы записок. Робин занимался скучными полицейско-инспекторскими делами, поэтому моё общество было ему в радость, хоть я и вновь принялась надоедать расспросами об амулетах.

– Такой, который сай тебе отдала. Они не накапливают энергию, а помогают учителю и ученику лучше чувствовать друг друга и пользоваться силой. У слабых колдунов иногда даже отсутствует чувство местонахождения друг друга. Твой амулет забирал силу для перемещений у колдуна. Скорее всего, амулет украли, и он долго лежал без дела. А те, что ты говоришь, в шкатулке – это не амулеты, это накопители

энергии. Они одноразовые.

– Понятно, как батарейки, – сказала я.

Пришлось объяснять Робину, что это такое. Получалось непонятно, я придумывала всё новые и новые примеры, только больше запутывая и колдуна, и саму себя. На самом же деле я оттягивала момент возвращения домой. Сегодня должна была состояться встреча Джея с Тином. Я спросила Робина, не хочет ли он повидать своего старого учителя.

– Только если чтобы посадить его за решётку, – с нехарактерной для него злостью процедил Робин.

Я оставила надежду уговорить его заглянуть сегодня в гости, попрощалась и, быстро заскочив в лавку с записками, поспешила домой. Не хватало ещё навлечь на себя гнев колдуна. Утром он снизошёл до того, чтобы зайти на кухню, когда я тыкала лопаткой омлет. Кулинарный эксперимент в этот раз вспух крупными пузырями, которые ворчали, лопались и старались забрызгать меня маслом. При появлении Джея я отложила лопатку, чтобы он не заметил, как у меня затряслись руки. Он приказал быть дома около семи часов вечера, за пару часов до темноты.

Я пришла гораздо раньше. Джей наверху мерил шагами свой маленький кабинет. Его нервозность передалась и мне, и я сначала помыла стол на кухне, потом отдраила полы, лестницу, но выше подниматься не стала. Когда закончились доступные поверхности, я пересортировала продукты в холодильнике, отметив, что там появилась бутылка вина. За-

тем я просто села и стала ждать, барабанив пальцами по столу. Что это ты, Екатерина? Не к тебе же гость. Подумаешь, какой-то злобный старикашка!

Когда солнце поравнялось с крышами соседних домов, из коридора раздался голос Джея:

– Не высовывайся, пока я тебя не позову. Принесёшь бутылку вина, поняла?

Я кивнула, хотя он не видел меня от лестницы. Плевать. Колдун вернулся наверх. Видимо, встречать учителя с распротёртыми объятками или даже просто, без объятий, он не собирался. Буквально через несколько минут хлопнула входная дверь, послышались тяжёлые шаги на лестнице, снова хлопнула, как будто демонстративно, дверь библиотеки.

На веранде было приятно. Внутренний двор заполнился цветами, которые посадил Робин. Дорожки бежали через кусты эхинацеи и островки пёстрых аккуратных ромашек, долговязых космей, ярких календул, мелких маргариток. В свете заходящего солнца порхали бабочки. Я сидела на ступеньке и старалась расслабиться, но даже идиллический вид никак не помогал затушить разъедающее меня беспокойство.

Дверь на балкон на втором этаже была открыта, но оттуда не доносилось ни звука. После случая с Лорой, когда никто не прибежал на её крики, я поняла, что и тут не обошлось без магии. Впрочем, неудивительно, учитывая, что и размеры помещения никак не соответствовали размерам дома.

Похолодало. Я с сожалением ушла на кухню и наблюдаю из окна, как солнце садится ниже, тени заполняют сад, а розовые зефирные облака тают в глубокой синеве неба. Из расползающихся чернилами сумерек меня резко вырвал зов колдуна и возникшая перед внутренним взором бутылка вина. Не прошло и четверти часа с тех пор, как пришёл старик.

– Прекрасно, – пробормотала я, стряхивая оцепенение и возвращаясь от бабочек и закатов к мрачной действительности.

Я вытащила зелёную пузатую бутылку из холодильника и уже на лестнице сообразила, что надо было её протереть. Влажное стекло неприятно холодило ладони, и я подхватила бутылку под донышко. Перед дверью в библиотеку я постояла немного, вдыхая и выдыхая. Послышалось недовольное карканье старика. Слов я разобрать не могла, да и не хотела. Резкие, недовольные, обвиняющие интонации говорили за себя. Джей молчал, но я чувствовала его скрытое веселье, как будто он внимательно следил за поставленным лишь только для него одним спектаклем. Хотя в действительности он сам был режиссёром. Джей что-то задумал, а я не хотела принимать участие в осуществлении его планов, но разве у меня был выбор?

Я открыла дверь и зашла, не постучав – пускай это будет мой маленький бунт. В сумрачный уличный свет врвались ярко-оранжевые всполохи огня из камина, создавая странный театр теней и делая лицо старика похожим на ожив-

шую абстрактную картину. Выглядел он, как побитый жизнью бульдог – висящие щёки, небольшой курносый нос, зажатый складками морщин, густые брови, скрывающие глаза. Седые волосы зализаны назад. Он был уже изрядно пьян, и как успел? На столе стояла опустошённая бутылка. Фигура Джея утонула в тени, и только отблески огня сверкали в его глазах. Я чувствовала, как напряжена его рука, в которой он держал бокал с тёмным вином.

Старый учитель не заметил, как я зашла. Он был занят тем, что кричал на Джея, срываясь на жалостливые нотки.

– ...если бы не я! Где бы ты оказался, ты, со своим прихвостнем! Окончили бы свою скоропостижную карьеру, разгружая рыбу в порту! Там быстро разбиваются мечты таких деревенских простачков. И как вы мне отплатили! Я вас принял, двух взрослых юношей, дал шанс, когда другие отказали! Я поверил, я...

Он поднял бокал и допил вино, как воду, большими жадными глотками. Джей воспользовался паузой, чтобы перейти к следующему акту.

– Рина, вино.

До этого я не решалась подойти ближе, стояла, замерев на неровной пляшущей границе света и тени. Влага с бутылки стекала с моих ладоней и капала на пол. Я сделала шаг вперёд, старик непонимающе посмотрел на меня, потом на Джея, снова на меня.

– Ах вот как... – прошипел он, медленно вставая с кресла

и нависая над своим учеником. – Да как ты посмел!

Джей растянул губы в улыбке.

– Я не ждал извинений, но это! – он махнул рукой с бокалом в мою сторону, и в воздухе сверкнули искрами несколько капель вина. Джей молча наблюдал, не скрывая улыбки, а в глазах его дёргалось алое отражение пламени.

– Древние игры из сгнивших манускриптов... Что ж, будь по-твоему, неблагодарный щенок! – старый колдун со злостью швырнул бокал на пол.

Я вздрогнула и едва удержала влажную бутылку в руках, но не испугавшись звука бьющегося стекла, а от судороги, которая была всего лишь эхом боли, пронзившей ладонь Джея в том месте, где два пятна связи образовывали одну бесформенную кляксу. Но он не подал и вида, держа на лице улыбку, которой довёл старика до белого каления.

– Чтоб тебя пожрали твари космической бездны! – проорал он и бросился к выходу.

Поравнявшись со мной, он остановился, ткнул меня пальцем в плечо и воскликнул:

– А ты, ты пожалеешь!

Жалею каждую секунду, дедуля, мрачно подумала я, глядя в сторону. Дедуля тем временем ловким движением выхватил у меня из рук бутылку, выскочил из библиотеки, прогрохотал по лестнице и покинул дом.

Трещал камин, а ветер, ворвавшись через балкон, пошуршал страницами раскрытых страниц, разметал бумаги,

взьерошил мои волосы и вырвался вслед за стариком по лестнице в распахнутую входную дверь. Фигура колдуна в кресле мелко тряслась, зажимая рот рукой. Резким движением Джей швырнул свой нетронутый бокал с вином на пол, вцепился в ручки кресла и захохотал.

Я попятилась к выходу. Как бы я хотела последовать за ветром, подальше от этого дома! Я аккуратно закрыла библиотечную дверь и спустилась в свою комнату. Отчаяние, которое так и повисло комком в районе солнечного сплетения в тот день, когда Лора пыталась отравить Джея, начало распускаться, выпускать щупальца, обнимая меня, заставляя сжиматься в маленький беспомощный комочек.

Глава 15. Искорки

Я проснулась от кашля, как будто вдохнула пылинку. Тень мира уже просочилась в комнату мягким зелёным светом. Кашель не хотел отступать, пришлось вставать и идти на кухню за водой. Оказалось, что кухонное окно выходит в обыч-

ный сад обычного мира. На травинках в предрассветных сумерках блестела роса, пели ранние птицы, а со стороны реки раздавалось кваканье. Рядом с верандой сидел маленький кролик, а чуть поодаль ещё двое. Он наострил уши, приподнялся на задних лапах, сорвался с места и скрылся в кустах. Лёгкий ветерок обещал, что день будет тёплым.

Кашель затих, но ощущение противной пылинки в лёгких не проходило. В нём чувствовалось что-то неестественное, но я была слишком сонной, чтобы обдумывать эту мысль. Я налила ещё воды и направилась в комнату. В тот момент, когда я вышла в коридор, входная дверь распахнулась. Тёмным силуэтом на фоне тающей мягкой зелени тени мира в дом ввалился Джей. Он схватился за косяк, но тут же согнулся пополам в приступе кашля и повалился на пол. Вцепившись обеими руками в стакан, я прижалась к стене. Джей приподнялся на локтях, шумно вдохнул воздух и сплюнул. На полу осталось кровавое пятно. Что делать? На долю секунды в моей голове возникла мысль просто проскользнуть в свою комнату. Ведь если с колдуном приключилась, к примеру, смертельная рана, то это повысит шансы вернуться домой, не так ли, Екатерина? Я в ужасе погнала эту мысль прочь. Я сделала осторожный шаг к колдуну, но ничего предпринять не успела. Из воздуха, как в тот раз в библиотеке, стремительно шагнул Робин и бросился к Джею.

– Ты рехнулся? – процедил Робин сквозь зубы, помогая колдуну перевернуться на спину.

– Я тебя не звал, – прохрипел тот и зашёлся кашлем.

– Научился лечить собственные раны?

Колдун, хрипло вздохнув, ответил что-то похожее на «не даст сдохнуть». Робин разорвал на Джее рубашку, и я, чуть не выронив стакан, зажмурилась. В слабом свете из открытой двери кровь на груди колдуна казалась почти чёрной.

– Рина, – окликнул меня Робин.

Я заставила себя открыть глаза.

– Воду. Быстро.

На ватных ногах я подошла. Крови было больше, чем мне показалось сначала. Плащ колдуна облепили белые нити липкой паутины. Робин забрал стакан у меня из рук и вылил воду на грудь Джею. Тот стиснул зубы и застонал, и тут же в мою грудь впились сотня иголок.

– Неси ещё, – коротко сказал Робин.

В коридоре стоял железный запах тёплой крови. Я налила целый графин воды и принесла свежие полотенца. Борясь с головокружением, я встала у лестницы и схватилась за перила, чтобы удержаться на ногах. Грудь Джея покрывали круглые ранки, маленькие, но глубокие.

– Они же не нападают... – тихо произнёс Робин, вытирая кровь полотенцем.

– Не на меня напали, – прохрипел Джей и закашлялся. На его губах выступила кровавая пена.

Робин отбросил полотенце на пол и прочертил квадрат над ранами. Одной рукой он рисовал в воздухе знаки, а дру-

гую держал на груди Джея, который с трудом сдерживал кашель. Губы его побелели, а кожа, оттеняемая чёрной рубашкой, стала бледной, как лист бумаги. Всё это – красное, чёрное, белое в тусклом тёплом свете, запах крови и пыли, хриплое дыхание – несло в себе первобытный ужас, открывало ту часть жизни, которую я видела только на экране, и никогда не думала, что столкнусь с ней по-настоящему. Мной овладело чувство собственной хрупкости, ничтожности и неважности. Запах крови пробуждал древние инстинкты, и моим единственным желанием было бежать, куда угодно, как можно дальше от опасности. Вместо этого я вцепилась в перила и смотрела через открытую дверь в сад. Восходящее солнце разгоняло призрачные тени. Боль в груди постепенно уходила, только давило рёбра.

Джей неуверенно вдохнул, проверяя, может ли он снова нормально дышать, и сел, прислонившись к стене.

– Постой, – произнёс Робин и коснулся его нижних рёбер.

– Это ты не вылечишь, – грустно усмехнулся Джей.

– Это ведь не от пауков?

– Раз и два, Робин.

– Не может быть. Ведь у тебя только один...

Джей показал на меня глазами, и Робин замолчал. Я не знала, куда себя деть – толку от меня не было, но меня вроде бы и не прогоняли. Просто так уйти, оставив двух мужчин сидеть в засыхающих лужах крови, выглядело бы странным. Тут мне пришло в голову, что придётся мыть пол, и я покры-

лась мурашками от отвращения.

Джей вылил остатки воды из графина на полотенце, вытер лицо и руки и задумчиво произнёс:

– Один... Что-то пошло не так, Робин. Туан нашёл для меня дневник наблюдений... сам знаешь, чей. Он у Кондитера.

Робин закрыл лицо руками и простонал.

– Его ещё не хватало!

– Он не болтает.

– Это тринадцать лет назад он не болтал. Совет продолжает закручивать гайки, а Кондитеру всё равно, кому продавать свои конфетки.

– Предложи мне вариант получше, – огрызнулся Джей и, морщась, закашлялся.

Я сообразила, что у меня есть законный повод уйти из коридора. Я пошла заваривать чай, но колдуны тоже решили, что на кухне беседовать приятнее. Солнце несмело выглядывало из-за макушек деревьев, искорками сверкали капли росы на распускающихся цветах. Я словно вынырнула в яркий свет из мрачных кошмаров.

– И ни на что другое он не согласился? – продолжил Робин.

Джей не ответил, занятый инспектированием холодильника. Колдун всё ещё тяжело дышал, но помощь ему не требовалась. Раз он так быстро пришёл в себя, то мог бы и переодеться, недовольно подумала я. Волосы, растрёпанные,

прилипшие ко лбу, все в паутине, как и плащ. Рубашка, разорванная на груди, кожа в смазанных следах крови... Я поспешила отвернуться к плите – чайник как раз закипел – и заварила чай. Пришлось поворачиваться, чтобы поставить на стол чашки. Джей вгрызлся в яблоко, откусывая вместе с сердцевинкой, словно не ел несколько суток. Покончив с яблоком, он полез во внутренний карман плаща, вынул свёрток и протянул Робину.

Тот развернул грубую мешковину прямо на столе. Внутри оказались те самые прутики с загнутыми концами, которые я купила у бледного господина. Только теперь они хитро соединились так, что когда Робин поднял один над столом, остальные потянулись за ним и образовали шар. Внутри была сплетена тонкими нитями кружевная ткань удивительной красоты. Я засмотрелась. В солнечном свете нити переливались и отбрасывали радужных зайчиков по стенам. Робин присвистнул.

– Старая ловушка из Забережья! Таких сейчас не делают.

Джей равнодушно пожал плечами и принялся за уничтожение оставшегося со вчерашнего дня сыра и помидоров с огурцами.

– Но почему через тень мира, Джей?

Я наострила уши. Неужели всё-таки можно через неё путешествовать?

– Чтобы не ходить через город. Понимаешь?

– Нет, Джей, не понимаю, – вот уже и Робин начал раз-

дражаться. – Это безопасно. Выйди за пределы города и перемещайся.

Джей помотал головой и принялся за очередное яблоко.

– Я только знаю, Робин, что если он чего-то хочет, значит, я этого не хочу.

– А как же... – Робин бросил на меня взгляд, – то, что ты мне обещал, помнишь? После того, как разорвёшь ученичество?

Джей покачал головой:

– Придётся ещё подождать. Всё, мне нужно пару часов поспать, а ты иди.

– Нет уж, я хотя бы полдня здесь подежурю, – запротестовал Робин.

– Как знаешь.

У двери он помедлил, обернулся и сказал:

– Спасибо, Робин.

А потом обжёг меня коротким взглядом и вышел. Мне не нужны были слова – ведь нас соединяла связь. Колдун знал о том моём секундном желании бросить его на полу истекать кровью.

Робин предложил сопроводить меня на рынок, чему я была несказанно рада. В его присутствии всегда становилось спокойнее, и я постаралась выкинуть из головы кровавое утро и тот обжигающий рентгеновский взгляд. Но меня всё же волновал один вопрос. Я решила не тянуть и, не дожидая-

ьясь, пока Робин придумает нейтральную тему для разговора, выпалила:

– А я думала, что из тени мира нельзя перемещаться в другие миры.

– Теоретически можно, – задумчиво сказал Робин, готовясь прочесть мне новую магическую лекцию, – но я бы, например, не сумел. Помнишь, я говорил, что планеты копируют себя?

Я кивнула.

– С планеты на планету ты можешь перейти. А тень мира, она немного не там. Если бы у каждого мира была тень, то из нашей можно было бы переместиться в любую другую. Получается, что из тени мира колдун может переместиться только в несуществующее, теоретически возможное пространство, а оттуда сразу же в мир. То есть, на пару секунд он создаёт тень того мира, в который хочет попасть. Я не представляю, сколько сил для этого нужно! У меня столько точно нет, – усмехнулся он.

– А у него, значит, есть? – я мотнула головой в сторону дома.

Робин вздохнул.

– Есть. Ты не представляешь, как Тин в него вцепился. Джей сам не знал, какой у него потенциал. Мы просто ушли из дома, решив, что из нас выйдут великие колдуны. В нашей деревне-то всего одна травница, дом двуликого бога и музей разрушения мира, так что учиться было не у кого. Мы

доставали книги, экспериментировали, применяли заклинания на себя. У меня жабры выросли и неделю продержались, веришь?

Я засмеялась и помотала головой. Конечно, не верю!

– Джею лет пятнадцать было, а мне четырнадцать. Он в который раз поссорился с отчимом. Знал, что может гораздо больше, чем помогать на мельнице. Постучался ко мне в окно рано утром, в походной одежде, с рюкзаком за плечами и сказал, что пришёл попрощаться – уходит в столицу искать учителя. Я быстро собрал вещи, написал записку родителям... Отказался от блестящей карьеры портного, – Робин улыбнулся. – Так мы и сбежали. А потом попали к Тину.

Тогда зачем же всё-таки ему, такому талантливому, бестолковая птица Екатерина, которая его раздражает одним своим видом, не говоря уже о мыслях? Я не стала спрашивать Робина. Вряд ли он ответит, не к нему этот вопрос.

– Кстати... Ты же встретила вчера Тина?

Я нахмурилась. Вот уж кого я предпочла бы забыть в ту же минуту, как увидела. И у меня ведь почти получилось!

– Ну, было темно, а я на пару минут заходила.

– И что там произошло?

– А почему ты не спросишь непосредственного участника событий? – почему-то разозлилась я.

– Я спрошу, – спокойно ответил Робин. – Хочу сначала у тебя узнать.

Он проигнорировал мою вспышку. Хотя с чего бы ему ре-

агировать на такую мелочь, когда его лучший друг представляет собой комок сконцентрированного раздражения.

А ведь это интересная мысль, Екатерина! Я же обычно спокойная, а в представлении родителей так просто вялая. Моё ли это раздражение, или оно передаётся бонусом по связи? Я только вздохнула. Это можно узнать, лишь разорвав её.

– Тин сначала кричал и жаловался, что вы были ужасно неблагодарными учениками. Ну, это понятно, он за полчаса бутылку вина опустошил. А когда я принесла новую, он на что-то обиделся и убежал, прихватив бутылку.

Робин рассмеялся.

– Очень на него похоже! А связь он разорвал?

Я потёрла пятно под большим пальцем и пожала плечами.

– Ну, если это сопровождается электрическим разрядом в ладонь, то значит, разорвал.

– Интересно, – медленно произнёс Робин, – я не думал, что у тебя с Джемом такая сильная связь.

Я снова пожала плечами и стала разглядывать цветы во двориках. Сильная, не сильная. Сам же сказал, что у Джея невообразимый потенциал... Да и какая разница? Лучше бы её вообще не было.

На рынке Робин забрал у меня корзину и занялся покупками. Я посоветовала ему не скромничать, потому что Джей съедал всё, что попадалось под руку, а сама пошла за булочками. Решив, что и мне жадничать ни к чему, я купила целый капустный пирог. Я попросила сразу отрезать кусочек,

пробралась через палатки и села на краю фонтана. А то ведь колдун проглотит его целиком, не моргнув, и мне ничего не достанется.

Пирог был ещё горячий, я дула, чтобы не обжечься, а он так и норовил рассыпаться. На крошки слетелась стайка воробьёв, прибежали голуби и начали гонять друг друга. Я закончила с пирогом, отломил корочку от булки, раскрошила и раскидала вокруг, чтобы птички не ссорились. Подошёл Робин с загруженной до краёв корзинкой. Воробьи разлетелись, а безрассудные голуби бросились на освободившуюся добычу. Я разделила остатки булочки пополам и протянула кусок побольше Робину, задумчиво глядя на его светло-голубую рубашку с широкими рукавами.

– Почему на тебе нет крови? – тихо спросила я.

Робин рассеянно оглядел рубашку.

– Это заклинание той же природы, что и пузырь от дождя.

Первое, что я делаю, проснувшись, ещё даже не открыв глаз – привычка. Я же полицейский. Всякое бывает.

Я сразу внутренне сжалась и поспешила переключиться на что-то другое, но в голову ничего не шло. Последнее время приходилось выкидывать из головы слишком много мыслей. Я дожевала свой кусочек булки, и мы направились домой.

На выходе я оглянулась на палатку с соломенными шарами и игрушками. Дядя Лоры, как обычно, наматывал слои на каркас и что-то рассказывал себе под нос. Качались буси-

ны на кончиках его длинных усов. Шарик, который он мне подарил, должно быть, остался лежать под старой ивой на берегу Чернильной реки. Мне не было жаль, наоборот. Это не то напоминание, которое хочется видеть каждый день.

Робин сразу прошёл на кухню, а я замерла на пороге, застигнутая врасплах пятнами крови на полу. Вот что бывает, если слишком много всего выкидываешь из головы! По пути домой Робин отвлёк меня разговорами, я размечталась о необуглившемся завтраке... И тут на тебе. Утренний кошмар ожил и потянулся холодными щупальцами в центр груди, окутал меня холодом и серостью.

Я перепрыгнула через пятна, как будто играя в детскую игру, и села в уголок на кухне. Никто не заставит меня сегодня пройти через коридор, пока там не будет чисто! Ни за что не соглашусь это всё отмывать! Комок подкатил к горлу, и пришлось сбежать от запаха еды, который был совсем не к месту.

Лучше будет дать им позавтракать вдвоём. Я зашла в кладовку, высыпала в кеды мелкие монетки, оставшиеся в кармане джинсов. Часть денег я уже переложила на дно рюкзака. Мне показалось правильным разделить их – так делала Алина во время путешествий. Наполнив ведро водой, я сделала крюк через веранду, чтобы не проходить коридор.

Достоевский спал, а Бонифаций радостно скалился в сторону соседского дома. Может быть, в тени мира они сейчас не находят себе места, не зная, что произошло с их раненым

хозяином? Я погладила Бонифация по холодной мраморной шкуре и прошептала ему в ухо: «Всё в порядке». Мне показалось, что он услышал.

Я не рассчитывала, что когда вернусь, колдуны всё так и будут торчать на кухне. Джей помыл волосы и переоделся. Под глазами лежали глубокие тени, но для человека, который всего пару часов назад задыхался от кашля в луже собственной крови, он выглядел не так уж плохо. Он поднялся, забрал у меня ведро и приказал принести ещё тряпки. Меня снова замутило. Я скрылась в кладовке и принялась медленно, очень медленно искать, куда Лора засунула уборочные принадлежности. Если бы в ушах не зазвенел комариный писк, я бы вообще оттуда не вышла.

В коридоре Робин склонился, нахмурившись, над пятнами, а потом, к моему ужасу, ткнул в загустевшую лужицу пальцем и лизнул его.

– Это надо сжечь, – произнёс он, отплёвываясь.

– Прямо с домом? – язвительно спросил Джей.

Я и не заметила, что он подошёл и попытался забрать у меня из рук тряпки, в которые я вцепилась мёртвой хваткой.

– Рина!

Я тут же опомнилась, выпустила тряпки и отступила на шаг. Джей вынул из кармана брюк конверт.

– Бегом к Туану. И скажи ему, что это срочно.

– Спасибо, – невпопад ответила я и успела заметить удивление на его лице, прежде чем он отвернулся.

Я и правда бежала, впервые испытывая неподдельное чувство благодарности к колдуну. Наверное, сама я на его месте не стала бы обращать внимания на обморочные настроения какой-то там служанки. Перед книжным салоном я сполоснула покрасневшее лицо водой из фонтанчика и рухнула на лавку, чтобы отдышаться. Магнолии почти отцвели, а в воздухе уже чувствовался аромат липового цвета. Чирикали птицы, фоном журчала вода. Я запрокинула голову и посмотрела в синее небо. Дома, в родном городе, сейчас прохладнее, да и магнолии не водятся...

Посетителей в салоне оказалось больше, чем обычно – не двое, а целых полдюжины. Трое скучного вида мужчин в сером собрались в уголке и спорили над книгой в ярко-красной обложке. Всё та же дама, оккупировавшая диван, неодобрительно окинула меня взглядом, а я улыбнулась самой фальшивой улыбкой, которую смогла изобразить, и поставила перед ней зеркало. Дама сразу отвернулась, и я окончательно утвердилась в своём предположении, что тётушкина магия работает. Нужно провести ещё несколько контрольных испытаний, а потом придумать, где она может принести мне пользу.

Господин Туан презрительно опущенными веками показал, что не одобряет растрепавшихся волос и красных пятен на щеках в своём салоне, однако мягко пожал мне руку и вновь предложил чашечку вежливого кофе, на что получил

не менее вежливый отказ. Справившись, к обоюдной радости, с этикетом, мы перешли к делу. Ответ, как обычно, стоило ждать через пару дней, однако, если в письме господина колдуна их общий знакомый обнаружит нечто для себя выгодное, то весточка от него может прийти и завтра утром, если не сегодня вечером.

Я пообещала зайти в то же время на следующий день и собралась уходить, но владелец книжного салона протянул мне листок со списком книг, которые, возможно, заинтересуют моего хозяина. Я поблагодарила господина Туана за внимание к интересам господина ан-Тарина и наконец-то вырвалась из этой обители наигранной вежливости. Теперь можно было не спешить, ведь даже двоим колдунам нужно время, чтобы отмыть коридор, а я хотела вернуться в дом, где ничто не напоминало бы о сегодняшнем утре.

Что-то продолжало беспокоить меня, но что именно? Как будто червячок сверлил дырку в сердце. Я прошла вдоль набережной к замку – так ни разу и не посмотрела на эту громаду вблизи. На запад выходила широкая смотровая площадка, с которой придворные дамы, должно быть, наблюдали закаты, а в тёплые летние вечера кружились в танце на балу. Все они носили платья, сшитые родителями Робина. Ну что вы, говорила одна разодетая в пух и прах дама другой, перья уже никто не носит! Сейчас надобно украшать декольте тончайшей радужной паутиной. А если на ней будет капелька крови охотника за сокровищами – так это вообще последний писк

моды! Нет, милочка, за каплю красной краски вас высмеют и для примера другим запрут в самой высокой башне!

Самая высокая башня находилась на востоке, с дальней от реки стороны. Ни одна башня из четырёх не имела ничего общего с соседками, кроме цвета. Рыжевато-бежевые, как и весь массив замка, они как будто были построены разными архитекторами в разное время. Может быть, замок не успели перенести целиком из разрушающегося мира? Робин рассказывал, что некоторые люди погибли, отказавшись покинуть родные дома.

Вот оно что. Я поймала червячка за хвост. Это был утренний обжигающий взгляд, что не давал мне покоя. Но что же ты хочешь от меня, господин колдун? Нас всех время от времени посещают тёмные мысли, разве не так? Даже на лицо Робина падает тень, когда он вспоминает своего учителя. Что же говорить обо мне, маленькой потерянной птичке, которую обманом забрали из дома?.. Но мы не идём на поводу у таких мыслей. Гоним прочь из головы, лишь иногда позволяя задержаться ровно на столько, чтобы приложить к себе, как платья в примерочной, и отбросить неподходящие.

Я взлохматила волосы руками. Что это с тобой, Екатерина? Сегодня ты слишком глубоко проваливаешься в пустые размышления. О чём насущном стоит подумать – так это о том, что и правда неплохо бы раздобыть летнее платье или юбку, а лучше модные шаровары. Мой гардероб рассчитан на весну, а в жару бегать по поручениям в джинсах оказалось

не совсем удобно. Я уже отмела наивную надежду вернуться домой в ближайшее время. Кроме того, чтобы накопить денег, нужно ещё отыскать колдуна, который согласится мне помочь. Можно будет спросить господина Туана под предлогом того, что это зачем-то потребовалось Джею. А ещё нужно испробовать в деле тётушкину магию – вдруг с её помощью я как-то смогу снова увидеть искорки магии? Было бы удобно.

Комариный звон не звал домой, а инструкций, что делать после выполнения поручения, мне не выдали. Значит, у меня оставалось свободное время. В лавке господина Руты жалась к стенам двое посетителей, третий не поместился в узкое пространство, предназначенное больше для книг, чем для людей, и маялся снаружи. Я только сунулась в дверь, как он взволнованно прокричал: «Тут очередь!», как будто я покушалась на последний кусок хлеба. Я пожала плечами и отошла. Из окна второго этажа, увитого пышным пурпурным клематисом, теснившим девичий виноград, высунулась любопытная Элла. Заметив меня, она замахала рукой, приглашая в гости.

С чувством превосходства я кивнула взволнованному мужчине, прошла в дом и по узкой лесенке, скрывавшейся за дверью между книжных полок, поднялась на второй этаж. Элла хлопотала на кухне. Сразу три кастрюльки в горошек пытели и ворчали на плите, а женщина вторила им.

– Ну и жара, скажи? После всех этих холодов и ветра! А

я прохладу люблю. Сейчас достану лимонад, он у меня в холодильнике.

Даже в маленькой кухоньке повсюду лежали книги. Обрамлённое полками окно занимало всю стену. Ветер лениво шевелил занавески с рисунком из лимонных долек. Элла вручила мне кувшин и стаканы и отправила дальше по коридору в гостиную. Сама она прибежала через пару минут со стеклянной банкой, наполненной круглыми шоколадными печеньями. Женщина с облегчением рухнула в кресло, схватила со столика газету и принялась обмахиваться ею. Я присела на диван и тут же провалилась в его мягкое подушечное тело. Стало ещё жарче, но я молчала. Я уже жалела, что зашла, время оказалось явно не подходящее.

Элла ворчала на погоду – поди ж ты, зима была длинная, холодная, весна – не пойми что, с ветрами, ливнями, и вдруг жара. Я только поддакивала, сжимая ледяной стакан и изредка делая маленькие глотки. Мёд едва спасал кислый лимонад с незнакомым травяным оттенком.

– А тебе не жарко в этих... штанах?

– Это джинсы. Вообще-то жарко, – призналась я. – Но у меня ничего другого нет. А где тут покупают одежду?

Элла всплеснула руками и пружиной вскочила с кресла. Сколько же энергии сконцентрировано в одной невысокой полной даме!

– Что ж ты не сказала! Лимонад допила? Печенюшку съела? Пойдём, пойдём!

Она буквально выбежала в коридор, а я поспешила за ней. Неудивительно, что ей жарко! За одной из дверей пряталась небольшая спальня, гораздо меньше той, что я занимала в доме колдуна. Её тоже использовали как склад для книг, которые косыми стопками высились на кровати, занимали стол и оставляли на полу лишь узкий проход к шкафу.

Пока Элла извлекала оттуда ворох одежды, которую никто не удосужился аккуратно сложить, я наугад вытащила книгу. Между страниц обнаружилась закладка – узкая плотная полоска бумаги с акварельным рисунком, изображавшим девушку с книгой.

– Это дочки нашей, Роны. Одежда тоже её. Не сказать, что вещи модные, да и размер не твой, но пару юбок мы тебе сейчас подберём.

– А она не будет против? – смущённо спросила я.

– Да ну что ты! Она уже давно от нас съехала, приезжает пару раз в год навестить, – донёлся голос Эллы, закопавшейся где-то в недрах шкафа. – Вот, примерь-ка!

Юбка глубокого тёмно-фиолетового цвета едва закрывала колени, а женщины на улицах носили платья в пол, но я никогда и не была модницей. Юбка оказалась широковата, зато на тонком пояске, так что я с благодарностью приняла её. Экстравагантную чёрную в белый горох я с ужасом отвергла. Нашлось ещё простое холщовое платье, тоже широкое, но я взяла и его.

– А Рона... Кстати, её мы называли тоже в честь реки, толь-

ко большой, не в пример Элле. Исток её в тех же горах, но севернее, она пересекает равнину и впадает в Острое море. Так вот Рона, в смысле, наша дочь, а не река, уехала учиться в Ики-Рон, это посреди Великой равнины. Не по нраву ей столица! Места мало, говорит, всё зажато холмами. Хотя рисовать ей тут нравилось. Вот, смотри!

Элла извлекла из шкафа пухлую, перевязанную лентой папку. Знакомые мне улочки в разные времена года, замок на восходе и на закате, корабли, плывущие по Чернильной реке... А вот и разноцветные навесы Старого рынка. Я перевернула лист, испещрённый ярко-красными кляксами и чёрными линиями, непонятно как затесавшийся среди воздушных акварелей, но тут же вернулась к нему. Нет, не бесформенные пятна покрывали бумагу. Это алые бабочки взвились в воздух, оторвавшись от белых стволов.

– У Роны нет способностей к магии, – сказала Элла, – но иногда ей снятся сны о других мирах. Алых бабочек уже семьдесят лет никто не видел!

– Я видела, – сказала я, не в силах оторвать взгляд от рисунка.

– Пока сюда добиралась? Ну, уши-то ты закрыла, раз мы сейчас с тобой разговариваем.

– А что будет, если не закрыть?

– Наобещают всякого, новую жизнь, лучше прежней, без страхов и сомнений. Только в обмен поделись телом, дай бабочке почувствовать себя живой.

– Разве это плохо, жизнь без сомнений?

– Так-то оно так, но жить этой жизнью уже не ты будешь.

Человек соглашается, и первое время всё ему нипочём – горы перейти, море переплыть, первой красавице в любви признаться... А потом чувствует, что теряет контроль. Кто-то долго сопротивляется, а кто-то на глазах тает, да только финал один. Человек исчезает, а его телом завладевает бессердечное примитивное существо.

Я убрала рисунок в папку. Рассматривать акварели больше не хотелось.

– Семьдесят лет назад какие-то неучи втайне от Совета проводили эксперимент, вот бабочки и разлетелись по окрестным мирам. Поговаривают, что не всех тогда переловили, не всех заражённых нашли. Так и продолжили они жить среди людей, а теперь живут их дети и внуки.

По пути домой я обнимала свои обновки и вдыхала запах сушёной лаванды и шоколадного печенья, пакетик с которым Элла заботливо сунула мне на выходе.

Из трубы валил дым, в почтовом ящике торчал конверт, который я вытащила и бросила на столик в прихожей. На первый взгляд, там было чисто, всматриваться я не стала. Воспоминания превратились в дымку ночного кошмара, которая растаяла при дневном свете. В своей комнате я решила проверить, на что может сгодиться моя собственная зеркальная магия. «В чём суть зеркала, Екатерина?» – спроси-

ла я себя, копируя учительский тон Робина. В отражении. Что, если можно увидеть если не сами серебряные искорки, то хотя бы их отражение?

Я представила, что на полу лежит зеркало, в котором отражается круглая лампа, и махнула запиской. Зажёгся свет, но на полу ничего необычного не произошло. Я пробовала снова и снова, пока мне не показалось, что что-то блеснуло. В возбуждении я чуть не захлопала в ладоши, но тут же оборвала себя. Вдруг показалось? В ванной комнате я мысленно поставила зеркало за краном так, чтобы можно было и смотреть на текущую воду, и представить себе её отражение. На секунду мне привиделась пара искорок, но это мог быть просто отсвет лампы в каплях воды. Спустя полчаса бесплотных попыток было уже трудно оценить, не придумала ли я всё это? Нет, не может быть. Я ощущала едва уловимую разницу между фантазией и магией. Вот бы найти того, кто научит со всем этим обращаться!

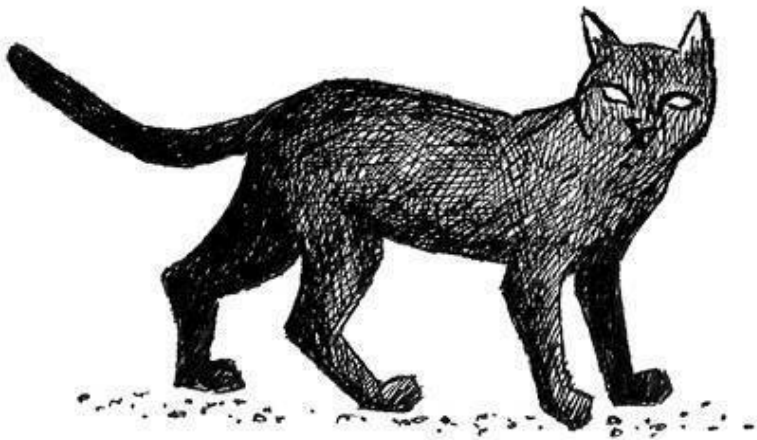
Порядком раздражённая, я пошла на кухню, решив не дожидаться, когда колдун засунет мне в голову образ чашки с кофе. Что-то происходило со связью. Я просто знала, что он уже хочет кофе, но ещё не зовёт меня. Я кашляю от его ран, он улавливает мои секундные порывы... Безумие! Придётся контролировать каждую мысль! Должен быть способ от этого отгородиться ещё до того, как я попаду домой.

Я приготовила кофе на двоих, потому что не была уверена, остался Робин или нет, и сразу понесла чашки в библиотеку.

теку. Сейчас колдун удивится, начнёт расспрашивать, почему это я несу кофе, хотя он не звал... Всё равно. Если сейчас в мою гудящую голову проникнет хоть одна чужая мысль, я взорвусь от раздражения. Своего или чужого – не важно.

Робин с Джейм сидели у камина и спорили над открытой книгой. В библиотеке стоял отвратительный запах, в камине догорали окровавленные тряпки и одежда. Я спешно приблизилась и поставила кофе на столик. Робин, не отрываясь от книги, с задержкой произнёс «Спасибо», а Джей вообще не обратил внимания. Я, слегка обиженная, протянула колдуну конверт из почтового ящика и список Туана. Последний спустя пять секунд отправился в камин. В ответ Джей выдал мне стопку писем, и я, нарядившись в новую старую юбку, футболку с Микки Маусом и кроссовки, отправилась в город ловить изумлённые взгляды горожан. Первым делом нужно было порадовать себя чашечкой чая с видом на Чернильную реку и, наконец, поесть.

Глава 16. Кондитер

Наутро снова пришлось набить корзинку с продуктами под завязку. Я сердито думала, что колдуна бросает из крайности в крайность. Сначала он вообще ничего не ел, а теперь в его желудке образовалась небольшая чёрная дыра, в которой исчезало всё, что он находил на кухне. Даже перестал жаловаться на качество моих кулинарных экспериментов. Я уже припрятала в рюкзаке остатки вчерашних шоколадных печений и подумывала создать запас на случай, если на ме-

ня перестанет хватать продуктов. По крайней мере, колдун больше не выглядел как запылившийся уставший молодой человек лет двадцати пяти. То, что замедлилось в зеркале, как будто решило за несколько месяцев наверстать упущенное. Я поймала себя на мысли, что раньше относилась к нему несерьёзно, как к зарвавшемуся мальчишке, только лишь из-за внешности. А ведь он почти в два раза старше меня!

Отмыв львиную шкуру от ежедневного налёта грязи и мха, я сбегала в книжный салон господина Туана и вернулась с письмом. Прочитав его, Джей вручил мне плоский квадратный конверт размером в две ладони. Он объяснил, где живёт Кондитер, а затем, кинув на меня скептический взгляд, начертил карту на бумаге. И зачем это мне? Разве я хоть раз заблудилась за то время, что разношу его письма? Конечно, вслух я ничего не сказала.

– К дому не подходи. Здесь, – он поставил крестик на карте, – на пригорке растёт дерево. Стой под ним. Кондитер сам подойдёт, так что просто жди. Это очень важно, понятно?

Я кивнула. Чего же непонятного, для него всё важно.

Спустя пару часов мне пришлось поменять мнение о своих способностях к ориентации в пространстве. Дом Кондитера располагался не в черте города, а за холмом, на природе. Как и объяснил Джей, я прошла по старому мосту и свернула налево. Нарядная набережная уступила место узкой дорожке, которая петляла, следуя течению Чернильной реки. Тёмная, глубокая вода сегодня плескалась пенными волна-

ми, играя с ветром. Я застегнула ветровку. Интересно, ворчит ли снова Элла на резкую смену погоды, или рада, что вчерашнюю жару разогнал холодный ветер с гор?

Тюрьма осталась позади, замок скрылся за холмом. Дорога провела меня от реки между приземистых домиков, увитых диким виноградом и плющом, и побежала вверх на холм. Согласно инструкции следовало обогнуть его и устроиться под деревом с видом на одиноко стоящий посреди фруктового сада особняк. На деле же тропинка извивалась, резко поворачивала в обратную сторону, а иногда и вовсе разветвлялась на две без каких-либо указателей. Я уже не была уверена, что не хожу по одним и тем же дорожкам, ни на метр не приближаясь к цели. Пахло свежей зеленью, ветер шевелил ветви ежевики, срывая редкие бело-розовые лепестки. На очередном разветвлении я встала. Это совершенно невозможно! Вправо и влево шли дорожки с одинаковым плавным подъёмом вверх. Я выбрала левую, более широкую, но вскоре она резко устремилась вниз, чтобы слиться с той дорогой, по которой я поднималась от реки.

Спина отчаянно ныла, в висках пульсировала боль, а мышцы сводило от каждого шага. Моё тело, державшееся из последних сил в ожидании момента, когда можно будет расслабиться, поняло, что этот момент так и не наступит, и решило взять решение этого вопроса под свой контроль. Ну всё! Этот их Кондитер ждал так долго, подождёт ещё денёк, а я вернусь в город, выпью горячего чая с пирогом, а потом

дома попрошу колдуна нарисовать мне нормальную карту, а не эти его кружочки с крестиками.

На обратном пути червячок сомнения вгрызлся в мозг, но зарядившая морось укрепила меня в решении вернуться. Местные пекарни ещё не придумали продавать напитки на вынос, поэтому пришлось, обжигаясь, влить в себя сладкий имбирный чай. Я спешила домой, на ходу отламывая кусочек за кусочком от картофельного пирога с тмином. Первым делом – горячий душ! А потом завернуться в свитер, сварить себе кофе и упасть в кровать, игнорируя комариный звон, который непременно постарается вытащить меня из комнаты. Я гнала от себя мысли о том, что я вернусь с невыполненным заданием, чем колдун будет крайне недоволен. Но это же в первый раз! По коже побежали мурашки, то ли от пронизывающего мокрого ветра, бьющего в лицо дождевой пылью, то ли от воспоминаний об обжигающе-холодном взгляде. Нет, сегодня я слишком устала, чтобы бояться!

Джей стоял на входе, сложив руки на груди. Губы его были сжаты, а выражение лица не предвещало ничего хорошего. Я замедлила шаг и остановилась, не доходя до порога. В тот же миг я пожалела, что вернулась.

– Где книга? – голос колдуна звенел от едва сдерживаемой злости.

– Я заблудилась. Схожу завтра!

Вышло агрессивно, и я тут же испугалась. Екатерина, определись – ты хочешь или не хочешь выводить его из себя?

– Там холодно, – промямлила я в ответ на его молчание.

– Без книги я тебя в дом не пущу, – отрезал Джей и захлопнул дверь.

Я потянулась к ручке, но дом стал оттеснять меня. Невидимый раздувающийся пузырь сначала согнал меня со ступеней, а потом продолжил отталкивать, пока я не оказалась за калиткой. Сидящий лев скалился и равнодушно смотрел мимо меня своими мраморными глазами.

– Конечно, – обиженно сказала я статуе, – что бы он ни сделал, ты будешь на его стороне.

Я потащила обратно. Дождь прекратился, но холмы заволок молочный туман, сливающийся с хмурым небом. Я жалела, что утром не надела балетки. Я уже несколько раз неаккуратно наступила в лужи, и кроссовки намокли.

У подножия холма я остановилась, пытаюсь прикинуть, как должна идти дорога, чтобы вывести меня на другую сторону. На дереве надрывалась чёрная птичка с жёлтым клювом, ей вторили другие птичьи голоса. Меня осенило. Ведь у меня есть в этом мире свой собственный, работающий кусочек магии, спасибо интеллигентному старичку из автобуса! Пришлось снять ветровку, и я поёжилась, закатывая рукав футболки.

– Звёздочка, – тихо сказала я своей сай, неподвижно сидящей на колоске, – мне нужно найти дом Кондитера. Покажи мне дорогу.

По татуировке прошла едва заметная рябь, а в голове

включился компас. Для проверки я сделала несколько шагов назад, к домикам, но чувство направления потянуло меня в обратную сторону. Я облегчённо рассмеялась, а потом сразу же расстроилась. Екатерина, ты сегодня побиваешь рекорды собственной тупости! Как можно было не додуматься до этого раньше!

Дерево зелёной ровной свечой торчало на пологом спуске с холма. Под ним стояла аккуратная белая лавочка. Покрытые островками деревьев и пересечённые тропинкой, неровные волны рельефа упирались в ряды яблонь. Посреди сада высилась белая башенка с флажком-флюгером, венчающая особняк – это и был дом Кондитера. Я смахнула со скамейки капли дождя и села, прижав колени к груди. Компас тянул меня дальше, но я сказала «спасибо», и он исчез.

Вдали за башенкой разлился белый туман, в котором едва различимо плыла верхушка следующего холма. Я опустила голову на колени и незаметно провалилась в полудрёму.

– ...птичья песня выведет.

Голос вырвал меня из сна, я подскочила и непонимающе потрясла головой. Тучи разбежались, через низкие облака проглядывали куски синего неба и подмигивали лучи солнца.

Надо мной возвышался мужчина, обладатель внушительного пуза, перехваченного сиреневой атласной лентой. Как будто чтобы подчеркнуть свою комплекцию, из всех возмож-

ных фасонов он выбрал широкую рубашку белого цвета, задиравшуюся на животе и едва прикрывавшую бёдра, и узкие бордовые штаны, делавшие его ноги похожими на колбаски. Светлые кудри, искусно завитые, обрамляли одутловатое лицо с непропорционально длинным острым носом.

– Кто во сне заблудился, того птичья песня выведет, – терпеливо повторил толстяк. – Не знаете такую поговорку?

Я помотала головой. Он вперил в меня взгляд своих ярко-голубых, слегка навывкате, глаз.

– Может вы, милочка, не местная? Вы меня понимаете? – внезапно заорал он.

– Всё я понимаю, просто задремала, – немного раздражённо ответила я, и тут же тётушкин голос в голове запричитал: как можно так разговаривать со старшими, и вообще, разве так ведут светскую беседу! Но мужчина, всецело поглощённый собой, не заметил нарушения этикета.

– Это поговорка о том, что надо пореже витать в облаках.

Прозвучало обидно. Толстяк выжидающе смотрел на меня, наклонив голову так, что щека легла на покатое плечо. Я неохотно выдала версию, приближенную к правде:

– Я хотела прийти раньше, но заблудилась по пути. Пришлось возвращаться, чтобы спросить дорогу. Поэтому я устала и, как только села, сразу задремала.

– О-хо-хо, милочка, заблудились? Да ещё потом задремали? – толстяк с деланной жалостью покачал головой, а потом вдруг взвизгнул: – Да вас за это надо наказать!

Он откинул голову и залился булькающим гортанным смехом. Я не разделяла его веселья. По правде говоря, мне больше всего хотелось ударить его чем-нибудь тяжёлым, чтобы он заткнулся. Но инстинкт самосохранения, отрабатывая сегодняшний провал с колдуном, заставлял меня играть в вежливость.

– Задремала! У-ху-ху, о-хо-хо! – продолжал булькать Кондитер. – Наказать! Со всей строгостью.

Я выдавила из себя подобие улыбки.

– Вы не обижайтесь, голубушка, это я так шучу! Моя жена утверждает, что, несмотря на свой возраст, я всё ещё мальчишка в душе, большой мальчишка! – он шаловливо подмигнул, как бы говоря: «Ну вот, теперь мы сообщники!»

– Моя мама говорит, что все мужчины в душе мальчишки, – неуверенно пробормотала я, не зная, как вести эту светскую беседу.

Честно говоря, утверждение было сомнительным. Посмотреть хотя бы на Джея или на господина Туана, не говоря уже про старого учителя Тина. На мальчишку из моих новых знакомых тянет если только Рута.

Толстяк зашёлся новым приступом булькающего смеха и сообщил, что я испытываю его терпение и что за это меня тоже нужно наказать.

Я никак не могла взять в толк, что именно его смешит, однако не сомневалась, что если я проторчу тут ещё лишних десять минут, то по возвращении колдун и правда придумает

мне какое-нибудь наказание.

– Я здесь по поручению...

– Знаю, знаю, – отмахнулся толстяк. – Показывай.

Он вдруг стал по-деловому серьёзным. Я вынула из внутреннего кармана ветровки конверт, который чудом не помялся и не промок. Хотя почему же чудом, скорее всего, магией. Толстяк провёл по бумаге рукой, что-то прошептал, и конверт развернулся в коробочку. Ну вот, даже такой премерзкий тип может колдовать, а я, птица-неудачница, стою тут и не вижу ни единой серебряной искорки!

Толстяк тем временем вытащил из коробочки паутинное кружево. Он потёр его между руками, подставил кстати выглянувшему солнцу, снова потёр. Кружево раскинуло брызги радужных солнечных зайчиков на лицо мужчины, и оно преобразилось, словно засветилось изнутри, так, что нельзя было отвести глаз. Впрочем, эффект пропал в ту же минуту, как только Кондитер убрал паутинку обратно в коробочку.

– Хороший товар, – удовлетворённо пробормотал он.

Кондитер пытался сложить коробочку обратно в плоский конверт, но у него не выходило – то один угол сожмётся, то другой, а вместе – никак. Мужчина прокашлялся и сделал вид, что всё идёт, как он и задумывал. Затем он выудил из заднего кармана своих сосисочных брюк небольшую книжку, несколько раз обмотанную тонкой верёвкой. Я взяла книжку и с трудом подавила дрожь отвращения. Тёмная болотно-зелёная обложка была тёплой от соседства с задни-

цей толстяка. Наверное, что-то отразилось на моём лице, поэтому большой мальчишка в душе решил в последний раз перед прощанием пошутить:

– Я, милочка, обязательно передам вашему господину, что курьер из вас не очень, чтобы он поучил вас уму-разуму. До следующих встреч, голубушка!

Он снова захохотал и, довольный собой, направился к дому.

– Всего хорошего, – проскрежетала я сквозь зубы. Какая я тебе голубушка, жирдяй.

Я запоздало сообразила, что нужно было поставить воображаемое зеркало. Может, Кондитер не стал бы тогда донимать меня дурацкими шутками. Но ведь ещё не поздно, Екатерина! Давай-ка ты притворишься, что твоя магия с зеркалами и правда работает. Не отблесками искр от записок для воды и света, а по-настоящему. И пускай это будет не бытовая магия, захватившая этот мир, а та, древняя, о которой пишут книги и снимают фильмы. Которая перед рассветом заволакивает комнату мягким зелёным светом и открывает путь в другие миры. Которая оставляет метки на коже и оживляет статуи.

Первым зеркалом я защищаю себя. Оно делает мою магию невидимой для других. Толстяк шёл к яблоневому саду медленно, тяжело дыша, и едва одолел половину пути. Второе зеркало я кладу под углом на землю сбоку от тропинки. В нём отражается поваленное ветром деревце, лежащее у края

сада. Затем это отражение переходит в третье зеркало, которое я мысленно ставлю на пути у Кондитера под небольшим наклоном. Оно отражает образ деревца прямо ему под ноги. Очень похоже на школьные уроки физики про преломление света.

Толстяк дошёл до воображаемого препятствия и споткнулся на ровном месте, чуть не выронив коробочку. Он смешно взмахнул руками, чтобы не упасть, и ускорил шаг, не оборачиваясь на свидетельницу его неловкости.

Я едва сдерживала смех, а тётушкин голос с осуждением произнёс: «Екатерина, как можно!» Видимо, всё-таки как-то можно, тётушка! Чувствуя себя настоящей колдуньей, я провела рукой и стёрла зеркала.

По пути домой я упивалась успехом. А ведь в школе я любила физику и геометрию! В последний школьный год, когда тётушка уже покинула этот мир и воссоединилась с духом какого-то из своих бывших мужей, тем самым освободив меня от уроков этикета и сервировки стола для её посиделок с подругами, папа решил, что меня надо готовить к поступлению.

Он считал, что мне нужно изучать точные науки, потому что в технических институтах больше мальчиков. Папа всегда знал мою главную слабость. Нет, не мальчики. Лень. Хотя я предпочитала называть это тягой к комфортному существованию. Ведь это одно из обязательных условий для того, чтобы девочка выросла в настоящую леди. Папа рассчиты-

вал, что я быстренько найду жениха и слезу с родительской шеи. Я считала его жалобы преувеличением, потому что мне много не надо было – диван, компьютер и пицца с колой.

Сам папа преподавал физику и стал моим репетитором. Так как его воспитывала тётюшка – его сводная сестра, то и методы преподавания он перенял у неё. Я ни за что бы не променяла решение задач из учебника на уроки фортепьяно, но в то же время очень сочувствовала папиным студентам и с содроганием представляла себя на его лекциях. Проявив несвойственную мне настойчивость, я отвоевала право на ненапрягающую учёбу и поступила в безызвестный лингвистический институт недалеко от дома. Папа был расстроен – ни женихов, ни карьеры, ни дисциплины.

– Тебя даже в магазин не возьмут! – кричал он. – В официантки не пустят!

Тётюшка и из него пыталась вырастить аристократа, но прижилась только лёгкая истеричность, как во мне прижилась тяга к диванному существованию.

– На что ты собираешься жить? – вторила ему мама.

Обычно я переживала эти бури, стараясь реже попадаться родителям на глаза, но однажды наши периоды активности совпали, и перед первым курсом я два месяца проработала в магазине бижутерии.

А на первой неделе в институте я познакомилась с Алиной, которую как раз очень занимал вопрос жилья. Сообразив, что это мой шанс, я предложила вместе снимать кварти-

ру. Квартиру моей бабушки. Алине я сказала, что она принадлежит моим дальним родственникам, поэтому они сдадут её недорого. Алина считала, что я продолжаю работать в магазине. Версией же для родителей было, что я стала репетитором, поэтому смогу оплачивать квартиру пополам с однокурсницей. Родителей мой фиктивный план устроил. Они решили, что самостоятельная жизнь и соседство с Алиной поможет мне выбраться из вялого существования, которое заключалось в перетекании из дома на сонные лекции и обратно домой за компьютер.

Зачем я придумывала такие многослойные конструкции? Когда начинаешь врать, трудно остановиться. Если честно, мне просто это нравилось. Говорить одно, другое, перемешивать с правдой, искать лазейки, чтобы никто не нашёл несоответствий. Слишком много детективов было прочитано в детстве. Но связь с колдуном лишила меня этой маленькой радости.

Погрузившись в воспоминания, я не заметила, как добралась до старого центра. Ноги гудели от рекордного числа преодоленных за сегодня подъёмов и спусков и на пару с ноющей спиной призывали посидеть хотя бы четверть часа. Тем более, облака разбежались, ветер давно утих, а солнце грело, хоть и начало уже потихоньку опускаться к горизонту. Стоило мне отойти подальше от дома, как я тут же забывала чувство страха, которое вызывал во мне колдун. Да и что он сделает, размышляла я, подыскивая лавочку в районе Эллы.

Ну разозлится, ну посмотрит на меня... Ведь до сих пор он ничего не делал, только сверлил взглядом. Кондитер сказал, что нажалуется, но я была уверена, что колдун не станет меня наказывать. Я сделала всё, что он сказал, пускай и не с первого раза. К тому же, мне казалось, что мы негласно находимся в рамках отношений моего мира, а не этого, с неоплачиваемой работой без выходных и рабскими клятвами.

А раз так, значит, я заслужила ещё кусок пирога! Дома, наверное, еды не осталось. Колдун сжигает все калории своим раздражением. Устроившись на лавочке, окружённой кустами акации, я чувствовала себя настоящим бунтарём. По противоположному берегу Эллы пробежала чёрная кошка разбойничьего вида, спустилась к воде и из-за зарослей осочки сосредоточенно провожала птиц взглядом. Вскоре ей надоело, и она побежала дальше по своим кошачьим делам. Покончив с обедом, я наблюдала за парами уток, курсирующих туда-сюда.

Горожане прогуливались, радуясь, что холодный промозглый день сменился тёплым вечером. Вставать не хотелось, и страшно было возвращаться в дом к колдуну. Меня снова начал сверлить противный червячок. Я достала из внутреннего кармана книжку. Болотно-зелёная кожаная обложка потемнела от старости, а по углам протёрлась. Края страниц были потрёпанными, жёлтыми. Я аккуратно развязала верёвки и раскрыла книгу на первой странице. Это был, очевидно, дневник. Рукописный текст на непонятном мне язы-

ке шёл блоками. Перед каждым новым блоком стояли короткой строкой местные цифры – их я уже научилась различать на банкнотах. К концу почерк становился всё более дёрганным, строки плясали, иногда целую страницу занимало всего несколько размашистых букв. Последние страницы оказались пустыми. Я пролистнула дневник ещё раз и стала разглядывать неаккуратный рисунок в несколько линий, похожий на куриную лапу, зажавшую чёрный камень.

– Я бы на вашем месте это спрятал, – раздался рядом мягкий голос, и я подскочила от неожиданности, выронив дневник из рук.

Мужчина лет сорока, в узких тёмных брюках и серой рубашке, поднял книгу, протянул мне и сел рядом. Я отряхнула обложку и сунула томик обратно во внутренний карман ветровки.

– Этот дневник, – продолжил тем временем мужчина, глядя на уток и вроде бы даже не обращая ко мне, – запрещён Советом. Удивительно, что сохранилась копия – ведь это вещь из старого мира. Не представляю, сколько она может стоить.

Ну вот, сейчас станет расспрашивать, сколько я заплатила за эту бесценную находку и может ли он её перекупить. Но мужчина молчал и даже как будто забыл про меня. Он с лёгкой улыбкой наблюдал за утками, а я украдкой разглядывала его. Он был стройным, среднего роста. Пепельные волосы, немного светлее моих, были зачесаны назад, а на лбу

уже появились залысины, что, впрочем, не портило приятного впечатления от его внешности. Он мог быть учителем старшей школы, вдохновенно рассказывающим ученикам о британской поэзии.

Я собралась было встать и уйти, как из кустов акации вынырнула чёрная кошка, подошла к мужчине и потёрлась о его ноги. Тот провёл рукой по её блестящей шерсти:

– Что, скучно за птицами следить? Иди-ка домой.

Кошка едва слышно мяукнула и убежала.

– Так это ваша кошка! – удивилась я. – Я думала, она ничейная.

– Вроде и моя, но она всё время проводит на улицах в наблюдении за птицами. Нет-нет, она их не ловит, только смотрит. Может быть, была уткой в прошлой жизни, – он так очаровательно улыбнулся, что мне захотелось остаться на этой лавочке до заката.

– Я Сет, – он протянул мне руку.

– Рина.

Его кожа была горячей и сухой, а рукопожатие коротким и сильным, совсем не подходящим учителю литературы.

– Рад знакомству, Рина. Но... мне показалось, что тебе нужно идти.

– Это почему вы так решили? – сразу помрачнела я.

– Давай сразу перейдём на «ты», – снова улыбнулся Сет. – Я не хочу вводить тебя в заблуждение, Рина. Я знаю, на кого ты работаешь. Всё колдовское сообщество знает.

Я пожала плечами – ничего удивительного. Ведь последнее время я только и занимаюсь тем, что разношу письма.

– И нам, колдовскому сообществу, очень любопытно, – продолжал Сет. – Я увидел тебя с книгой и решил подойти. Однако эту книгу ты купила явно не для себя, значит, господин ан-Тарин ждёт, и тебе лучше не задерживаться.

Он, конечно, был прав.

– А ты тоже колдун? – поинтересовалась я на прощание.

– Да, – утвердительно кивнул Сет, – и мы обязательно ещё побеседуем.

А он может быть мне полезен, размышляла я по дороге домой. Если он не умеет перемещаться через миры, то уж точно знает кого-то, кто умеет! Я отложила эту мысль для обдумывания и ускорила шаг. На дорожке в саду, недалеко от входа, трепетали на ветру мелкие пёрышки. Под лучами низкого солнца тени от них были длинными и острыми. Я обернулась на львов. Нет, не может быть. Ведь они охотятся только в тени мира, ведь так?.. Наверное, сюда забрался уличный или соседский кот.

Джей сидел на кухне, обхватив голову руками. Я нерешительно приблизилась, вытащила дневник из кармана и положила перед ним на стол. Колдун поднял голову и оглядел меня с ног до головы, как будто раздумывая, не вышвырнуть ли меня прямо сейчас из дома.

– Сходи за едой.

Я собралась ответить, что поздно и уже не найти откры-

тый магазин, но он сорвался на крик:

– Где угодно! Быстро!

Я схватила из шкатулки сумку-кошелёк с вышитой розой и выбежала из дома. Пёрышки на дорожке взметнулись от поднятого ветра. Я не заметила, как добежала до мостовой. Сердце билось так часто, что тяжело было дышать. Конечно, все пекарни уже закрылись. Солнце освещало улицу красно-золотым светом. Я бросилась к старому мосту и перед самой рекой свернула на одну из улочек, откуда раздавались голоса, смех и звон бокалов и столовых приборов. Я пронеслась через открытую веранду со столиками, на каждом из которых стояло по свечке, и в самом ресторане уткнулась в длинного веснушчатого мальчишку с рыжевато-золотыми волосами, облачённого в строгий чёрный наряд. Зал был заполнен, тут и там сновали официантки в чёрных шароварах и белых узких кофточках.

– Добрый вечер, госпожа, – с фальшивой улыбкой обратился ко мне мальчишка, тут же намётанным взглядом оценив платёжеспособность.

– Мне нужна еда! – выпалила я.

– Позвольте поинтересоваться, заказывали ли вы столик?

– Нет, – раздражённо ответила я, высматривая дверь на кухню. Я почему-то решила, что там мне точно сразу выдадут всё, что нужно. – Мне просто нужно купить еду!

На меня оглянулись несколько человек.

– Я вынужден попросить вас покинуть наше заведение, –

заявил мальчишка и профессионально оттеснил меня к выходу.

Я в отчаянии повертела головой – улицы были пусты, редкие прохожие любовались закатом. До центра минут пятнадцать, да ещё там побегать в поисках открытой таверны или ресторана, потом обратно... У меня нет столько времени, колдун меня саму сожрёт, если я вернусь через час! Я выдохнула и вернулась к рыжему мальчишке. Тот был совсем не рад, как, впрочем, и я.

– Послушай... те, – сурово сказала я, – у меня там голодный и злой колдун, которому нужен ужин.

– Пускай же голодный и злой колдун, – язвительно ответил мальчишка, теряя терпение, – в следующий раз закажет столик и не будет понапрасну злиться.

– Я заплачу, – громко настаивала я.

Посетители оборачивались, кто с любопытством, а кто недовольно бурча. Из двери, ведущей на кухню, высунулся высокий мужчина с рыже-золотыми волосами, как у мальчишки, но раза в три крупнее его, также одетый в чёрное.

Он подошёл, молча взял меня за плечо и потащил к выходу, улыбаясь гостям и одновременно шипя сквозь зубы:

– Я прошу вас удалиться и больше сюда не заходить, господа.

– Если вам хочется, чтобы сюда лично заявился разъярённый господин ан-Тарин, то продолжайте меня тащить, как мешок с картошкой, – громко прошипела я в ответ.

Мужчина резко остановился, совершенно по-другому, как почётную гостью, перехватил меня под локоть и с улыбкой, от которой рисковали лопнуть его щёки, жизнерадостно произнёс:

– Ах, как неловко вышло! – и потащил меня мимо мальчишки к кухне. – Лиф! Вечно ты не разберёшься, а мне отдуваться.

– Да, папа! То есть, господин Лиф-старший!

– Мы извиняемся, госпожа!

– Извиняемся, – прокричал вслед мальчишка, покрываясь малиновыми пятнами.

На кухне стояла жара, несколько поваров метались от кастрюлек к сковородкам, от холодильников к разделочным доскам, забегали и выбегали официантки с подносами.

– Если вы подождёте, госпожа, то мы приготовим господину колдуну незабываемый ужин.

– Некогда ждать! – прокричала я, перекрывая шум кухни. – Что у вас есть готовое?

– Ну что ж... – смутился Лиф-старший, – раз это настолько срочно, то придётся некоторым посетителям подождать.

Он перехватил у одной из официанток поднос, который та несла в зал, и составил с него тарелки на стол, а потом помахал повару.

– Без мяса, – вспомнила я. От жары кружилась голова.

– Естественно! – кивнул рыжий мужчина, сваливая в горшочки салаты, початки кукурузы, жареный картофель с гри-

бами и луком.

– Ещё, ещё, – недовольно махала я рукой.

На лице Лифа-старшего отразилось удивление. Наверное, он решил, что колдун позвал десяток гостей на поздний ужин. Я переминалась с ноги на ногу и вертелась в поисках настенных часов. Быстрее же! Когда все миски были погружены в ящик, я не глядя сунула владельцу заведения несколько банкнот:

– Я завтра доплачу, если мало!

Прижав ящик к груди, я выбежала на улицу, вслед мне Лиф-младший прокричал:

– Будем рады видеть вас вновь!

Я не поверила. Умудрившись ни разу не споткнуться, в темноте я добежала до дома и ворвалась на кухню, где уже горел свет. Колдун, склонившись над дневником, покусывал костяшки пальцев. Я вытащила горшочки из ящика и переложила ещё горячую еду в тарелки. Стол оказался уставлен так, как будто мы и правда ждали гостей.

– Свободна, – не отрываясь от дневника, произнёс Джей.

Я поспешила скрыться в комнате, радуясь, что так легко отделалась.

Глава 17. Яблоки

Я проснулась ещё до рассвета и не могла больше заснуть. Мне снился кошмар, но я забыла его, стоило открыть глаза. Осталась только тяжесть в груди и ощущение надвигающейся катастрофы. Я перевернулась в постели, закуталась в одеяло, но тело отказывалось пребывать в горизонтальном положении. Катенька, Катюша, уговаривала я себя давно забытыми детскими именами, ты же вчера набегалась, устала, от-

дохни. Ты же не знаешь, что сегодня придумает колдун и не припомнит ли, что ты вчера принесла дневник не с первого раза?

Сон не шёл, мысли прыгали, как бешеные белки. Я вспомнила, что когда-то читала про медитацию, но даже просто лежать спокойно не получалось. Как только я пыталась расслабить ноги, начинала чесаться рука, как только переключалась на руки, затекала шея. Пришлось вставать. Небо едва посветлело на востоке, сгоняя звёзды к противоположному краю. Перекрикивались, надолго замолкая, ночные птицы. Воздух был влажный, но уже тёплый. Природа решила смирлостивиться и готовила на сегодня летний денёк.

Стараясь не шуметь, я вымыла вчерашнюю гору посуды, протёрла пол на кухне и заодно в своей комнате. За окном приглашающе расползлась зелень тени мира, значит, колдун уже ушёл на свою ежедневную прогулку. Я высунулась в дверной проём, улыбнулась льву, который по-собачьи завилял хвостом, заметив меня. Выходить я не стала. Не хватало ещё столкнуться с Джемем. Я не представляла, чего ожидать от колдуна.

Рынок ещё не открылся, но я хотела пройтись по безлюдным улочкам, погулять по берегу реки и заодно отнести ящик с посудой господину Лифу. Тут я столкнулась с непредвиденным препятствием – за порогом была тень мира. Я закрыла дверь, сосредоточилась и представила сад в нормальном мире, снова открыла. Нет, всё тот же мох. Что

ж, пришло время для моей личной магии! Я поставила воображаемое зеркало так, чтобы тень мира смотрела в своё отражение. В этот раз мне показалось, что я вижу тонкий дымчато-серый контур. Я закрыла дверь, подождала несколько секунд и открыла её. Дорожка бежала через сад к калитке, львиные спины блестели от росы, а лёгкий ветерок играл с птичьими пёрышками, разнося их по траве. Я улыбнулась, и запоздало сообразила, что могла выйти через кухню.

Ящик с посудой я оставила у двери рестораника, сунув под один из горшочков ещё пару купюр. Ощущение надвигающейся катастрофы никак не хотело выветриваться. Гуляя по берегу Карне, я думала, о чём бы можно было поговорить Сетом. Надо разузнать, многие ли колдуны умеют ходить через миры и не занимается ли этим он сам. Тогда он спросит, зачем мне это знать и почему я не поговорю с Джейем. А я отвечу, что соскучилась по родителям, но колдун не отпускает меня домой... Я пнула подвернувшийся камушек и закусила губу. Так вот, Сет, я думаю, что если мне кто-то поможет на пару дней сбежать домой, то ничего страшного не случится. А обратно я как-нибудь сама вернусь, спасибо.

Нет, Екатерина, без практики ты совсем разучилась придумывать альтернативные версии действительности! В такое топорное враньё ни один идиот не поверит. Мне абсолютно не нравилась идея сообщить незнакомому дяде, что я случайно принесла клятву, а теперь хочу сбежать домой. Я подобрала несколько камушков и по очереди кинула их в во-

ду. Бульк, бульк, бульк. Внутри так же булькали и утопали мысли.

Я довольно долго гуляла у реки, а когда, наконец, решила заняться покупками, на рынке уже стало многолюдно. Я купила в два раза больше яиц, заполнила корзинку овощами, в основном картошкой, приткнула по краям пакеты с хлебом и булочками, а сверху водрузила два пирога. По пути я съела пару булочек-пицц, потому что была уверена, что содержимого этой корзины не хватит до вечера.

Дом был мрачен. Со стороны-то, конечно, он выглядел, как обычно, но стоило переступить порог, как внутри меня начал тлеть, дёргаясь и коптя, беспокойный огонёк. Я отмахнулась – это всё не моё! Это дурацкая связь не только не даёт мне жить своей жизнью, так ещё и навязывает чужие настроения. Едва успев разложить продукты по полкам, я почувствовала вызов.

Аромат липового цвета, проникавший из открытых окон библиотеки, перемешивался с запахом гари. В камине тлела тряпка. Колдун сидел в кресле, сцепив пальцы и положив локти на колени. Никаких писем или книг на продажу на столике не было. Я встала посреди комнаты.

Колдун расцепил пальцы и поднял на меня взгляд. Его губы растянулись в напряжённой улыбке, которая не предвещала ничего хорошего.

– Представляешь, – с неестественным дружелюбием заговорил колдун, – сегодня утром в коридоре я увидел пятныш-

ко крови у стены. Мы с Робинот пропустили.

Между словами Джей делал преувеличенно длинные паузы, как будто ему выдали роль в городском театре, и он впервые читал её наизусть. Слова срывались с его губ тяжёлыми камнями и одиноко падали в ватную тишину комнаты.

– В кладовке всё оказалось переставлено. И пока я искал тряпку, представь себе, вот это свалилось прямо на меня.

Он потянулся за кресло, вытащил мои кеды и поставил на стол. Звякнули монеты. Ощущение катастрофы накрыло меня вязким облаком, в котором нельзя было ни вдохнуть, ни выдохнуть. Джей молча наблюдал за мной, как недавно за своим учителем – будто поймал жучка в банку и смотрел, как тот беспомощно барахтается. Я отступила назад.

– Стоять, – мягко произнёс колдун.

Его тихий голос не мог обмануть. Через связь на меня обрушивались едва сдерживаемые волны ненависти. Колдун перевернул кеды. На стол полетели бумажки вперемешку с монетами. А ведь много, безучастно подумала я.

– Есть ещё?

Я не могла заставить себя произнести хоть слово.

– Неси.

На негнущихся ногах я спустилась по лестнице, дёрнула ручку входной двери – она не поддалась. Да и некуда бежать. Я вытащила рюкзак из-под кровати, трясущимися руками вынула из внутреннего кармашка деньги. Их было гораздо меньше, чем в кедах.

Перед лестницей я встала и никак не могла сделать шаг. Ноги отказывались шевелиться. «Допрыгалась», – пульсировало в голове. Колдун не торопил меня, не врывался в мою и без того гудящую голову комариным звоном. Не знаю, сколько я простояла так, пока не решилась подняться наверх. Без толку тянуть время, Екатерина.

Не глядя на колдуна, я высыпала остатки денег в кучку. Я отошла от столика и устремила взгляд через балкон на кроны деревьев, не видя их. Мною овладело безразличие. Я только и могла, что безучастно отмечать звуки, доносящиеся с улицы. Колдун, положив руку на подлокотник кресла, покусывал костяшки пальцев.

Да он же ещё не ел сегодня. Может, раздумывает, не позавтракать ли мной? От этого глупого предположения лоб покрылся испариной. Колдун молчал, как будто ждал чего-то.

Это что же, он ждёт, чтобы я извинилась? Я вдруг заразилась его злостью. Ну нет, тогда пускай первый извинится за то, что обманом затащил меня сюда! Да ведь он опять просто смотрит, смотрит и ничего не делает! Я сложила руки на груди. Да и что ты можешь, господин колдун? Ведь я сразу пожалуюсь Робину, а Робин меня защитит!

Колдун убрал руку ото рта и произнёс:

– Укради мне яблоко.

Я нахмурилась, соображая, в чём подвох.

– Иди на рынок и укради мне яблоко, – чётко, разделяя

слова паузами, повторил Джей.

Я опустила руки.

– Третий раз повторить?

Я развернулась и вышла из библиотеки.

Когда мне было лет шесть, я украла книжку из магазина. Это произошло летом, на море. Мама так долго выбирала себе роман в мягкой обложке, как будто от него зависела равномерность её загара. Я успела перелистать все комиксы, сбежать на улицу и поглядеть, как мальчишки играют в футбол, а мама всё перебирала книги в ярких обложках. Я болталась у входа. Прямо у дверей стоял стеллаж, и мне было страшно интересно, почему продавец не боится, что кто-то возьмёт с него книжку и уйдёт, не заплатив. С другой стороны, думала я, может быть, всё не так просто? Может быть, сработает сигнализация? Поэтому продавец так спокоен? Я решила проверить: взяла книгу и вышла. Какой же разразился скандал! Оказалось, что продавец был спокоен только внешне. Он затащил меня обратно, начал орать на маму и угрожать, что вызовет полицию, мама стала пунцовой и принялась орать в ответ, что полицию вызовет она. Я в это время громко рыдала.

В тот же день мне рассказали о том, как страшно и грустно бывает в специальных тюрьмах для маленьких девочек, которые воруют книжки из магазина. Я пыталась объяснить, что это был эксперимент, но какой взрослый поверит оправданиям ребёнка, лишённого мороженого до конца лета!

Первое время родители не спускали с меня глаз, но уже на следующий год забыли об этом происшествии. Поэтому я повторила эксперимент в другом магазинчике. На этот раз всё прошло удачно. Сложнее оказалось незаметно вернуть книгу на место. Затем я одолжила книгу уже на пару дней и вернула, когда дочитала. Разве кому-то от этого плохо? Ведь я всегда возвращала книги на место, а понравившуюся обязательно покупала.

Я шла к рынку, засунув руки в карманы серых спортивных штанов и покусывая губу. Конечно, в моей теории о заимствовании книг было полно зияющих дыр, но для самооправдания она вполне годилась. Вот с яблоками – несколько другое дело. Яблоко на место не вернёшь. С другой стороны, у торговцев целые ящики этих яблок, ну что будет, если пропадёт одно? Да, Екатерина, давай каждый возьмёт себе по яблоку, прозвучал в голове саркастический голос, который повадился комментировать происходящее после истории с Лорой. Я запихнула его обратно в глубины подсознания. Не лезь, и без тебя тошно.

В паре шагов от рынка я окружила себя зеркалами со всех сторон. Я определённо видела бледные контуры, но кажется, больше никто их не замечал. Как и меня. Милая продавщица с румяными, как у её яблок, щёчками, непременно удивилась бы, что я вернулась. Ведь мы с ней сегодня поздоровались и побеседовали о погоде. Я подошла к палатке сбоку, убедилась, что никто на меня не смотрит, и взяла красное

яблоко из ящика. Сунув его в карман, я поспешила домой.

Я была довольна собой – это-то я умею делать! Кажется, на этот раз я переиграла колдуна. Интересно, что он скажет!

Когда я положила яблоко на стол рядом с кучкой денег, Джей взял его, повертел в руке и сказал:

– Слишком мелкое.

Я сжала губы и снова отправилась на рынок. Яблоки были все примерно одного размера, но в центре прилавка стояла корзина с крупными. Я дождалась, когда продавщица полезла достать что-то из под стола, схватила самое большое жёлтое яблоко с красным бочком и поспешила отойти.

– Я хочу зелёное, – заявил колдун.

Зелёное? Да пожалуйста, вот тебе самое зелёное во всём королевстве яблоко, да и крупное, к тому же.

– Слишком кислое.

Надкушенное яблоко полетело в окно, а я заскрежетала зубами. Колдун, казалось, находил эту игру забавной. Его злость теперь едва заметно пульсировала, спрятанная глубоко внутри, и меня перестало сбивать с ног волнами гнева. После двух следующих походов на рынок я уже сама выпускала такие волны.

Джей вертел очередное яблоко в ладони, поднимая на уровень глаз, как будто размышляя, есть или не есть.

– На Южном рынке должны быть яблоки получше.

– Как скажете, господин, – язвительно проговорила я, впервые с утра подав голос.

На Южном рынке яблоки были абсолютно такие же. Оказалось, что мои защитные зеркала таяли довольно быстро. Я бродила по рынку, на всякий случай выбирая продавца с лицом подороже – вдруг заметит, тогда можно будет ему улыбнуться, извиниться и выдать какую-нибудь правдоподобную версию, почему я сунула яблоко в карман и не подумала расплатиться. А вообще, может быть, просто попросить одно яблоко? Сказать, что кошелёк забыла, и пообещать заплатить завтра. Хотя нет, свободные деньги у меня теперь вряд ли появятся. Я ещё больше разозлилась, схватила первое попавшееся яблоко, а потом, подумав, взяла ещё одно, другого сорта.

Колдун и тут остался недоволен. Всё с той же неприятной улыбкой он поинтересовался:

– Я что, сказал принести два яблока?

– Нет, господин, – ответила я ему в тон с преувеличенной вежливостью. Играть так играть.

И вновь пришлось тащиться через весь город. День был прекрасный – солнечный, но не жаркий. Оглушающе пахли липы, растущие у русла Эллы. Ветерок с гор шелестел сочными свежими листьями. Вдоль реки меня несколько минут сопровождала кошка разбойничьего вида, но быстро убежала по своим делам. Её хозяйина я не встретила – и хорошо, ведь мне снова некогда болтать. На этот раз я взяла второе яблоко для себя и съела по дороге.

Кеды, окружённые разнокалиберными яблоками, были

сдвинуты на край столика, уступив место книгам. При моём появлении Джей оторвался от «Учения о всяких тварях неразумных» и смотрел на меня, словно на персонажа этой книги, а то и просто как на букашку.

– Я хочу яблоко со Старого рынка.

Я улыбнулась и кивнула, только что реверанс не сделала. В эту игру ты меня не обыгрываешь, господин колдун.

– И вот ещё что. Ни с кем не разговаривай, пока не вернёшься.

Неужели он решил, что я просила яблоки у продавцов? Ну тогда его ждёт сюрприз!

– Конечно, господин, – чуть ли не пропела я, не скрывая улыбки.

В очередной раз пересекая Старый мост, я ненадолго остановилась полюбоваться на синюю гладь реки, пересекающую зелёные луга. На горизонте чётко вырисовывались острыми силуэтами горы. Но нельзя задерживаться – колдун следит. Это будут мне баллы в минус в нашей странной игре. А я очень не хочу проигрывать.

Сегодня у Дома всех богов маячили двое братьев Аида, но я сразу же отгородилась зеркалами. Спасибо, тётушка, что ты научила меня хоть чему-то полезному!

Рынок уже открылся, но некоторые продавцы только расставляли товары и натягивали разноцветные навесы над столиками. Первые посетители неспешно прогуливались между рядов, как будто участвуя в модном дефиле. Я в своих спор-

тивных штанах выглядела серой птичкой, случайно залетевшей в клетку с попугайчиками. У стен Дома всех богов лениво отмерял шаги широкоплечий полицейский. Он то и дело останавливался, щурясь и подставляя квадратное лицо солнечным лучам. Наверное, он бы сейчас с радостью сменил чёрно-зелёную полицейскую форму на что-то посвободнее и сел бы в ресторанчике у реки с кружкой пива.

Я прошлась среди рядов, пока торговка с обычными фруктами и овощами раскладывала товары на столе. Может, принести колдуну апельсин? Ой, извините, господин, я у вас такая тупая, что с утра так и не поняла, чего вы хотите. А ещё в цитрусовых много витаминов, говорят, полезно для нервов. Если так много раздражаться, можно лопнуть. Интересно, какой у него план? До ночи заставлять меня воровать яблоки? А потом что, прикажет сварить компот?

Торговка всё наводила красоту у прилавка – строила пирамиды из фруктов и некоторые натирала тряпочкой, чтобы блестели на солнце. Правильно, надо же как-то выделиться посреди экзотики. Наконец, она закончила и тут же завела оживлённый разговор с покупателем, успевая при этом здороваться чуть ли не с каждым прохожим. Да, эта задачка будет посложнее, ведь она непрерывно вертит головой! Но я, ободрённая прошлыми успехами, смело подошла к палатке. Торговка не поздоровалась со мной, я сочла это хорошим знаком и взяла блестящее бордовое яблоко с вершины пирамиды.

Может быть, Старый рынок защищала магия против мелких воришек, в числе которых сегодня была и я. Но скорее, я просто устала. Я уже которую ночь плохо спала, провела весь вчерашний день на ногах, а сегодня почти ничего не ела. А ведь на магию уходит много сил. Зеркала как будто истончились. Но обо всём этом я размышляла уже потом.

– Эй! – возмущённо крикнула торговка, когда я сунула яблоко в карман.

Наверное, в тот момент ещё можно было отдать яблоко, извиниться и никогда больше не возвращаться на этот рынок, но тогда пришлось бы прийти к колдуну ни с чем. А я не намерена была так легко сдаваться. Я бросилась прочь от палатки.

– Полиция, полиция! – визжала торговка.

Люди поворачивали головы, а я неслась к узкому переулку, который через несколько поворотов вывел бы к Элле, а там недалеко и до торговой улицы, где легко затеряться в толпе.

Но я не успела пробежать и нескольких метров, как меня за руку схватил тот самый широкоплечий полицейский. Я оступилась и чуть не упала.

– Та-а-к, – лениво протянул он, – что у нас тут?

Он вытащил яблоко и вывернул карман, затем второй, похлопал меня по талии и бёдрам, проверяя, не спрятала ли я под узкой футболкой и спортивными штанами ещё десяток-другой фруктов и овощей. К нам уже спешил его колле-

га, помоложе, румяный и длинноногий. Он отточенным движением застегнул на моих запястьях наручники.

– Она, – сообщил он старшему, – значит, не показалось!

Даже если бы колдун не приказал мне ни с кем не разговаривать, я бы не смогла вымолвить ни слова. Вы что, господа полицейские?! Это же всего лишь яблоко!

Тем временем, молодой полицейский радостно рассказывал к широкоплечему:

– Я её на Южном рынке заметил. Мне почудилось, что она и там яблоко взяла, но я сразу потерял её из виду, а продавец ничего не заметил.

– Что, – хмыкнул широкоплечий, – ворованное яблочко всегда слаще?

Подбежала торговка, почему-то принялась меня защищать, говорила, что ей не жалко бедной девочке яблоко, даже два не жалко, вы посмотрите, какая худенькая, бледненькая. Попугаистые прохожие разгалделись. Часть публики соглашалась, а часть кричала, что так ей, то есть мне, и надо. Я опустила голову, чтобы чёлка закрыла лицо, и глотала слёзы.

– Всё, – сурово шикнул на окруживших нас людей полицейский, – расходимся. Заберите свой товар, госпожа.

Он сунул яблоко охающей торговке, которая вслух жалела, что позвала полицию, а меня передал молодому коллеге.

– В старую тюрьму её, вечером разберёмся.

Я испугалась, что сейчас придётся идти через весь город в наручниках. А вдруг Элла увидит или кто-то из зна-

комых! Но полицейский подвёл меня к стене Дома всех богов, у которой был припаркован неуклюжий велосипед с прицепом. Прицеп представлял собой широкий приземистый ящик. Полицейский открыл дверцы сзади и толкнул меня внутрь. На узкой лавочке, согнувшись, сидел лысый мужчина с выдающимся носом. Руки его так же были закованы в наручники. Пока я кое-как устраивалась напротив, мужчина презрительно бросил полицейскому:

– Совет обязательно узнает об этом!

– Узнает, – миролюбиво согласился тот и захлопнул дверь.

Прицеп заносило на поворотах и отчаянно трясло, сквозь зарешеченное окошко в потолке проникал яркий солнечный свет и прыгал квадратиками по грязному полу. Я больше не плакала, а только тупо разглядывала наручники на своих запястьях, поворачивая кисти рук то вверх, то вниз. Вот я вижу пятно клятвы на ладони, а вот его как будто и нет. Вверх, вниз... Прицеп подскочил на очередной кочке, и мужчина что-то сказал, но из-за грохота колёс слов было не разобрать. Он наклонился к моему уху и прокричал:

– Обязательно пожалуйте!

О да, когда меня выпустят, я обязательно пожалуюсь господину колдуну на полицейский произвол. Представьте только, ходишь себе по рынку, ворует яблоки, и тут на тебе – хватают и везут в тюрьму! Мужчина решил, что раз я молчу, значит, жду продолжения, и вновь наклонился было к моему уху, но я выставила между нами зеркало. Мужчина

удивлённо кашлянул и усталился в пол, сразу потеряв ко мне всякий интерес.

Может быть, проделать такой фокус и с полицейским? Только как я пойду по городу в наручниках? Стоило мне представить выражение лица колдуна, когда я предстану перед ним в таком виде, я тут же отдала предпочтение полицейскому участку. Может быть, я встречу Робина, он за меня заступится. Наверное. Станет ли для него весомым аргументом в мою пользу то, что я откладывала деньги на возвращение домой, а не просто так?

Прицеп остановился, дверцы распахнулись, и молодой полицейский вытащил сначала меня, потом моего соседа, которого тут же передал подбежавшему пареньку в форме. Здесь во время курьерских прогулок мне ещё не доводилось бывать. В моём воображении старая тюрьма представляла собой покосившийся деревянный домик у скалы с выточеными в камне камерами, тёмными коридорами, лужами, из которых пьют крысы и убегают, испугавшись света факелов и гулкого эха шагов. Пламя освещает скелеты в истлевших одеяниях, а из камер за толстыми решётками слышатся стоны тех, кому не суждено больше увидеть дневной свет. Угадала я только с толстыми решётками. Четыре колонны из белого мрамора высотой в два этажа были встроены прямо в скалу. Светлые ступени с розовыми прожилками и белёсыми пятнами вели к массивным дубовым дверям, за которыми открывался небольшой зал, уставленный столами. Под

потолком висели светящиеся шары. Слева и справа от входа сидели двое мужчин, перед каждым лежала толстая книга. Меня подвели к левому столу, а соседа по прицепу – к правому.

– Зарегистрируй в общую, – кивнул молодой полицейский на меня, – мелкая кража.

– Имя, – бесцветным голосом произнёс человек за столом, занеся карандаш над страницей.

Я молчала. В зале было прохладно, и меня начала бить дрожь.

Человек вздохнул всем телом и вывел в книге цифры.

– Пять-девять-одиннадцать, – грустно сказал он полицейскому, два раза постучав по цифрам кончиком карандаша, – протяните руку, госпожа.

Я вытянула обе руки вперёд. Грустный человек постучал кончиком карандаша по внешней стороне моей правой ладони. На коже тут же проявились чёрные цифры. Я чуть не застонала – ещё одна татуировка! Мало мне всех моих бед!

– Видел? – бесцветно спросил человек полицейского, указывая на пятно клятвы.

Тот ухмыльнулся:

– Не учи учёного. Разберёмся.

Человек опять вздохнул и сгорбился над книгой, добавляя новые закорючки к строке с номером. Полицейский повёл меня к двери за спиной грустного человека.

Глава 18. Заключение

За дверью обнаружился ещё один зал поменьше первого, значительная часть которого была отгорожена решёткой с толстыми прутьями. В углу за столиком посапывал усатый толстячок в форме. Полицейский снял с меня наручники и бросил их на стол. Усатый подскочил, разбуженный громким звуком. Из камеры раздалось ворчание. Охранник провёл рукой рядом с решёткой, и пара прутьев разошлась, об-

разовав проход. Стоило мне пройти внутрь, как прутья сомкнулись за моей спиной. Полицейский ушёл.

Камеру едва освещал единственный шар, висящий под потолком. В одном углу плечом к плечу сидели две женщины и, накрывшись одним покрывалом, тихонько перешёптывались. Рядом, завернувшись в такое же покрывало, спала грязная старуха с растрёпанными волосами. Молодая полная женщина сидела у решётки, обняв себя за ноги, и напевала, покачиваясь. Низкая деревянная стенка в другом углу скрывала туалетную яму. Меня замутило.

– Первый раз, что ли?

Я обернулась на голос. Усач-охранник качал головой.

– Обед ты пропустила. Вечером отправят всех в новое здание. Бери, вон, покрывало из кучи и спи, что тут ещё делать.

Сам он зевнул и, прислонившись к стене, засопел как ни в чём не бывало.

Я нерешительно потянула покрывало из кучи посреди камеры. От него несло псиной, но каменные стены распространяли холод, и мне пришлось, подавив отвращение, закутаться в потёртую шерстяную ткань. В голове было настолько пусто и одновременно напряжённо, что запусти туда теннисный мячик – он стал бы с нечеловеческой скоростью метаться от стенки к стенке. Монотонный шёпот двух женщин незаметно погрузил меня в беспокойный сон, в котором я, увлекаемая тяжёлым рюкзаком вниз, тонула в чернильной воде среди красных яблок.

Я проснулась от того, что хлопнула дверь и охранник крикнул:

– Па-адъём!

Из-за искусственного освещения было невозможно понять, сколько времени прошло. Я с радостью кинула вонючее покрывало обратно в кучу. По крайней мере, оно выполнило своё предназначение и согрело меня, пока я спала.

– По одной на выход, – распорядился уже знакомый румяный полицейский, – Ари! Тун, Тео! Эйк! Пять-девять-одиннадцать!

Две женщины из-за агрессивного макияжа и роскошных тёмных кудрей казались близняшками. Они обе были одеты в чёрные шаровары и узкие кружевные кофты с низким круглым вырезом. Я ссутулилась и прошла последней в образованный разъехавшимися прутьями проход. Внезапно оживился тётушкин голос и посоветовал выпрямиться и идти с гордо поднятой головой, как королева к гильотине. Я споткнулась и случайно толкнула старуху, шедшую впереди меня. Та сразу заголосила, а полная женщина начала истерично смеяться. Полицейский рявкнул:

– Молчать!

Воцарилась тишина. Усатый толстячок качал головой, а я мечтала провалиться сквозь пол. Тоже мне, королева выискалась!

Полицейский сковал нас цепью, вывел из здания и поместил в большую крытую конную повозку, разделённую ре-

шёткой на две узкие секции, в одной из которых уже толкалась дюжина мужчин. Тун и Тео вызвали в мужской половине возбуждённые перешёптывания, кто-то засвистел, и одна из женщин кокетливо повела плечами и послала в воздух поцелуй. Полицейский прикрикнул, что ещё один звук – и завтра все останутся без еды. Старуха забеспокоилась, заметалась в узком пространстве, но женщина шикнула на неё, и та затихла.

Небритый мужичонка всё не унимался и шептал что-то, звал, прижавшись лбом к прутьям решётки, которые были слишком узкими, чтобы просунуть сквозь них руку. Кто-то беспрестанно чихал, в перерывах между чихом кляня всех богов. Повозку трясло меньше, чем прицеп, копыта лошадей размеренно стучали по булыжнику. Я прислонилась к стенке и выглядывала в узкое боковое окошко под потолком. Солнце только зашло, закатное небо окрашивало крыши в алый цвет. Я представила себе, как, отражая закат, бегут красные воды Чернильной реки сквозь неосвещённые холмы, а в низинах светятся жёлтыми огнями окна домов. Семьи сидят за столами, в кружках дымится мятный чай. Алина сейчас тоже пьёт чай, смотрит, как в соседнем доме гаснет и загорается свет, и вдыхает аромат цветущих лип. Я закрыла лицо ладонями и постаралась не всхлипывать слишком громко.

Я поняла, что мы проехали мост над рекой, потому что затихшая на время связь с колдуном снова дала о себе знать. Я ощущала, как приближается пульсирующий комок злости,

ожидающий моего возвращения. Повозка свернула, вновь отдаляясь от дома колдуна. Я встряхнула плечами, сбрасывая с себя чужие чувства.

В новом здании тюрьмы, похожем на большой упорядоченный муравейник, нас снова зарегистрировали и поместили в общую камеру. Она оказалась гораздо просторнее предыдущей, но уже была плотно заселена тремя десятками женщин разных возрастов. Старуха, растолкав соперниц острыми локтями, первой подбежала к куче покрывал, схватила одно и пристроилась у стены. Все углы были заняты, и мне пришлось ютиться у туалетной стенки. Похоже, в новом здании канализацию сделали современную, и запах стоял не такой ужасный, как в старом, но я всё равно была рада собачьему духу покрывала.

Лампу под потолком выключили, в окно светил уличный фонарь. Я накрылась с головой и закрыла глаза. Сидеть на жёстком полу было неудобно, я никак не могла устроиться. В голове проносились кадрами сегодняшние события, обрывки фраз, лица и имена, перемешанные с картинками из «Учения о всяких тварях неразумных». Птица с руками бежала за мной на длинных аистовых ногах, чтобы надеть наручники, а медведь с лицом полицейского светил фонариком в лицо румяной продавщице яблок. Я проваливалась в мешанину образов и резко просыпалась от храпа соседки. Только я задремала в очередной раз, как кто-то схватил меня сзади за шею, зажал рот рукой и прошептал:

– Тихо, девочка, не шуми.

Меня окутал приторный запах дешёвых духов. Тут же второй человек сел мне на ноги. Это была одна из тех ярко накрашенных женщин из камеры в старой тюрьме. Я схватилась за локоть, зажимавший мою шею, вывернулась и пнула наугад, попав ногой во что-то мягкое. Раздался приглушённый вздох. Шею сдавило сильнее, и я захрипела, втягивая воздух.

– Тихо, говорю же, – зашептал голос в самое ухо.

Я замерла. Вторая женщина вывернула мои карманы, ощупала одежду, проверила, нет ли у меня цепочки на шее, колец или серёжек, и разочарованно прошептала:

– Говорила же, ничего.

Оглянувшись, она добавила:

– Смотри, какие тапки! Может, поменяться?

Вторая женщина шикнула на неё:

– Заткнись, Тун, потом ещё с господином объясняться! – и тут же шепнула мне в ухо: – Ну извини, подружка, не держи зла. Мы уже уходим.

Два силуэта отошли и сели у стенки. Одна из женщин тихо смеялась, а вторая пыталась закрыть ей рот рукой. Храп затих, кто-то проворчал, перебросился парой фраз с соседкой. Меня трясло, словно я вышла из воды на ледяной ветер, а сердце колотилось так, как будто перед этим я плыла наперегонки со стаей акул. Ну что, едко спрашивал злой голос в голове, тут лучше, чем у колдуна? Скучно было жить в от-

дельной комнате и гулять по прилизанному старому городу? Зато теперь как весело, делить тюремную камеру с проститутками и попрошайками! А это прекрасное вонючее, пропитанное потом сотни заключённых покрывало!.. Сидела бы тихо и дожидалась, пока окончательно надоешь колдуну, попросила бы Робина помочь. Неизвестно, когда за тобой кто-то придёт.

Я снова заплакала. Как Робин узнает, что я здесь, если у меня только номер? Может, нарушить условие игры и назвать своё имя? И что тогда, они вызовут колдуна в тюрьму? Или отправят ему по почте письмо, которое будет лежать в ящике, пока не сгниёт?

Утром привезли огромную кастрюлю. Все по очереди, не толкаясь, подходили к открывшемуся в решётке отверстию и получали от жизнерадостного человека в сером фартуке миску, в которой посреди серой каши с комками торчал кусок хлеба.

Комки оказались недоваренной картошкой, кашу нещадно пересолили. Если что, мрачно думала я, можно будет устроиться кухаркой в тюрьму и разнообразить рацион заключённых чем-нибудь горелым. Голова была тяжёлая, заполненная мутным варевом вчерашних мыслей. Я выудила хлеб и жевала его. Подошла вонючая старуха и робко кивнула на мою кашу, намекая, что не прочь забрать её себе, раз я не горю желанием доедать. Я протянула ей миску, а она щедрой рукой отломилась мне половину своего хлеба. Скоро вер-

нулся человек в фартуке и собрал миски в пустую кастрюлю.

– Тео и Тун! – прокричал полицейский. – На выход! За вас внесли залог.

– Я же говорила! – радостно воскликнула одна из женщин и побежала к выходу.

При свете дня обе они выглядели гораздо менее привлекательно, чем вечером. Хоть они вели себя, как девчонки, обеим было за тридцать, да и ночь в камере не прибавляет красоты. Я расчесала волосы пальцами, помассировала виски.

– Пять-девять-одиннадцать!

Я вскочила, сбросив покрывало. Ну скажите же мне, что вы решили, что ночи в камере достаточно за одно украденное яблоко! Я вышла к вчерашнему длинноногому румяному полицейскому.

– Не надумала говорить? – спросил он, надевая наручники. – Нет? С господином начальником полиции сразу пере-думаешь!

Светлые коридоры и лестницы привели нас к служебным помещениям. Мимо проходили полицейские, за дверями кто-то недовольно кричал, плакал, монотонно бубнил, переругивался. Мы остановились у двери с золотой табличкой. Полицейский постучал, в ответ донеслось приглушённое: «Заходите». Полицейский открыл дверь.

– Живее, – прикрикнул он и подтолкнул меня в плечо.

В широком кабинете выстроились у стен шкафы с кни-

гами и папками. На столике у окна, выходявшего на замок, блестела на солнце шахматная доска с незавершённой партией. Всю противоположную стену закрывала географическая карта с резко прочерченными красным границами и гербом – короной поверх трёх синих полос – в верхнем углу. За столом сидел крупный коротко стриженный мужчина с иссиня-чёрными бровями и усами с проседью. Усы были аккуратно уложены и, словно стрелки, указывали на погоны, украшенные тремя золотыми коронами.

Он сделал приглашающий жест в сторону стула напротив, и я села, сложив руки на коленях.

– Кирк, останься пока, – начальник полиции оказался обладателем мягкого бархатистого баса.

Длинноногий полицейский молча встал у меня за спиной.

– Итак, – пробасил начальник и открыл папку, лежащую на столе. – Пять-девять-одиннадцать. Не разговаривает, но язык понимает. Одетая не по-местному. Возраст... Кирк, сколько ей лет, по-твоему?

– Лет двадцать, господин Роминор.

– Два-а-адцать, – протянул тот, как будто пробовал взять непривычную ноту. – Кража яблока на Старом рынке. Недоказанная кража яблока на Южном рынке, предположительно, с использованием магического щита. А на ладони что?

Я посмотрела на ладонь. Там чернели вчерашние цифры.

– Нет, госпожа пять-девять-одиннадцать, с другой стороны.

Я повернула ладонь тыльной стороной вниз. Бесформенное пятно клятвы, что же ещё.

– Во-о-от, – пропел господин Роминор. – Иностранка с магической меткой. Может, вы ещё что-то украли, госпожа, а наши славные патрульные не заметили?

Я смотрела на ладони.

– Лучше, госпожа, если вы будете смотреть на меня, когда я задаю вопросы.

От его тона я сжалась, подняла голову и уставилась на усы-стрелки.

– Смотри-ка, Кирк, приказам подчиняется, а отвечать, даже кивком – не отвечает. Может быть, ей есть, что скрывать?

– Определённо, господин Роминор.

– Господин патрульный Кирк считает, что вас, госпожа, подослали враги, поэтому настоял на разговоре со мной.

Усач облокотился на стол и, приблизив ко мне лицо, задумчиво произнёс:

– Но неужели враги не снабдили бы шпиона средствами к существованию? А, Кирк? Что-то твоя теория трещит по швам.

– Горцы переживают не лучшие времена, господин Роминор!

– То есть, её горцы подослали?

– Ну не забережцы же! – отчего-то вспыхнул патрульный. – Когда вы в последний раз видели забережца с магической меткой, а уж тем более, использующего щит!

– Не далее чем на прошлой неделе имел неудовольствие встречаться с одной такой госпожой, – тихо произнёс начальник полиции.

Его тяжёлый взгляд бродил по моему лицу, и мне становилось всё страшнее.

– И что же, патрульный Кирк, у горцев не нашлось шпиона получше? Посмотри, она трясётся, как мышь.

Это было преувеличением, я тряслась довольно умеренно, но Кирк засомневался.

– Она не вызывает подозрений, – неуверенно произнёс он.

– Ой ли? Девчонка в странной одежде, которая крадёт яблоки, не вызвала у тебя лично подозрений, поэтому ты пошёл расспрашивать патрульных на других рынках и волею случая стал свидетелем последней кражи?

– Да, то есть, нет, господин Роминор...

Начальник полиции с довольным видом откинулся на стуле.

– Итак, версия разгромлена в пух и прах. Патрульный Кор сегодня на дежурстве?

– Нет, насколько я знаю, разбирает бумаги по регистрации. Но он и вчера не дежурил, он не знает...

– Позови-ка его сюда, – перебил начальник, – а регистрацией займись сам.

Патрульный вышел, и мы с усачом остались один на один. За стенкой кто-то раздражённо кричал, а с улицы ему вторили чайки. Солнце сместилось и неприятно грело мне го-

лову, но я боялась сделать хоть одно движение. Начальник полиции расслабленно закинул руки за голову и разглядывал меня с улыбкой. Стрелки-усы приподнялись и указывали на шкафы по бокам от рабочего стола.

В дверь постучали, и господин Роминор пробасил:

– Входите.

– Вызывали, господин Роминор? – раздался знакомый голос.

Я резко выпрямилась. И как я могла забыть, что Кор – это фамилия Робина!

– Робин, ты её знаешь?

Робин подошёл и присел на угол стола.

– Знаю, – серьёзно сказал он, глядя на меня. – Что там?

Он взял со стола начальника бумаги. Я спрятала лицо в ладонях. Мне никогда в жизни не было так стыдно. Но ведь я не сама придумала красть яблоки! Я не виновата! «А что насчёт этого?» – ядовито спросил внутренний голос и подсунил воспоминание о кедах, окружённых монетками и банкнотами.

– Это, Роми, – вздохнул Робин, – часть того самого побочного проекта.

– Я так и знал! – радостно пробасил начальник полиции. – Не скажу, что сразу догадался, но мне простительно – столько дел! А что же она молчит, скажи на милость?

– Рина, – позвал Робин, – ты почему молчишь?

Я оторвала руки от лица и пожала плечами.

– Дай-ка ключ, – обратился Робин к начальнику полиции.

Тот передал ему маленький ключик от наручников, а сам встал, подошёл к окну и склонился над шахматной доской.

– Такое дело, Робин, Кирк решил, что это шпионка горцев.

Робин только усмехнулся. Я протянула ему закованные руки, и он снял наручники.

– Что, Джей приказал? – спросил он меня.

Я неопределённо повела плечами.

– Понятно.

– Робин, твой ход, – сказал начальник полиции.

Робин подошёл к доске, пару секунд поглядел на фигуры и переставил белого коня ближе к центру.

– Ну! Ну! – запротестовал Роминор.

– Я её забираю, – сообщил Робин и кивнул мне на дверь.

– Давай-давай, господин патрульный, – начальник рассеянно помахал рукой, занятый партией.

Дежурный постучал по цифрам на моей руке кончиком карандаша, и на выходе я показала охраннику чистую ладонь. Вчера в темноте я не обратила внимания на стену, окружавшую территорию тюрьмы и участка. Она выглядела внушительно, как будто полиция не доверяла магии. На улице стояла жара, пахло незнакомыми сладкими цветами и пылью.

– Ты так и не можешь говорить? – спросил Робин.

Я повела головой. Я не была уверена, считается ли кивок

за разговор и не хотела рисковать. Я держалась за это условие, как будто выполнение его доказывало, что я потерпела не полное поражение в игре с Джемом.

– Шпионы, драконы, – Робин потёр виски и резко сказал: – Неужели нельзя просто выполнять поручения и не лезть на рожон?

Я уставилась вниз, в пыльную сухую землю, и стёрла выступившую слезу.

– Извини, Рина! – виновато сказал Робин. – Извини! Сейчас непростое время. В городе, да и во всём королевстве, беспокойно.

Он приобнял меня за плечи, и я с облегчением вздохнула.

– Ого, да тюремные покрывала пора отдать в стирку, – сказал Робин, и я рассмеялась, но тут же закрыла рот рукой. Рано радоваться, Екатерина, ведь придётся объяснять про деньги.

Вниз вела дорога для повозок с широкими колеями и следами подков. Робин повёл меня в обход. Мы медленно спустились по тропинке среди отцветающих акаций, а Робин рассказывал, что в городах молодые люди бросают обучение и собираются в группы, что пропадают магические артефакты, торговцам поступает много запросов на старые книги.

Мы вышли к жилой улице, которая упиралась во внушительный белый особняк. Рядом примостилась небольшая пекарня, вокруг которой играли в догонялки девчонки в серых платьях с белыми воротничками. Мы сели на лавочку у особ-

няка, Робин купил мне два огромных куса пирога, один с капустой, а другой с картошкой и грибами, и большую чашку кофе.

– Это школа для девочек, – объяснил Робин. – Новая идея Совета – максимально упразднить ученичество, популяризировать школы для детей, где их будут обучать безопасной магии. Безопасной для Совета, конечно.

Я вгрызалась в капустный пирог, слушая вполуха – зверский голод не давал ни на чём сосредоточиться. Если бы я могла говорить, я бы ответила: куда уж безопаснее! Этот мир и так мало чем отличается от моего. Надо постараться, чтобы заметить магию, если ты не служишь колдуну, конечно.

– Школа для мальчиков – ниже по улице. У мужчин и женщин магия немного отличается, но не так значительно, чтобы разделять на две школы. Но Совет хочет всё держать под контролем, – вздохнул Робин.

Я принялась за второй пирог. Девчонки собрались в кружок рядом с нами и ссорились: не могли разобраться, кого осалила Нина, которая водила последней и носилась как ураган, размахивая руками и толкая подружек.

– Господин полицейский, – подошла к нам девочка с толстой пшеничной косой, – вы должны были заметить. Кого Нина осалила последней?

– Извини, – улыбнулся Робин, – у меня обеденный перерыв.

– А я думала, вы преступницу поймали, – заявила наглая

девчонка и вернулась в круг.

Они придумали разрешить спор считалочкой. Виновница скандала встала в центр и начала декламировать, указывая на каждую подружку пальцем в ритм стишка:

«Если на свете есть птица с руками,
В них она носит корзинку с грибами».

Я закашлялась и выронила пирог. Робин похлопал меня по спине, а потом побежал в пекарню за стаканом воды. Девочки продолжали стройным хором:

«Ходит и бродит, не знает, зачем.
Крошка, иди сюда, я тебя съем!»

На последнем слове они завизжали и разбежались в стороны. Я, наконец, откашлялась и вытерла выступившие слёзы. Глаз чесался. Нельзя столько плакать, мне же не десять лет, в конце концов! Вернулся Робин со стаканом ледяной воды. Я сначала выпила её, а потом запила тёплым кофе и пнула кусочек гриба, вылетевший из упавшего куска пирога.

– Так это из-за стишка? – рассмеялся Робин. Не зря он получал свою полицейскую зарплату.

Я обняла себя за плечи и поёжилась, как будто замёрзла. Это за разговор не считается, и Робин опять всё понял.

– Не бойся, птицы с руками точно не существует.

Я посмотрела на него с показным недоверием.

– Точно! Много других тварей существует, но, тут надо сказать спасибо Совету, сюда они не проникают.

Меня беспокоили медведь с фонарём и китайский дракон,

да и про алых бабочек было любопытно, но спросить я пока не могла, а потом стало поздно.

Робин зашёл в дом первым и, заметив, что я остановилась, ободряюще сказал:

– Не бойся.

Как не бояться, Робин, если наверху ждёт комок пульсирующей злости?

В библиотеке стоял резкий запах, от которого защипало глаза. На полу, окружённая сухими травами, догоревшими свечами и лужицами серебристой жидкости, стояла плоская чаша, наполненная чем-то вроде ртути, с сияющей отражающей поверхностью. Рядом валялись нож и моток ниток. Джей сидел рядом на полу, закрыв лицо руками.

Когда мы зашли, я – держась у Робина за спиной, Джей потёр ладонями лицо, отбросил волосы назад и поднялся. Его щёки были покрыты щетиной, кожа вновь приобрела пыльный серый цвет, а руки мелко тряслись. Белок левого глаза залила кровь, как будто лопнул сосуд.

Робин пошёл открыть балконную дверь, а я осталась стоять под неотрывным взглядом колдуна.

– Это что? – Робин показал на чашу с ртутной жидкостью.

– Это то, что могло сработать, – ответил Джей.

– Почему меня не позвал? – строго спросил Робин.

– Лучше спроси то, что хотел.

– Ей уже можно разговаривать? – кивнул Робин на меня.

– Как будто она молчала.

– Джей...

– Да брось, Робин, ведь она наверняка нашла какую-нибудь лазейку.

Робин собирался возразить, но Джей махнул рукой. Он поставил перед столиком стул, бросил мне: «Сядь», а сам опустился в кресло и пригласил Робина занять кресло напротив. Стул был выше, и я чувствовала себя неуютно, словно статуя на постаменте. Я заставила себя выпрямиться и сложила руки на коленях, как на приёме у королевы. На столике так и лежали кеды, а вокруг них валялись деньги и яблоки. И как он умудрился их не съесть?..

– Как тебе понравилось в тюрьме, Рина? – с наигранной вежливостью спросил колдун.

Значит, мы всё ещё играем в ту игру? Ну хорошо же. Меня наполняла чужая злость, а я не могла и не хотела ей сопротивляться. Я ответила в тон:

– Спасибо, господин, совсем не понравилось.

Робин сверлил взглядом своего друга. Оба они чего-то ждали.

Проклиная свои щёки, которые так легко краснели, я сквозь зубы проговорила:

– Я решила, что мне положены чаевые за работу.

Робин перевёл взгляд на меня и кивнул. Сердце ухнуло и упало. Сейчас ведь скажет, что колдун был прав!

– Джей, ты помнишь, какие обязанности налагает клятва?

– Конечно помню, Робин, – излишне вежливо ответил колдун.

– Я попрошу тебя не руководствоваться примером нашего дражайшего учителя и впредь не перекладывать свои обязанности на других, особенно на полицию. У нас и без тебя дел хватает.

– Позволь и мне поинтересоваться, Робин, – звенящим от напряжения голосом ответил Джей, – помнишь ли ты, что будет, если постоянно нарушать клятву по мелочам? Если постоянно привирать, изворачиваться, думать только о себе?

– Помню. Она будет сталкивать вас сильнее. Но я просил не загружать Рину.

– У неё и так курорт! – взорвался Джей. – Она только и делает, что гуляет по городу, да пьёт кофе с видом на реку! Много ты знаешь настолько безответственных людей? Ей нельзя поручить доставить конверт! Ты просил оставить её в покое – я оставил. Но я же не могу просто позволить ей торчать в доме и ничего не делать! Это тоже нарушение клятвы! Но она даже пол нормально помыть не может! А теперь ещё это!

Он пнул столик, монеты звякнули, красное яблоко упало и укатилось под кресло. Робин внимательно посмотрел на меня.

– А если Рина извинится...

– Даже не думай, Робин, – перебил его Джей, – она считает, что права.

Я стиснула зубы. Конечно, я считаю, что я права, потому что я права! Я сама себе удивлялась – вместо того, чтобы бояться и трепетать, я едва справлялась с клокотавшей во мне злостью. Робин задумчиво переводил взгляд с меня на Джея и обратно, как будто хотел измерить степень наэлектризованности воздуха между нами. Наконец, он спросил:

– Ты считаешь, что это всё клятва?

– И клятва, и камень, – Джей устало потёр лоб. – Рина, будь так любезна, приготовь нам чай, если тебя это не затруднит.

– Нисколько, господин, – я поднялась со стула и изобразила реверанс.

Когда я выходила, Робин переключил внимание на остатки ритуала на полу.

– Почему ты не подождал? Меня не позвал?

– Потому что нет времени! – внезапно сорвался на крик Джей. – Потому что дракон с каждой минутой сильнее! Ещё немного, и он вырвется!

Я закрыла за собой дверь.

На кухне я поставила чайник на плиту и забегала кругами по комнате. Меня трясло от возмущения. Мне можно доверить доставку писем! Я нормально мою пол! Я даже готовлю что-то относительно съедобное! Конечно, я заслужила и чаевые, и кофе на берегу реки. И конечно, я не сказала ни слова, пока не вернулась домой, как он и приказал. Естественно, я права, во всём права! Что он о себе возомнил? А Робин! То-

же мне, миротворец. Ему самому не мешало бы извиниться за то, что он позволил колдуну связать меня этой идиотской клятвой. Я кипела не хуже чайника.

Пока чай заваривался, я проверила полки. К моему удивлению, все продукты лежали нетронутыми там, куда я их вчера положила. Колдун опять перескочил в ту крайность, где он ничего не ест, но для надёжности я решила всё равно завтра сходить на рынок и пополнить запасы на случай другой его крайности.

Плоская чаша исчезла, как и травы и прочие магические принадлежности. На деревянном полу остались прожжённые каплями пятна. Я поставила кружки на столик перед Робинном, который углубился в книжку в болотно-зелёной обложке. Джей, сидевший за письменным столом, не оборачиваясь, сказал:

– Убери всё это.

Я сгребла яблоки и деньги в подол футболки и тут только почувствовала, как от меня воняет синим одеялом.

Кеды, к которым я воспылала несправедливым отвращением, отправились в комнату под кровать, деньги я убрала в коробочку на кухне, а яблоки разложила на столе. Я лишь успела принять душ, как меня снова позвал колдун.

Натянутая улыбка в сочетании с красным белком глаза делала лицо Джея похожим на жуткую маску. Он сунул мне в руки пачку конвертов, в этот раз без инструкции, и приказал вернуться, как только я доставлю все письма, нигде не задер-

живаясь. Понятно, я под своеобразным домашним арестом. Как скажете, господин колдун.

Робин сделал последний глоток чая, положил книжку на стол и сказал:

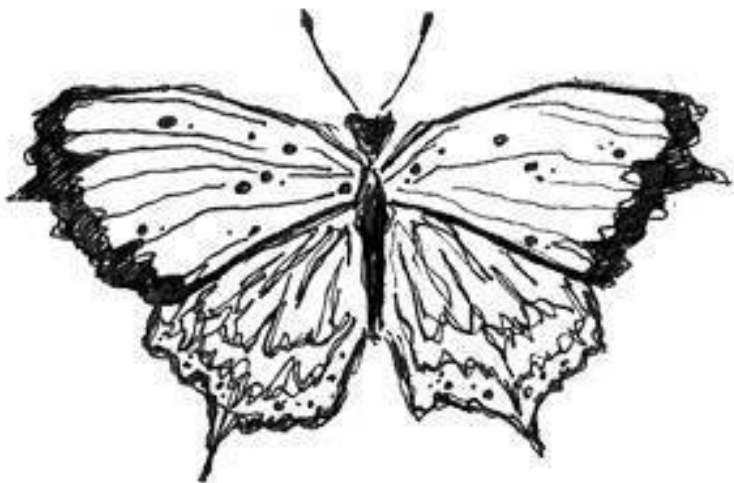
– Я пойду с тобой.

У двери он обернулся и попросил Джея:

– Не предпринимай ничего без меня, ты понял?

Ответом ему была тишина.

Глава 19. Нужно подумать

Стоило нам выйти на улицу, Робин задал вопрос, которого я опасалась.

– Зачем тебе понадобились деньги?

Я поразмыслила, что бы соврать, но ничего не придумала:

– Чтобы попасть домой.

Робин остановился и взял меня за плечи:

– Рина, мы отправим тебя домой, но нужно подождать.

Джей не может сейчас переходить через миры, мне нельзя отлучаться из города. Меня вызывал король. Кто-то поднимает волны протеста против горцев, тут и там слышны разговоры о том, что мы не должны были соглашаться на перемирие двенадцать лет назад и надо взять реванш... В общем, подожди немного, мы работаем над этим.

Я не ответила. Легко сказать «подожди», когда ты занят делами в участке и не вынужден жить в одном доме со взрывоопасным колдуном. Откуда мне было знать, что они и правда собирались отправить меня домой...

Некоторое время мы шли молча.

– К чему его обязывает клятва? Я думала, она только меня обязывает, – наконец подала голос я.

– Самому наказывать тебя, – ответил Робин, – а не сдавать в полицию.

Я поморщилась, но Робин не заметил.

– Наш дражайший учитель, если кто-то из учеников неправильно выполнял поручение или сбегал без спросу в город, приказывал остальным мальчишкам избить его, а сам на это время блокировал связь.

Думая о Джее, я спросила:

– Руки пачкать не хотел?

– Не совсем. Связь между учителем и учеником предполагает ответственность с обеих сторон... И если учитель ударит ученика, то сам не только почувствует ту же боль, но у него ещё и появится след от удара на том же месте, потому

что за все проступки учитель отвечает в той же мере, что и ученик.

– Но со мной-то это не работает?

Робин вздохнул и огляделся вокруг, как будто впервые видел зелёные холмы и сверкающие на солнце крыши домов.

– Джей против того, чтобы я тебе слишком много рассказывал, – наконец сказал он и стал внимательно изучать фасады зданий.

Ну ещё бы! Если колдун соберётся-таки вернуть меня домой, то сотрёт память, как и обещал. А чем меньше я знаю, тем проще стирать. Но Робину я ничего не сказала – расстроится же, а потом начнёт убеждать, что без лишних воспоминаний я только счастливее стану, прямо как Лора и её мать.

Мы вместе дошли до Эллы, но больше не разговаривали. Робин перевёл мне адреса на конвертах и показал, куда идти, а сам направился к старой тюрьме. Я была рада, что начальник полиции отправил патрульного Кирка разбираться с бумажной работой – иначе мне пришлось бы с опаской заглядывать за каждый угол. Арестовывать меня не за что, но я бы предпочла избежать новой встречи.

У меня оставалось ещё два конверта, один обычного размера, другой тяжёлый и пухлый. Я уже посетила странную бабушку, которая охала и ахала, читая письмо, а потом оставила меня на добрых полчаса дожидаться, пока она напишет ответ. Затем я вновь побывала у бледного господина О-Ули, который вскричал «Какая наглость!», но нацарапал что-то

на обратной стороне письма. Ещё трое порвали конверт, не читая, а один мужчина в коротком вишнёвом халате и белых лосинах испепелил письмо. Но такими фокусами меня было уже не впечатлить. Я всё ещё пребывала в роли идеальной служанки, поэтому растянула рот в улыбке, пожелала мужчине прекрасного дня и театрально поклонилась. Мужчина, чьё лицо от злости приобрело цвет его халата, громко хлопнул дверью, а я только усмехнулась. Я столько боялась, что исчерпала весь свой страх.

Предпоследний адресат жил за пределами городской стены, и я бродила по незнакомым улицам, как в старые добрые времена. Можно было попросить Звёздочку, но мне хотелось потянуть время перед возвращением к колдуну. Я спросила хмурую женщину с корзиной, полной свежевывстиранного белья, где находится нужный мне дом, и она указала на узкий переулочек, после которого от площади с колодцем следовало свернуть налево.

Как только я вышла на площадь, ко мне подбежала чёрная кошка разбойничьего вида, потёрлась о ноги и поспешила к открытой веранде таверны, у входа в которую болталась вывеска с золотой курицей. За одним из столиков сидел Сет. Он был одет просто, но элегантно. Слегка расширяющиеся рукава светлой рубашки как будто говорили: смотрите, я следую модным тенденциям, но у меня есть свой стиль. Увидев меня, Сет отложил газету и встал, приглашая присоединиться. Если прогулку по улицам ещё можно будет оправдать тем,

что я заблудилась, то объяснить посиделки за чашечкой кофе я колдуну не смогу.

– У меня мало времени, – извиняясь, сказала я. – Ты не знаешь, где находится дом Красных тюльпанов?

– Работа? – понимающе улыбнулся Сет. – Это близко. Ты не будешь возражать, если я пройду с тобой?

Я не возражала. Сет оставил на столе несколько монет и присоединился ко мне.

– Эй, – позвал он кошку, – далеко не убегай.

Кошка засеменила рядом.

– Как её зовут? – спросила я.

– Табуреткам не дают имена, – усмехнулся в ответ Сет, и я запнулась о неровную каменную кладку.

Мужчина объяснил:

– Это моя сай. Да, знаю, не принято давать им тела других живых существ, но так уж вышло.

Он, словно извиняясь, развёл руками.

– Я уже слышала эту фразу.

– Про табуретку? Так говорят детям, чтобы они не привязывались к сай.

Стена нужного мне дома была расписана красными тюльпанами, поднимавшимися к крыше, как языки пламени. Дверь открыл молодой мужчина с сединой в висках, сразу же вскрыл конверт, очень обрадовался выпавшей оттуда книге и без вопросов заплатил требуемую сумму.

Сет дождался меня, и некоторое время мы шли молча.

Я угрюмо перебирала пальцами деньги в кармане. Наконец, мужчина нарушил тишину.

– Рина, я не хочу ходить вокруг да около... Ты выглядишь как человек, которому лучше всё сказать напрямую. Я прав?

Я с удивлением взглянула на него. Может быть и прав. Пока в этом мире все только и делают, что играют в игры и недоговаривают. Я осторожно сказала:

– Думаю, да.

Сет удовлетворённо кивнул.

– Я уже сказал, что нам, колдовскому сообществу, очень любопытно знать, что делает господин ан-Тарин уже больше двух месяцев с тех пор, как вернулся. А что ещё любопытнее, так это как именно он умудрился выйти из зеркал до срока. Вероятно, ты знаешь, что тринадцать лет назад Совет приговорил его к сорока годам в зеркальном зале. Ты знаешь, за что его осудили?

– Ну-у... – протянула я, – он использовал запретную магию.

– Да, но не только за это. Он кое-что украл.

От удивления я фыркнула. Этот борец за честность что-то украл?

– Не веришь, Рина? Понимаю, – серьёзно сказал Сет.

Мы уже вернулись в пределы старого города и медленно приближались к Элле, чтобы затем свернуть к Чернильной реке. Кошка-сай то бежала впереди нас, то исчезала в кустах. Стало жарко, и я обмахивалась оставшимся конвертом.

– Совет так и не смог ничего доказать. Они обыскали всё, до чего смогли дотянуться, даже тень мира, но так и не нашли то, что он украл.

Я закатила глаза. Ну конечно, мой новый знакомый вроде бы говорит напрямую, но не говорит конкретно. Хочет, чтобы я первая задала вопрос.

– И что же он украл? – несколько раздражённо спросила я.

– Терпение, Рина, терпение! – очаровательно улыбнулся Сет. – Я никоим образом не оправдываю Совет, но они решили, что будет безопаснее запереть ан-Тарина в зеркалах. Мы были на грани войны, а такой артефакт, как драконий коготь, попади он к горцам, мог уничтожить наши шансы на победу.

Так вот к чему были все эти книги о драконах! Значит, Джей действительно его украл. Наверное, успел спрятать в доме, прежде чем его схватили. Ведь туда никто не мог зайти, пока Джей не вернулся. Я притворно возмутилась:

– Как же это так, без доказательств запереть человека на сорок лет?

– Я повторяю: Совет я не оправдываю, но Джей был как бельмо на глазу у уважаемого колдовского сообщества – плевал на запреты, использовал все виды магии, приносил из других миров потенциально опасные, неизученные артефакты, пропадал в тени мира...

Мы вышли к Карне. На противоположном берегу стояла, освещённая солнцем, тюрьма, и я сразу помрачнела, вспо-

нив, как сегодня рано утром сидела в кабинете у начальника полиции и боялась пошевелиться. На меня навалилась усталость последних нескольких дней. Я предложила Сету пять минут посидеть на лавочке под деревом, которое удачно загоразивало от меня тюрьму. Кошка-сай улеглась у воды, чтобы наблюдать за утками.

– А что касается доказательств, – продолжал Сет, – больше некому было.

Он рассеянно проводил глазами лебедя, которого сносило течением в Чернильную реку. Мне дико хотелось пить, и я завидовала птицам, плескавшимся в воде и не знавшим своего счастья.

– Это мало кому известно, Рина, но я уже сказал, что не хочу ходить вокруг да около. Ты сможешь сохранить это в тайне?

– Да, – ответила я, утомлённая его витиеватой прямолинейностью.

– Хорошо, – кивнул Сет. – Дело в том, что тринадцать лет назад старый король поручил мне найти драконий коготь. Но кто-то успел забрать его до меня. После разрушения мира этот камень был спрятан в одном из дальних миров. Найдётся немного колдунов, которые могли бы пройти так далеко, и Джей – один из них.

– Значит, – спросила я, – ты тоже можешь ходить через миры?

– Да, – кивнул Сет, – именно поэтому король поручил это

дело мне. Но, как видишь, всё пошло наперекосяк. Джей где-то спрятал коготь, а король не дожил до конца войны, которая закончилась позорным перемирием. Его сын погиб ещё раньше, а на трон взошёл мальчишка.

Сет тяжело вздохнул.

– Я должен перейти к главному. Может быть, ты слышала – отношения с горцами вновь накаляются. И если в столице, полной шпионов, у кого-то дома бесконтрольно лежит опасный артефакт, это может плохо кончиться. Я уверен, что господин ан-Тарин не поделился с тобой информацией относительно камня, однако ты могла что-то увидеть краем глаза, услышать...

Я с сомнением покосилась на мужчину. Быстро он перешёл к делу! Неужели он уверен, что я не побегу сейчас домой, чтобы рассказать обо всём Джейю? Или дело настолько серьёзно, что он готов рискнуть?

– А что такого опасного в этом камне?

– Почти всё, что касается драконьего когтя, запрещено Советом. Кроме сказок, само собой. От короля я кое-что узнал. Считается, что всего было создано пять камней, и если собрать все, то можно вырастить дракона, который будет подчиняться хозяину, как сай. Но и в одном когте заключена огромная сила, способная в неправильных руках причинить много горя.

Я промолчала. А кто будет решать, какие руки правильные?

– Я понимаю, Рина, ты находишься на службе и должна беречь секреты своего хозяина. Но я прошу тебя, подумай, оцени то, что я тебе рассказал. Взвесь риски, для города, для себя. И если надумаешь, приходи к тому месту, где мы вчера встретились. Кошка всегда здесь гуляет, она сразу позовёт меня.

– Мне нужно идти, – сказала я.

Сет встал, на прощание пожал мне руку и вновь повторил, чтобы я подумала. Я кивнула и поспешила по набережной к старому мосту.

«Драконы, шпионы», – так сказал Робин? Я составляла в голове пирамиду из кубиков, которые до этого беспорядочно валялись вокруг. А ещё он сказал, что это всё детские сказки. Как же!

Мне следовало вернуться, как только доставлю последнее письмо. Значит, пока я его не доставлю, я могу не возвращаться, так? Я понимала, что рискую, вновь выискивая лазейку в приказе, но мне нужно было узнать кое-что от тех, кто точно не станет обманывать.

Я перешла реку по старому мосту, свернула к прачечным и попросила Звёздочку показать мне путь к школе для девочек. Чувство направления вывело меня к лесенке, зажатой между стенами домов. В отличие от петляющих улочек, она круто поднималась вверх по холму и провела меня между цветущих садов прямо к особняку.

Мне повезло – я попала на очередной перерыв в занят-

ях. Небольшая группка самых маленьких девочек сидела полукругом перед мальчиком с тёмно-рыжими волосами, который чертил что-то палкой на земле. Несколько девчонок, среди которых была и Нина, играли в догонялки. Та самая девочка с толстой пшеничной косой чуть не врезалась в меня и тут же заорала:

– Смотрите! Смотрите! Преступница на свободе!

Девчонки завизжали, окружили меня и начали галдеть. Я возвышалась среди них длинной неуклюжей цаплей.

– Тихо, ну тихо же! Я не преступница! Я исследователь миров!

Девчонки сразу затихли.

– Я прибыла в ваш мир, чтобы записывать сказки.

– Уже всё записано, – фыркнула девочка с пшеничной косой, – иди в магазин и купи пару книжек – вот и всё исследование.

– Мне интересен фольклор, – вдохновенно врала я, – как сказки звучат в жизни и для чего используются. Вот, например, ваши считалочки. Про птицу с руками.

– Это просто страшилка, чтобы дети не ходили в лес одни, – с презрением сказала девочка с косой.

– Как и алые бабочки?

Девчонки возбуждённо зашумели, перекрикивая друг друга.

– Ты что! – громче всех закричала Нина. – Алые бабочки – это правда, в них мы не играем!

– Это все знают, – заявила девочка с косой. – Ты что, так и ходишь тут и донимаешь всех глупыми вопросами? Поэтому тебя господин полицейский поймал?

– Ничего он меня не поймал! – возмутилась я и быстро перевела тему: – А Лисий город?

– Это ты у самого Лиса и спроси... – девочка обернулась, поискала кого-то глазами и со вздохом сообщила: – Опять убежал! Не любит взрослых.

– Нам родители вообще запрещают с ним общаться. Боятся, что утащит к себе.

– А он не утащит! Мы просто играем! – разгуделись девочки.

– Ладно, ладно, – попыталась успокоить их я, – а что насчёт медведя с фонарём?

– Это из «Сказок трёх сестёр».

– Да ничего подобного!

– А вот и да!

– А вот и нет!

Нина растолкала всех и вышла вперёд.

– Это из сказки о зелёной владычице...

– Это не сказка! – пискнула самая маленькая девочка, но её оттеснили назад.

– Зелёная владычица украла луну и спрятала её на дне колодца. Прекрасный принц в медвежьей шкуре...

– Не принц, а просто медведь!

– Принц! – строго повторила Нина. – Пошёл искать лу-

ну, спустился на дно колодца, разрезал верёвки, которыми её связала зелёная владычица, и луна улетела обратно на небо. Долго сидел принц на дне колодца, любуясь на луну...

Нина взмахнула рукой, и девочки дружно продекламировали:

– Луна полна и голодна, на дне одна видна она.

Я подавила дрожь и пробурчала:

– Вам обязательно читать стихи хором?

– Да! – дружно ответили девчонки и расхохотались.

– Зелёная владычица позволила принцу выбраться из колодца, но за то, что он освободил луну, отобрала у него королевские сокровища, а самого его превратила в медведя. Так и ходит он ночью по лесам и холмам с фонарём и ищет королевский перстень, диадему и кинжал.

Очень любопытно, но пора подойти к главному.

– Ну хорошо, а драконы? Они тоже из сказок?

– Дракон есть только один, и он сказочный.

– Нет! – влезла маленькая девочка, но на неё опять зашикали.

– Ты лучше у мальчишек спроси, у них как раз скоро перерыв, – сказала девочка с толстой косой, – это мальчишеские игры, мы в них не играем.

Похоже, я уже порядком надоела девчонкам. Я их понимала – пришла какая-то тётя и весь перерыв отвлекала от игр своими глупыми вопросами. Стоило мне отойти, девчонки снова бросились играть в догонялки.

Я спустилась на улицу ниже и дождалась звонка колокольчика, который возвестил о перерыве в занятиях. Мальчишки гурьбой выбежали из особняка и столпились у маленькой пекарни, такой же, как у школы для девочек.

Я нерешительно подошла к группе мальчишек, которые уплетали булочки-пиццы. Как же хочется есть! Я помотала головой, и один мальчишка, глядя на меня, рассмеялся, но тут же закашлялся, подавившись булочкой. Отличное начало, Екатерина!

– Я хотела кое-что спросить, – промямлила я, сразу сбившись с роли исследовательницы миров.

И почему так просто изображать уверенную в себе деловую женщину в салоне господина Туана и так сложно притворяться среди детей? Может быть, потому что плохую игру дети быстрее раскусят и больше не поверят, а взрослые постараются соблюсти приличия и сделают вид, что всё идёт как надо.

– Амарант, тут госпожа с вопросом, – крикнул один из мальчишек в сторону пекарни.

Светловолосый мальчик отряхнул руки от крошек, вернул стакан из-под лимонада продавцу и зашагал к нам. Он был повыше других, и хоть дети носили одинаковые белые рубашки, серые пиджачки и шорты до колен, на нём форма сидела изящнее.

– Ну? – мрачно спросил Амарант.

– Я хочу спросить про сказки.

Брови мальчика удивлённо поползли наверх, а потом он с облегчением рассмеялся, миг растеряв всю свою аристократическую важность.

– Так это не про моего пса?

Я помотала головой.

– Он вчера наделал дел! От газонов и цветников ничего не оставил.

Мальчишки, окружившие нас, рассмеялись.

– Толстая Лили вчера приходила! И такая: «Пф-ф-ф, пф-ф, я на эти маргаритки дюжину записок убила!» – пробасил один из мальчишек, смешно переступая с ноги на ногу и обхватив руками воображаемый живот.

Амарант сначала тоже расхохотался, а потом покраснел. Видимо, от толстой Лили ему всё-таки досталось.

– Так что за сказки, госпожа?

Я решила снова попытать удачу:

– Ну, например, про алых бабочек.

– Про алых бабочек – не сказки, – мрачно сказал Амарант.

– Значит правда, что семьдесят лет назад они вырвались и разлетелись по мирам?

– Конечно, – сказал один из мальчишек. – Мой прадедушка из-за алой бабочки умер.

– Твой прадедушка умер от того, что много пил!

– Да? – возмущённо крикнул мальчишка. – А от чего он стал много пить, по-твоему?!

Завязалась потасовка, и я отскочила, чтобы меня не заде-

ли.

– Ещё что-то? – спросил Амарант, которому тоже хотелось помахать кулаками, но при взрослых, роль которых в этот момент выполняла я, он старался вести себя прилично.

– Дракон, – сказала я, – он настоящий?

– Хм, – усмехнулся мальчик, – это смотря как посмотреть.

Совет говорит, что ненастоящий, а мой отец утверждает, что заявления Совета надо понимать наоборот. Эй, ребята!

Мальчишки отвлеклись от потасовки. Двое вскочили с земли, поправляя пиджаки и приглаживая волосы.

– Что мы знаем про дракона? – командирским голосом спросил блондин.

– Мы не знаем ничего, – вздохнул один мальчик, – кроме считалочки.

– ...и что зазеваешься – дракон тебя сожрёт...

– ...кусочек за кусочком!

Амарант поднял ладонь, призывая к молчанию, и сделал знак выстроиться в ряд.

В отличие от девочек, мальчишки не стали декламировать вместе, а говорили строку за строкой по очереди. Впрочем, звучало это не менее жутко, чем хор детских голосов.

Раз и два – обняли когти.

Третий сердце нанизал.

Следующий – мысли в клочья.

Пятый душу разорвал.

Раз – ты пропал!

Два – ты пропал!

Три – ты пропал!

Четыре, пять –

Некого искать.

Есть только он,

Ты – дракон!

– Вот и решай, настоящий или нет, – сказал блондин и собрался было уходить, но я остановила его.

– Подожди! Я хочу записать.

У одного из мальчишек в кармане обнаружился смятый листок с чистой обратной стороной, а другой дал мне карандаш. Под диктовку я записала слова, а ребята с любопытством глядели на незнакомые буквы.

– Это какой-то далёкий язык, не соседний, – сказал мальчишка, изображавший толстую Лили.

– Я из другого мира, – сказала я.

Мальчишки с уважением закивали, а Амарант сказал:

– Когда я вырасту, буду путешествовать по мирам. Так что ты приходи ещё, расскажешь про свой.

– Да тебя папаша не отпустит! – смело выкрикнул кто-то из ребят.

Тут же разгорелась новая драка, а я поспешила к последнему адресату. Я порядком задержалась и старательно игнорировала мысли о том, что меня ждёт дома.

На спуске меня догнал рыжий мальчишка, тот самый, который играл с девчонками, пока я не подошла.

– Это ты Лис? – прямо спросила я, уже порядком раздражённая общением с детьми.

– Ну да, – улыбнулся во весь рот мальчишка. – Это у тебя что?

Он выхватил конверт, прочитал адрес, фыркнул и вернул обратно.

– Не туда! Выше и налево. Давай провожу. Мне тебе кое-что сказать надо.

– Про Лисий город?

Лис досадливо отмахнулся, как будто я завела унылую беседу о погоде.

– Про дракона. Я обещал своему другу не лезть. Он давно и безуспешно занимается, скажем, одним проектом. Практически в последнюю минуту появился крошечный шанс, и если я влезу, то могу всё испортить. Любое необдуманное слово может изменить ход истории.

Мальчишка говорил по-взрослому – наверное, копировал речь родителей. Я посмотрела на его одежду – чистая, аккуратная. Может быть, он магию не видит, и его не взяли в школу, поэтому он рядом ошивается? Волосы у Лиса были густого рыжего цвета, короткие, мягкие, и я вдруг поймала себя на мысли, что мне хочется провести рукой по его шёрстке... То есть, по волосам.

– Ты не отвлекайся, птичка.

Я вздрогнула, а мальчишка по-хулигански улыбнулся и подмигнул. Глаза у него были янтарно-коричневого цвета.

– Так вот, я только одно скажу: драконий коготь сделан из сотни алых бабочек.

– И что?

Мальчишка скептически взглянул на меня и пробормотал:

– Как он и сказал...

– Кто что сказал?! – я начала терять терпение.

– Мой друг! – Лиса я тоже раздражала. – Сказал, что ты думать не любишь.

– А кто вообще этот твой друг? – вскипела я. – Я его что, знаю?

– Встречала разок, – ехидно проговорил мальчишка, – он тебе подарочек оставил.

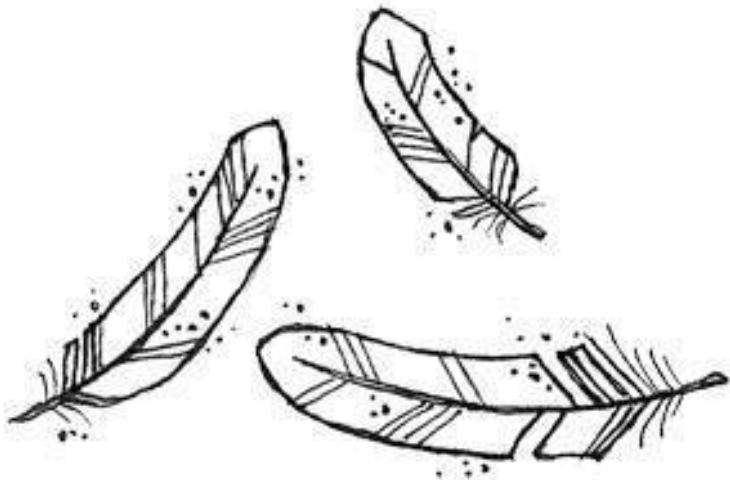
– Какой... – я не успела окончательно взорваться, потому что Лис перебил меня:

– Так вот, хоть ты этого и не любишь, но всё-таки подумай, что делают бабочки и что будет, если спрессовать сотню в один пульсирующий жаждой жизни камень. Смотри-ка! – он указал пальцем вверх за мою спину, а я, как последняя дуручка, попалась.

Там, куда указал мальчишка, ничего не было. Когда я обернулась, Лиса и след простыл. Я повертела головой, недоумевая, куда он мог так быстро убежать. Только если прыгнул в пышные кусты у домика с тремя жёлтыми рыбками на двери. Это было именно то место, куда следовало доставить последний конверт. Непримечательный среднего роста

и возраста мужчина быстро пробежал глазами по строчкам, коротко, как будто извиняясь, сказал «нет» и закрыл дверь.

Глава 20. Раз и два

У меня не осталось причин оттягивать возвращение, и я поплелась вниз по дороге. Мысли не хотели замедляться, мою голову как будто заполнила стая зудящих мух. Воспоминания о тюрьме сменялись мыслями о сказках, которые вдруг прерывал голос господина Роминора, и я вновь обижалась на его фразу, что я трясусь, как мышь. Начальника полиции сменяли Тео и Тун, и я представляла Тун в её кру-

жевном наряде и моих кроссовках.

У калитки меня встретил грязный Бонифаций, улыбающийся во всю свою мраморную морду.

– Я же тебя всего пару дней не чистила! – возмутилась я.

Однако львам пришлось остаться невымытыми – глядя на мирно спящего Достоевского, я не могла вспомнить, когда сама нормально спала. Я тихонько открыла входную дверь, но тут же почувствовала, что колдуна нет дома. В городе его тоже не было. Наверное, ушёл в тень мира. Я развернулась, встала лицом к двери и открыла её – нет, опять сад. Надо бы попробовать поиграть с зеркалами, чтобы дверь открывалась в тень мира, но сейчас я была слишком утомлена.

Я сунула деньги в шкатулку, налила стакан воды, отметив, что нужно купить ещё записок. Нетронутые яблоки так и лежали на столе, но, несмотря на голод, у меня не осталось сил даже на то, чтобы сделать лишний шаг и протянуть руку. Добравшись до своей комнаты, я накрылась с головой одеялом и сразу отключилась.

Проснувшись спустя несколько часов, я не могла сообразить, ни сколько сейчас времени, ни где я нахожусь. Не открывая глаз, я с надеждой прошептала:

– Дома, я дома!

Но я была, конечно, не дома. Но хотя бы и не в тюрьме. Время близилось к вечеру, а колдун так и не вернулся. Я сварила целую кастрюлю картошки, чтобы осталось и на завтра, и зажарила страшненькую яичницу, традиционно обуг-

лившуюся по краям. Некоторое время я размышляла, брать ли яблоко. С одной стороны, оно вызывало на поверхность неприятные воспоминания, а с другой, еда – это всего лишь еда, воспоминания и мысли лезут в голову независимо от неё.

Я откусила кусочек красного яблока, такого тёмного, что оно казалось почти чёрным. По пальцам потёк липкий сладкий сок. Я устроилась на веранде с видом на порядком заросший сорняками сад, но не видела его. Я пыталась сложить из новоприобретённых кубиков башню. Положим, Лисий город мне не нужен, медведь с фонарём и зелёная владычица – тоже, так что эти кубики можно отбросить. Прав Лис и его загадочный друг – думать я не очень люблю.

Значит, накануне войны с горцами старый король приказал Сету достать драконий коготь, но Джей успел найти его раньше и припрятал. Совет не смог ничего доказать, но всё равно запер колдуна в зеркалах, потому что тот в принципе им мешал. Значит, при себе у него камня не было, а тень мира, по словам Робина, Совет обыскал. Получается, Джей спрятал коготь в доме, где успел остановить время перед тем, как его поймали.

Хорошо, тогда перейдём к тому, что сказал Лис – драконий коготь сделан из сотни алых бабочек. Алые бабочки – это сай. Сай больше всего на свете хотят заполучить тело, а алые бабочки больше всего на свете хотят заполучить человеческое тело... Я выбросила огрызок под крыльцо, вытерла

руки о джинсы и достала из кармана листок, на котором записала считалочку. Пять когтей, которые по очереди хватают человечка – как на рисунке в книге о тварях неразумных. Я припоминала, что чёрные ромбики были расположены у рёбер, у сердца, прямо под шеей и в центре лба.

Но Джей сказал, что дракон становится сильнее! В стихе говорится про пять когтей, и Сет сказал, что нужно пять камней, чтобы создать дракона, а у Джея только один! Может быть, он имел в виду силу камня? Камень становится всё сильнее. И что?.. Я потёрла лоб и сунула бумажку обратно в карман. Бесполезно, моих кубиков не хватает, чтобы построить даже основание, что уж говорить о целой башне.

Ромашки, маргаритки и прочие цветы повернули свои головы на запад. Солнце спускалось к горизонту и золотило острые, словно лезвия, края листьев и травинок. Меня тревожили сорняки: сухие жёлтые колючки, полевые травы и неровные, растопыренные веточки, увенчанные букетом мелких белых цветочков. Чужие, принесённые ветром, они портили весь вид. Я взяла в кладовке садовые ножницы и тряпку, обмотала руку и принялась яростно вырывать колючки, как будто они являлись причиной всех моих несчастий, и, избавившись от них, я сразу почувствую себя лучше.

У живой изгороди обнаружили ещё птичьи перья. Серо-коричневые, с пушком, они трепетали на ветру и тихонько разлетались по саду. Мне стало неприятно, а от работы разболелась голова, и без того утомлённая попытками ре-

шить головоломку про дракона и алых бабочек.

Джей так и не вернулся, и я впервые осталась одна ночью в пустом доме и долго ворочалась в кровати, гоняясь за разношёрстными мыслями, которые в конце концов превратились в кошек разбойничьего вида и принялись охотиться на птиц в саду. Я проснулась ещё до восхода. Не от комариного будильника – для него было ещё рано, а от обрушившегося на меня через связь раздражения с изрядной примесью злости, которое ворвалось во входную дверь, пролетело по лестнице и обосновалось в библиотеке у меня над головой. Сердце заколотилось как бешеное, и чужая злость стала заполнять меня. В попытке оградиться я выставила зеркало, которое появилось над моей головой едва заметным полупрозрачным дымчатым контуром, но не помогло. Правильно, эта связь действует на каком-то другом уровне. Я отшвырнула одеяло, хлопнула дверью в ванную комнату и встала под холодную струю воды. Комок раздражения метался по библиотеке, спустился на кухню, оттуда – в сад. Словно злой дух, беснуясь, он несколько раз обогнул его по периметру, потом ринулся во внешний сад, ко львам, разозлился ещё больше, пометался среди деревьев, вновь ворвался в дом и тут же вышел, на этот раз в тень мира.

Сжимавшие меня тиски чужих чувств разжались, и я тяжело выдохнула. Только сердце продолжало стучать, как после подъёма в гору.

Забытая на плите вчерашняя картошка была холодной и

склизкой. Тем лучше, так с неё проще снимать шкурку, вяло подумала я и переложила несколько штук на тарелку. В кастрюле осталось ещё достаточно, чтобы прокормить меня несколько дней, а колдун, судя по содержимому холодильника, продолжал голодовку. Борьба с картошкой оказалась так утомительна, что я решила взбодрить себя кофе. Уже от одного аромата я начала приходить в себя. Наполнив кружку, я открыла дверь на веранду, чтобы полюбоваться цветами на восходе, и встала как вкопанная. Тёплый свет разогнал остатки молочного тумана с холмов. Первые солнечные лучи освещали то, что только вчера было цветущим садом. Растоптанные, выкорчеванные растения валялись на растерзанной земле, по которой как будто промчался табун диких мустангов. С минуту я стояла, не двигаясь, а потом что-то заставило меня опустить глаза. Прямо у моих ног на дощатом полу веранды валялись куски. В первое мгновение я решила, что это комья земли вперемешку с цветами, но потом поняла. Я выронила кружку, отступила в дом и схватилась за косяк. Это был кролик. Это было то, что осталось от кролика, и оно было раскидано по всей веранде, запачканной пятнами крови. Возможно, это даже был не один кролик. Я почувствовала, как к горлу подступает завтрак, и бросилась в ванную комнату.

Невозможно было оставаться в доме. На выходе я снова остановилась, потому что у порога лежало вырванное с мясом сизое птичье перо. Не глядя по сторонам, чтобы не уви-

деть что-то ещё, я обошла крыло, переступила через плитку, покрытую мелкими брызгами крови, и быстро вышла за калитку. Достоевский сосредоточенно сверлил взглядом соседний дом, Бонифаций мирно спал, положив лохматую голову на лапы. И с чего я взяла, что это соседский кот? Ведь мимо львов никто не проберётся! Я сунула руки в карманы джинсов и пошла вниз по дороге.

Надо найти Робина и сказать, что в дом я не вернусь, пускай хоть в тюрьму меня сажает! А откажется – так я готова показательно на глазах патрульного Кирка украсть что-нибудь более ценное, чем яблоко, а то и поагитировать народ на главной площади за войну с горцами.

Был ещё один вариант, который лез в голову, как я его ни отгоняла. Нельзя же по-настоящему ввязываться в эту историю с горцами! Ведь я не героиня приключенческого сериала, я маленький напуганный воробушек... Как я ни гнала эти мысли, ноги сами вынесли меня к берегу Эллы, к той лавочке среди кустов акации, где я впервые встретила Сета.

Чёрная кошка разбойничьего вида как будто поджидала меня. Она вынырнула из кустов, из своего наблюдательного пункта с видом на уток, обтёрлась о мои ноги и убежала. Я опустилась на лавку и невидящим взглядом уставилась на воду, отражающую синее небо. Было тепло, дул ветер, приносящий рыбный запах большой реки, изредка набегала тень от лёгких облачков. Я грызла ногти и не замечала ничего вокруг. Может, зря я сюда пришла? Может, лучше пойти и се-

рвѣзно поговорить с Робином? Опомнись, Екатерина, ты же не в телевизоре!

– Доброе утро, Рина.

Я вздрогнула и обернулась.

Сет, сама элегантность, стоял рядом с лавкой. Он улыбнулся и присел рядом со мной. Вдохнув полной грудью, он произнёс:

– Прекрасный сегодня день, правда?

Я пригладила волосы, положила руки на колени, расслабила плечи и сдержанно кивнула.

– Пожалуй.

Сейчас главное не ляпнуть какую-нибудь глупость... Я пыталась вспомнить, что делают в таких ситуациях героини моих любимых сериалов. Пускай Сет заговорит первым. Молчание затягивалось. Я заметила, что у меня дѣргается нога.

– Значит, ты подумала над тем, что я тебе сказал?

– Подумала, – осторожно ответила я.

Сет опустил голову и провёл рукой по губам, как будто стирая усмешку:

– И что же ты решила?

Я сжала рукой коленку и решительно заявила:

– Сначала скажи, что тебе нужно, тогда я скажу, что я хочу взамен.

Губы Сета разъехались в широкой улыбке, обнажившей зубы.

– С тобой приятно иметь дело, Рина.

Я не ответила на его улыбку. Я ждала.

– Ну что ж, всё очень просто. Мне нужен драконий коготь. Я рассчитывал на встречу с господином ан-Тарином, но он не выходит в город. Сначала я хотел попросить тебя провести меня в дом, но потом вспомнил про охранников-сай. Да и вряд ли он будет рад незваному гостю. В молодости у нас были не самые лучшие отношения.

Я не заметила, как снова принялась грызть ногти. Почему же ты, к примеру, не прислал письмо, если хотел поговорить?..

– Я понимаю, какой это для тебя риск. Но гораздо больший риск оставлять камень у Джея. Клянусь чем угодно, Рина, клянусь именем короля, что я думаю только о благе королевства и людей!

Его скулы напряглись, а ладонь, до этого спокойно лежавшая на бедре, сжалась в кулак. В следующее мгновение он расслабился, будто и не было этой вспышки.

– Рина, я спрошу прямо – ты сможешь найти камень и принести мне?

Я молчала. Если я принесу камень, то обратно дороги не будет. Что сделает Джей, когда узнает?.. А Робин?

– Я, наше колдовское сообщество – мы защитим тебя, у нас есть возможности. Мы изменим тебе внешность, отправим в другую страну, да хоть купим тебе дом! Куда ты хочешь? В Забережье? В Союз нижней долины? На острова?

Это был шанс, и я зацепилась за его слова:

– Я хочу домой.

Сет замолчал, на мгновение решив, что я говорю о своём нынешнем жилище, а потом улыбнулся:

– А где твой дом?

Хороший вопрос. Я намотала прядь из чёлки на палец, потом убрала волосы за ухо.

– Мы шли через поле, где девушки косили золотые колосья, а потом сократили путь через алых бабочек.

– Значит, вниз по спирали, – сказал Сет и уверенно добавил: – Это вполне осуществимо. Ну что ж, Рина, договорились? Ты приносишь камень, а я провожаю тебя до дома.

Он протянул мне руку, а я, не думая, словно во сне, подняла свою. Пальцы Сета крепко сжали мои. Я высвободила ладонь и бездумно потёрла ногу, которая опять задёргалась.

– А почему ты решил, что камень в доме? – нарушила я тишину.

– Ему больше негде быть. Тень мира Совет обыскал, с собой ан-Тарин его взять никак не мог, остаётся только дом, который был запечатан и оставлен под охраной сай. Совет проводил ритуал поиска, но любой предмет можно окружить щитами, и его не будет видно с такого расстояния.

– Тогда как же я найду его? – воскликнула я. – Я ведь не вижу магию!

– Это заметно, – серьёзно сказал Сет и полез в карман брюк, – поэтому я принёс кое-что.

Я пропустила колкость мимо ушей. Сет протянул мне

стёклышко в золотой оправе на цепочке, напоминающее монокль.

– Оно настроено на драконий коготь. Приложишь к глазу и пройдёшь по дому, не упуская ни миллиметра.

Мне не понравились новые нотки в его голосе. Что ты сделаешь, Сет, если я всё расскажу Джею? Я вспомнила сад, и по моим плечам прошла дрожь. Сет истолковал её по-своему. Он взял в руки мою ладонь с зажатым в ней моноклем и, глядя мне прямо в глаза, произнёс:

– Рина, не бойся. Ты найдёшь камень и принесёшь его сюда. Мы позаботимся о твоей безопасности. Скажи, ты сможешь сделать это сегодня?

У него были горячие ладони, и я не знала, как высвободиться из его хватки.

– Он часто бывает в тени мира, уходит обычно перед рассветом... Я приду завтра утром.

Сет удовлетворённо кивнул и, наконец, выпустил мою руку.

– Я буду ждать.

На дорожке, ведущей к дому, не было ни пёрышка. Я бы хотела притвориться, что мне всё приснилось, но утренняя картина так и стояла перед глазами. Дом застыл, мрачный, тихий, отражая настроение своего хозяина. Приглушённая ярость была запрятана глубоко внутри, и когда я тихо подошла к кухне, оказалось, что на веранде сидит Робин и угова-

ривает Джея поесть.

– Мне хватит того, что в тени мира, – устало отмахивался колдун.

– Не хватит, – возражал его друг.

– Я не собираюсь его кормить.

– Тогда сам сдохнешь, – огрызнулся Робин.

– Как будто у меня много вариантов.

От колдуна веяло такой мрачной безысходностью впере-
мешку со злостью, что я с трудом подавила желание убежать
в комнату, придвинуть комод к двери и спрятаться под оде-
ялом. Но я не могла упустить шанс подслушать их разговор.
Джей, не глядя на меня, резко захлопнул дверь. Робин огля-
нулся и улыбнулся мне через закрытое окно. Я сжала губы.
Ну нет, не выйдет так просто от меня отделаться! У меня
есть моя собственная магия, так почему не воспользоваться
ею? Но получится ли отразить звуки?.. Итак, первое зеркало
для защиты я поставила перед собой. Второе положила под
дверь так, чтобы половина высывалось на веранду, а вто-
рая оставалась на кухне. Чего-то не хватает... Ах да, нужно
зеркало, чтобы речь колдунов попадала на лежащее на полу
зеркало. Я встала так, чтобы через окно видеть колдунов, и
представила зеркало перед ними. Полупрозрачный дымча-
тый контур появился прямо напротив двух мужчин, но они
ничего не заметили. И ещё маленькое зеркало, которое на-
правляет звук мне в ухо. Не хватало устроить громкогово-
ритель. Ну что ж, за дело, мои зеркала! Я взмахнула рукой,

как фея из мультика. В глубине души я не верила, что моя кустарная магия сработает. Поэтому когда у моего уха раздался голос Робина, я дёрнулась в сторону от неожиданности. Колдуны продолжали переругиваться.

– А Лисий город чем тебе не вариант?

– Эта кунсткамера?! – внезапно закричал Джей. – Тогда лучше и правда сдохнуть!

Немного помолчав, он добавил уже спокойным голосом:

– К тому же, с чего ты взял, что Лису интересен именно я? Впрочем, дракон камня на камне не оставит от его уютного городка, а я даже возражать не буду.

– Ты несправедлив, – укоризненно произнёс Робин, и оба колдуна надолго замолчали.

Ну что же вы, я ведь так старалась! Я одним взмахом стёрла зеркала, подхватила с плиты кастрюлю с картошкой и удалилась в свою комнату. Тётушкин голос в голове тут же затянул своё «Екатерина, как можно!» Расслабься, тётушка. Пока никто не смотрит, всё можно.

Полная гордости за свои дымчатые зеркала, я осознала значение услышанных слов, только когда расправилась с картошкой. Джей не хочет кормить его – кого? Дракона. Настоящего живого дракона, который не оставит камня на камне от Лисьего города. Робин не возражал, значит, это правда. И что это значит, Екатерина? У меня всё похолодело внутри. Мой набор кубиков, из которых я вчера безрезультатно пыталась выстроить башню, вдруг превратился в стёклышки

в калейдоскопе, которые при повороте сложились в новую картину. Картину, где камня больше не существует, потому что из него вырос дракон. А если камня не существует, то мне нечего принести Сету. Путь домой закрыт. А если Сет кому-то расскажет о нашем договоре? А этот кто-то подберет некоему колдуну письмо в почтовый ящик?.. Что тогда будет с глупой птицей Екатериной?

Ну подожди, постой, ещё не всё потеряно! Может, нет никакого дракона? Или камень так и остаётся камнем, даже если появляется дракон. Стоит сделать, как сказал Сет, прежде чем впасть в панику. Я успокоила дыхание. Не хватало ещё, чтобы колдун заметил моё настроение. С другой стороны, не думает же он, что утром я просто так разлила кофе, оставила кружку валяться на веранде, а сама ушла на пару часов погулять в город? От воспоминаний меня снова замутило. А что же Робин? Если он видел то, что видела я, тогда что он думает?

Но мне не представилась возможность спросить – я услышала, как колдуны прощаются в коридоре, а затем Джей поднялся наверх. Я решила остаться в комнате, хотя больше всего мне хотелось сбежать из дома. Время тянулось невыносимо медленно, ведь я вообще не знала, собирается ли Джей сегодня выйти из дома или проторчит весь оставшийся день в библиотеке. Я мерила комнату шагами и прошла, наверное, несколько километров. На город уже спустились сумерки, когда колдун покинул библиотеку, задержался на пару

секунд возле моей двери, и, наконец, вышел в тень мира.

Стояла тишина. Птицы теперь избегали нашего сада. Я достала из кармана монокль и подошла к двери. Давай, Екатерина, соберись! Он может вернуться как завтра утром, так и через полчаса. Нельзя тянуть.

Держа стёклышко у глаза, я прошлась по библиотеке, не пропуская ни сантиметра. На рабочем столе лежал сборник сказок и книга о драконе, но я не стала задерживаться, чтобы ещё раз посмотреть на рисунок. Из библиотеки я зашла в кабинет – дверь оказалась не заперта. На полу валялись конверты и исписанные листы бумаги, которые сдуло со стола порывом ветра. Осторожно обходя их, чтобы не оставить следов, я проверила всю комнату, но и тут ничего не обнаружила. Выйдя через вторую дверь, я остановилась перед лестницей, ведущей на третий этаж.

Я никак не хотела признать очевидное: камня в доме нет. Мне необходимо было проверить каждый уголок. Только бы колдун не вернулся, иначе мне конец!

Чтобы отпереть замок, я соорудила хитроумную систему зеркал с обеих сторон от него. Я придумала что-то новенькое: одно из зеркал я установила за дверь и заставила его вращаться. Замок щёлкнул, и я повернула ручку.

За дверь оказалась крошечная спальня под скошенной крышей. В ней кое-как помещалась широкая неубранная кровать, шкаф и прикроватный столик, на котором толпился десяток грязных кружек. За шкафом пряталась дверь в со-

всем уж микроскопическую ванную комнату. Я просмотрела всё помещение через монокль, даже заглянула под кровать, потом поменяла глаз – ничего!

– Звёздочка, – в отчаянии прошептала я, – ты видишь в доме драконий коготь?

Татуировка зачесалась, и я почти что увидела, как птичка растерянно пожимает плечами. Сдерживая подступившие слёзы, я захлопнула дверь и снова покрутила зеркальную конструкцию, чтобы повернуть язычок замка. Когда я стала видеть контуры моих зеркал, управлять ими стало гораздо удобнее, но я была слишком расстроена, чтобы обрадоваться прогрессу.

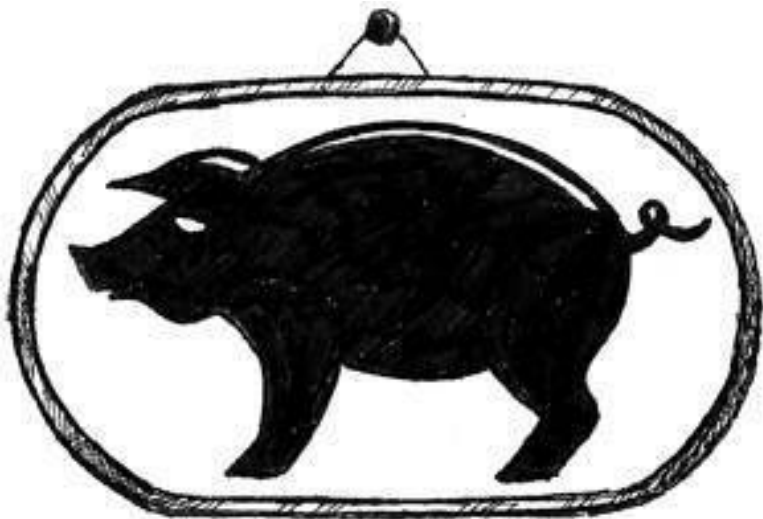
Я подпёрла дверь своей комнаты стулом и легла в кровать, свернувшись калачиком под одеялом. Что же делать? Что я могу предложить Сету? Я никогда не решусь пойти в тень мира, чтобы поискать там камень! Не прав твой друг, Лис. Я люблю думать, но только о приятных вещах. Сейчас мне в голову не лезло ничего, кроме мрачных мыслей. Кто такое любит? Я сама не заметила, как задремала. Я плавала в сумбурных незапоминающихся снах, которые вдруг трансформировались в кошмар. Я кричала на колдуна, трясла его за плечи, а он улыбался широкой улыбкой Сета, потом заходился кашлем, а из его рта вырывались стайки алых бабочек. Я проснулась от шума на кухне. Хлопали дверцы шкафов, что-то падало на пол... Не знаю, что на меня нашло – возможно, я всё ещё была под впечатлением от сна, раздражён-

ная и уверенная, что можно просто так подойти и потрясти колдуна за плечи, чтобы освободиться от связи. Вместо того, чтобы зарыться под одеяло и переждать, я окружила себя зеркалами и на цыпочках прокралась по коридору к кухне.

В темноте, освещённый лишь холодным светом луны, Джей методично распахивал шкафчик за шкафчиком, доставал очередную банку, открывал и высыпал содержимое в рот. Опустошённая ёмкость с грохотом отправлялась на пол. Колдун присел на корточки, достал с нижней полки холщовый мешок, запустил туда руку и принялся горсть за горстью запихивать в рот муку. Вдруг он замер, медленно выпрямился и обернулся. Нечеловеческий красный блеск в его глазах заставил меня вжаться в стену. Напрасно я решила, что во мне нет больше страха – его оказалось предостаточно. Джей огляделся и, не заметив меня, вернулся к своей трапезе. Он запрокинул голову и начал сыпать муку из мешка прямо в рот, посыпая ею себя и пол вокруг.

Я попятилась в комнату, придвинула к двери стол и не сомкнула глаз до тех пор, пока колдун не вернулся в тень мира.

Глава 21. Дом Чёрной свиньи

Город только просыпался. Я пробежала мимо лошади, бодро стучащей копытами по мостовой. Повозка была нагружена фруктами и овощами – торговец не спеша ехал на рынок. Меланхоличный полный мужчина в сером переднике подметал улицу растрёпанной метлой, женщина в пышном платье оттирала невидимые пятнышки с витрины, где в солнечном свете искрились украшения с драгоценными камнями.

ми.

Звёздочка вела меня к Робину.

Я увидела его издалека, но осталась за домом, чтобы не мешать ему работать. Стоя у прилавка на краю Рыбного рынка, Робин, одетый в полицейскую форму, беседовал с торговцем, который только-только начал готовить своё место к открытию. Невысокий худой мужчина обладал завораживающей мимикой – он то складывал брови домиком, то сжимал губы в дудочку и водил ими туда сюда, словно за щекой у него была спрятана конфета. Потом он принялся неистово кивать, подхватил невидимую юбку и начал скакать на месте, изображая бег. Он замахал рукой, указывая направление, Робин обернулся и заметил меня. Торговец занялся прилавком. Робин свистнул, и к нему подбежал босой мальчишка, выслушал его, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, и убежал так резво, как будто где-то неподалёку раздавали бесплатное мороженое.

Когда Робин подошёл, у меня вдруг опустело в голове. С полминуты я молчала и хмурилась не хуже торговца рыбой.

– Что-то случилось? – спросил Робин.

Я вышла из ступора и возмущённо фыркнула. Случилось? С тех пор, как твой дружок вытащил меня из моего мира, всё время что-то случается!

– Ты вчера видел сад?

– Видел, – неохотно ответил Робин.

– Львы охотятся только в тени мира, так?

– Так.

– А колдуны не едят мясо, так?

Робин огляделся, как будто чтобы удостовериться, что нас никто не слышит.

– Тебе ничто не угрожает.

– Ничто не угрожает? – закричала я. – Да он всё подряд ест! Он меня скоро сожрёт!

Я вдруг расплакалась, громко, навзрыд. Редкие прохожие кидали на нас любопытствующие взгляды. Робин положил руку мне на плечо и увёл с улицы в тупик между домами. Там резко пахло несвежей рыбой и ещё боги знают чем.

– Он ничего не сделает тебе, ни при каких обстоятельствах. Поверь мне, ты в безопасности.

– Робин! Это же всё из-за дракона! – выговорила я, борясь со всхлипами. – Я не могу туда вернуться.

– В доме безопасно, – повторил Робин таким успокаивающим тоном, каким говорят ребёнку, что монстров не существует, перед тем, как выключить свет.

– Не могу... – мой голос дрогнул, а из глаз потекла новая порция слёз. – А я не могу... ну... пожить у тебя?

– Я живу при полицейском участке, – ответил Робин.

Я поражённо взглянула на него, на секунду забыв о своих несчастьях.

– У меня есть дом, но не в столице. Далеко, у моря. Я редко там бываю.

– А как же, – меня вдруг посетила внезапная мысль, ко-

торуую нужно было срочно высказать, пока я не успела смутиться, – как же девушки?

– Для этого есть гостиницы, – неловко улыбнулся он и тут же сменил тему: – Тебе нельзя отдаляться от дома надолго. Ваша связь будет...

Но я не слушала. Меня поразила новая мысль – я говорила со взрослым сорокалетним мужчиной, с главой тайной полиции. Я наконец-то увидела себя его глазами – несуразная растрёпанная девица, вечно влипающая в неприятности, слишком инфантильная для своих лет и чуть что бросающаяся в слёзы. Удивительно, что он вообще стоит здесь со мной, тратит время, чтобы утешить глупого расчирикавшегося воробушка. А эта его постоянная забота... Он просто жалеет меня, а на самом деле считает, что взрослые дяди разберутся сами. Я вытерла щёки тыльной стороной руки.

– Да, ты прав.

Ты не прав. Я разберусь сама.

Робин улыбнулся и сжал моё плечо.

– Всё будет хорошо. Просто потерпи ещё немного.

Наверное, стоило послушать Робина, ведь ему было виднее. Но страх не умеет ждать. Он эгоистичен, ему нужно действие здесь и сейчас. Страх и отчаяние привели меня к лавочке на берегу Эллы. Чёрная кошка тут же выскочила из зарослей осоки, напугав уток, и убежала, даже не потеревшись о мои ноги. Я опустилась на лавку и спрятала лицо в ладонях.

Я скорее почувствовала приближение Сета, чем услышала. Он стоял передо мной и поправлял серые жемчужные запонки на рукавах. В этот раз он не протянул мне руку.

– Значит, нет? – сказал он вместо приветствия.

Я помотала головой и протянула ему монокль.

– Ты всё проверила? Ты уверена, Рина?

– Камня в доме нет, – проговорила я, так и держа монокль в вытянутой руке.

Сет сунул руки в карманы и смотрел на меня сверху вниз. Я быстро продолжила:

– Но я кое-что слышала.

Помедлив, мужчина забрал стёклышко и сел рядом. Он всё молчал, и я поняла, что в эту игру мне никогда не выиграть.

– Дракон становится сильнее.

– Что? – Сет на мгновение потерял свой невозмутимый вид, но тут же собрался.

– Джей так сказал. Он теперь почти всё время проводит в тени мира.

– Но это же меняет дело! – воскликнул Сет.

– Я не могу пойти туда...

– И не надо, – Сет схватил меня за руку. – Это слишком опасно. Если он каким-то образом вырастил дракона из единственного когтя и держит его в тени мира... Но как? Мне нужно встретиться с Джейем. Ты можешь как-то вытащить его за пределы его территории?

Я представила, как подхожу к колдуну и прошу на минуточку выйти на улицу, потому что там его ждёт старый... друг? Из груди вырвался нервный смешок, и я тут же закашлялась. Ну что ж, Екатерина, у тебя больше нет вариантов.

– Я могу пустить тебя в дом. Я знаю имена львов.

Сет отпустил мою руку и рассмеялся. Затем он заговорил, и в его голосе звучало облегчение.

– Ан-Тарин совсем помешался в заключении. Дать имена сай-охранникам!..

Да ещё сообщить тупой служанке, это ты хотел сказать, Сет? Но тебе не обязательно знать правду.

– Тогда меняем план, Рина. Ты сейчас же возвращаешься в дом и приказываешь львам пропустить меня, когда я приду.

Он снял одну жемчужину с рукава, зажал в кулаке, прикрыл глаза и что-то проговорил одними губами, затем протянул её мне.

– Назови львам моё имя и поддержи перед каждым запонку хотя бы несколько секунд. Потом найди тот дневник, который был у тебя во время нашей первой встречи – я должен знать, к чему быть готовым.

– А если он вернётся? Я не смогу ничего сделать.

– Сделаешь, когда снова уйдёт. Никакой кошки, я сам буду дежурить весь день. Не получится до вечера – встретимся завтра утром. Нет более важного дела, Рина, понимаешь! – глаза Сета снова загорелись, как в нашу прошлую встречу. –

Легендарный дракон в полыхающем недовольством городе!
Какая безответственность! И как типично...

– А это? – я бесцеремонно прервала мужчину, вытянув вперёд ладонь с чёрным пятном от клятвы.

– Ах да, – произнёс Сет уже спокойным голосом, – я уже заметил.

Он вытянул передо мной ладонь, и только сейчас я заметила под его большим пальцем маленькую аккуратную кляксу с несколькими вытянувшимися лепестками.

– Ты ведь из того мира, где хранились зеркала. И как же ты не испугалась?

Я пожала плечами. Да я просто не успела испугаться, господин колдун, но тебе об этом не обязательно знать.

– Как это получилось?

– Случайно.

– Случайно? – Сет поднял брови. – Клятву души не дают случайно.

– В качестве оплаты услуги, – нехотя ответила я.

У меня опять дёргалась нога. Поняв, что я не горю желанием говорить об этом, Сет сказал:

– Я её заблокирую, – и тут же добавил: – Нет, Рина, разорвать я её не смогу. Но когда я обсужу с ним все дела, он не станет тебя искать, это я обещаю.

В моей груди от этих слов что-то сжалось. Он продолжал:

– Итак, львы и книга. Как всё сделаешь, беги на Новый рынок, не задерживаясь. Даже если он к тому времени вер-

нётся. Ты часто ходишь туда, ничего подозрительного в этом нет.

«Откуда он знает?» – мелькнуло в голове, но нужно было сосредоточить всё внимание на словах Сета, и мысль исчезла так же быстро, как и появилась.

– Как только связь будет заблокирована, твой хозяин больше не сможет видеть, где ты находишься. В толпе мы быстро затеряемся. Я буду ждать у входа и сразу уведу тебя в безопасное место.

Он встал первым, и мне тоже пришлось подняться. Я сунула серую жемчужину в карман. Прежде чем уйти, Сет положил обе руки мне на плечи и серьёзно сказал:

– Мы рассчитываем на тебя.

Несколько минут я постояла одна, мрачно глядя на беспечных уток.

– А что мне ещё делать? – вслух спросила я, подняла камень и, размахнувшись, запустила в реку. Он упал гораздо ближе, чем я рассчитывала, и поднял фонтан брызг. Птицы разлетелись.

Что мне ещё делать? Я маленькая потерявшаяся птичка, которая хочет домой. Домой. Я уже и не помнила, зачем. Я с трудом вспоминала родителей и Алину. Тётушкин голос молчал. Образы коллег по моей краткосрочной работе, а уж тем более студентов с потока всплывали безликими и безымянными силуэтами. О чём мы говорили? Чем были заполнены мои дни? Я попыталась представить себе мой пруд с

уточками, но перед глазами стояли беспокойные воды Эллы.

Направившись в сторону дома колдуна, я почувствовала дикий голод. Деньги я не взяла, а кухня скорее всего была опустошена. Я окружила себя зеркалами и под этим прикрытием утащила из-под носа у продавщицы два больших куса пирога. Я запихивала их в рот прямо на ходу, не чувствуя вкуса. Мне было противно.

Цветы, которые раньше лежали на голове у Достоевского, полностью опали, и теперь над спящим львом висели гроздья пока ещё зелёных ягодок. Моё чувство говорило, что колдуна нет дома, но всё равно страшно было до того, что руки онемели, и я никак не могла нащупать жемчужину в кармане. Лоб покрылся испариной – неужели потеряла!

Наконец, я достала запонку, запутавшуюся в складках. Серо-перламутровый камень переливался радужными разводами на солнце. Бонифаций радостно скалился. «Мне придётся от них избавиться», – так сказал Джей. Я помотала головой – у меня нет выбора! Робин не поможет, а Сет не выглядит человеком, с которым можно без последствий разорвать договорённость. А главное – он отправит меня домой, где все эти приключения покажутся не более чем кошмарным сном. Я протянула дрожащую руку с жемчужиной к львиной морде.

Покончив с этой частью, я поднялась в библиотеку и сразу нашла книжку в болотно-зелёной обложке на рабочем столе.

Схватив её, я направилась было к выходу, но сообразила, что больше не вернусь в этот дом. А как же мои вещи! Сет сказал не задерживаться, но я должна взять хотя бы самое важное – телефон и паспорт.

Первым делом я достала рюкзак, вытащила пару футболок и задумалась, не положить ли их в сумку, которую дал мне господин Туан. Всё происходило слишком быстро! И почему я заранее не подготовила набор для побега? Не брать же с собой увесистый рюкзак!

Наверное, от пережитого за последние дни я совсем перестала соображать. Увидев знакомые вещи, я как будто оказалась в созданном ими островке безопасности. Мне захотелось на прощание хоть одним глазком взглянуть на тень мира. Я открыла окно, расположила по раме дымчатый контур зеркала и развернула его на сто восемьдесят градусов.

Днём тень мира мало отличалась от своего сумеречного варианта – всё тот же белёсый стелящийся туман, та же зелень мха, покрывающая развалины. Я хотела позвать Бонифация, который лениво обмахивался хвостом, сидя на своём постаменте, – даже не знаю, зачем. Может быть, чтобы извиниться?.. Но тут, разрезая дымку, вдалеке показался тёмный силуэт, быстро шагающий к дому.

Я резко стёрла зеркало, заметалась по комнате, споткнулась о рюкзак. Из бокового кармашка торчал телефон. Он лёг в мою руку инородным предметом – холодный, мёртвый кусок пластика. Зажав его в ладони, я продолжила судорож-

но копаться в рюкзаке. Паспорт никак не хотел находиться. Одежда, салфетки, листки бумаги, распечатка бронирования тура...

Меня чуть не сбило с ног волной ярости. Телефон выскользнул и ударился краем о пол. Не видя, я знала – ручка входной двери поворачивается. Я бросилась к распахнутому окну, сначала кинула на землю дневник, а затем, путаясь в занавесках, неуклюже вывалилась сама.

Я мчалась к рынку, словно за мной гналась свора бешеных собак. Только у мостовой я сообразила, что за мной никто не бежит, не вызывает меня, не ищет. Колдун не заметил ничего подозрительного. И правда, учитывая всё, что я видела, нет ничего удивительного в том, что я убежала из дома сломя голову, едва заслышав его шаги на пороге.

Тем не менее, я не замедлила шаг. Ведь если колдун направился напрямиком в библиотеку, то ему не потребуется много времени, чтобы сложить два плюс два. А затем моя комната, разворошённый рюкзак... Да ведь он просто выкачает из меня все силы, и не успею я и глазом моргнуть, как рухну посреди улицы! Я припустила ещё быстрее и ворвалась на рынок, расталкивая покупателей.

Был самый разгар торговли. Как же в этой толпе найти Сета? Я бросилась обратно к выходу, вертя головой, и тут кто-то приобнял меня за талию и увлёк к домам.

– Всё сделала? Вот умница, – прошептал мне на самое ухо Сет. – За мной.

Он выхватил книгу у меня из рук, сунул за пояс и быстрым шагом направился к непримечательному домику на краю рыночной площади. Над входом висела деревянная вывеска, изображающая пивную кружку. Сет провёл меня через зал на кухню. Повар кивнул и отвернулся.

На улицу вела полуоткрытая дверь, доносились голоса с рынка. Я прислонилась к косяку, ловя сбившееся дыхание. Пахло маслом для жарки, которое давно пора было сменить. Первым делом Сет забрал жемчужину и закрепил на рукаве, а затем взял меня за запястье правой руки, обвёл пятно клятвы квадратиком, прямо как Робин, и сделал резкое движение сверху вниз.

Мне как будто отрубили часть руки. Я вскрикнула и схватилась за кисть, но боль не проходила, а только усиливалась. Кровь барабанами отбивала ритм в висках. Буквально спустя мгновение я почувствовала, что Джей заблокировал связь со своей стороны – я больше не понимала, где он, но и его злость, сопровождавшая меня фоном всюду, за исключением того времени, что он проводил в тени мира, исчезла. Я рухнула на пол, не в силах оставаться в вертикальном положении. Повар даже не обернулся.

– Надо же, какая чувствительная, – произнёс Сет.

Мне послышалась издёвка в его тоне, но он тут же заботливо помог подняться. Было спокойнее думать, что мне показалось.

– Быстрее, – Сет взял меня под локоть и вновь вывел на

рынок.

Мы пробрались через толпу, а потом пришлось ускорить шаг. Однотипные улочки за рынком, застроенные домами в один-два этажа, были мне мало знакомы – я почти не бывала в этой части города. Каким-то образом мы оказались у Рыбного моста, где на обочине широкой дороги ждала крытая повозка, запряжённая двумя лошадьми.

– Куда мы едем? – с беспокойством спросила я, устраиваясь среди мешков.

Сет не ответил, перебрался ближе к вознице и что-то говорил ему через ткань, закрывающую повозку со всех сторон. Судя по ощущениям, в мешках было что-то вроде фасоли или гороха, что делало поездку по неровной дороге малоприятной.

Я посмотрела назад сквозь щёлку, в ноздри ударил запах рыбы – мы проехали мимо рынка и углубились в район за городской стеной. Я поглаживала пятно клятвы, которое продолжало пульсировать и ныть. Наконец, повозка остановилась. Сет выбрался со стороны возницы, а я отодвинула ткань и спрыгнула сзади. Повозка сразу же уехала, а Сет повёл меня через цветущий сад к дому. Среди высоких алых роз возился лысый старичок с бакенбардами, похожими на пух одуванчика. Он озадаченно посмотрел на Сета, как будто пытаясь вспомнить, кто это.

– Привет, Габи! – улыбнулся ему Сет и тут же прошептал мне на ухо: – Это мой дед, у него с головой плохо, не обращай

внимания.

Старичок неуверенно улыбнулся в ответ и вернулся к работе. Сет распахнул передо мной красную дверь с изображением чёрной свиньи, и я зашла в дом. Узкий коридорчик вёл мимо закрытых дверей на кухню, где сидел крупный мужчина и, прихлёбывая, ел что-то прямо из кастрюли. Я не успела его разглядеть, потому что Сет подтолкнул меня к лестнице, и мы поднялись на второй этаж. Из гостиной с камином, небольшим диваном, на котором валялось скомканное одеяло и подушки, обеденным столом и книжными полками вели ещё несколько дверей. Сет повёл меня к одной из них, но я остановила его.

– Когда ты отправишь меня домой?

Сет усмехнулся.

– Когда у меня будет драконий коготь, конечно. Ведь так мы договорились?

– А вдруг у тебя ничего не выйдет?

– А что, Рина, – он приблизился, – у тебя есть причины об этом беспокоиться?

Невольно отступив на шаг, я помотала головой.

– Вот и не думай об этом. Я разберусь с ан-Тарином, а потом займусь тобой. А пока тебя развлекут мои девочки.

Он распахнул дверь. Стены комнаты были оклеены тёмными обоями в вертикальную полосу. Слева располагалась широкая кровать и комод, а справа стоял столик и пара стульев, на одном из которых сидела кудрявая женщина в чёр-

ном. Увидев меня, она вскочила и воскликнула:

– Тео, смотри-ка, наша подружка!

Я остановилась на пороге, не веря глазам. Этого просто не может быть!

Вторая женщина, сидевшая на подоконнике и наматывавшая тёмный локон на палец, лениво повернула голову в сторону двери. Тун уставилась на мои кроссовки и проговорила:

– Ой, а тапки-то, тапки.... Может теперь поменяемся?

– Так вы знакомы? – удивился Сет.

– Ага, пообщались в тюрьме, – ухмыльнулась Тун. – Её в тот же день замели, что и нас.

– В тюрьме? – удивлённо поднял брови Сет. – И как же ты там оказалась?

– Случайно, – покраснела я.

– У тебя, Рина, всё случайно, – он улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой, но его фраза неприятно кольнула. – Тео, Тун, присмотрите за нашей гостьей. А мне нужно подготовиться.

– Что, уже сегодня? – наконец-то подала голос Тео.

– Да, всё сложилось удачно, – кивнул Сет и обратился ко мне: – Рина, ты, очевидно, устала. Постель в твоём распоряжении. Если захочешь есть – скажи девочкам. Пожалуйста, сама не ходи по дому, дед нервничает.

Он захлопнул дверь.

Тео безучастно дёргала локон, а Тун оглядела меня со всех сторон и вдруг ущипнула за ногу. Я отскочила и чуть не

сшибла картину, висящую на стене.

– Да спокойно ты! Я просто ткань потрогала, что это?

– Джинсы, – буркнула я, поправляя раму.

На картине была изображена женская рука, держащая алую розу с толстыми шипами. На длинном бледном пальце выступила капля крови.

– А у меня смотри какие шаровары, – Тун погладила себя по бёдрам. – Точно не хочешь поменяться? Я страсть как шмотки люблю!

– Тун, заткнись уже! – прикрикнула на неё Тео. – А ты сядь и не дёргайся! У меня от вас голова раскалывается.

Я села на край кровати, а женщины заняли стулья у столика, накрытого кружевной скатертью. Тео барабанила пальцами по столу и мрачно смотрела на меня, а Тун гладила свои шаровары и рассеянно улыбалась. Я переводила взгляд с одной на другую – они были очень похожи, Тео отличала только горбинка на носу и более широкие скулы, а Тун всё время щурилась.

– Ну что ещё? – раздражённо спросила Тео.

– Вы близнецы?

– Погодки, – ответила Тун. – Тео старшая. Наш отец за год успел спиться и потерять своё дело, поэтому мне меньше слогов в имени досталось.

– Зато тебе с магией проще, – бросила Тео.

Я потёрла свою метку на ладони, которая ныла, не переставая, а теперь ещё и периодически простреливала болью

до локтя.

– Что, не исчезла? – сочувственно спросила Тун.

– Он её только заблокировал, – ответила я. – А вы тоже?..

– Нет, мы не тоже, – резко перебила Тео.

– Мы ученицы, – добавила Тун с гордостью.

– А какая разница? – чуть более агрессивно, чем следовало, спросила я.

Младшая сестра выпрямилась, расправила грудь и открыла было рот, но Тео перебила и её:

– Да ладно уж, Тун. Почти одно и то же. По крайней мере, с нашей стороны. У учителя ответственности больше, чем просто у хозяина.

Женщины посмотрели друг на друга и вдруг разразились хохотом.

– Ответственности, – прохрипела Тун сквозь смех. – Ну ты и скажешь! Ты про Тина слышала?

– Слышала, – буркнула я. – А вы откуда его знаете?

– Да кто же про него не знает! Сет у него учился, – на слове «учился» Тун снова захохотала.

Старшая сестра успокоилась первой, ударила Тун по плечу и сказала:

– За нас-то Сет хотя бы залог внёс, а твой хозяин даже не пошевелился. Вот чтобы такого избежать, для ученической клятвы обязательно нужен свидетель.

А Тун подхватила:

– Мы ещё и магии учимся! Ой, Тео, ты забыла!

– Что?

– Про пятно! У тебя это односторонняя клятва, поэтому оно только у тебя, а у нас клятва ученичества, её ученик и учитель приносят одновременно, поэтому пятно появляется на ладонях у обоих. Эй, ты чего?

Кровь прилила к щекам, и я сделала глубокий вдох и выдох, надеясь, что пульс перестанет отбивать марш в ушах. Боль от ладони добралась до плеча.

– Душно тут, – прошептала я.

– И то верно. Тун, открой окно.

– Сама и открой, – огрызнулась младшая сестра, но встала и открыла створку.

Я вдохнула тёплый воздух, пропитанный одурманивающим ароматом роз, и спросила:

– А вот... а если вы не захотите больше быть ученицами, что тогда?

Тун снова рассмеялась, а Тео шикнула на неё. Тун замахала рукой – ну и зануда ты, сестрица! – и ответила:

– Мы его попросим!

– Только он не отпустит, – мрачно добавила Тео.

– Можно ещё Совет попросить.

Настал черёд Тео рассмеяться, но жёстко, без улыбки, а Тун расстроилась. Тео тут же взяла её за руку:

– Не волнуйся, малышка, есть план на крайний случай. Но это надо рассориться с учителем в пух и прах. Возьмём по ученику, а, Тун? По молоденькому симпатичному мальчику.

Тун сразу кокетливо заулыбалась.

– И что, тогда связь просто разрывается? – спросила я.

– Может, тебе в библиотеку сходить? – вдруг вспылила

Тео. – Не просто, но разрывается, конечно! Только где найти идиота, который увидит на руке метку и согласится нанести такое оскорбление гораздо более опытному колдуну?

– Да я хоть сейчас найду, – Тун гордо выпятила грудь и поправила рюшки на декольте. – И не одного!

Тео снова шикнула на неё:

– Придержи язык, Тун! Сет тебя за такое по головке не погладит. И мне будет невесело... Всё, сворачиваем эту трепотню.

Я уселась, как на жёрдочке – подтянула ноги к груди и обняла их руками. Мне требовалась хоть минута тишины. Воображаемый калейдоскоп вновь повернулся. Значит, я нужна была для того, чтобы избавиться от связи со старым учителем? Вот что Джей обещал Робину – отпустить меня после встречи с Тином. Но почему же он этого не сделал? Эх, да какая теперь разница, Екатерина!

– Тебе налить? – Тун покачала у меня перед носом бутылкой, наполненной жидкостью карамельно-коричневого цвета, и глотнула прямо из горлышка.

Я помотала головой.

– Да она алкоголь и не пробовала, наверное, – усмехнулась Тео.

Я нахохлилась и уткнулась носом в колени.

– Не налегай, Тун, – попросила Тео, – Сету это не понравится.

Тун вместо ответа сделала большой глоток, закашлялась, и сестра, воспользовавшись ситуацией, выхватила у неё бутылку, заткнула пробкой и унесла в гостиную. Она вернулась с двумя книгами, одну оставила себе, а другую раскрыла перед Тун.

– Я понимаю, – ехидно сказала она сестре, – не лучшее состояние для учёбы, но Сет приказал следить, чтобы ты занималась. Поэтому будь умницей, начинай читать вот отсюда, потом перескажешь мне.

Тун скорчила рожицу, поворчала, но принялась за чтение. Она уткнулась в книгу, ещё больше щурясь, водила пальцами по строчкам и шевелила губами.

Я встала с кровати и выглянула в окно, которое выходило во внутренний дворик. Старичок Габи уже хозяйничал здесь: выкапывал худенький кустик барбариса, чтобы пересадить его с края полянки ближе к розам у стен дома. За спиной деда на пригорок взбирался фруктовый сад. Галки перелетали с ветки на ветку и клевали ещё не поспевшие вишенки. Судя по всему, мы пересекли район за Рыбным рынком и обогнули холм.

Да о чём ты думаешь, Екатерина! Какая тебе разница, что мы обогнули! Скоро все эти реки и холмы останутся в прошлом!

Я пыталась убедить себя, что всё в порядке, но меня грыз

червячок сомнений. Да что там, это было целое червяное семейство, обгрызавшее мою птичью душонку со всех сторон. Я бросила все силы на то, чтобы запихнуть подальше подозрения, которые вызывал Сет. Как только я справилась с этой задачей, перед внутренним взором начали скакать львы-сай, которые сразу зачем-то поверили мне. Что с ними будет? И что будет с Джемом? Я не сомневалась, что если бы Сет действительно хотел поговорить с ним, нашёл бы способ попроще. Сета интересует только камень, а Джей вряд ли отдаст его добровольно. Красный отблеск в глазах колдуна, несомненно, привиделся мне от страха. А вот его ярость была настоящей. Что, если с Сетом что-то случится? Что тогда будет со мной?.. Пятно клятвы снова разнылось, и я потёрла руку.

– Да что ты там маешься? – раздался сзади недовольный голос Тео. – Легла бы и правда спать, в самом деле.

Старичок выкопал очередной куст и перетаскивал его к веранде. Я молча отошла от окна и свернулась калачиком на кровати. От подушки доносился едва ощутимый аромат лаванды. Вопреки ожиданию, я почти сразу провалилась в сон без сновидений.

Глава 22. Зеркальная магия

Меня разбудил звон посуды и забытый уже запах жареной курицы. Тео пыталась уместить на столике тарелку с хлебом и сыром, а её сестра держала блюдо с курицей и овощами и ныла, что мы могли бы прекрасно поесть в гостиной.

– Сет приказал не выпускать её из комнаты, – тихо огрызнулась Тео.

Я села на кровати. Правая рука онемела, я помассировала её, и боль из пятна ударила прямо в висок.

– Ну ты и соня, – воскликнула Тун. – Я протрезветь успела, пока ты спала!

Я подошла к окну. Солнце давно перекаатилось через зенит и двигалось к горизонту.

– Сколько времени?

– Почти восемь, – сказала Тун, отрывая мясо руками и заталкивая в рот.

Она устроилась на кровати, скрестив ноги, и указала мне на освободившийся стул. Тео брезгливо отодвигала куриную кожу ножом и вилкой, отрезала маленькие кусочки и накладывала в тарелку.

Я налила себе воды из графина и жадно выпила целый стакан, прежде чем взять кусок сыра и хлеб.

– Я думала, колдуны не едят мясо.

– Я бы и не ела, – поговорила Тео сквозь зубы.

– А мне просто нравится! – Тун с наслаждением обгладывала косточку.

– А мне нет! – чуть ли не крикнула Тео. – Это опасно, но без этого я сдохну! Сет забирает слишком много сил.

Поняв, что сболтнула лишнего, женщина с отвращением принялась жевать белое мясо.

Вдруг она резко выпрямилась на стуле.

– Меня Сет зовёт, – тихо сказала она и, отодвинув тарелку, встала.

Когда она проходила мимо сестры, та на секунду сжала её ладонь в своей. Как только Тео ушла, Тун вышла в гостиную и вернулась с бутылкой.

– Даже родная сестра держит меня за дурочку! – со смехом объявила она и сделала глоток. – Но это иногда полезно. Считай, что я делюсь с тобой жизненной мудростью.

Она подмигнула, уселась на край кровати и вздохнула:

– Как же я устала! – она глотнула ещё, поставила бутылку на пол и, раскинув руки, упала спиной на кровать. – А теперь ещё и это.

– Что – это? – хмуро поинтересовалась я.

Тун повернула голову и вперила в меня взгляд своих чёрных глаз.

– Тебе сколько лет вообще? – с сомнением проговорила женщина.

– Достаточно... – прошептала я и погрузилась в созерцание остатков курицы.

Прошло всего несколько минут, а Тун уже размеренно сопела. Я осторожно поднялась со стула и выскользнула в гостиную – не могут же они запретить мне посещать туалет! Только выйдя из соседствовавшей с комнатой Тун и Тео маленькой ванной, я заметила, что в гостиной я не одна. Меня обманул вечерний свет. Я замерла, но дедушка Габи не обратил на меня внимания. Он сидел за столом и плавно, как

во сне, отрывал от роз лепестки и укладывал их между страницами лежащего перед ним фолианта. Его бакенбарды как будто светились в полутьме.

Вообще-то я хотела взять какую-нибудь книжку с картинками с полки за спиной у деда, но теперь засомневалась. Я тихонько сделала шаг обратно к двери, под моей ногой скрипнула половица, но старичок никак не отреагировал. Я осмелела и, обойдя стол по широкой дуге, подошла к полкам, вытащила одну книгу наугад и пролистнула её. Я выбрала правильно – картинки были почти на каждой странице.

– Шар бы зажгла или на худой конец свечку. У меня-то глаза острые, – раздался тихий голос.

Я вздрогнула и обернулась. Старичок так и сидел ко мне спиной, обрывая лепестки. Его бакенбарды белели по обеим сторонам головы, как два одуванчика.

– Мне надо обратно в комнату, – сказала я.

– Ты посиди со мной немножко, – жалобно сказал Габи, потянулся и простой спичкой, не магией, зажёл свечу, стоявшую в центре стола. – Тут людей много, да никто не подойдёт.

Странно, подумала я. Ведь Сет сказал, что дед нервничает.

Я села за стол и раскрыла книгу на первой иллюстрации, изображавшей домик на краю болота.

– «Сказки трёх сестёр», – одобрительно кивнул Габи, аккуратно раскладывая лепестки по странице фолианта. – Лю-

бимая книга моего внука. Даже взрослый сядет, бывало, тут, у камина, и читает, иногда поесть забывал. Особенно любил сказку про мёртвую флейту и путника, сбившегося с пути.

Я впервые пожалела о том, что так и не выучила местный язык.

– Он больше не читает?

Рука старика зависла над страницей, он что-то растерянно пробормотал себе под нос, потом сказал громче:

– А внук-то мой не вернулся, – его рот задёргался, а глаза наполнились слезами.

Ну вот, и почему я не ушла сразу в комнату!

– Да нет же, – постаралась успокоить я Габи. – Он дома, меня привёл. Вы же видели нас в саду! Он скоро вас проводить придёт.

– Не придёт! – простонал дед. – Его горцы на войне убили.

У меня внутри всё похолодело.

– Дедушка, Сет дома, – как можно убедительнее произнесла я.

Габи нахмурился, погладил себя по лысине, забормотал:

– Не вернулся мой Мири с войны. Надо бы ему чай заварить, а то сидит сутками напролёт с друзьями, делами занят, похудел.

Он стал беспорядочно переключать розы на столе, перелистнул страницы фолианта назад, и на пол полетели лепестки. Габи вдруг поднял голову, посмотрел сквозь меня и улыбнулся.

– Счастливые времена! А ты уже на флейте играешь, золотце?

Я медленно поднялась. Мне была знакома эта улыбка.

– Тебе ведь одному идти было хорошо до этого дня? А сейчас что? Сколько они стоят – твои грибы и твоя жизнь, которую ты положил в корзинку?

Меня пробрала дрожь, а боль от пятна клятвы ударила в висок с новой силой. Габи продолжал улыбаться. Так же улыбалась и Лора, и Алина. И наверняка Лиза. Но я была готова поспорить на что угодно, что они не путали своих родственников с другими людьми и не разговаривали фразами из сказок. А теперь подумай, птица бестолковая, зачем Сету тащиться через миры, чтобы доставить тебя домой?.. Нет, нет, я просто себя накручиваю! Ведь он не сделал ничего, что поставило бы под сомнение его честность.

Стало уже совсем темно, а Тун так и не проснулась. На цыпочках я подошла к лестнице, молясь всем богам этого мира, чтобы под моей ногой не скрипнул пол. Спустившись на полпролёта, я замерла. Что же за глупая ты птица, Екатерина! Я быстро окружила себя зеркалами.

Коридор освещался лишь слабым светом с кухни, откуда доносились голоса. Из дальней комнаты вышел Сет. Я прижалась к стене. Мужчина застегнул верхнюю пуговицу на рубашке, пригладил волосы и что-то сказал, обращаясь к тому, кто оставался в комнате. Когда он скрылся на кухне, я закрыла глаза и сделала глубокий вдох и выдох, чтобы успо-

коить бешено бьющееся сердце. Я не была уверена, что зеркала заглушают звуки.

Пахло сигаретным дымом. Я выглянула из-за угла, чтобы посмотреть, как выглядит кухня. Это было большое помещение, совмещённое со столовой. Один световой шарик висел над столом, за которым сидел Сет с дневником в руках. Перед ним ходил туда сюда, обняв себя за плечи, сутулый мужчина. Рядом с плитой жевал что-то здоровяк. Из темноты раздавался шёпот. Я положила зеркало на пол перед кухней и соорудила конструкцию для подслушивания, а сама снова забралась на середину лестницы.

– ...всё ещё в доме, – раздражённо говорил незнакомый мне голос. – Хотя бы рассмотри возможность пойти сейчас. Сколько нам ещё ждать? Что ты так вцепился в тень мира?

– Ждали тринадцать лет, подождём и пару дней, – раздался спокойный голос Сета. – Я повторю, Фау. Здесь в секунду явится его дружок, а там у меня будет преимущество во времени, и останется только дотащить его до дома Чёрной свиньи по тени мира.

– С полицейским ты справишься, – уверенно сказал третий голос, низкий. Я решила, что это здоровяк.

– Это если бы он был один, – ответил Сет. – Но если верить дневнику, меня там ждёт очень опасное существо.

Из угла донёсся приглушённый голос. Зеркало было слишком далеко, чтобы отразить его.

– Тогда убью его и заберу камень, – Сет начинал злиться.

– Вот сразу так и надо! – воскликнул Фау.

– Фау, – голос Сета звенел, – я предпочту живого дракона. С ним я хоть завтра займу замок, а к следующей неделе от горцев не останется и следа. Уже осенью мы сможем продолжить наступление на юг. Если убить ан-Тарина сразу, то мы потеряем не сутки и не двое, а месяцы, и не факт, что камень приживётся.

Я сидела на ступеньке и грызла ногти. Во что же это такое ты влезла, Екатерина? Революции и убийства хороши только в сериалах. Но ведь ещё не поздно! Тун не хватилась меня, Сет ругается на кухне с подельниками. Дверь-то, вот она. Звёздочка быстро найдёт Робина... Да, бежать ночью через район Рыбного рынка не кажется хорошей идеей, но ждать до утра нельзя.

Я стёрла подслушивающие зеркала и очень осторожно, по стеночке пробралась в коридор. Я уже была у двери, как путь мне преградила кошка. Сначала я увидела два блестящих в темноте глаза, отпрянула и чуть не закричала, но потом узнала сай. Кошка зашипела и выгнула спину.

Она же не должна меня видеть! Хотя она больше чем кошка. Кто знает, какие способности у этой сай! Я постаралась обойти кошку, но она зашипела громче, показывая клыки.

– Я просто выйду в сад, – одними губами прошептала я, – просто подышу воздухом и вернусь, хорошо?

Я протянула руку к двери и нажала на ручку. Кошка вдруг разразилась криками и вцепилась когтями в мою ногу. Я

взвыла от боли и рванула ручку на себя, но успела сделать лишь пару шагов, как меня схватили чьи-то сильные руки и втащили в дом.

Из комнаты высунулась Тео.

– Что случилось?

Здоровяк не ответил, втокнул меня на кухню и остался стоять рядом, положив тяжёлую ладонь мне на плечо. Владелец раздражённого голоса взъерошил волосы и быстрее заходил из угла в угол. Его лицо показалось мне знакомым, но не время было вспоминать.

Сет сидел за столом, положив ногу на ногу, щурясь и задумчиво потирая подбородок.

– Тео!

Женщина зашла и встала рядом со мной.

– Почему наша гостья шляется по дому?

– Я не знаю, господин.

– Приведи Тун.

Тео склонила голову и выскочила из кухни. Сет сделал движение рукой в тот угол, где на диване сидели ещё люди. Один из троих человек, чьи лица невозможно было разглядеть в темноте, кинул ему коробочку. Сет поймал её, вытащил сигарету, и та зажглась в его пальцах. Он затянулся и выпустил кольцо дыма.

Когда пришли сёстры, он подошёл к всхлипывающей Тун вплотную и шумно втянул воздух.

– И сколько же ты выпила, малышка? – нежно спросил

мужчина.

– Я только глотнула, господин, ну правда! – хныкала Тун.

Сет криво улыбнулся и кинул Тео:

– Ты знаешь, что делать.

– Ну пожалуйста, Сет, не надо! – взмолилась Тун, когда сестра потащила её в коридор.

Сет устремил взгляд на меня. В коридоре хлопнула дверь, а после непродолжительной тишины раздался вскрик. Сет улыбался.

– Теперь разберёмся с тобой.

Как только он отвернулся, чтобы снова сесть за стол, я вывернулась и бросилась к выходу, но здоровяк схватил меня за локоть, дёрнул на себя и ударил в живот. Из моих лёгких как будто разом вышел весь воздух. Я рухнула на пол и, опираясь на одну руку, другой схватилась за живот и пыталась вдохнуть. Сет лениво подошёл.

– Биса, ну ты что, – усмехнулся он.

Я ловила воздух. Здоровяк прошипел сквозь зубы:

– Ненавижу предателей.

– Ты не прав, Биса, – мягко ответил Сет, – благодаря такому, как она, мир вертится.

Он толкнул меня ногой в плечо, и я завалилась на бок. Кажется, так дышать было легче.

– Что бы мы без неё делали?

Его ботинки были такими чистыми, как будто он проводил по несколько часов за приведением их в идеальное со-

стояние. Хотя почему это он? Скорее сёстры.

Биса подхватил меня и усадил на стул. Сет сел напротив и, выпустив очередное кольцо дыма, спросил:

– Ты, Рина, наверное, решила прогуляться? А там, глядишь, и дошла бы до полицейского участка.

Я помотала головой. Его пепельные волосы блестели и сегодня были прилизаны так, что издалека Сет выглядел лысым. Во всех его движениях сквозило чувство превосходства над окружающими. А ведь раньше он казался мне приятным! Учитель поэзии, Екатерина, как тебе это в голову пришло!

– Я просто хотела выйти на свежий воздух.

Мой голос дрожал.

– Да прикончи её и дело с концом! – закричал раздражённый мужчина. – На что она нам вообще!

Я вспомнила – он часто бывал в салоне господина Туана.

– Фау, иди проветришь, – отрезал Сет, не поворачивая голову, и мужчина покинул кухню, громко хлопнув дверью.

Пятно клятвы прострелило болью до плеча, а следы от кошачьих когтей пульсировали.

– Домой я тебя, конечно, возвращать не собираюсь, – наконец проговорил Сет и достал новую сигарету. – Если ничего не выйдет, то заложник никогда не помешает. Ты вроде в хороших отношениях с Робинотом? А выйдет – будет ещё интереснее. Приведём к тебе твоего хозяина.

Сет затянулся сигаретой и мечтательно улыбнулся.

– Если верить дневнику, то он сейчас почти не в состоянии себя контролировать. Будет любопытно посмотреть, как он собственными руками разорвёт тебя на кусочки.

Я почти не дышала, балансируя между источниками боли, которые то чередовались, то вдруг били в унисон, и страхом, который поднимался из живота и распирал грудь.

– Ладно, Рина, это я тебя просто пугаю. Лучше всего будет, если ты составишь компанию Габи. Я не очень хорошо умею стирать память, но получше некоторых. Говорят, что Совет ещё до запрета этого вида магии обрабатывал людей так, что они своё имя не помнили и с трудом могли надеть ботинки.

Сет затушил сигарету.

– Биса, уведи её в подвал и запечатай. Только не как в тот раз, оставь щель для воздуха.

Сет вдруг окинул меня таким взглядом, каким на меня ещё никто не смотрел.

– Мы потом ещё побеседуем, Рина, – тихо сказал он с полуулыбкой.

Здоровяк захохотал и потащил меня в коридор.

Уличный фонарь заглядывал в подвал через окошко под самым потолком. Если поставить один ящик на другой, я бы смогла выбраться или хотя бы попробовала докричаться до соседей. Но Биса и правда сделал что-то с помещением. Стоило подойти к стене, она тут же отталкивала меня, а судя по

гробовой тишине, ещё и не пропускала звуки.

Я легла на холодный земляной пол и обняла себя руками. Из-под двери тянул сквозняк. Меня била дрожь.

В трусости – счастье. Спрятаться в свой уголок, закрыть глаза и делать вид, что ничего не происходит. Пока я пряталась и отказывалась принимать решения, всё было хорошо. Как только я делала выбор, он оказывался неверным. Даже чувствуя, что не права, я упорно шла вперёд, как будто лишь для того, чтобы в конце концов сказать: «Вот видите, я опять сделала всё не так, поэтому не ждите ничего от меня. Оставьте меня, дайте сесть в углу моей комнаты и не принимать никаких решений. Я не хочу ответственности. Я птица-неудачница, из меня не может выйти толку, от меня один вред. Сделайте вид, что меня не существует, игнорируйте меня, иначе вам же будет хуже – я выберусь из своего гнезда, расправлю крылья и устрою неприятности».

И вот я лежу на земле в подвале, в логичном завершении своей трусливой истории. Я сделала самый неправильный выбор в своей жизни.

Кто злодей в этой истории? Джей, который притащил меня сюда только затем, чтобы окончательно избавиться от связи с учителем, и собирался вернуть обратно? Эгоистично, но никакого особого злодейства в этом нет. Сет, который не смирился со смертью старого короля, перемирием в войне и горел идеей навести порядок в своей стране? Пускай он мне неприятен, но если закрыть глаза на его методы, в этом даже

есть благородство. Или я, глупая птица, которая так погрузилась в свои мелочные печали, что не замечала ничего вокруг, а потом продала колдуна за горстку призрачных обещаний? Сет прав, благодаря таким как я, вертится мир.

Мне было так мерзко от самой себя, что я не могла даже плакать. Я же прекрасно понимала, что Сету нельзя верить. Ведь Робин просил подождать... Но я сделала свой последний неправильный выбор. Наконец-то все пожалеют, горько подумала я, особенно Робин. Джей же сказал, что Робин всегда спасал маленьких птичек.

Я так резко села от озарившей меня мысли, что чуть не отключилась от боли. Безмозглая ты курица, Екатерина! Я закатала рукав и позвала:

– Звёздочка... Где Робин?

Татуировка защекотала руку и потянула меня к выходу – говорить-то она не умела. Я закрыла глаза, представила себе город с высоты птичьего полета и позволила чувству направления вести. Мой навигатор сканировал местность. Рыбный рынок. Старая тюрьма. Шпиль Дома всех богов. Старый мост. Извилистое русло Чернильной реки. Полицейский участок... Замок.

И что дальше? Вот если бы моя птица была настоящей! Внезапно меня пронзила новая мысль – а что будет с сай в татуировке, если со мной что-то случится? Но я быстро отогнала её. Не время. Я легла на землю и поводила рукой, проверяя, откуда дует сквозняк. Этой щёлки будет достаточно.

Как и раньше, я положила зеркало так, что половина высовывалась за дверь. Это зеркало, чтобы смотреть сквозь стены. Между дымчатыми контурами отражалось звёздное небо. Я прикинула высоту дома и установила над крышей зеркало под углом. Теперь вместо звёзд я видела крыши соседних домов. Следующее нужно ставить выше и западнее. Было тяжело – я не видела, куда помещаю зеркала, и двигалась на ощупь. С каждой минутой всё сильнее ощущалась усталость, и я боялась, что не успею закончить начатое.

Наконец, в зеркале на полу появилась тёмная громада замка, с редкими огоньками в окнах.

У меня не осталось сил, чтобы найти нужное окно. Я соединила первое зеркало с последним, и стёрла остальные, чтобы сократить расход энергии.

– Звёздочка, мне нужна помощь.

Татуировка защекотала руку.

– Направь меня на Робина.

Я села на колени, упёрлась ладонями в пол и склонилась над отражением.

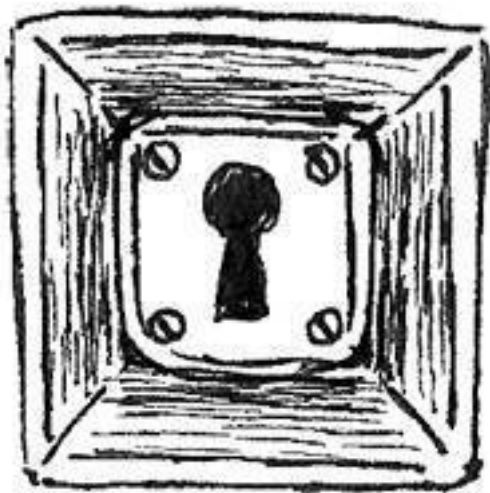
Вдох-выдох. Я закрыла глаза. Красная дверь с чёрным силуэтом свиньи. Я зафиксировала образ перед внутренним взглядом. Звёздочка тянула меня всё ближе к зеркалу. Я вновь вдохнула и изо всех сил закричала в зеркало:

– Робин!

Я не видела, как Робина, склонившегося вместе с королём над картой, силой моей магии отбросило к стене. Я не знала,

что экстренный отряд тут же выступил в город. Я не слышала, как королевские солдаты ворвались в дом. Я была в глубоком обмороке.

Глава 23. Ожидание

Нет, мама и папа, нет специальной тюрьмы для маленьких девочек. Их сажают во взрослые тюрьмы. Первый раз очнувшись в темноте, я испугалась, что это всё тот же подвал в доме Чёрной свиньи и у меня ничего не вышло. Но подомной был не холодный земляной пол, а деревянная лежанка, покрытая колючим покрывалом, знакомо пахнущим псиной. Было очень тихо. Я попыталась сесть, но пятно клят-

вы стрельнуло через руку прямо в висок, и я снова отключилась. Я просыпалась ещё несколько раз, но не находила сил даже пошевелиться и вновь проваливалась в темноту. Только к середине дня я достаточно оправилась, чтобы дойти до двери, где стояла глиняная кружка с водой и миска с остывшей кашей и погружённым в неё куском хлеба.

Через зарешеченное окошко под потолком было видно небо, затянутое низкими тучами. От любого движения напоминал о себе ушиб на животе и разодранная кошачьими когтями нога, не говоря уже о пульсирующей боли в виске. Джинсы были порваны, на них засохла кровь. Эта боль приносила извращённое удовлетворение. Отличное получилось кино – злодей оказался там, где ему и положено быть, справедливость восторжествовала. Я старательно гнала как мысли о последних днях, так и предположения о моём будущем.

На этот раз Робин не пришёл освободить меня из тюрьмы, и я его понимала – теперь я знала о себе больше, чем раньше. Впрочем, прошли уже сутки, а ко мне в камеру не приходил вообще никто. Изредка я слышала шаги и речь в коридоре за тяжёлой дубовой дверью и замирала в тревожном ожидании, но шаги затихали в отдалении, и я снова погружалась в болезненное созерцание настоящего момента, без прошлого и будущего, иногда отвлекаясь на рассматривание нового набора цифр, появившегося на правой руке.

Следующим утром меня разбудил резкий стук в дверь. Открылось окошко на уровне груди, и недовольный бас по-

требовал отдать посуду. Когда я сунула охраннику миску с засохшей серой субстанцией, он вздохнул и тихо пробасил:

– Что же вы, госпожа пять-девять-одиннадцать, или как вас там теперь, портите мне всю конспирацию! Положено сдавать пустую посуду, иначе новую порцию не получите.

Охранник наклонился к окошку. Из-под фуражки, натянутой на самый нос, торчали знакомые усы-стрелки.

– А где Робин? – несмело спросила я, вытряхивая кашу в отхожую яму.

– Пока вы отдыхали, госпожа Екатерина, – язвительно ответил господин Роминор, – мы сыграли в партию с Советом и аккуратно сегодня утром понесли сокрушительное поражение. Ваше с ан-Тарином дело признано магическим, поэтому вы находитесь в их юрисдикции. Совет распорядился никого к вам не пускать, даже начальника городской полиции, не то что какого-то патрульного. К счастью, Совет не пользуется среди работников тюрьмы особой популярностью, поэтому я смог проникнуть сюда в этом маскараде.

Роминор забрал миску и плюхнул в неё новую порцию каши, украсив сверху ломтиком хлеба.

– Впрочем, к делу. Время уходит. Ситуация такая: патрульный Кор получил анонимное сообщение о подпольном собрании в доме Чёрной свиньи. Специальный отряд его величества захватил здание. В подвале обнаружили девушку. Сначала её приняли за заложницу, но вчера вечером один арестованный начал давать показания, из которых следует,

что девушка была в сговоре с руководителем собрания, который, к слову, смог уйти с частью сообщников.

Вдалеке послышались шаги, Роминор заговорил быстрее:

– Мы с патрульным Кором настоятельно рекомендуем вам проявить ту же степень открытости и сотрудничать с представителями Совета так же, как вы делали это при первой нашей встрече. Вам всё ясно?

Роминор приподнял фуражку и просверлил меня чёрными глазами из-под тёмных бровей. Я кивнула, и начальник полиции сунул мне в руки миску и захлопнул окошко.

– Эй, дежурный, быстрее давай! – окликнул Роминора звонкий голос, и тот пробасил что-то в ответ.

Мой медитативный настрой как ветром сдуло. Мозг, изголодавшийся по информации, принялся перетряхивать стёклышки в калейдоскопе, а я, прихрамывая, мерила камеру шагами. Значит, Сет не успел осуществить свой план и с Джемом всё в порядке! Другое дело, что из-за меня ему снова придётся столкнуться с Советом. Я села на кровать и схватилась руками за голову. Сколько же от меня вреда! Голосов в голове больше не было. Я приняла эстафету от язвительного голоса из глубин подсознания и сама отвечивала себе едкие комментарии.

К вечеру напряжение достигло пика и лопнуло, как натянутая струна. Накатила такая безысходность, что я не могла и не хотела шевелиться. Закутавшись в псиное покрывало, я смотрела в одну точку, позволив обжигающей кислоте раз-

ливаться в грудной клетке.

Утром в дверь постучал дежурный, обругал меня за то, что каша не съедена, и не принял миску, сказав, что вернётся через полчаса, и это будет моим последним шансом получить сегодня еду. Я не чувствовала голод, но впихнула в себя склизкую субстанцию с комочками картошки.

Через полчаса дверь распахнулась.

– Екатерина! – выкрикнул высокий охранник, как будто я была в камере не одна. – На выход!

Я вскочила и на неслушающихся ногах вышла из камеры. Надев на мои запястья наручники, охранник долго вёл меня по коридорам, пока мы не пришли к общей камере.

Лохматая старуха Эйк замахала мне рукой, как старой знакомой, и подвинулась, освобождая место у стены. По всей видимости, завтрак сначала развозили по одиночным камерам, поэтому вскоре жизнерадостный человек в сером, под цвет каши, фартуке, подкатил огромную кастрюлю к отверстию в решётке. Я не хотела вставать, но Эйк потащила меня в очередь, заставила взять порцию варева и просяще заглядывала мне в лицо. Намёк понят, бабуля. Я отдала ей миску, а она протянула мне оба куска хлеба, которые я положила рядом с собой на пол и снова завернулась в покрывало, надеясь, что хотя бы перестанут дрожать руки. Но дрожь рождалась где-то глубоко внутри и не собиралась отступать. Я смирилась, закрыла глаза и провалилась в заросшую мхом дремоту.

Зазвенели ключи, хлопнула решётчатая дверь, и охранник втолкнул в камеру девочку лет одиннадцати. Я аккуратно потянулась, распрямляя затёкшую спину и шею. Тело отозвалось болью, а в груди начало плескаться кислотное озеро, но меня хотя бы больше не трясло. Девочка растерянно стояла посреди камеры, вцепившись кулачками в подол скромного коричневого платья. Никто не обратил на неё внимания, как будто наличие ребёнка в тюрьме было делом привычным. Девочка начала всхлипывать, и я, вспомнив, как я попала сюда в первый раз, движением руки пригласила её сесть рядом.

Девочка села на пол напротив меня, и я протянула ей кусок хлеба. У неё были удивительные волосы – тонкие белые пряди обрамляли узкое лицо и струились водопадом до самой талии. Я снова закрыла глаза, но девочка не дала мне поплавать в кислотном озере.

– Я из дома сбежала, – тихо сказала девочка, сжимая хлеб обеими руками. – Они не хотели отдавать меня учиться в школу, вот я и пошла туда сама. А в школе сказали, что из меня не выйдет толку, и вызвали полицейских, чтобы те отправили меня домой. Но я им не говорю, откуда я! А ты тут почему?

Её светлые глаза, голубые, водянистые, напомнили мне глаза господина О-Ули. Что тут думать, наверняка она из Забережья. В отличие от бледного господина, взгляд у девочки был острый, проникающий до костей. Чёрные точки зрачков

выглядели, как направленные прямо в душу стволы пистолетов.

– Я сделала что-то очень глупое, – после небольшой паузы ответила я.

Девочка пожала плечами:

– Все делают глупости, но в тюрьму за это не сажают.

– Это была... очень нехорошая глупость.

Девочка отщипнула кусочек от хлеба и катала его в пальцах, пока не получился круглый комочек, который она бросила на пол.

– Так ты, значит, плохой человек?

Я нахмурилась. Вот и помогай противным маленьким девчонкам! И что она прицепилась?

– Просто очень глупый, – слишком резко ответила я.

Мне не хотелось возвращаться к мыслям о том, почему я здесь. Губы девочки задрожали, а брови сложились домиком.

– Я тоже глупая! – воскликнула она, выронила хлеб и закрыла лицо руками.

На нас стали оборачиваться другие заключённые, а старуха Эйк заворчала.

– Ну тихо, тихо! – прошептала я. – Ты вовсе не глупая!

– Я тебе сейчас всё расскажу, – заговорчески прошептала девочка.

Она потёрла глаза, оторвала руки от лица, но её щёки оставались сухими.

– Это мой учитель виноват. Это из-за него я сбежала.

Я уставилась на девочку.

– Он такой мерзкий, всё время заставляет меня делать то, что я не хочу. Понимаешь? Может, у тебя тоже такой был?

Девочка подняла хлеб, скатала ещё один кусочек в шарик и снова бросила на пол. Колобок-колобок, я тебя съем.

– Нет, – через силу улыбнулась я, стараясь не подать виду, что я что-то заподозрила, – все мои учителя были хорошими.

– У тебя много их было, что ли? – удивилась девочка.

– Да, в школе, – кивнула я и осторожно поставила перед собой защитное зеркало.

Кажется, девочка не заметила появившийся между нами дымчатый контур. Он получился бледный, не такой, как раньше, как будто что-то мешало магии. Пришлось напрячься, чтобы удерживать его и одновременно создавать следующий.

– Хотя если подумать... – протянула я, вырисовывая контур второго зеркала на полу перед девочкой, – был один.

Девочка оставила хлеб в покое и наклонилась вперёд.

– Учитель физики, – медленно продолжала я, чтобы выиграть время. – Такой старый и сухой, что я боялась, что он вот-вот рассыплется на миллион песчинок. Он был очень сварливым, но отлично преподавал оптику.

Последнее зеркало под наклоном, сбоку от неё, так, чтобы в него попадало отражение из зеркала на полу. И... Готово! Я уставилась вбок, а потом с трудом оторвала взгляд от

представшего передо мной отражения.

Девочка проследила за моим взглядом, но ничего не заметила. Со стороны могло показаться, что я посмотрела на охранника, который играл с ключами и что-то напевал себе под нос.

– Это непреложные законы вещественных объектов, – сухо произнесла девочка. – А мой учитель – колдун. У тебя такой был?

Я бросила последний взгляд в зеркало, в котором отражалась высокая немолодая женщина. Язык не поворачивался назвать её старухой. Наверное, полсотни лет назад она была восхитительно хороша собой, но даже сейчас сеть тонких морщин не могла скрыть прежнюю красоту. Её узкое лицо обрамляли струящиеся тонкие волосы белого цвета, который ничуть не напоминал седину. Единственной отталкивающей чертой её внешности оставались ледяные, почти бесцветные глаза с чёрными перчинками зрачков. Я стёрла зеркала и неохотно кивнула. У меня не осталось сомнений, что это допрос.

– И что, тоже хороший?

Я вновь кивнула.

– Ну конечно, – скептически произнесла девочка и тут же, опомнившись, сменила интонацию: – Все колдуны-учителя злые!

Я пожала плечами и уставилась в пол. Может, она и права, но если подумать, Джей не был злым. Раздражительным

– да. Но дальше попыток просверлить меня взглядом он не заходил. Давал простые задания и позволял гулять по городу, любоваться рекой и распивать кофе с булочками за его счёт. В сущности, самым худшим, что он сделал, был комариный будильник. Не считая, конечно, того случая с тюрьмой. Но и я тогда переступила черту. К тому же, я подозревала, что отчасти Джей руководствовался необходимостью остаться одному в доме, чтобы совершить ритуал, связанный с камнем. А потом дракон стал расти... По моей спине пробежала дрожь. Птичка-истеричка не нашла ничего лучше, чем взять всё в свои руки. А ну-ка, прекрати, Екатерина! Я постаралась незаметно вытереть слёзы, но колдунья заметила.

– Ну вот! Так что, скажешь, ты тут не из-за него?

– Я тут из-за себя! – резко ответила я и уткнулась лицом в колени.

Хватит с меня этого идиотского спектакля. Хотят что-то узнать – пускай приходят и спрашивают. Колдунья тоже потеряла терпение. Наверное, она подала какой-то знак, и охранник позвал:

– Эй, мелкая! За тобой пришли!

– До свидания, – раздался голос девочки.

Я подняла голову. Она с прямой спиной прошествовала к выходу, а её белоснежные волосы покачивались в такт шагам, напоминая струи водопада.

Ожидание было невыносимым, и с каждой минутой становилось всё страшнее. В голове крутились разнообразные сценарии, все как один не предполагавшие счастливого конца. Страх обнял меня, сделал руки тяжёлыми и безвольными, заставил сердце в сжатой грудной клетке биться быстро и неровно. Я пыталась считать вдохи и выдохи, но от этого становилось только хуже, дыхание окончательно сбивалось, шум в ушах перекрывал разговоры заключённых и храп старухи Эйк. Почему нельзя просто перемотать время...

Лишь в середине дня охранник выкрикнул моё имя. Я вскочила так резко, что кровь ударила в голову. На мгновение я потеряла равновесие, но меня подхватила проснувшаяся Эйк и что-то утешительно забормотала.

– Пошевеливайся! – рявкнул охранник.

Эйк резко отодвинулась, а я на ватных ногах поплелась к выходу. То, чего я ждала долгие часы, не принесло облегчения. Охранник бесцеремонно схватил меня за локоть, запер дверь в камеру и, не потрудившись даже надеть наручники, потащил по коридору.

Мы прошли совсем немного, и коридор расширился. Свет падал из длинных зарешеченных окошек под потолком. Внезапно охранник остановился и, толкнув меня вперёд, отошёл. Звук его шагов за моей спиной становился всё глуше, пока не затих в отдалении. Впереди в коридоре стоял человек. Я знала, кто это, но не могла заставить себя поднять глаза. Сердце стучало уже где-то в горле, как будто намерева-

лось выпрыгнуть.

Те несколько секунд, что Джей не шевелился, я молилась всем богам этого мира, чтобы время остановилось, как в камере молилась о том, чтобы оно шло быстрее. Как бы я хотела сейчас вернуться и продлить ожидание! На час, на день, на вечность.

Я не смела посмотреть ему в лицо, мой взгляд смог подняться лишь на уровень его грудной клетки. По тому, как она вздымалась и опускалась, по его сжатым кулакам я поняла, что он в ярости. Он в несколько шагов преодолел пространство, разделявшее нас. Страх наконец-то вышел из берегов и накрыл меня с головой. Сет сказал, что Джей больше себя не контролирует! Ведь он может просто убить меня! Я попятилась, оступилась и шлёпнулась на пол. Подтянув к себе колени, я закрыла голову руками. Меня снова била дрожь, а по щекам текли слёзы. Только пускай это будет быстро, пронеслось в голове.

Я слышала, как Джей пытается успокоить дыхание. Потом он сел рядом на корточки, схватил меня за плечи и тряхнул. Я громко, почти со стоном, выдохнула и дёрнулась в сторону. Он удержал меня.

– Рина!

Я сжалась, и он снова потряс меня за плечи.

– Рина! Да возьми же себя в руки!

Мне стало почти до истерики смешно – я и так держала себя в руках, в прямом смысле этого слова. Я досчитала до

пяти, с трудом отняла руки от головы и посмотрела колдуну в лицо. Его губы были сжаты, а в глубине зрачков сверкала нечеловеческая алая ярость. Левый глаз так и был залит кровью, а правый расчерчивала красная сетка сосудов. Под глазами залегли глубокие тени, лицо осунулось, а кожа вновь напоминала пергамент, как в тот день, когда я впервые увидела колдуна. Он сжимал зубы, из последних сил сдерживая то, что хотело вырваться наружу.

– Слушай меня.

Я слушала. Слезы прекратились, но по спине и плечам прокатывалась дрожь.

Не отпуская мои плечи, он заговорил тихо, яростно:

– У нас мало времени, я не успею всё тебе объяснить. Я тебя обманул. Я использовал тебя.

Я открыла было рот, но он не дал мне ничего сказать.

– Просто слушай. В тот день мы принесли друг другу двойную клятву. Я взял тебя в ученики, чтобы избавиться от Тина.

– Я уже знаю, – прошептала я.

– Теперь нас будет судить Совет, тебя – как ученика, предавшего учителя, а меня – как учителя, допустившего это. Если ты скажешь им, что ты ничего не знала, что я обманул тебя, то тебя отпустят, а меня в лучшем случае засунут обратно в зеркало, но скорее всего казнят. Я понимаю, тебе сейчас кажется это лучшим вариантом, но...

Я собралась запротестовать, но он сжал мои плечи и заго-

ворил быстрее.

– ...но поверь мне, они просто так тебя не отпустят. Сначала поджарят тебе мозги, сотрут воспоминания, как умеют, а они не умеют. Совет не допустит, чтобы ты вернулась домой, помня о том, что здесь видела.

Он сжал мои плечи ещё сильнее и с жаром зашептал:

– Пожалуйста, я прошу тебя, умоляю, сделай сейчас, как я скажу, в последний раз, и я отпущу тебя домой. Клянусь, я провожу тебя до самой двери твоего дома. Прошу тебя!

Стёклышки в калейдоскопе звякали и переворачивались. Я ничего не понимала. Только что казалось, что Джей убьёт меня, а сейчас он просит о помощи? Я ждала чего угодно, но не этого. Это я должна просить, умолять, чтобы он вернул меня домой и скорее забыл о моём существовании! Джей разжал свою настойчивую хватку и спросил:

– Ты мне поможешь?

Я кивнула.

– Мы сейчас выйдем к Совету. Не смотри на них. Стой рядом со мной и не отходи ни на шаг, вообще не шевелись. Они будут задавать вопросы. Не отвечай. Молчи, что бы ни происходило, и делай, что я скажу. Наш единственный шанс – убедить их в том, всё произошедшее было случайностью, убедить их твоей верности мне.

Он вздохнул, пригладил дрожащей рукой волосы. Он совсем не был во мне уверен, и я его понимала. Странно ждать от предателя помощи. Просить спасти от смерти, хотя я са-

ма открыла убийце дверь в его дом. Мне нужно было хотя бы несколько минут, чтобы прийти в себя, но Джей уже поднялся и сказал:

– За мной.

Мы остановились у решётчатой двери. Охранник отпер замок и пропустил нас дальше. Через несколько метров коридор упирался в деревянную дверь, украшенную коваными цветами и ветвями, в которые были вплетены головы волка, медведя, зайца и рыбы.

Джей повернулся ко мне и тихо произнёс:

– Молчи, смотри вниз и выполняй любой мой приказ, что бы я ни сказал. Просто сыграй эту роль.

Он вытер рукавом мои щёки и оглядел с ног до головы, как будто проводил техосмотр.

– И последнее.

Когда Сет отрезал мою связь с Джейем, тот сразу же заблокировал её со своей стороны. Сейчас колдун разрушил обе этих стены, и на смену пульсирующей боли в виске пришёл поток ярости, от которого я успела отвыкнуть. Всё, что колдун чувствовал, чувствовала и я, и наоборот. Это было частью связи ученика с учителем. Всё встало на свои места.

Глава 24. Совет

Я не ожидала увидеть за дверью сад. Кусты синих, фиолетовых, розовых и белых гортензий росли вдоль дорожки, выложенной плоскими серыми камнями. Капли росы блестели на раскинувшихся полосатых листьях хост, а их сиреневые

цветы тянулись к безоблачному небу. Здесь стояла другая погода, и я догадалась, что мы не в городе. В ветвях огромного дерева гинкго чирикала птица. Бабочки и прочие насекомые перелетали с цветка на цветок. Где-то рядом журчала вода.

На бесконечные несколько секунд я забыла, зачем мы сюда пришли, потерявшись в запахах, звуках и цвете.

– Сосредоточься, – сказал колдун.

Я удержала готовое сорваться с губ «прости». Это прозвучало бы как насмешка. Я должна была просить прощения за другое и по-другому, не на полпути на суд, просто бросив это слово, приобретшее величину и тяжесть булыжника, ему в спину.

Над поляной, покрытой сочной зелёной травой, нависала скала. Бабочки, впрочем, сюда не залетали, и даже птичьи голоса звучали тише. Через равные промежутки стояли блестящие на солнце колонны разных пород камня, образуя круг, в центре которого стояла дюжина кресел, занятых членами Совета. Пара мест на первый взгляд пустовала, но позже я разглядела сияющие силуэты.

Перед самым кругом колонн к нам подошёл охранник.

– Пользоваться магией в круге запрещено. Создавать заклинания запрещено.

Он провёл передо мной рукой, как металлоискателем, и задержался у плеча.

– Что там? – спросил охранник.

Я не шевельнулась.

– Покажи, – приказал Джей.

Я спустила рукав и показала птичку на колоске.

Охранник сощурился, поглядел на татуировку под разными углами, но ничего не сказал.

Затем он провёл своим невидимым металлоискателем перед колдуном и хмыкнул.

– Примитивная защита-невидимка. То есть, должна быть невидимкой, однако посмотри-ка, – он приблизился и проговорил Джею на ухо: – Что, работа твоего дружка-недоделка? Недомаг, недоваин, недолекарь, а теперь ещё и патрульный-неудачник. Решил вернуться к недомагии? Ну-ну... Это я оставлю, ради смеха.

Джей смотрел сквозь него. Охранник ухмыльнулся, сделал приглашающий жест и отступил. Джей прошёл на середину поляны, остановился в нескольких шагах от полукруга кресел и жестом указал мне встать слева от него. Он заложил руки за спину и устремил взгляд вперёд. Прежде чем я вспомнила, что мне полагается смотреть вниз, я встретилась взглядом с той, что сидела в центре. Узкое лицо с тонкими чертами, водянистые глаза, бледная кожа и белоснежный водопад волос. При нашей последней встрече она выглядела на шестьдесят лет моложе. Колдунья улыбнулась мне одними губами и слегка кивнула головой, а я поспешно уставилась вниз, на изумрудную траву. Сердце заколотилось сильнее, чем тогда, когда я сидела в цепких объятьях страха в

тюремной камере.

– Совет рассматривает дело колдуна ан-Тарина и его ученицы, – провозгласила беловолосая женщина. – Глава Совета, а также председатель этого суда, за кем остаётся последнее слово, я – Актаис, Белая ведьма. Состав Совета известен. Запись протокола поручена колдуну Тависту.

По её левую руку колдун выравнивал стопку бумаги на столике перед своим креслом.

– Тех, кто здесь нематериально, прошу усилить присутствие. Итак, господин колдун, – в её голосе звучала насмешка, – мы давно с вами не виделись.

– И надеялись не увидеться ещё столько же, – не выдержал секретарь.

– Ну-ну, господин Тавист, умерьте свой пыл, – благожелательно обратилась к нему колдунья, – есть вероятность, что мы видим его в последний раз. Факты, увы, не в пользу нашего молодого коллеги, как, впрочем, и всегда.

Джей молчал. Но по вновь открывшемуся каналу связи до меня доносился рёв бушевавшей в нём бури. Лишь я одна из всех присутствующих знала, чего ему стоило просто стоять здесь, перед ними.

– Я позволю себе занять немного времени, чтобы рассказать предысторию, так как не все из присутствующих тринадцать лет назад входили в состав Совета, и сведения, которыми они обладают, могут быть искажены в силу того, что были получены не из прямого источника. Итак, господин Джей из

посёлка Тарин закончил обучение у колдуна Джаспера Тина, известного своей любовью к учительской деятельности.

Справа послышался смешок и бурчание, и даже я понимала, что Белая ведьма и тут не упустила момент попрактиковаться в сарказме.

– После обучения господин новоявленный колдун, отличавшийся тягой к знаниям, похвальной и редкой среди учеников колдуна Тина, решил восполнить пробелы образования, коих было немало, не поиском наставничества у более надёжных членов магического сообщества, а при помощи сомнительных авантюр, а также практикой запрещённой магии.

Справа заворчали теперь уже несколько голосов.

– Не буду вдаваться в подробности, желающие могут ознакомиться с ними в архиве. Совет принял решение во имя безопасности вверенного нам мира заключить господина Джея в зал из семи зеркал, четыре из которых были помещены в один из миров с угасшей магией на сорок лет. Совет решил, что этого срока будет достаточно, чтобы безрассудство, свойственное юности, выветрилось и осело пылью под ногами господина колдуна.

Джей отчётливо скрипнул зубами, а у меня заныли скулы.

– Совет осознавал риск использования запретной зеркальной магии, но соотношение опасности и пользы не оставило нам выбора. Так как магия эта не практикуется, всё было выполнено по древним манускриптам. Мы не рискну-

ли убрать ни слова, поэтому у господина колдуна остался небольшой шанс на досрочное освобождение, коим он, судя по всему, и воспользовался. К сожалению, мы никак не могли повлиять на это, по причине того, что три контрольных зеркала в нашем мире были утрачены, как и три зеркала в мире с угасшей магией.

Секретарь, усердно скрипевший пером, с досадой бросил его на стопку бумаги:

– Да если бы мы знали! Каков был шанс! А теперь ещё и это разгребать!

Раздался бас справа:

– Если бы вы, Тавист, смотрели дальше своих бумажек, не голосовали бы тогда за запретную магию!

Я быстро стрельнула глазами в ту сторону – покрасневший толстяк, похожий на Санта Клауса, утирал пот со лба.

– Проголосовали единогласно! – закричал в ответ секретарь.

– Господа, не отвлекаемся, – с улыбкой прервала разгорающуюся ссору Белая ведьма. – Забудем дела давно минувших лет, нас ждёт дело сегодняшнее. Итак, господин колдун умудрился использовать лазейку в древних заклинаниях...

Она сделала паузу, как будто выжидая, не расскажет ли Джей, как ему удалось повернуть этот изумительный трюк. А я в этот момент снова стрельнула глазами, теперь уже в неё. Белая ведьма смотрела на колдуна и вряд ли заметила. Я же пыталась определить – она и правда не знает, как Джей

выбрался из зеркала, или знает, и просто хочет любым способом вывести его из себя? Судя по волнам, накатывавшим на меня справа, много для этого не нужно было. По благодушному выражению лица Белой ведьмы, кроткой улыбке и холодным глазам я поняла, что она всё прекрасно знала.

– Кроме того, господин колдун прихватил из мира с угасшей магией ученика, точнее, ученицу. Понимаю, возмутительно, – ответила она на ворчание среди членов Совета. – Мы высказываем сомнение относительно того, что это было добровольное решение госпожи... м-м-м... Е... Е-катерины. Простите, госпожа, слишком непривычное имя.

Тут наступил мой черёд скрипнуть зубами – она вполне была способна произнести моё имя без запинки, а это её «госпожа» в сторону чужеземки и предательницы никак не соответствовало своему истинному значению и являлось только ещё одним способом продемонстрировать власть.

– По возвращении, – продолжала Актаис, – господин колдун окончательно отказался от связи со старым учителем, которая не была правильно разорвана вследствие стремительности приведения прошлого приговора в исполнение. Дальнейшее поведение господина колдуна не вызывало подозрений, а вот его ученица за краткое пребывание в нашем мире успела попасть в тюрьму по обвинению в краже, а затем и завести знакомство с опасными личностями, которые по забавному стечению обстоятельств также были когда-то учениками колдуна Тина, а теперь разыскивались полицией.

Интересно то, что господин колдун не придал значения этим событиям, не так ли, господин ан-Тарин?

Её голос тѣк плавно, как река. Она как будто рассказывала сказку о каком-то колдуне и его бестолковой ученице, и я даже не сразу смогла осознать, что героем этой истории являюсь я. Из-за её напускного благожелательного тона смысл сказанного затуманивался и ускользал, и только сейчас я начала понимать, к чему она ведѣт. По сути, преступник тут один – я, но она хочет повернуть всё так, чтобы выставить виноватым Джея. Колдуна тоже нельзя назвать невинной овечкой, но ведь она просто хочет избавиться от него! Подавив подступивший к горлу комок, и я сосредоточилась на отрезвляющих волнах ярости.

– Дальнейшее известно. Дело упомянутых личностей признано немагическим и рассмотрено Советом не будет.

Новый взрыв ненависти справа от меня.

– Итак, – в голос Актаис прокрались стальные нотки, – госпожа Е... катерина обвиняется в нарушении клятвы души и участии в преступном сговоре против своего учителя. Обычно такое карается смертью.

Снова выжидательная пауза. Даже если бы я хотела что-то сказать, я бы не смогла. Страх снова обнял меня за плечи, онемели пальцы на руках, а пульсирующий шум в ушах отодвинул звуки окружающего мира на второй план. Актаис снисходительно добавила:

– Но мы готовы сделать скидку на ваше происхождение и

ограничиться изгнанием.

Я вдруг сообразила, что это значит. Для меня нет разницы – осудят они Джея с моей помощью или нет, мой приговор будет таким же, как и моя награда – изгнание домой с подправленной памятью. Пока я обнаруживала для себя эту перспективу, справа подал голос светящийся силуэт.

– Госпожа Белая ведьма, – мягко произнёс он, – не спешите выносить приговоры. Вина не доказана.

Раздались поддерживающие голоса. Актаис немного помолчала, как будто предоставляя говорившему шанс осознать всю глупость произнесённой им фразы.

– Господин колдун Джей ан-Тарин, – снова насмешка, – обвиняется в халатности и пренебрежении долгом учителя. К сожалению, ввиду прошлой истории, я бы предпочла полный приговор...

– Госпожа, я протестую! – громче произнёс силуэт, так и не осознавший свою глупость.

На этот раз его поддержало больше голосов. Белая ведьма отступила.

– Простите меня, господа, я поддалась эмоциям. Нам всем это свойственно.

Думаю, в этот момент она смиренно улыбнулась.

– Если у Совета нет замечаний по делу, я предлагаю приступить к следующей части. Каждый член Совета будет задавать вопросы обвиняемому и обвиняемой. Прошу следить за течением беседы, чтобы не повторяться.

Совет согласно загудел.

– Я предлагаю начать с Е... хм, простите, госпожа, но для общего удобства я позволю себе сократить ваше имя до Кате-рины. Надеюсь, вы не против. Итак, начнём с госпожи Ка-терины.

Вот так, двух зайцев одним выстрелом. Точнее, двух птиц. Я никогда не считала себя особо умной, но сегодня мой мозг брал новую высоту за высотой. Первое – в мире, где привычны короткие имена, а длинное нужно заслужить, эта женщи-на сократила моё. Всего одна буква, но для остальных чле-нов Совета это было знаком. И второе – начать с меня, с на-пуганной девчонки, которая не знает, как её учитель ответил бы на те же вопросы, и от страха может ляпнуть что-то такое, что не просто утопит его, но и предварительно привяжет ка-мень к его ногам. После этого вопросы к нему не будут иметь никакого значения.

– Господа, начнём, – торжественно произнесла Белая Ведьма.

Я кожей почувствовала устремившиеся на меня взгляды. Прокашлялся кто-то с левого края.

– Позволю себе быть первым, – раздался высокий голос. Я больше не смела поднимать глаза от травы даже на долю секунды – сейчас любая мелочь играла против меня. Против нас.

– Член Совета Гастон ан-Рист, – судя по голосу, он был молод, а по имени – не из города и не из знатной семьи. –

Я хотел бы сперва прояснить волнующий, я думаю, всех нас вопрос. Вас насильно забрали из родного мира?

Повисла тишина. В отдалении стрекотали цикады. Наверное, Советник Гастон упорным трудом добился места в Совете и дорожил своим положением. Он смутился и вновь прокашлялся.

– Быть может, формулировка... что-то не то с формулировкой. Вы добровольно ушли за... м-м-м... за вашим нынешним учителем?

Я молчала, но мысленно ответила на этот вопрос «да». Конечно да, и не то, что ушла, я побежала сломя голову с этим чёртовым амулетом, болтающимся на моей шее. Прав молодой человек, с формулировкой было что-то не то.

– Господа, мне кажется, у нас проблема, – возвестил собравшихся член Совета Гастон ан-Рист.

Слово взял другой мужчина. Он не представился.

– Давайте подойдём с другой стороны. Госпожа Катерина, вам известно, какие обязательства накладывает на вас клятва ученика?

Здесь с формулировкой дела обстояли гораздо лучше. Однозначно нет. Но я ничего не ответила. Среди Совета поднялся недовольный гул.

– Девочка! – обратился ко мне незнакомый женский голос. – Ты вообще понимаешь, кто мы? Ты понимаешь, что это суд, на котором решается судьба твоя и этого несчастного, твоего учителя!

Я сглотнула и промолчала – ведь это было ложью. Всё уже решено.

Обстановка накалялась. Кто-то нетерпеливо барабанил пальцами по подлокотнику, кто-то перешёптывался. Белая ведьма не вмешивалась, как и Джей. Он просто стоял рядом и совсем ушёл в себя, не реагируя на внешние раздражители, все силы бросив на то, чтобы не выпустить комок ярости, пульсировавший у него внутри.

– Может, нам спросить госпожу Катерину, собирается ли она вообще отвечать на наши вопросы? – язвительно пробасил Санта.

– А может, она перестала понимать наш язык? – в тон ему издевательски пропел чей-то голос справа.

На этом моменте достопочтимое собрание внезапно превратилось в балаган. Каждый выкрикивал с места вопросы, оскорбления, колкие комментарии. Они кричали, что я, возможно, слишком тупа, чтобы реагировать на своё имя, оно ведь слишком длинное даже для членов Совета. Пять слогов, да где это видано! Они вопрошали, умею ли я считать хотя бы до трёх, как курица. Доставалось и Джею, но он словно не слышал. Выбрал ли господин колдун в мире с угасшей магией самую умную представительницу населения или подобрал ученицу себе под стать? А вы, госпожа Е-ка-те-ри-на, овладели хотя бы магией застёгивания пуговиц за те несколько месяцев, что провели в учениках?

Я как будто оказалась среди стаи обезьян, кидавших в ме-

ня всем, что попадалось под руку. В тот момент, когда я уже перестала различать отдельные фразы в общем шуме, в меня ударило первое заклинание. Члены Совета хохотали, свистели, всячески пытались переплюнуть друг друга в остроумии и поначалу не заметили этого. В меня полетело ещё несколько заклинаний. Мелких, похожих на колючки чертополоха. Я не шевельнулась. Я знала, что это она: Белая ведьма позволила членам Совета потерять приличный облик, чтобы под шумок проверить, умею ли я пользоваться магией. Как же глупо было полагать, что в камере она ничего не заметила! Увидеть не увидела, но точно что-то почувствовала, и теперь пыталась выяснить, что. Я уже поняла к тому времени, что мои, такие смешные в нашем мире, попытки мысленно поставить перед неприятным человеком зеркало здесь не только работали, но и могли оказаться связанными с той самой запретной зеркальной магией. Я не использовала настоящие зеркала, но образы зеркал по свойствам были близки к настоящим.

Если я сейчас попытаюсь защититься единственным известным мне способом, это погубит и меня, и Джея. Тогда никакое «изгнание» мне не светит, а его обвинят в том, что он передал мне запретные знания. Вот и сказке про учителя и его курицу-ученицу конец.

Между тем атака усилилась. В меня летели заклятия крупнее, они жалили, обжигали, кусали... Вцепившись в края футболки, я сжималась от каждого попадания и прерывисто

дышала. Совет гудел и свистел. Я не умела видеть магию, как видели её другие, но сейчас даже я чувствовала по направлению и разному характеру ударов, что стая, заметив летящие в меня заклятия, присоединилась к травле.

Это было бы так просто: зеркало напротив, пара зеркал по бокам, ведь я уже достаточно натренировалась, – и их заклятия полетят в них же самих. А ещё можно соорудить коридор отражений, и эти заряженные злобой шарики будут отпрыгивать, пока не истощится их заряд...

Я бы вот-вот сдалась и начала говорить им всё, что они хотели услышать. Рядом со мной стоял, застывший словно статуя, единственный человек, который мог меня защитить, но хотел ли он? И сумел бы, не дав при этом разорваться ярости, плескавшейся в нём? Я была одна, беззащитная, слабая. Тот способ, каким я могла бы защитить себя, немедленно убил бы нас обоих. Я закрыла глаза, стиснула зубы и глотала слёзы. И тогда в меня ударилось что-то большое, тяжёлое, как брошенный изо всех сил баскетбольный мяч, и лопнуло, облив холодом. Я вскрикнула, открыла глаза и схватилась за грудь, пытаясь поймать воздух.

Джей вдруг очнулся, и я испугалась, что это оказалось последней каплей для того комка бешеной злости, который пульсировал рядом со мной. Отодвинув меня назад, колдун встал на пути атакующих. Он провёл рукой в воздухе, и всё, что летело в нас, упало, столкнувшись с невидимой преградой.

В повисшей тишине раздался довольный голос Актаис Белой ведьмы.

– Вам прекрасно известно, господин колдун, что использование магии в кругу Совета запрещено.

– Запрещено всем, – процедил Джей сквозь зубы, впервые с начала суда подав голос. Он так и держал левую руку сзади, предостерегая меня, чтобы я стояла у него за спиной и не шевелилась. Я вздрагивала от любого дуновения ветра, словно моё тело ожидало новых ударов.

– Защищаться разрешено законом, – продолжил он.

– А разве на вас кто-то нападал? – деланно удивилась глава Совета.

– Достопочтенный Совет напал на мою ученицу, которая не может себя защитить от атаки двенадцати взбесившихся колдунов, – прорычал Джей.

– Я попрошу, десяти, – пристыжено вскричал один из светящихся силуэтов. – Мы с коллегой не могли участвовать в этом безобразии, как и остановить его, ведь мы присутствуем здесь бестелесно.

Второй силуэт пошёл мелкой рябью, то ли от волнения, то ли от стыда, а может выражал таким образом согласие. Я вспомнила, что мне запрещено смотреть на них, и снова опустила глаза. Трава больше не искрилась изумрудом, а посерела и пошла пятнами. Я украдкой приподняла руку – на коже тоже остались следы неровной формы.

– Девяти, – стыдливо пробасил Санта.

Собрание зашумело, все пытались выяснить, кто принимал участие в закидывании меня заклинаниями, а кто пытался образумить коллег. По всему выходило, что на меня вообще никто не нападал.

Колдун Тавист усердно скрипел пером, уткнувшись носом в свои бумаги. Его рука беспорядочно металась над листом, и казалось, что от невозможности описать это зрелище, он корпел над рисунком.

– Полно, полно, – утхомиривающе произнесла Белая ведьма. – Попрошу всех остыть, забыть этот несущественный инцидент и вернуться к делу. Обвиняемые, займите свои места.

Джей снова встал справа от меня. Он казался спокойнее, чем я ожидала. Быть может, этот обезьяний цирк был нам на руку? По крайней мере, Совет больше не казался однородной массой, воспринимавшей Джея только лишь как преступника, случайно нашедшего лазейку в древней магии и теперь преспокойно расхаживающего среди мирных граждан, подвергая их опасности.

Сначала Белая ведьма обратилась ко мне.

– Девочка, мы все просим вас, откройте глаза! Откройте глаза и посмотрите на человека, который стоит рядом с вами, чистым, незамутнённым взглядом. Он мог запугать вас, я верю в это, мы все верим. Но мы защитим вас, Совету хватит сил отправить вас домой, а его – туда, где он не достанет вас. Просто расскажите нам всё, расскажите правду!

Очевидно, речь была заготовлена на случай, если я всё-таки попробую защититься магией или если Джей не вмешается. Поэтому сейчас слова Белой ведьмы прозвучали совсем не убедительно, ведь защищать меня пришлось как раз от неё. А ведь она и не видит других вариантов, вдруг осенило меня. Для колдуньи Джей так и остался тем наглым мальчишкой, который ни во что не ставил Совет и в слепой жажде знаний изучал запретную магию, безответственно и эгоистично пользовался ею, не думая о других. Быть может, она не могла увидеть в нём того, чем не обладала сама. Быть может, это и было нашим шансом.

Я молчала. Актаис прошептала «Бесполезно!» и обратилась к Джею:

– Хорошо же, господин колдун. Потрудитесь объяснить нам, что мешает вашей ученице отвечать на вопросы Совета.

Я чувствовала, что Джей немного расслабился. Похоже, наконец-то действие пошло по его сценарию.

– Госпожа Екатерина будет говорить, когда я ей прикажу, – резко ответил он.

– Что же, шевелится она тоже исключительно по вашему приказу? – поинтересовался самый молодой член Совета.

– Именно так, Советник Гастон.

Кто-то хмыкнул, а молодой человек продолжил:

– Тогда как вы объясните, господин ан-Тарин, то, что случилось несколько дней назад?

– Я объясню, уважаемый Совет. Пока я был занят изуче-

нием всего, что тут произошло за тринадцать лет, к моей ученице втёрся в доверие Сет. Екатерина решила, что он человек порядочный, тем более, учился со мной вместе.

Врёт, но не обманывает. Очень ловко, одобрила я с высоты своего опыта. Гораздо лучше, чем Белая ведьма. Как же нам повезло, что актриса из неё была никудышная! Ведь любая лишняя фраза, сказанная мною Актаис в обличии маленькой девочки, могла разрушить планы колдуна.

– Вы знаете, – продолжал Джей, – что полиция обнаружила мою ученицу в подвале. Когда она поняла истинные намерения Сета и его подельников, её заперли.

– Однако господин... не важно, скажем, один из свидетелей утверждает, – вмешался кто-то из Совета, – что Сет заключил с вашей ученицей договор.

– Свидетель может утверждать, что угодно. Ситуация произошла из-за того, что моя ученица наивная и глупая. Она не собиралась предать меня, нарушив клятву. В её верности у меня нет сомнений.

Я дважды покраснела, если такое вообще возможно. Сначала после характеристики, данной мне Джейем. Не сказать, чтобы я стала с этим спорить, но предпочла бы менее категоричную формулировку. Похоже, колдун не смог удержаться от искушения поддеть меня. А потом меня залило краской от стыда. Я сосредоточилась на дыхании, чтобы не расплакаться, и ещё ниже опустила голову.

– И что же, госпожа Катерина согласна с таким определе-

нием себя? – подал голос Санта. – Вы позволите ей ответить хотя бы на один этот вопрос?

Джей обратился ко мне:

– Екатерина, ответь на вопрос.

Санта посчитал нужным повторить:

– Госпожа Екатерина, вы и правда считаете, что ваш учитель прав, называя вас наивной и глупой? – он вернул букву в моё имя, и я посчитала это хорошим знаком.

– Да, Советник, – выдавила я из себя.

– И вы не заключали с колдуном Сетом договор?

Мне было велено ответить только на один вопрос, поэтому я промолчала.

– Это решительно невозможно! – взорвался Санта. – Если вы ей прикажете часть ответа продекламировать стихами, стоя на голове, а часть показать пантомимой, она и это беспрекословно исполнит?!

– Да, – коротко ответил Джей.

Собрание снова оживилось, перешёптываясь. Белая Ведьма уже длительное время молчала, просто наблюдая.

– Что ж, – наконец подала голос она, – то, что мы видим, господин колдун, довольно убедительно. Но в связи с серьёзностью случая я считаю, что необходимо провести ритуал доказательства верности.

Несколько членов Совета одновременно охнули, и тут же поднялся гул. Я почувствовала, как Джей напрягся. Этого он не ожидал.

– Тишина! – повысила голос Актаис. – Господин ан-Тарин, прошу вас начинать.

Наверное, если бы я знала, что это за ритуал, то в нормальном состоянии не согласилась бы. Не представляю, что бы Джей, или Робин, или даже сёстры Тео и Тун совершили бы этот ритуал, ведь если нет настоящего, глубокого уважения между учителем и учеником, то нужно быть прожжённым лжецом с железным самоконтролем, чтобы пройти его. Или тонуть в чувстве вины, как я.

– Исполняю волю Совета, – со злостью произнёс колдун сквозь зубы, и я одна уловила нотку обречённости в его голосе.

Очевидно, Джей причислял меня к первой категории, однако в моём самоконтроле был вовсе не уверен.

Со стороны могло показаться, что два человека играют сценку из театральной драмы, настолько всё выглядело неестественно. Но внутри этой сцены всё было опутано древней магией, которая вцепилась в нас серебряными нитями и вела.

Джей повернулся ко мне и теперь уже тихо сказал:

– Встань лицом ко мне.

Я не знаю, в какой угол сознания он запихнул рокочущий комок ярости, но сейчас его взгляд был спокойным и холодным, почти как в тот день, когда я, сама того не зная, принесла ему клятву ученика.

Члены Совета встали вокруг нас, образовав широкий

круг. С их помощью что-то происходило, могучее, древнее, затрагивающее и землю, на которой мы стояли, и окружающий нас воздух. Я увидела свечение, обволокшее колонны и объединившее их. Не для красоты здесь были собраны разные породы камня. Сложный узор расплзался по поверхности, а потом протянул нити и охватил меня светящейся сетью запутанных заклинаний. Меня, и только меня.

Я почувствовала, как нити проникают в мою голову... а может, и в душу. Я пошевелилась в попытке высвободиться, но было поздно. Из глубин они вытащили самую мою сущность, отряхнули от пыли, счистили шелуху, ощипали перья и выставили, обнажённую, в это магическое пространство. Всё, что в глубине души я считала правильным и неправильным, было возведено в абсолют. Мир поделился на чёрное и белое, а я была центром его. Краски вокруг поблели, и мир и вправду стал чёрно-белым, пульсирующим серебряной магией.

В этом новом мире я стала абсолютной белизной. Древняя магия возвела меня в статус творца и судьи. У меня больше не было имени, да и нужно ли оно огромному, бесконечному эго? Ты нравишься мне, говорила я, простирала руку и даровала белизну. Ты мне не нравишься – тебя поглотит чернота космоса. Моего космоса.

Внезапно в мой мир ворвался чужой голос:

– На колени.

Я с удивлением посмотрела на серый силуэт, который по-

степенно обретал знакомые черты. Колдун. В глубинах памяти шевельнулось воспоминание о каком-то суде. Мелкое, ничтожное, смешное. Я расхохоталась.

Силуэт зачем-то сам опустился на колени. Вокруг проступили контуры светящихся нитей. Они начали стягиваться, завибрировали, сотрясая мой чёрно-белый мир, который звенел и подёргивался. Откуда-то снаружи раздался приглушённый возглас: «Нарушение!»

– Пожалуйста, – прошептал колдун.

Всё вокруг вторило моему смеху, трясаясь и искажаясь. Этот мир вращается вокруг меня, и нет в нём интересов, кроме моих! Нет суда, кроме моего. Так и быть – будет вам суд!

Я бросила на колдуна покрывало черноты. Оно объяло его, но тут и там стали вспыхивать искры, разрывая космическую материю. Я всмотрелась и увидела, что чернота не поглощает его, а лишь покрывает оболочкой.

Это я осудила его и вынесла приговор, я окутала его этой чернотой.

Если его чернота не является им, то может и моя белизна – только обман, иллюзия, в которую я сама себя облачила?.. Я одна стою в центре своего чёрно-белого мира, и мир этот существует лишь в моих глазах.

Мой учитель почти беззвучно повторил: «Пожалуйста...»

Я посмотрела на свои руки, сияющие, охваченные древней магией. Белоснежные, с тёмным пятном клятвы на правой руке. Белизна начала растворяться, и руки оказались по

локоть чёрными.

В мире, где я была центром, я была и судьей. И я осудила себя.

Мир больше не вращался вокруг меня. Мир застыл. Я опустилась на прожжённую заклинаниями траву рядом с колдуном.

Он протянул ко мне руку. Руку с нашим общим знаком.

Его кожа всё ещё пахла зеркальной пылью. Сухой, бездушной пылью остановившегося времени. Пылью дорог между мирами. Я вдыхаю запах пыли. Запах безвременья. Запах угасшей магии. Из центра своего мира, из наивысшей точки эго, я рухнула в водоворот мельчайших частиц бесконечного количества миров и смешалась с этой пылью. Я – пыль.

Я прикоснулась губами к его руке, и в тот же миг древняя магия исчезла, и нити, покрывавшие меня, испарились. Ритуал был завершён.

Прежде чем потерять сознание и позволить уже привычному мху заключить меня в свои уютные объятия, я услышала голос Белой ведьмы:

– Я видела достаточно.

Глава 25. Есть только он

Я недолго пробыла без сознания – грубый охранник плеснул мне в лицо ледяной водой и выпроводил нас с Джемем из цветущего сада. К тому времени Совет уже покинул поляну, а каменные колонны потеряли весь свой величественный вид. О том, что здесь происходило, напоминали лишь серые пятна на траве.

На выходе охранник постучал по цифрам на моей руке

кончиком карандаша, и они исчезли. Джей протянул свою ладонь, на которой вместо цифр стояла буква. Его рука заметно дрожала, а сам он сутулился и смотрел в сторону.

На улице за стеной нас ждал Робин.

– Совет во всей красе, – злобно бросил Джей на его вопросительный взгляд.

– Но всё же вы оба живы и на свободе, – резонно возразил Робин.

Джей пожал плечами, сунул руки в карманы и пошёл вниз по дороге.

– Ты пешком идти собрался?

Колдун не ответил. Мы последовали за ним, и Робин обратился ко мне:

– Что там было?

– Мы провели ритуал какой-то там верности, – выдавила я из себя.

Это была первая фраза, которую я произнесла с тех пор, как закончился суд. Мне совсем не хотелось разговаривать. Меня снова начало поглощать чувство вины и страх перед будущим.

Робин встал как вкопанный.

– Ритуал доказательства верности? – он неверяще уставился на меня, а потом окликнул колдуна. – Джей, серьёзно?

– Да, – бросил колдун, даже не обернувшись. Ему тоже не хотелось разговаривать.

– Я бы на это никогда в жизни не пошёл.

– А у нас был выбор? – огрызнулся Джей и зашагал дальше, ещё больше ссутулившись.

Робин посмотрел на меня:

– А ты... как ты...

Я только пожала плечами. Я понимала его удивление, ведь от меня и так никто ничего не ждал, а я, вместо того, чтобы тихо сидеть и надеяться, что меня вот-вот вернут домой, вляпалась в историю, но при этом как-то умудрилась выбраться из неё с минимальными потерями.

Дорожка то устремлялась вниз, то снова выравнивалась, огибая холм. Колдун выбирал те повороты, которые вели нас по окраине, но всё же приближали к городу. Я немного прихрамывала – следы кошачьих когтей немилосердно чесались. Мы прошли через заросли кустов, покрытых жёлтыми цветами-граммофонами. Приторный аромат привлекал насекомых. Я отмахнулась от надоедливой пчелы и спросила, просто чтобы заполнить тишину:

– Это что, так серьёзно? – я и без Робина знала, насколько это было серьёзно.

– Я только по книгам знаю, Рина. Древняя магия бескомпромиссна. Колдуны прошлого отдавали себя служению магии и мирам. Когда не существовало законов, Совета, магических судов, лишь безоговорочное неэгоистичное служение могло удержать мир от гибели. Представь колдуна, который решит, что ему позволено делать всё, что вздумается.

Мне не нужно было представлять – я теперь знала это чув-

ство, когда являешься центром мира.

– Постепенно древние обычаи забылись, что и привело к разрушению планеты. После этого появился Совет, который был призван следить за использованием магии. На многие действия и ритуалы наложили запрет, а кое-что стало использоваться в других целях. Как клятва души.

– Это та, что я... что мы с Джеем принесли друг другу?

Робин кивнул.

– Ведь там не было ничего про ученика и учителя, я бы заметила!

– Правильно. Это клятва связи между двумя людьми, не важно, учеником ли и учителем, мужем и женой, сёстрами, братьями или просто друзьями – это обещание быть друг другу верными, скреплённое магией. Учитель произносит те же слова, что и ученик.

Я сорвала травинку, сунула в рот и пожевала. Знакомый с детства вкус успокаивал.

– А что касается ритуала, – продолжил Робин, – он отправляет человека в состояние такого экстремального эгоизма, откуда невозможно воспринимать других людей. Связь или вытаскивает из этого заклинания, или нет. Совет не видит, что происходит с тем, на кого направлен ритуал, они видят только результат – выполнит ли человек последовательность простых действий. Если нет – то всё.

– Всё?

– Смерть. Неважно, кто проходит ритуал – ученик или

учитель, результат един для обоих.

По спине побежали мурашки. Ведь Джей что-то нарушил – по своему обыкновению, – чтобы помочь нам обоим. Но я уже поняла по истории с его заточением в зеркале, что древняя магия не так категорична, как Совет, и оставляет пространство для манёвров.

Робин, удостоверившись, что Джей достаточно далеко, остановился и тихо сказал:

– Рина, он же мог уйти. Я предлагал его спрятать. Есть тысячи мест, где Совет не дотянется до него, тысячи миров. На крайний случай, Лисий город. А тебя мы с Роми как-нибудь бы спасли. Но Джей отказался. Тебя вытаскивать пошёл, хотя знал, что Белая ведьма готова на всё, чтобы от него избавиться. Понимаешь?

Я не понимала.

– Зачем?

Робин помолчал и пнул камешек.

– Мы с ним всегда спасали маленьких птичек.

Отшутился. Тоже, наверное, не до конца понимал.

– Актаис сказала, что отправит меня домой, – сказала я, когда мы продолжили путь.

– Конечно, с прожжёнными мозгами, – саркастически ответил Робин.

– Габи! – вдруг вспомнила я. – Что будет с тем старичком из дома Чёрной свиньи? Как он вообще со всем этим связан?

– Его внук был гонцом при старом короле и погиб во вре-

мя войны. Думаю, в начале он добровольно предоставил Сету дом для собраний, но в какой-то момент начал мешать, вот его и обезвредили как смогли. Это моя вина. Я несколько месяцев искал заговорщиков, но они были подготовлены лучше, чем мы могли ожидать. Не беспокойся, о Габи мы позаботимся, хотя память ему уже не вернуть.

Дорожка, влажная после утреннего дождя, резко устремилась вниз. Капельки на белоснежных цветах ежевики сияли и переливались в лучах солнца.

– Робин... – медленно начала я, а потом выпалила, чтобы не успеть передумать: – Ты на меня не обиделся?

– Последний раз я обижался, когда мне было лет шесть, – улыбнулся Робин. – Мама сшила мне рубашку, но выбрала некрасивые чёрные пуговицы. Я потребовал поменять на яркие – зелёные или красные. А мама дала мне ножницы и нитку с иглой и заявила, что раз я всё знаю лучше, чем она, то и пришью лучше. Я тогда дулся сутки, не меньше. Ведь она портниха, ей же легко это сделать! Пошёл жаловаться отцу, а он сказал, что я не прав. Тогда я принялся за работу: начал отпарывать чёрные пуговицы и пришивать красные. И оказалось это совсем не простой задачей. Я просидел несколько дней, исколот все пальцы, несколько раз со злости бросал иголку, а потом искал её между половицами, но в итоге справился. Я не понимал, что за работа у моих родителей, пока сам не попробовал. Каждый пришивает свои пуговицы, понимаешь?

– И набивает свои шишки, – тихо сказала я. – Прости, Робин. Я должна была тебя послушать.

Робин приобнял меня за плечо:

– Всё к лучшему. Вообще-то если бы не ты, мы бы так и не обнаружили Сета, и случилась бы катастрофа.

Я не сомневалась, что он сказал это, чтобы подбодрить меня.

Мы прошли между задними двориками, и неприметная тропинка вывела нас почти к самому дому. Давно не чищенный Достоевский мирно спал, а Бонифаций скалился, как будто радуясь тому, что хотя бы дождь смыл с него часть грязи. Джей обнял льва за шею и что-то прошептал ему на ухо, а затем отошёл и сделал приглашающий жест рукой. Я нерешительно встала у калитки.

– А как же... ну? – я кивнула на льва. Ведь Джей говорил, что избавится от львов, если я что-то у них попрошу.

Джей сжал губы, и я тут же пожалела, что открыла рот.

– Не знаю, за кого ты меня принимаешь. Я запретил львам пропускать тебя, а теперь разрешаю. Вперёд!

Странно было заходить в дом, который я не рассчитывала больше увидеть. Мы сразу поднялись наверх, но с порога я успела краем глаза заметить, какой бардак творится на кухне. В библиотеке было не намного лучше: на полу валялись книги и исписанные клочки бумаги. Джей прошёл к камину, по пути пнув одну из книг, и тяжело опустился в кресло. Робин пригласил меня занять второе кресло, а сам сел рядом

на стул.

– Надо вернуть её домой, – Джей потёр переносицу.

– Прямо сейчас? А что Совет скажет? – поинтересовался Робин, разглядывая глубокие царапины на моей ноге.

– Мне уже всё равно, – устало откликнулся Джей и опустил голову на ладони, как будто ему трудно было даже просто сидеть. – Дойду до её мира и сдамся Лису, если успею. На обратный путь меня точно не хватит.

Робин покачал головой и попросил меня:

– Покажи, что нужно вылечить.

Я приподняла футболку. Синяк на животе расплылся сине-фиолетовым пятном с жёлтым островком по центру и напоминал о себе при любом движении.

– Это откуда?

– От Бисы, – неохотно ответила я.

Если придётся за каждую царапину отчитываться, то пускай уж лучше сами проходят.

– Биса, к сожалению, ускользнул вместе с Сетом. Кстати, – он вынул из-за пазухи книгу в болотно-зелёной обложке и протянул Джейу. – Я украл вещественное доказательство прямо с места преступления. Тот наш арестованный, который даёт показания, к счастью, оказался достаточно сообразителен, чтобы не говорить о драконе никому, кроме меня.

Джей придвинул к себе книгу, раскрыл на случайной странице и невидяще уставился в неровные строки. Робин закончил с ушибом, и я смогла, наконец, свободно выпрямиться.

Пришёл черёд оставленных кошкой царапин. Робин собрался аккуратно разрезать джинсы, раз уж они всё равно были порваны, но я отобрала у него ножницы – пуговицы буду пришивать сама, джинсы разрезать тоже. Робин смотрел на серые пятна на моих руках. Я перехватила его взгляд и, не дожидаясь вопроса, объяснила сама:

– Это Совет.

– Уважаемые господа Советники вздумали поиграть в вышибалы, – подал голос Джей, – не представляю, что на них нашло.

– Белая ведьма начала, – сказала я, аккуратно отрезая кусочек ткани.

Повисла тишина, и я оторвалась от джинсов. Джей сверлил меня взглядом как в старые добрые времена.

– Почему ты так решила?

Я открыла рот, но на мгновение задумалась. Ведь никто не знает про мои зеркала. И нужно ли о них рассказывать? Можно же просто ответить, что мне так показалось... Или сказать, что больше некому было. Нет, Екатерина, хватит! Нельзя врать.

– Она приходила в камеру, превратившись в маленькую девочку. А я её раскусила, потому что... потому что я... Я поставила зеркала, чтобы увидеть её сущность, а она что-то заметила.

Джей наклонил голову и сощурился. Робин переспросил:

– Зеркала?

– Да, вот такие, – и я поставила напротив себя защиту.

Джей поморгал и потёр свой красный глаз. Робин начал выводить на пыльной поверхности столика узоры, а потом, опомнившись, проговорил с едва заметной вопросительной интонацией:

– Мне как будто резко стало неинтересно?..

И правда, Екатерина, это же защита! Я стёрла дымчатый контур. Робин подпёр подбородок рукой, прикрыл на секунду глаза, а потом, кинув взгляд на Джея, который только покачал головой, заявил:

– А вот теперь у меня появилось несколько вопросов, и я не знаю, в какой последовательности их озвучить... Это, очевидно, магия, поэтому спрошу сразу: ты колдовала в тюрьме?

– Да, – удивлённо ответила я. Далеко не самый интересный вопрос!

– Это катастрофа, – заявил полицейский.

– Но никто не видел! Никто ни разу не заметил, как я это делаю.

– Я должен сообщить Роминору! Цифры, которые ставят на руку заключённому, блокируют магию. Блокировали до сих пор! Да и сама тюрьма защищена полем. Как и королевский замок! О боги!

Робин схватился за голову. Казалось, он готов был прямо сейчас кинуться в тюрьму ставить новую защиту.

– Ну, это было нелегко, – утешающе произнесла я.

– И давно ты это умеешь? – спросил Джей.

– Меня тётушка научила: если на меня смотрит неприятный человек, то я представляю зеркало, как будто бы перед этим человеком не я, а его собственное отражение. Я всегда так делала, а в этом мире оно вдруг заработало по-настоящему... Но это же не зеркальная магия? – тревожно обратилась я к Робину, потому что Джей ничего не говорил.

Робин пожал плечами.

– В Запретах Совета указана только работа с настоящими зеркалами, а про воображаемые ничего не сказано. Но если бы Актаис заметила, то вцепилась бы в эту возможность.

Джей потёр переносицу и приказал:

– Покажи, что ты умеешь.

Я задумалась – умею я не так много: делать защиту вокруг себя, ставить подножку неприятным личностям и подслушивать. Я подошла к балкону и внимательно посмотрела на соседние дома. Отлично – пожилая пара сидит на веранде и беседует за чашечкой кофе с пирожными. Сопровождая процесс комментариями, я соорудила конструкцию из зеркал и под конец поставила одно на полку над камином, чтобы всем было слышно.

– Теперь, чтобы не тратить много сил, я соединяю первое и последнее зеркала, а лишние убираю – это как в физике. Там надо собрать все формулы в одну большую, сократить, чтобы получилась маленькая, и тогда уже подставить цифры. И вот, когда всё сокращено, я их включаю.

Комната резко заполнилась ворчанием, прерываемым причмокиваниями, когда обладательница дребезжащего голоса делала очередной глоток из чашки:

– А Ани, поди ж ты, отца десять лет не видела и тут является! Твои, говорит, капустные поля я ликвидирую! За муж собралась! И за кого! За этого неотёсанного мужлана!

– Хватит! – Джей схватился за голову, и я поняла, что он держится из последних сил, чтобы не взорваться.

Я взмахнула рукой, и голос пропал. Когда я села обратно в кресло, Робин вспомнил про мою раненую ногу и занялся ей.

– Теперь понятно, как ты меня вызвала, – сказал он и улыбнулся. – Но почему мы ничего не видим, Джей?

– Она из мира с угасшей магией. Вероятно, там использовали какой-то неизвестный подвид. В их сказках есть упоминания о зеркалах и магических шарах.

– Я тоже сначала ничего не видела, – к своему удивлению, я чувствовала себя уверенно, рассказывая о том, что умею, – потом начала различать контуры зеркал, а теперь уже вижу и отражения.

– Но нашу магию ты так и не видишь? – поинтересовался Робин.

– Могу через зеркало посмотреть.

– Тогда попробуй.

Я поставила маленькое зеркальце так, чтобы видеть, что делает Робин. С его пальцев срывались серебряные искры и ниточки, которые кружились над кожей, то поднимаясь, то

опускаясь, а ранки затягивались, как при ускоренной съёмке.

– Это же не магия времени? – с сомнением спросила я.

– Она самая. Запрещена к использованию на живых объектах, за исключением случаев, когда требуется лечение. Применять с осторожностью на детях и пожилых людях, – процитировал Робин текст Запретов Совета.

– Потому что дети повзрослеют, а пожилые люди могут умереть?

– Именно, – кивнул Робин.

Джей всё это время смотрел на меня, прикусив костяшку указательного пальца.

– Робин, – окликнул он друга. – А ты не думаешь?..

Робин обернулся, и целую минуту они смотрели друг на друга, не моргая.

– А может, и да, – наконец, проговорил Робин, – попробуй.

– Рина, – обратился ко мне Джей, – ты знаешь, где драконий коготь?

– Я догадываюсь.

– Укажи место, – настойчиво сказал колдун.

Я задумалась, потом вспомнила монокль, который дал мне Сет. Было глупо искать камень в доме. Конечно, он находился в тени мира, но только тогда, когда там был и Джей. Камень был в нём. Я поставила небольшое зеркало перед глазами и посмотрела на колдуна. Вокруг него пульсировала едва заметная красная аура вперемешку с мерцающими се-

ребрыными многоугольниками, но камня я не видела.

– Я вижу какие-то заплатки, – сообщила я.

– Ах, это, – отмахнулся Робин. – Я специально налепил неуклюжее заклинание, чтобы сбить стража Совета с толку. Он у них не больно-то сообразительный, за это мы его и любим.

Робин усмехнулся, помахал рукой и серебряные многоугольники растворились.

– Звёздочка, – тихо попросила я свою сай, – покажи мне камень.

Татуировка защекотала руку, зеркало перед глазами дёрнулось и на мгновение раздвоилось.

– Не понимаю...

Я чувствовала, что моя птица недовольна мной. Ну да, я не люблю думать, мы это уже выяснили! Но хотя бы подскажи! Зеркальце снова раздвоилось, теперь уже на несколько секунд. Второе зеркало? Ну ладно... Я сделала такую же систему, как в тюрьме, когда начала подозревать беловолосую девочку – одно зеркало на стол под углом, чтобы в нём отражался колдун, а второе рядом с ним. Птица потянула меня ко второму зеркалу... Вот он!

Джей вцепился руками в подлокотники так, что костяшки его пальцев побелели, и сжал зубы. Робин вскочил со стула и схватил друга за плечи, приговаривая:

– Тихо, тихо!

Сай испугалась и спряталась глубоко в линиях рисунка

на моём плече. Я быстро стёрла зеркала и вжалась в кресло. Джей закрыл глаза и тяжело дышал, с шумом выдыхая воздух. От его левого глаза по всей щеке и по виску потянулись чёрные линии сосудов.

– Убью её... убью... – прорычал он не своим голосом.

Робин что-то шептал, уговаривал, и, наконец, руки колдуна расслабились, а сам он обессиленно откинулся в кресле. Он открыл глаза и смотрел в потолок, а чернота быстро ползла по сосудам на шее вниз, к сердцу. Над его левой бровью и на скуле появились чёрные плоские наросты. Чешуя?..

Тот стишок, который мне рассказали мальчишки у школы... Сначала дракон обнимает, потом проникает в сердце, затем захватывает мысли, а там и душе конец.

– Третий... – прошептала я, – третий коготь должен проникать в сердце, разве не так?

– Не так, – огрызнулся колдун. – Всё не так.

– Джей спрятал камень в отражении глаза, чтобы Совет не смог его найти, – сказал Робин.

– Сам поместил его себе в голову! – сказал Джей, и меня захлестнуло отчаянием, пробившимся сквозь всепоглощающую ярость.

И как я не замечала этого раньше? Наверное, меня тогда целиком поглощали собственные горести. А что если я и не была в таком уж отчаянии?.. Вдруг я просто не смогла отделить его чувства от своих?

Джей выпрямился в кресле, потёр лицо и сказал:

– Ещё раз.

– Это плохо кончится, – запротестовал Робин.

Джей проигнорировал его слова:

– Не вызывай сай, дракон её сожрёт. И смотри внимательно. Робин, держи меня, только без магии – он её воспринимает как агрессию.

Робин встал позади Джея и положил ему руки на плечи. Я выставила зеркала, но сделала так, чтобы в них не отражалось ничего, кроме колдуна, сидящего в кресле. Я осторожно подошла ближе ко второму зеркалу и начала разглядывать отражение. Колдун смотрел прямо на меня, но я понимала, что он меня не видит, как не видит и сами зеркала. Вот он, окружённый красной дымкой, сверкающий камень в форме капли, созданный из сотни алых бабочек – прямо в глазу. От него тянутся вниз извилистые чёрные отростки, похожие на корни, захватывая шею, плечи и руки. Два самых толстых обхватили рёбра, а с концов их свисают, словно плоды, каплеобразные узлы. Третий тянется к груди, прямо сейчас, на моих глазах, формируя новое уплотнение у горла и отращая тонкие веточки.

– Значит, не нужно пяти камней? – догадалась я. – Один копирует себя?

– Правильно, – ответил Робин, – это в природе миров, как я тебе рассказывал. Драконий коготь, зацепившись за носителя, начинает создавать свои копии. Пяти достаточно, чтобы захватить тело и создать полноценное существо.

– Джей, – я впервые обратилась к колдуну по имени, – что я могу сделать?

– Вынуть его, – прохрипел он, глядя перед собой. – Прямо сейчас.

– Джей! – воскликнул Робин. – А если не выйдет? Дай мне хотя бы подтянуть отряд к дому!

– Поздно. Он почувствовал опасность, ускорился и...

Каждое слово давалось колдуну с таким трудом, что я продолжила:

– Он тянется к сердцу.

– Или сейчас, или... – выдохнул Джей и вдруг растянул почерневшие губы в кривой усмешке: – Меня даже убить нельзя – дракон хорошо защищает своё будущее тело.

И Робин сдался. Я сбегала в кладовку и принесла верёвки, которыми он привязал Джея к креслу – это должно было удержать дракона хотя бы на пару минут.

– И последнее. Робин, если получится, но не совсем... Найди проводника и отправь Рину домой.

Я вздрагивала от накрывавших меня волн ярости. Сосредоточься, Екатерина, твои руки не должны дрожать. Но как сосредоточиться, если я за пару суток съела только склизкий холодный комок тюремной каши? И было это много часов назад, ещё до суда и ритуала, а теперь мне пришлось демонстрировать, как работают зеркала, и я так устала... А я всего-то навсегда маленькая потерянная птичка! За что мне все эти ужасы! Губы задрожали, а в уголках глаз выступили сле-

зинки.

Я потрясла головой и приказала голосу в моей голове заткнуться и никогда больше не появляться. Если бы маленькая птичка столько не ныла, может, она бы и не влипла в эти ужасы. Голос исчез. Я подошла вплотную к зеркалу и протянула руку к лицу колдуна. Чёрные ветви ощетинились и в секунду покрылись шипами, а колдун дёрнулся в кресле и издал такой крик, что у меня всё похолодело внутри, а сердце кольнуло отголоском его боли. Колючки множились, но я, сжав губы, сунула руку в самую гущу ветвей и дотянулась до камня. Моя ладонь прошла через голову Джея, как будто его там и не было, и пальцы сомкнулись на горячей поверхности камня. Единственный существующий предмет среди отражений. Но и его чёрные отростки были не менее материальны. Моя рука оказалась в ловушке, шипы росли и пронзали кожу. Свободной рукой я схватилась за дымчатый контур, потянулась наружу и взывала от боли.

Екатерина, тупая ты курица! Ведь всё это отражения, которые ты сама создала! Надо просто их убрать и... Главное, чтобы мне не отрезало руку, промелькнула мысль, но я прогнала её и стёрла зеркала.

Рука осталась на месте, но из зеркала кроме драконьего когтя я вытащила чёрные ветви, намертво вцепившиеся в моё предплечье. Они вдруг вздыбились и направили на меня свои кончики, качающиеся, словно змеиные головы. Я взвизгнула и затрясла рукой, и они начали отваливаться рва-

ными кусками и испарялись красным туманом, не успевая достигнуть пола. У моих ног сгустилось алое марево и растаяло в мгновение ока.

Тело Джея безвольно повисло на верёвках, и я, прижав окровавленную руку с камнем к груди, подбежала к креслу.

– Он жив, – сказал Робин, склонившись над Джеем.

Я знала. Я боялась представить, что чувствует ученик во время смерти учителя. Робин сделал движение рукой, верёвки упали, а Джей завалился на бок. Робин перехватил его и аккуратно уложил на пол. Проверил пульс, прижал ухо к груди, потом прочертил в воздухе окошко и долго смотрел через него. Лицо Джея всё так же было покрыто сеткой тёмных сосудов, губы оставались чёрными, но чешуйки отвалились и растаяли алым туманом.

Камень пульсировал в моей руке. Я закрыла глаза. Лёгкое дуновение ветра, белые стволы деревьев и земля, устланная мхом. Шелест сотен крылышек, шуршание, шорох и свистящий, но такой заманчивый шёпот: «Другая жизнь». Ты забудешь только то, что не хочешь вспоминать. Я подарю тебе лёгкость, радость, полёт. Счастье. Мы будем лететь вместе.

Я начала покачиваться в такт ритму, и мне стало так спокойно, что я вздрогнула, когда надо мной раздался голос Робина:

– Сюда.

Он держал передо мной стеклянную банку. Я протянула руку и разжала пальцы, чувствуя себя так, как будто соб-

стенноручно оторвала кусок души. Но стоило Робину закрыть крышку и запечатать банку заклинанием, как это ощущение пропало.

– Они тебе что угодно наобещают, только бы заполучить тело.

– А нельзя его разбить?

– Как видишь, до нас никто не смог, – вздохнул Робин, убирая банку с камнем в шкаф, заполненный склянками и коробочками.

Глава 26. Неудачные тренировки

Я еле держалась на ногах, но помогла Робину донести

Джея до спальни и открыла дверь, воспользовавшись уже испробованной комбинацией из зеркал. Робин уложил Джея в постель и сказал, что остаётся только ждать, и неизвестно – день ли, а может, месяц. Там же в ванной комнате я смыла кровь с руки, а Робин залечил раны. Вдвоём мы едва умещались в крошечном помещении. Оказалось, что весь объём третьего этажа ушёл на библиотеку, поэтому она была такой непропорционально большой.

Пока я приводила себя в порядок, Робин ходил за едой. Как приятно было сменить одежду и вымыть волосы! Из зеркала на меня смотрела девушка с неухоженными мышино-го цвета волосами, уставшим лицом и складкой, пролёгшей между бровей. Как мне ни хотелось сразу рухнуть в постель, голод победил. Глядя, как я поглощаю пироги и булочки, запивая земляничным чаем, Робин сказал:

– Я начну искать проводника.

– Не надо! – воскликнула я, чуть не подавившись пирогом с грибами: – Как же я уйду, не узнав, что с Джеем!

– Я думал, ты хочешь побыстрее попасть домой.

Я опустила глаза и принялась разглядывать стол из тёмного дерева. Мягкие линии на срезе образовывали неповторимый орнамент, каждая вела, словно дорога. Уйти, не узнав, чем закончилась история?

Робин сказал, что подежурит, пока я буду спать. Я легла в постель, но, несмотря на казавшуюся смертельной усталость, никак не могла заснуть. Екатерина, тебя же скоро отпустят

домой! Но я почему-то была не рада.

Комариный будильник работал исправно. Робин накормил меня завтраком и потащил в полицейский участок, как я ни сопротивлялась. Больше всего меня беспокоило, что Джей может очнуться, пока нас нет, но Робин сказал, что сегодня это точно не произойдёт. Я решила не рисковать: поместила на двери в спальню зеркальце и сказала Звёздочке, чтобы она следила и, если что, клюнула меня.

В углу кабинета начальника полиции сидела девушка моего возраста, маленькая, темноглазая, с волосами цвета воронова крыла.

– Практикантка, – гордо пробасил Роминор. – Будет записывать.

Девушка сжала губы и приняла боевую позицию, занеся остриё пера над бумагой.

Робин ненадолго отлучился, чтобы вызвать придворного колдуна. Тот должен был исследовать мою магию и обновить защитные заклинания. Пока Робин отсутствовал, я рассказывала, чем занималась в своём мире. Видимо, моя история не показалась Роминору увлекательной, и мужчина завис над шахматной доской, поглаживая усы.

Вернулся Робин, девушка стрельнула в него взглядом из-под густых ресниц, покраснела и уткнулась в бумаги. Тот ничего не заметил и сразу устремился к шахматной доске. Увидев, что Роминор не спешит делать ход, Робин разочарованно махнул рукой, сел на край стола и начал задавать мне во-

просы.

Пришлось вспоминать, как я познакомилась с Сетом, где встречалась с ним, кроме скамейки на берегу Эллы, и кого ещё я запомнила. Добравшись до событий в доме Чёрной свиньи, я окончательно потеряла спокойствие, начала запинаться и вцепилась в коленку, чтобы не дёргалась нога. В Робине проснулся беспощадный глава тайной полиции, который был готов выпытать из меня даже то, чего я не помнила. Роминор, переместив, наконец, шахматную фигуру на несколько клеточек к центру, сел за своё рабочее место и молча слушал, лишь пару раз позволив себе вставить комментарии.

Когда в кабинет зашёл понурый лысый человек в чёрном, я обрадовалась, что Робин наконец от меня отстанет. Придворный колдун был среднего роста и неопределённого возраста. Его незапоминающуюся внешность прекрасно дополнял тихий голос без интонаций. Как строгий экзаменатор, он заставлял меня по-разному расставлять зеркала, объяснять, что я делаю, придумывал всё новые и новые задания и в конце концов вынес вердикт:

– В магии госпожи почти нет магии. Это мысленная постановка задачи, составление формулы, задание условий, а затем неуловимо короткий миг, когда госпожа вливает в эту конструкцию энергию, достаточную для автономной работы в течение некоторого времени. Большая часть сил уходит на поддержание мысленной конструкции, что магией не явля-

ется. Необходимо изменить время реакции защитных заклинаний.

На этом всё и закончилось. Робин опомнился, словно стряхнув с себя роль полицейского, и предложил проводить меня до дома и по пути перекусить, но я отказалась – у меня ещё были дела.

Я опасалась, что они набросятся на меня – неизвестно, что именно Джей поменял в узоре. Я переступила через порог так же, как переступила через своё желание оставить всё, как есть – нельзя так больше, Рина. Тень мира была соединена с дверью иначе, чем с окном – через него я просто перепрыгивала в другую реальность. Теперь же я ступила на дорожку, а мох расползлся под моими ногами, захватывая сад. Пространство словно вздохнуло, и воздух задрожал. Всего несколько шагов – и от сада не осталось и следа. Я была окружена развалинами старого мира. Звёздочка тут же выпорхнула из-под рукава футболки, уселась на обрушенную стену и принялась чистить серые пёрышки.

Белоснежный лев неподвижно сидел на пьедестале, и только по тому, как недовольно задёргался кончик его хвоста, я поняла, что моё появление не осталось незамеченным. Я осторожно подошла, а Достоевский отвернул голову, не хотел впускать меня в поле своего зрения. Хорошо – хотя бы кусать не собирается. Я встала прямо перед львом, он недовольно рыкнул, спрыгнул на землю и сел у меня за спиной.

Обернувшись, я увидела, что из тумана на горизонте выбегает Бонифаций. С трудом подавив желание сбежать, я заставила себя стоять на месте. Лев подошёл, мотая хвостом, открыл клыкастую пасть и издал протяжный рык, а потом вдруг потянулся и ткнулся головой в мой живот. Огромный зверь поднял на меня грустные глаза. Я села на землю, погладила его по пышной, но ужасно грязной гриве.

– Я больше так не буду.

Не те слова, которые я хотела сказать, но Бонифацию было достаточно и этого. Он лизнул мою щёку шершавым языком и завалился на бок, чтобы я почесала его пузо.

Второй же лев всем своим видом показывал, что его это не касается. Но тут не выдержала Звёздочка. Она забежала перед Достоевским, возмущённо чирикавая, мол, да что ты понимаешь! Сидишь тут и смотришь в туман днями напролёт! А мы были в когтях у смерти, среди бессердечных колдунов и страшных кошек. Но мы вырвались и теперь хотим снова дружить! Мало нам, маленьким птичкам, бед, а тут ещё обиженные львы!

– Звёздочка, не горячись, – попросила я.

Достоевский наконец-то соизволил повернуться, оглядел меня с ног до головы и недовольно зарычал, как старый дедушка, который потерял пульт от телевизора, поэтому ему придётся смириться и смотреть скучный сериал вместо очередного выпуска новостей. Я протянула руку ладонью вперёд, лев фыркнул, но подошёл. И как было отказать – неча-

сто сюда приходят люди и гладят пузо, расчёсывают шёрстку, с визгом катаются по траве, притворяясь, что испугались, когда их валит на землю зверь в три раза больше их размером!

Вернувшись домой, я первым делом очистила одежду от мха, а потом несколько часов оттирала обе статуи, стараясь не пропустить ни малейшего пятнышка.

На следующий день я взяла немного денег из шкатулки и нашла ту пекарню, откуда стащила два куса пирога после разговора с Сетом. Перед входом я задержалась, и только удостоверившись, что руки не дрожат, с улыбкой зашла внутрь и сообщила продавщице, что на прошлой неделе она неправильно рассчитала стоимость моей покупки, и я вернулась, как только смогла.

Продавщица, худая седовласая женщина, сначала не поверила, что она так ошиблась, а затем захотела угостить чаем в знак благодарности. Я, заливаясь краской, сослалась на срочные дела и сбежала, пообещав обязательно зайти в следующий раз.

Я говорила себе, что это малое зло во имя избавления от большего зла, но на душе стало совсем скверно. Меня не оставляло ощущение, что это были неудачные тренировки перед настоящим разговором, который, я не сомневалась, состоится, когда очнётся Джей.

Следующие дни я посвятила яростному мытью дома. Особого внимания удостоилась кухня – я отдраила пол, перемы-

ла все столовые приборы и аккуратно разложила продукты. Хоть мне и не хотелось заходить в столовую, но и там я навела относительную чистоту, впрочем, так и не решившись выкинуть букет засохших роз. После первого этажа настал черёд библиотеки. Если бы я умела читать, то книги подверглись бы разбору по категориям и внесению в каталог. К моему сожалению, всё, что я могла сделать – это поставить их корешок к корешку на тщательно протёртые полки. В рабочем кабинете я решила только на то, чтобы сложить в ровные стопочки листы бумаги, конверты и недописанные письма, валявшиеся на полу и на столе. В спальне колдуна я, стараясь не шуметь, вытерла пыль с поверхностей и чуть не застонала, увидев грязь на тряпке, которой мыла пол под кроватью. Здесь я ничего не переставляла, памятуя о том, что Джей ещё в самом начале сказал мне не соваться наверх. Я только унесла грязные кружки и утром и вечером ставила на прикроватный столик стакан свежей воды. Джей, хоть до сих пор и не очнулся, но выглядел гораздо лучше – лицо больше не прочерчивали чёрные линии сосудов, губы приобрели нормальный цвет.

Каждый день приходил Робин, качал головой и говорил, что в доме чище, чем в королевских покоях, а я ворчала, что он опять не вытер ноги у входа. Погода испортилась: небо обрушивало на город водопады воды, лишь на несколько часов давая передышку в виде морозящего дождика. В эти перерывы я бегала на рынок, чтобы Робин не отвлекался от ра-

боты. Люди бросали на меня косые взгляды, но ничего не говорили, и я списала это на свою возросшую тревожность.

Спустя неделю я не находила себе места. Наведя порядок в доме и в саду, я принялась за свою магию. Пыталась включать свет, воду, даже попробовала ускорить вишню, чтобы она быстрее поспела. Ничего не выходило. Я не смогла придумать, как использовать зеркала против дождя. Получалось, что моя магия не подходила для бытовых задач, и оставалось только продолжать пользоваться записками. Их запас уже пора было пополнить, но я не хотела уходить далеко от дома и не горела желанием идти в центр города, опасаясь, что это оживит неприятные воспоминания.

Второй день подряд светило солнце. Я отмывала и без того сияющих львов, как вдруг моё левое плечо пронзила резкая боль. Я подскочила и бросилась в дом, по пути ругаясь на Звёздочку, что не обязательно было настолько буквально понимать слово «клюнуть». Я ворвалась в спальню, забыв постучать, и остановилась на пороге. Джей лежал, одной рукой поглаживая отросшую щетину, а второй прикрыв глаза.

– Пить.

Я бросилась к столику, по пути споткнувшись об угол ковра, и протянула Джейю стакан, умудрившись не пролить ни капли. Колдун приподнялся на локте и медленно пил, а я украдкой рассматривала его лицо. Робин уверил меня, что от дракона ничего не осталось, но вдруг?..

Джей вернул стакан и смотрел так сосредоточенно, как

будто на лбу у меня была напечатана сегодняшняя газета. Мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы не отвести взгляд. В углу левого глаза оставалась краснота, но больше ничто не напоминало о том, как Джей выглядел раньше.

– Сколько времени прошло?

– Почти две недели.

Он снова потёр щетину. Кажется, она ему не нравилась. И правда – ведь я почти ни разу не видела его небритым с тех пор, как он освободился из зеркала.

– Мне нужно поесть.

– Не вставай, я принесу! – выкрикнула я уже от двери.

Робин говорил, что человеку, долго пробывшему без еды, нужно сначала есть что-то лёгкое. Что у нас есть лёгкого? Овсянка? Я включила плиту, насыпала в воду хлопья. Часть всплыла, часть утонула. Я помешивала жидкость, нервно постукивая рукой по столешнице. Да что же так долго! Может, добавить туда муку? Щедрой рукой я отправила в кастрюлю сахар и корицу. Жижа побулькивала, образуя на серой поверхности плотные лопающиеся пузыри, а я выстраивала зеркала, чтобы позвать Робина. К тому времени, как я справилась с этой задачей, овсянка угрожающе плевалась и, судя по запаху, уже начала прижариваться ко дну кастрюли. Я перелила кулинарный эксперимент в миску и побежала наверх.

Джей осторожно помешал кашу ложкой, зачерпнул немного и, помедлив, сунул в рот.

– Какая гадость, – выдохнул колдун.

Я улыбнулась – дракон бы не привередничал. Это было хорошим знаком.

Глава 27. Время

На следующий же день в доме появилась служанка, немолодая женщина по имени Мэг, молчаливая и услужливая. Она мягко вытеснила меня с кухни, завладела кладовкой и одержала победу над грязью в дальних уголках комнат. Я не сдалась без боя и отвоевала право чистить львов и самостоятельно варить себе кофе.

Между мной и Джем образовалась стена неловкости. Мы сталкивались в коридоре или на кухне, здоровались и спешили разойтись, как будто вспомнив о срочном деле. Мне

казалось, что вот-вот он позовёт меня, чтобы поговорить обо всём, что произошло, но он лишь однажды задержался рядом, только чтобы пообещать, что вернёт меня домой через пару месяцев, когда уляжется шумиха и Совет обратит своё внимание на другие вопросы.

Робин заглянул пару раз и ненадолго – он занимался поисками Сета и его сообщников, но, похоже, почти все они успели сбежать из этого мира. Однако часть не смогла скрыться. К моему удивлению, среди них была и Тео.

– Но почему Сет не взял её с собой?

– Может, потому что она умнее, – пожал плечами Робин.

Наверное, так и есть, размышляла я, намыливая щётку. Достоевский гордо глядел на редких прохожих, которые кивали мне, как старой знакомой. Тео умнее, но у Тун больше способностей к магии. Даже если Тео знает, куда скрылся Сет, она будет молчать, беспокоясь за судьбу сестры. Впрочем, уже не важно. Робин уверил меня, что в моём мире с угасшей магией этой компании делать нечего, поэтому не стоит об этом беспокоиться.

Я вышла из кладовки, куда убирала щётки и тряпки, и чуть не столкнулась с Джеем. Я хотела привычно уже поприветствовать его и скрыться в своей комнате, но он вдруг заговорил.

– Ты можешь это больше не делать.

– Что? – не поняла я.

– Не надо больше ничего делать, – как ребёнку, медленно

объяснил Джей. – Выбери какую-нибудь книжку с картинками из библиотеки, возьми деньги, сядь в городе с чашечкой чая или погуляй у реки – просто отдыхай. Мне ничего от тебя не нужно.

Меня начали душить слёзы.

– Я уже наотдыхалась, – прошептала я.

– Только не надо!.. – воскликнул Джей, но было поздно.

– Прости.

Я вытирала слёзы, а они лились и не хотели прекращаться. Я быстро заговорила, пока он не ушёл, и пока я сама не успела передумать:

– Прости, я всё делаю не так, прости, что попросила львов пустить Сета в дом, что вообще согласилась на это, что не слушала Робина, что украла деньги, что...

Джей подошёл и нерешительно, как будто подражая своему другу, дотронулся до моей руки.

Хоть я и обещала себе думать, прежде чем действовать, но иногда нужно следовать порыву. Я сделала шаг навстречу и уткнулась в его плечо – оказалось не очень удобно, ведь колдун был ненамного выше.

Я была готова к тому, что он оттолкнёт меня. Но он замер, а потом положил руки мне на спину и ждал. Его рубашка пахла первым весенним дождём, бризом с далёкого моря и листьями подснежников, но даже через эту магию проникал запах зеркальной пыли, въевшийся в его кожу.

– Не думай, что я хуже, чем я есть, – всхлипывая, говорила

я. – Я делаю, не успев подумать, но я не со зла, я просто так хотела домой, что... А теперь я не хочу!.. Не отправляй меня обратно, пожалуйста! Я там пропаду...

От его рук по спине распространялось тепло. Не наколдовал ли он чего-то успокаивающего? Я устала плакать и просто стояла, прижавшись лицом к промокшей рубашке. Наконец, он заговорил, медленно, с трудом вынимая из себя нужные слова.

– Я тебя ни в чём не виню. Ты тоже... не думай, что я хуже, чем я есть. Но я должен вернуть тебя домой. Оставлять тебя здесь безответственно.

Я хотела было запротестовать, но из моего рта вырвался только горестный вздох.

– Я во всём виноват – притащил тебя сюда, ничего не объяснил, а сам не видел дальше своего носа. Вёл себя как последний мерзавец... Я не знал, что делать – у меня не было других учителей, кроме Тина. А ты из другого мира, нельзя было ожидать, что ты просто всё поймёшь. Я сделаю, что обещал, но и ты не жди от меня большего.

Я отстранилась, и он поспешил убрать руки.

– Хорошо.

Я вытерла лицо, а Джей кивнул и поспешил скрыться в библиотеке.

С того дня мы стали ещё больше избегать друг друга. Джей постоянно уходил гулять, и через ослабевшую связь я всё же чувствовала, как он рад оказаться вне стен дома. Я

поняла, как он любит город на Чернильной реке и как тяжело ему далось добровольное заключение. Робин объяснил, что любая вспышка магии, а то и просто короткий разговор с прохожим могли спровоцировать драконий коготь. К тому же, хоть Джей и знал городские улицы, но за тринадцать лет многое изменилось – а чем меньше дракон знал, тем больше ему времени понадобилось бы, чтобы сориентироваться. Для Робина каждая секунда была бы на вес золота.

Когда Джей оставался дома, я убегала в город и бродила вдоль реки, бесцельно блуждала по кривым улочкам старого города, подолгу сидела у фонтанчиков в тени деревьев. Я даже сунулась в Дом всех богов в поисках утешения. Внутри царил унылость, несмотря на необычную красоту этого места – солнце проникало в тёмный зал сквозь цветные стёклышки, образуя множество радужных световых столбов, в которых плясали пылинки. Стояла тишина, разбавленная шёпотом молитв и шорохом одежды. Немногочисленные прихожане старались держать дистанцию, садились кто на пол, кто на скамейки и тихо говорили каждый со своим богом. В центре высилась колонна, покрытая маленькими мозаичными изображениями людей, птиц, зверей, среди которых затесались и солнце, сурово сдвинувшее брови, и два антропоморфных тигра с переплетёнными хвостами, и ещё много странных существ.

Люди кидали на меня любопытные взгляды, и я поспешила покинуть Дом всех богов – здесь всё равно не нашлось

того, что я искала. Я продолжала свои прогулки, чувствуя себя очень странно. У меня внутри как будто был комок ваты, синтетической, скрипящей и никак не впитывающей кислоту, которая разлилась в груди. Раньше кислота хранилась в стеклянном сосуде и иногда выплёскивалась и жгла, если неправильно держать его. А теперь я споткнулась и выронила сосуд, кислота разлилась, и в сердце впились осколки.

Хватит, хватит ныть, Рина! Остаётся так мало времени, а ты только и делаешь, что пропадаешь внутри своей головы. Потонуть в жалости к себе ты успеешь и дома. Ведь город и правда прекрасен! Не зря Джей так любит его. Может, это его любовь к городу передалась мне по связи, или я, исходив с письмами все улицы и переулки, сама незаметно попала под очарование старой столицы.

Ту же вату я набила в голову и делала вид, что я снова на экскурсии и мне интересно просто ходить и смотреть по сторонам. Конечно, я знала, что притворяюсь, но вата в голове не позволяла особо рефлексировать.

Книжный салон господина Туана. Я вытянула руку и нажала на кнопку воображаемого фотоаппарата: щёлк! Здесь вы найдёте редкие издания, но не заговаривайте с посетителями – рискуете попасть в дурную компанию. Громадный замок со смотровой площадкой. Ну, это стандартный туристический вид, не стоит кадра. Купите лучше магнетик. А туда вообще смотреть не надо, это здание тюрьмы. Вот статуя, изображающая лошадь, наклонившую голову к траве, и

прилѣгшего рядом путника. «Путник усталый, ты сбился с пути...» – где я это слышала? Может быть, одна из считалочек? Неважно. Щѣлк! Старый рынок. Всевозможная экзотика, но никаких крылышек фей и корней мандрагоры – это всё сказочки. Щѣлк!

Сказочки, считалочки... Столько всего интересного, что так и останется лишь названиями и обрывками фраз в моей голове. И кто знает, не растают ли они, как беспокойные предрассветные сны, окутанные мхом и туманами, когда Джей разорвѣт связь и я забуду язык? Сказки трёх сестѣр про превращения, книга о неразумных тварях – вот я уже и правильное название забыла! Зелѣная владычица, жуткая птица с руками и даже те тигры из Дома всех богов...

День давно перевалил за середину. Погода стояла приятная, тёплая, и я была в том самом простом холщовом платье, которое отдала мне Элла. Даже подвязанное поясом, оно всё равно сидело мешком. Я отбросила свой воображаемый фотоаппарат и поспешила в лавку господина Руты.

– Элла! Элла! – закричал Рута, высунувшись из лабиринта книжных полок.

– Да что ты раскричался! – Элла с подносом выскочила из двери сбоку. – Уже несу! Ой!

Элла, чей наряд из шаровар и кофты жѣлтого цвета был настолько ярким, что чуть не светился в полумраке лавки, опасно поставила поднос на край прилавка, где уже теснились шкатулка с кассой и стопки документов, обняла меня и

долго не отпускала.

Я совсем смутилась и не знала, что сказать. Неужели по мне скучали?

– Прилетела птичка-то, Рута!

– А что я говорил? – Рута с довольным видом приглаживал топорщащиеся усы, бороду и гриву волос.

– Ты чего только не говорил, даже когда стоило помолчать, – нравоучительно заметила Элла. – Смотри-ка, и платье тебе идёт! Вот, держи поднос. Помнишь, где столик стоит? А я пока за чашкой сбегаю.

Я протиснулась между полками к островку столика, окружённого тремя креслами. Книги уже были составлены на пол.

– Вовремя ты, – Рута схватил из тарелки печенюшку и поспешно проглотил, пока жена не видит. – Мы как раз закрываемся – посетителей сегодня мало, отчего не устроить себе ранний отдых.

Только он смахнул крошки с усов, как появилась Элла, сунула мне чашку в руки и сразу схватила чайник.

– Подставляй! А мы волновались. Печенюшки с мятой и лимоном, бери, бери, похудела-то как!

Я не могла больше притворяться, что не замечаю их беспокорство, и с удивлением спросила:

– А что случилось?

Рута с Эллой переглянулись.

– Во всех газетах, – пробормотал мужчина, потянулся ку-

да-то под стол и извлёк мятый газетный лист.

– Да она читать не умеет! – махнула на него Элла. – Ну, заговор...

Я непонимающе помотала головой, но уже начала догадываться. Неужели все знают?

– Революционеры, – хмыкнул Рута и стащил печенюшку. – И разжигание конфликта с горцами, и нового короля им подавай, и вроде как ученица господина ан-Тарина вступила в их ряды.

– Ну хватит, Рута, все сплетни пересказал! – шикнула на мужа Элла, увидев, как я изменилась в лице. – Мало ли, что напишут! А раз девочка тут, у господина колдуна, то всё неправда. Ты же так и работаешь на него?

– Это ненадолго...

– Что, выгнал? – ахнула Элла.

– Да нет, я сама хотела, – понуро ответила я.

– Что же, попроситься зашла? – спросил Рута и потянулся к тарелке.

Элла шлёпнула его по руке и передвинула печенюшки поближе ко мне. Они были кисло-сладкие, рассыпчатые и таяли на языке, оставляя свежий мятный привкус.

– Я ещё пару месяцев тут побуду. Я вот что хотела... Сказки.

– Сказки? – удивилась Элла.

– Да, «Сказки трёх сестёр». Я очень хотела их прочитать, но не могу. Я думала, может, вы мне вслух читаете? Я бы

приходила раз в неделю...

– Да приходи хоть каждый день! – воскликнула Элла. – Сейчас и начнём.

Рута важно кивнул и, пока жена бегала за книгами, сунул в рот сразу три печенья и подмигнул мне. Я улыбнулась.

Элла вернулась со стопкой книг.

– Ну что, какую читать первой? Тут у меня не только три сестры.

– А вот Лис – он же не сказочный? – поинтересовалась я.

– Естественно! – ответил Рута. – Дед мой лично с ним общался!

– Ну конечно, – саркастически произнесла Элла, разливая новую порцию чая.

– А я думала, что лис – подросток, – вклинилась я в препирательства парочки.

– То-то и оно, – ответил Рута. – Дед так рассказывал: как-то стал колдун играть в шахматы со Временем, да заявил, что будет жить вечно. Время отвечает – если выиграешь, то само тебе помогу, а проиграешь – до вечера не доживёшь. Колдун согласился, ведь он был лучшим игроком во всех мирах. А Время его возьми да и обмани! Ему-то что ход вперёд, что ход назад, что сегодня, что вчера – на то оно и Время. И начало оно забирать у колдуна час за часом, год за годом. Да не по порядку! Позабавиться решило. То девятнадцатый год заберёт, то сорок третий, то второй. Вот юноша стоит перед ним, вот старик, а вот младенец лежит. Думает

колдун – что делать? Вечер близится, годы уходят! И когда он вновь стал мальчиком, ожили все его тогдашние воспоминания! Вспомнил он присказку, что Время души в лисах не чаёт, хитрых, как оно само. Минуты не прошло – стоит уже взрослый мужчина, который у лучших колдунов учился. Только бы успеть! – думает. И тут же оборачивается лисом! Время так и встало. А колдун ему говорит: обратно не превращусь, пока не выполнишь, что обещало. Выиграло ты нечестно, так давай мне вечную жизнь. Делать нечего – не поднимается у Времени рука на лиса, пускай он и оборотень, а не настоящий зверь. Подарило оно ему особенный город, куда Времени вход заказан. Но годы не вернуло. Так и ходит по свету Король-лис, то в виде мальчика, то в виде лиса. Может и стариком обернуться, а может мужчиной средних лет с огненно-рыжей бородой. А кто в его город попадёт – больше оттуда не выберется, потому как не захочет – ведь это лучшее место во всех мирах. Но и Лис пускает в своё маленькое королевство только избранных.

– Ох уж эти сказочки! – махнула рукой Элла, дождавшись, когда Рута закончит. – Красиво, нечего сказать, только кто это со Временем в шахматы играть будет. Даже если Лис есть, то это очередной зарвавшийся колдун. Сколько их таких, кто полез в древнюю магию и получил по носу! И вообще Королю-лису повезло, мог бы так и застрять в лисьей шкуре.

– До первого охотника, – добавил Рута.

Похоже, он и сам не особо верил в сказку про Время.

Три дня подряд я ходила к Элле. Мы садились рядом, и она водила пальцем по строке, чтобы я могла соотносить написание слов с их звучанием. Раньше мне не приходилось учить буквы языка, на котором я уже умела говорить. Дома всегда ждал заботливо приготовленный Мэг ужин, после которого меня клонило в сон. Я забиралась в постель, доставала блокнот и ручку и записывала сказки. Я попыталась нарисовать рыжего мальчишку и лиса, но рисунок получился такой жалкий, что я перечеркнула его.

На четвёртый день я прибежала в книжную лавку пораньше, потому что Элла обещала приготовить на обед традиционную равнинную запеканку с розмарином и сушёным инжиром, рецепт которой ей прислала дочка. После этого она прочитала мне сказку про мёртвую флейту и путника, сбившегося с пути, а потом отпаивала чаем, потому что из меня опять полились слёзы. Я вспомнила, что слышала это название от старичка Габи, да и сказка была совсем не весёлой. Я ненавидела свой дурацкий организм за то, что у него вечно слетал вентиль с крана, и пообещала себе: что бы ни случилось, больше я не пророню ни слезинки.

В тот же день мне представилась возможность проверить своё обещание на прочность. Я всё ещё была в лавке – листала книги с картинками и сквозь полки разглядывала посетителей. Мне попался рисунок, на котором женщина в длинном платье стояла на вершине горы, а от её ладони тянулась

лента, переходящая в дорогу. По дороге скакали навстречу друг другу два вооружённых всадника. На втором плане над еловым лесом кружила стая воронов. В тот момент, когда я разглядела, что между деревьями кто-то прячется, меня настиг комариный звон в ушах. Я уже давненько не слышала его – будильник Джей отключил. Поставив книгу на место, я поспешила домой.

Колдун нетерпеливо мерил шагами садовую дорожку. Только я миновала калитку, как меня догнал Робин, запыхавшийся, с красными пятнами на щеках. При этом выражение лица у него было отсутствующее.

– В чём дело? – нахмурился Джей.

– Я просил короля снять меня с должности.

– А он?.. – выдохнула я.

– Первый раз в жизни его таким видел! Он всегда спокойный и рассудительный, будто ему не пятнадцать лет, а все пятьдесят. А сегодня... Кричал, что раз все его бросают, то он тоже слагает с себя полномочия. Потребовал, чтобы ему привели первого встречного из города, и пускай тот управляет государством, а с него хватит. Мы его еле успокоили, а я ещё час просил прощения и обещал, что останусь начальником тайной полиции до скончания веков.

– Как тебе это вообще в голову пришло? – поинтересовался Джей.

Робин развёл руками:

– Да ты подумай: заговорщиков упустил, в последний момент мы их обнаружили, да и то только благодаря Рине. К тому же, тебя покрываю, уж извини – но ты был не меньшей угрозой городу. Толку от меня! Но король со мной не согласен.

– И никто не согласен, – Джей махнул рукой, приглашая нас в дом.

На кухне Мэг готовила ужин, и колдун на секунду застыл, словно только что вспомнил о её существовании.

– Ладно, – пробормотал он и открыл дверь в столовую.

Он зашёл в комнату, но тут же вернулся, держа в руках вазу с засохшими розами, которые отправились в мусорное ведро. Наконец мы сели за стол, Джей извлёк из кармана сложенный вчетверо мятый лист бумаги и протянул мне.

– Узнаёшь?

Я повертела листок в руках. Когда-то на нём был карандашный рисунок птички, балансировавшей на тонком колоске, а на другой стороне аккуратным почерком...

– Тут слова другие, – нахмурившись, проговорила я.

– Читай.

– «Моя милая девочка, Вы читаете это письмо, потому что события сложились благополучно. Благодарю Вас за спасение жизни моему сыну и надеюсь на скорую встречу. Ваш молчаливый попутчик».

Я протянула записку Джею, а он передал её Робину. Тот прочертил над ней квадрат и стал изучать.

– Это какая-то ошибка, – нарушила я повисшую тишину. – Я не спасала ничьего сына.

Джей потёр переносицу, как будто поправляя невидимые очки.

– Как он выглядел?

– Ну... На нём был вельветовый пиджак.

Я и правда ничего не могла вспомнить. Экскурсионный автобус казался давно забытым сном.

– Мы не заметили условие для изменения текста, – подал голос Робин. – Талисман на удачу, помощь в дороге, ловушка для сай... Я не могу разобрать, что ещё тут намешано. Странная магия.

– Но о каком сыне идёт речь? – настойчиво спросила я.

– О нём, судя по всему, – Робин кивнул на Джея.

Тот нервно постукивал пальцами по столу.

– Моя мать наотрез отказывалась о нём говорить. Я пытался расспрашивать соседей, но она запретила. Сказала, чтобы я отчима не позорил. И я заставил себя забыть об этом.

Он снова постучал пальцами по столу, а потом хлопнул ладонью, ставя точку.

– Завтра с утра отправляемся в твой мир. Собирай вещи.

У меня как будто выбили почву из-под ног.

– Я бы сегодня пошёл, – не дал мне возразить колдун, – но уже поздно.

Ничего больше не сказав, он вышел из столовой.

Робину тоже нужно было возвращаться на службу, и, к мо-

ему ужасу, он сказал, что не сможет завтра прийти попроситься. Он обнял меня так крепко, что на секунду я задохнулась, и заставил пообещать, что я не буду грустить. Слишком много обещаний для одного дня. Но данное себе я не нарушила – ни одна слезинка не упала из моих глаз.

Тишина, глухой стук сердца – и больше ничего. Не знаю, сколько я просидела на кровати, глядя в пустоту. Солнце зашло, а сумерки сменились ночью, заполненной стрёкотом цикад и шелестом листьев.

Я вытряхнула рюкзак, разложила на полу вещи из полок и так и просидела до рассвета. Время и правда хитрая штука. Вроде бы два месяца – это так мало, но стоит их отнять, то сразу кажется, что в них могла уместиться целая жизнь. Время – недобрый шутник, оно сделало эту ночь стремительной, как падающая звезда. С первыми лучами солнца я вышла в тень мира, чтобы попроситься со львами.

Глава 28. Домой

После того как мы, зажав уши, миновали алых бабочек, я сняла рюкзак с уставшей спины и тащила его то в левой, то в правой руке. Морской берег, серый песок и свинцовые тучи. Здесь как будто стоял вечный ноябрь. Я смутно помнила это

место. У меня не было времени оглядеться – свободной рукой я держалась за плечо Джея, потому что не могла видеть серебряные искры перехода, а моя магия слабела по пути к старым мирам. Я бездумно смотрела вниз и сосредоточилась на том, чтобы просто переставлять ноги – от меня большего и не требовалось.

Поэтому я ничего не успела понять. Внезапно вместо плавного перехода, сопровождаемого лёгким головокружением, меня словно схватили за шкуру и вырвали из реальности. Я перекувырнулась через голову и рухнула на спину. Рюкзак приземлился в опасной близости от моей головы и завалился на бок. Я захлопала глазами. Через клочья молочного тумана проглядывало ночное небо, на котором сияли, перемигиваясь, звёзды. Пахло мхом.

– О, как неудачно! – раздался откуда-то сбоку расстроенный голос. – Мне так жаль! Лис, сколько раз я просил не говорить мне под руку!

Я села. Передо мной стоял интеллигентный старичок в вельветовом пиджаке и качал головой.

– Вы не ушиблись, девочка моя?

– Я... Ну... Нет. Это что, тень мира?

Мох покрывал не только всю землю, но и обломки чёрных и тёмно-красных с розовыми прожилками камней, раскиданных по небольшой полянке. Не забрался лишь на отполированный кусок угольно-чёрной скалы, служившей столлом. Полянку окружал туман, через просветы в котором не

только сверху, но и по бокам виднелось звёздное небо. Мы как будто парили в космосе.

– Именно! Моя личная тень мира. Прошу! – старичок помог мне подняться и подвёл к стулу на изящных ножках в форме львиных лап, обитому жёлтым сатином в широкую полосу.

На кружевных салфетках стояли три фарфоровые чашечки и тарелочки, а рядом лежали серебряные приборы. Центр каменного стола занимали кофейник, сахарница, сливочник и вазочка, наполненная печеньем и конфетами. Их теснил огромный шоколадный торт со свечками. Десять из двенадцати были оплавлены, а сам торт наполовину съеден.

– До моего дня рождения осталось совсем немного времени. Мы отмечаем каждый оставшийся месяц, – непонятно объяснил старичок.

– Мы? – опасно переспросила я.

Из-за противоположного края импровизированного стола показалась хитрая лисья морда, оскалилась и тут же спряталась обратно.

– Расстроился. Я, представьте себе, творю заклинание, а он мне рассказывает, как правильно. Теперь ему полдня лицом ходить, раз превратился.

Лис запрыгнул на стул и сунулся носом в чашку. Он совершенно не выглядел расстроенным.

– Сейчас, сейчас!

Старичок разлил кофе по чашечкам, лису налил в блю-

дечко, а меня заботливо спросил:

– Сливки, сахар?

– Можно, я пойду? – попросила я.

– Всему своё время!

– Но меня...

– Ждут? О, я прекрасно знаю! И сам не рад, поверьте!

Бегают, волнуется, ищет вас. Скоро обнаружит это место и начнёт штурмовать. Характер! – старичок смущённо засмеялся. – Но я его пока не пущу. Мне с вами отдельно поговорить надо, девочка моя.

Я взяла чашку и осторожно отпила. Старичок смотрел на меня своими болотно-зелёными глазами. В остальном у них с Джемом не было ни капли сходства.

– Вот теперь поверила! – обрадовался старичок.

Он потянулся к торту и кончиком пальца поджёг одну из целых свечей.

– Пока она горит, я расскажу вам сказку. А может, правду – вам решать, госпожа Екатерина.

Семьдесят лет назад тогдашний король по местной традиции решил отвоевать занятые горцами территории – ничего нового. Он слышал, что существуют на свете древние артефакты – драконьи когти, из которых можно вырастить яростного дракона, непобедимое оружие. Один коготь был найден его предками и хранился в тайном месте за тридевять миров. Король посылал колдунов, чтобы те нашли четыре оставшихся камня. Не знал он, как, впрочем, не знал никто,

что коготь есть всего один, и существовал он ещё до разрушения мира. Колдуны возвращались ни с чем, и тогда король решил, что нужно создать новые. Колдуны все как один отказались, под страхом смерти Совет запретил им иметь дело с древней магией. Но нашлась парочка авантюристов – муж и жена. Начали они с охоты на алых бабочек. На этом, собственно, и закончили. Один коготь создан из сотни, значит, им предстояло отловить четыреста экземпляров. Четыреста из бесчисленной стаи хищных существ, жаждущих заполнить тело, тысячи лет назад загнанных в отдельный мир. Из-за неумелых колдунов бабочки вырвались и атаковали соседние планеты, разлетелись выше и ниже по спирали, предпочитая, конечно, молодые миры с яркой магией. Совет бросил все силы на то, чтобы изловить страшных существ. Даже той паре, что выпустила бабочек, было позволено искупить вину, помогая в их поимке.

Но на то они и были авантюристами, что качество для них стояло далеко не на первом месте. Главное – быстрее выполнить заказ и получить деньги, а как – неважно. Женщина была на тот момент беременна, и случилось, что во время начавшихся внезапно родов бабочка каким-то образом попала в ещё не рождённое дитя. Муж с женой решили, что сами разберутся быстрее, чем дождутся помощи – в тот момент они находились в мире с угасшей магией, и не оставалось времени искать других колдунов. План состоял в том, чтобы на пару секунд заморозить время для бабочки, тогда родите-

ли с ребёнком продолжают жить в настоящем, а бабочка всегда будет отставать на миг. И вот муж остановил время. Точнее, попытался – но никому не стоит играть со Временем.

Лис твякнул, как будто рассмеялся удачной шутке, и потребовал налить ему сливок.

– Вышло так, что из-за неумелой и поспешной магии я родился спустя семьдесят лет в будущем.

– Это вы что же, путешественник во времени? – спросила я. – Прибыли из будущего?

– К сожалению, не совсем так. Я вот что скажу, птичка: времени нет, есть состояние. Настоящее – это та точка, в которой происходят изменения. Сейчас я говорю с вами, и с каждым моим словом меняется ход истории. В прошлом и будущем изменения невозможны. Там всё выглядит так же, как здесь и сейчас, но на самом деле люди там всего лишь фантомы.

Меня выкинуло в момент рождения другого ребёнка, и я занял его место, родившись у случайной женщины. Будущее очень подвижно. Фантомы людей, предметов, городов постоянно меняются. Я шёл в школу и мог обнаружить, что школы нет. В один день у меня было двадцать одноклассников, а на другой двоих не доставало, и никто не помнил о них. Моя мать вечером носила короткую стрижку, а утром у неё могли быть волосы до лопаток, сменившие к тому же цвет с чёрного на рыжий. В моём мире не было ничего постоянного, но я не знал другой жизни, пока в одиннадцать лет меня не выки-

нуло в настоящее. Я пробыл там два дня, в панике, не понимая, где я и как вернуться обратно. Я нашёл свой дом, но там жили другие люди. Одна из моих школ – старое кирпичное здание – стояла на месте, но никто не узнавал меня. Да и я не узнавал школу, потому что её только что построили. Ведь я попал почти на шестьдесят лет назад от своего рождения! Ни у кого не было телефонов, одежда казалась старомодной. Это был новый для меня мир, где ничто не менялось. Стояла жара, я спрятался в парке и переночевал на лавочке. Когда я проснулся, всё осталось прежним – и дома, и школа. Я снова пошёл в свой дом, и там жили те же люди, что и вчера. Тогда они вызвали участкового. К счастью, на следующее утро меня выкинуло обратно в будущее, но меня не оставляли мысли о том мире. Меня выкидывало ещё несколько раз, и через некоторое время я научился контролировать эти прыжки. Однажды я понял, что это и есть настоящее. Тот момент, когда слова имеют вес, а поступки приводят к осязаемым последствиям.

В шоколадном торте попадались пропитанные ликёром вишенки. Я вытаскивала их и кидала лису, который уже выковырял все из своего куска. Шоколад он не уважал.

– Чуть позже я научился перепрыгивать через настоящее в прошлое, – продолжал дедушка. – Это было удивительно! Если в будущем всё постоянно меняется, то чем глубже в прошлое, тем оно плотнее, словно наскальная живопись на полотне времён. Но даже в ближайшем прошлом нельзя за-

говорить с людьми, они просто не слышат. Нельзя и спасти человека, если знаешь, что он умрёт от несчастного случая... Я не смог спасти свою настоящую мать, когда она умерла во время родов, не смог остановить отца, когда тот, вернувшись домой, принял яд. Это было первое, что я попытался исправить, когда обнаружил, что могу путешествовать в другие миры, создавая этот небольшой замшелый островок.

Лис положил голову на стол и прикрыл глаза, но уши его стояли торчком – он внимательно слушал.

– ...предметы в прошлом будто прибиты гвоздями. Но там я многому научился. Я сел за стол к мастеру и наблюдал, как он пишет картину. Я слушал, как люди говорят на мёртвых языках. Я следил за рождением великих поэм! Я видел, как строились пирамиды!.. Впрочем, это не так важно. Важно то, что я совершил ошибку, на исправление которой ушло много лет. Ещё кофе?

Я кивнула. Кофейник оставался полным, а кофе не остывал.

– Как я уже говорил, в настоящем любое слово имеет вес. Я сразу пообещал себе, что ни в коем случае не буду влиять на решения людей, не буду подсказывать им, не буду пытаться изменить будущее. Буду незаметным. Уже тогда я знал, что есть события, которые зависят от любой мелочи – как цвет волос женщины, которая родила меня. Кстати, вы с ней знакомы.

– Как это?

– Мы вместе ехали в автобусе, – усмехнулся старичок, – нет-нет, меня не было там, с позволения сказать, в двух экземплярах. Она сейчас всё ещё носит своего собственного ребёнка и вот-вот родит. Но вернёмся к сказке или не сказке.

Есть те события и предметы, которые остаются неизменными, например, пирамиды – как стояли, так и стоят. В отличие от моей школы, которую то реставрировали, то сносили и строили новую, а иногда и вовсе разбивали на её месте сад... Я пообещал себе не вмешиваться ни в те, ни в другие события. Но когда мне было около тридцати, я путешествовал по родному миру моих родителей и увидел её. Темноволосая, голубоглазая, высокая... Сообразительная, острая на язык. Я влюбился по уши, очаровал её. Я рассказал ей всё о себе, и она поверила – прошло не так много времени с тех пор, как поймали последнюю алую бабочку, и живы были свидетели тех событий. Я пообещал ей, что стану жить как обычный человек. Мы построили домик на окраине её деревни, и настали счастливые дни. Но недолго они продлились.

Мне начало казаться, что Время не любит, когда я подолгу остаюсь на одном месте – ведь для настоящего я никогда не существовал. А быть может, это моё подсознание не могло смириться с тем, что я сам отрезал себе путь в восхитительные миры до и после настоящего. Как бы то ни было, меня снова начало выкидывать то в будущее, то в прошлое. Она терпела, она ждала. Но настал день, когда я пришёл в пустой дом. Я не пытался вернуть её. Намного позже я узнал, что

она вышла замуж и родила шестерых детей. Я ощутил лёгкую грусть, но вместе с тем и радость, что исполнилась её мечта о большой семье и простой жизни.

Долгое время я посвятил прошлому нашего с вами общего мира. Другие миры не интересовали меня. Чем только я не занимался! Много времени я изучал искусства, особенно меня увлекала китайская живопись. Вы знаете, горы, цветы, рыбы, птицы, драконы... Драконы. Я припоминал, что в будущем мира моих родителей всегда происходила крупная катастрофа с участием дракона. Это было одно из тех непоколебимых течением времени событий, след от которого тянулся далеко вперёд, словно дым от потухшего костра. Ещё бы – разрушена столица королевства Трёх рек, окрестные поселения разорены, тысячи погибших! Я решил, что должен непременно посетить тот день, тем более что я и так мало времени проводил в мире моих родителей. Настала пора изучить и его. Вооружившись кистями и чернилами, я выбрал холм с видом на Чернильную реку, прочерчивающую зелёные поля и разделяющую столицу, Анкарне, на две части. Я видел, как чёрная фигура, с каждой секундой увеличиваясь в размерах и теряя человеческие очертания, пересекает Старый мост, раскидывает людей, словно игрушки, мчится к Дому всех богов, по пути сея хаос, сжимает лапой шпиль, а затем издаёт рёв, который сотрясает землю. Горб на его спине лопается, обнажая куцые перепончатые крылья: они не позволяют взлететь высоко, но он парит над городом,

выпуская струи едкого алого пара.

Старичок вздохнул и замолчал, а потом потянулся и извлёк из-под стола картину в чёрной раме.

– Красиво? – грустно спросил он.

На белой бумаге с рельефной фактурой был изображён китайский дракон с плоской мордой. Брови угрожающе сдвинуты над маленькими глазками, из-под чешуи на лбу торчат ветвистые рога. Из носа и пасти с острыми клыками растекается акварельным облаком алое пятно. Когтистые лапы разведены в стороны, тонкое змеевидное тело, заканчивающееся длинным хвостом, изогнуто буквой «S». Он шагает среди повисших в воздухе обломков, кирпичей, вырванных с корнем деревьев.

Я помнила и чешую, и алый пар. Свежи были воспоминания об острых шипах и пульсирующем горячем камне в моей ладони. Лис спрыгнул со своего стула, подошёл и положил голову мне на колени. Я хотела погладить его шёрстку, а потом вспомнила, что это никакой не милый зверёк, а самый настоящий мужчина, притом король. Я отдёрнула руку, а Лис зафыркал лисьим смехом, но голову не убрал.

– Я так увлёкся, – печально продолжил старичок, – что несколько раз приходил в этот день, прежде чем решил узнать, откуда взялся дракон. Но вы уже догадываетесь, что я обнаружил?

Я промолчала, да ему и не требовался ответ.

– Моя любимая бросила меня, когда узнала, что беремен-

на. Ей нужен был человек, на которого можно опереться, а не искатель приключений, которого никогда нет не то что дома – его даже нет в этом дне. В течение года я метался от настоящего к будущему, пытаюсь понять, почему это событие никак не хочет меняться. У меня до сих пор лишь один ответ: для настоящего я не существую, поэтому оно старается выкинуть меня. И так же, хоть и с меньшей интенсивностью, оно предпринимает попытки избавиться от моего сына.

И вот, двадцать лет назад я начал войну с будущим, в очередной раз нарушив данное себе обещание. На этот раз я поклялся спасти моего мальчика во что бы то ни стало, пускай бы мне пришлось перетрясти основы мироздания!

Лис фыркнул, а я, забывшись, почесала его за ухом.

– Да, мой друг прав! Всё оказалось до нелепого прозаично. Первые годы я ходил в будущее как на работу. Я завёл ежедневник, куда тщательно записывал события до появления дракона. У меня были таблицы, схемы, содержавшие все имена и встречи, все связи между людьми, вплоть до цвета их одежды. Я отслеживал малейшие изменения, пока наконец не решился действовать. Как я жалел, что не начал раньше! Ведь пятнадцать лет – это ничто, когда нужно изменить ход истории.

Мой мальчик похищал драконий коготь из-под носа у прислужников старого короля, прятал его в своём отражении и оказывался в заключении. Только попытавшись остановить его в тот момент, когда он находил камень, и потер-

пев несколько неудач раз за разом, я осознал весь ужас ситуации: мой сын забирает артефакт, чтобы помешать королю создать чудовищное оружие. Даже если мне удастся спасти его, то дракон овладеет телом другого человека, и город всё равно будет разрушен, ведь дракон неуправляем. Я занялся проработкой других вариантов. Покинув зеркало, мой сын всегда возвращался домой. И начинал расти дракон. Ведь вы наверняка знаете, девочка моя, в зеркалах всё замедляется, вот и дракон долгое время спал. Как это ни печально, решение Совета запереть его в зеркале было гораздо мудрее, чем они сами думали. Тогда я сосредоточился на нашем с вами мире.

Я был ограничен тем, что из семи зеркал осталось одно, стоявшее в безлюдном месте. Два зеркала приказала разбить Белая ведьма в качестве наказания. Колдун, запертый в зеркальном зале, испытывает мучительную боль, когда теряет одно из зеркал. Одно оставалось у неё для наблюдения, но тут я позволил себе самое что ни на есть прямое вмешательство, чтобы лишить её этого удовольствия. Ещё три зеркала были разбиты случайно, и я не смог их спасти – рано или поздно они переставали существовать. Дальнейшее я тысячи и тысячи раз менял, но результат оставался всё тем же. Я мог лишь сдвинуть его на несколько лет вперёд или назад. Чего я только ни перепробовал! Я не пускал экскурсию в отель, но в мирах с угасшей магией всегда находятся самоучки, которых так и тянет влезть в неприятности. Да и какой смысл,

если срок заключения рано или поздно заканчивался, и мой сын, потерявший молодость, возвращался в свой мир, чтобы непременно разрушить его!

Наконец, я нашёл лазейку: чаще всего мой сын уходил один, но бывали дни, когда он брал ученика. Я ведь мог отправить правильного человека, вооружив его, подготовив. Но в мире с угасшей магией почти невозможно найти того, кто бы смог освоить управление ей с нуля.

Каждый раз, внося изменение в настоящем, я мчался в тот день, но всё было по-прежнему. С вариациями, конечно – иногда заговорщикам удавалось подкупить ученика, и тогда дракон, защищая себя, освобождался, когда они нападали на дом. Иногда ученика не было или он не доверял Сету, но дракон всё равно появлялся.

Я решил использовать госпожу Сай, заранее внушив ей мысль, что она должна заплатить колдуну из зеркала за то, что он рассказывал ей, где найти магические безделушки, и помогал оценивать стоимость и силу имевшихся в её коллекции.

Я перебирал учеников, посылая по очереди раз за разом всех участников тура, не глядя на возраст и пол. Неудача следовала за неудачей. Настоящее никогда не стоит на месте, и будущее становилось всё определённое. Времени оставалось всё меньше, счёт шёл на месяцы! Подходил срок моего рождения. Понимаете, когда родится нормальный ребёнок, это перечеркнёт моё нелепое магическое появление на свет. Я

не знаю точно, чем это грозит для меня, но уверен, ничего хорошего не ждать не стоит. С каждым днём я чувствую, как слабею, и мне всё тяжелее сопротивляться настоящему, которое выталкивает меня то вперёд, то назад. Скорее всего, я просто перестану существовать, ведь в будущем я проживал запланированную для этого мальчишки жизнь. Поэтому сейчас я и сижу на своём островке тени мира и никому не мешаю, а в день своего рождения уйду в Лисий город, над которым не властно время.

Вернёмся же к истории. Времени не оставалось, я пытался привлекать и других людей, и менять состав экскурсии. Нет, нет и нет. Но настоящее, как я говорил, не любит меня и уж совсем против того, чтобы я вносил свои поправки в течение жизни. Настал момент, когда я в отчаянии пустил всё на самотёк и день за днём наблюдал за рождением дракона, уж простите, нажравшись в хлам. Однажды утром, прихватив бутылку отличнейшего рома, я устроился на своём привычном наблюдательном пункте и стал ждать. Но ничего не происходило. Я спустился в город, я проследил за моим мальчиком, я ничего не понимал. Камня больше не было в нём. Я мигом протрезвел, бросился искать следы, пока всё снова не изменилось. Мне на глаза попала газета, где говорилось о заговоре и упоминалась ученица колдуна. И тогда я увидел грустную птичку. Нужно было отпустить контроль, и решение нашлось само! Как жаль, что я потерял годы, чтобы понять эту простую истину...

Старичок улыбнулся мне и ненадолго прервал рассказ, чтобы налить ещё кофе. Он предпочитал его со сливками и сахаром. Свеча почти догорела, оплавившийся воск стёк некрасивой лужицей, запачкав торт. Для тоненькой свечки она держалась очень долго. Лис отошёл и разминался, как кошка, вытягивая то задние, то передние лапы.

– И что же дальше? – спросила я.

– Дальше, – ответил старичок, выбирая конфету из вазочки, – я вернулся в настоящее, которое неумолимо бежало вперёд, и присмотрелся к вам. До этого вы даже не всегда были в составе группы. Я пару раз отправлял вас в качестве ученицы, но как и с другими, ничего не получалось, а иногда бывало и хуже. И только теперь я заметил, что вы тот редкий человек, который, не имея доступа к качественной магии, каким-то образом научился управлять ею. Ваши фокусы с зеркалами неуловимы, а уж в мире с угасшей магией это настоящее чудо! Это был мой шанс. Я сделал так, чтобы каждый раз вы следовали за моим сыном. Однако будущее так и не могло определиться – быть или не быть дракону, но второй вариант хотя бы появился!

Я усиливал его вероятность, как мог. Оставалось всего несколько дней до вашей встречи с моим сыном в настоящем. Мне бы уже не удалось задержать или перенести экскурсию, или каким-то образом отправить вас в этот отель на пару месяцев позже. Поверьте, я пытался, но вы были всегда как будто приклеены к своему дивану! Сдвинуть вас с места

труднее, чем изменить русло реки.

Старичок развёл руками и продолжил:

– В последние дни, трясясь в этом автобусе, я дорабатывал заклинание в записке. Мне нужно было постоянно быть рядом с вами, чтобы персонализировать его. Это особенно важно, чтобы организм не отверг рисунок. Я нагромоздил в это заклинание столько всего, что уже точно не упомяну: кроме ловушки для сай, там была вплетена и удача в дороге, и лёгкий путь, и изменяющийся текст. Мой самый огромный проект! И всё получилось, как надо. Город стоит, дракон не родился, а главное – мой сын спасён. И всё благодаря вам! Вы спасли моего мальчика, и за это я вам благодарен.

Старичок с гордостью смотрел на меня, как на часть своего проекта.

– Но я не понимаю, – протянула я, – как же это я его спасла, если я его предала?

– Это была самая туманная часть будущего, которая менялась день ото дня. Вы не верили заговорщикам – тогда никто не узнавал о ваших способностях, никто не успевал остановить дракона, и все погибали. Вы договаривались с Сетом, но спокойно сидели в комнате, а он нападал на моего сына, и тогда дракон вырывался, чтобы защититься. Иногда вы не могли отправить сообщение Робину. Отследив этот вариант, я и придумал птицу-проводника. Простите за всё, что вам пришлось пережить, девочка моя, но поверьте, моя вина только в том, что я затащил вас в это приключение. Я не

мог контролировать происходящее. Я лишь отполировал ваше оружие. Любая фраза, любое неосторожное слово могли повлиять на результат.

Старичок погрозил пальцем Лису, который демонстративно зевнул в ответ.

– Я верю.

Я и правда верила. Моя слабость – принимать решения мгновенно, не успев подумать – неожиданно стала моей силой. Никто, даже я сама, не смог бы отследить тот момент, когда у меня в голове щёлкал переключатель, и я неслась совершать очередную глупость.

– Я сказал, что сижу здесь и никому не мешаю, но я слукавил, – хитро улыбнулся старичок. – Это моё последнее вмешательство в историю. Вы знаете, милая моя, какой упрямый у меня сын – придумает что-то и идёт до конца.

Лис тьякнул.

– Да, мой друг, есть в кого, ты прав! И вот он вбил себе в голову, что некая птичка обязательно должна вернуться в родное гнёздышко. Но я позволю себе с ним поспорить: я хочу предоставить птичке выбор. Я подсмотрел варианты будущего, и сдаётся мне, что вам будет лучше идти вперёд вместе. Настоящее не очень жалует нас с моим сыном, а вот ваша опрометчивость ему по нраву. Чем больше необдуманных решений – тем больше вариантов. Это в природе миров – стремиться к многообразию. Хоть миры и скопированы друг с друга, но не найти ни один, как две капли воды

похожий на соседа! Сейчас я верну вас домой, а потом поговорю с сыном. Через несколько дней он придёт и спросит, хотите ли вы остаться его ученицей. Подумайте хорошенько, Екатерина. Это большая ответственность – быть чьим-то якорем в океане времени. Но вы всегда можете выбрать старую жизнь, моя милая девочка.

Старичок замолчал и довольно потирал руки, а я вдруг разозлилась. Демиург недоделанный! То он дёргает за ниточки, распотрошив ткань мироздания, то предоставляет выбор, от которого зависит всё! Но знаешь что, Екатерина, ведь если бы он не дёрнул за твою ниточку, ты так бы и потратила свою жизнь, наблюдая через монитор ноутбука за чужими. Смогу ли я теперь выбрать старую жизнь? Не лукавит ли вновь старичок, не скрывается ли за скромной внешностью расчётливый кукловод?

– Мне пора, – довольно сухо произнесла я, вставая из-за стола.

Пламя свечи захлебнулось в воске. Старичок тоже встал, улыбнулся и начал выводить пас руками.

– Постойте, я забыла спросить! – воскликнула я. – Как вас зовут?

– Каждый день по-разному, – хитро улыбнулся старичок. На меня рухнуло звёздное небо.

Ну нет, это не Лис ему под руку говорил, это дедуля сам так колдует! Всем мирам станет легче, когда он уйдёт на пен-

сию! Я лежала на земле, а рюкзак придавил мне ногу. Звёзды больше не сияли драгоценными камнями, рядом ослепляюще светил фонарь, а земля была холодной и влажной. Я поднялась и потащилась к подъезду, на ходу доставая из бокового кармашка рюкзака ключи.

Я открыла дверь своей квартиры и включила свет в коридоре. Пахло непривычно, но не потому, что я давно отсутствовала – это был запах мужского одеколona. Шумела вода в ванной комнате, приглушая музыку. Из кухни вышел невысокий плотный парень с бутылкой пива.

– Ты кто? – спросил он.

Я не успела ответить, потому что из ванной комнаты выскочила Алина с мокрыми волосами, завёрнутая в розовое полотенце.

– Катька! – воскликнула она и обняла меня. – Это что у тебя на футболке?.. Ты упала?

На её ладонях остались кусочки мха. Я вопросительно мотнула головой в сторону парня.

– А это?..

– Это Макс. Я подумала, раз ты уехала, то ничего, что мы тут вдвоём живём?

Я так мечтала вернуться домой, в привычный мир, а он взял и поменялся, не дождавшись меня. На следующий день в тревожном расположении духа я пошла к родителям.

– Катя? – папа удивлённо поправил очки.

Он был такой же длинный, нелепый и растрёпанный, как

и я.

– А мы тебя не ждали! Ты проходи, проходи... Не ужинала ещё? У меня сейчас ученик, но я скоро освобожусь. Как раз к маминому приходу что-нибудь приготовлю.

Я ушла в гостиную, полистала старый фотоальбом и убрала его обратно. От фотографий веяло прошлым, тем, которое никак нельзя изменить. Только наблюдать и пытаться чему-то научиться.

В холодильнике обнаружились овощи. Я не стала дожидаться, пока уйдёт ученик, и рискнула приготовить своё коронное блюдо. Рис переварился, а овощи самую малость подгорели, но это был мой лучший результат. Папа прибежал на запах, несказанно удивился и пошёл выпроваживать ученика. В дверях он столкнулся с мамой.

– Наденька! – раздался папин голос. – Там на кухне сюрприз!

Я вышла в коридор.

– Опять что-то купил не по списку? О, птица наша прилетела!

Мама скинула туфли, расстегнула серый пиджак, вынула невидимки, и её светлые волосы рассыпались по плечам.

– Дай-ка я тебя обниму! – она подошла, и мне пришлось ссутулиться, чтобы быть с ней одного роста.

Она чмокнула меня в щёку, оставив след розово-коричневой помады.

– Смотри-ка, загорела, похудела... Гоняют тебя на рабо-

те?

Когда мы сели за стол, мама не преминула отметить, что огонь для овощей надо делать слабее, а рис не забывать помешивать. Несмотря на поучительный тон, в её голосе слышалось удовлетворение: наконец-то кто-то взялся за её дочь-растяпу и делает из неё человека.

– Когда обратно едешь?

– Я пока не знаю.

– Уволили? – сурово спросила мама, и я, как в детстве, сжалась под её напором.

– Надя, расслабься, – вмешался папа. – Что, зарплату вовремя не платят? Начальник плохой?

– Это она переживёт, – недовольно перебила мама.

– Да нет, всё нормально. Мы с ним просто... Мы с ним слишком похожи, – внезапно сказала я.

Мама как-то неоднозначно пошутила по этому поводу, а папа возмутился. Они ругались, а я не слушала. Меня поразило моё случайное открытие. Колдун лет сорока из другого мира и бестолковая девчонка почти в два раза младше его... И всё же у нас было много общего. Помолчать, когда нечего сказать. Украсть и спрятать так, чтобы никто не нашёл. Закопаться в свои чувства, когда надо поговорить. Принять решение и не сдвигаться с места, защищая его.

– Ты лучше на подчинённых своих шутки оттачивай, – говорил папа.

– Ой, да что с ней будет, – фыркнула мама и вышла.

Папа принялся рассказывать про свой институт, вспоминал смешные случаи со студентами, которые обязательно сопровождал восклицанием – как они такие тупые вообще школу закончили! Затем хвастался особо выдающимся школьником, который брал у него уроки.

Я почти что наяву видела, как мой отец, сияя абсолютной белизной, собственной рукой накидывал покрывало черноты на своих учеников, а они, студенты, школьники, покинув класс, так же сияя, судили его. Я тряхнула головой – сама сейчас занимаюсь тем же!

– Мне, кажется, пора идти.

Папа не возражал – у него ещё лежала стопка контрольных работ на проверку. Мама вышла из комнаты в домашнем костюме и с аккуратно забранными в хвост волосами.

– Приходи завтра в девять, пойдём к моему парикмахеру – я уже договорилась. У тебя на голове чёрт знает что.

– А тебе на работу не надо?

Мама закатила глаза и упёрла руки в бока:

– Сегодня пятница. Я бы на твоём месте позвонила в этот отель, прежде чем ехать обратно. Может, тебя там не ждут.

Я покорно кивнула. Алло, это резиденция «У спящего льва»? Ах, сегодня «У проснувшегося»? Опять перепутала дни недели! Я хотела бы уточнить, требуется ли вам ещё помощь бестолковой птицы? У нас стандартный набор – путаться под ногами, обижаться на пустом месте, считать себя истиной в последней инстанции и принимать молниеносные

решения – качество не гарантируется. Бонусом идёт обуглившаяся еда и испорченные продукты. Рыдания по поводу и без мы убрали по пожеланиям клиентов.

Джей может просто не прийти. Ведь у него тоже есть выбор.

– Мама, я не пойду к твоему парикмахеру, – сказала я, прежде чем покинуть квартиру.

Мне казалось, что я застряла в аэропорту в зале ожидания. Рейс отменили, другой задерживается, посадку не объявляют. Все витрины изучены, попробованы самые дорогие духи в магазинах, выпит кофе. Всё по кругу, и ничего не происходит. Я старалась не думать, и у меня почти получалось. Этот мир становился гораздо более реальным, чем тот, в котором я провела последние месяцы.

Утром я покупала булку и шла к пруду кормить своих старых друзей уток. В один из дней ко мне подошла девочка-подросток и сурово сказала, что уток надо кормить семечками, а я обрекаю их на мучительную смерть. Утки, безразличные к её словам, выискивали в траве крошки, но с не меньшим энтузиазмом набросились на птичий корм, который девочка купила в зоомагазине. И пожалуйста, не нужны мне такие друзья! Лето выдалось прохладное, то и дело налетал ветер и кидал в лицо мелкие капли дождя. Я гуляла, отщипывая по кусочку от булки, пока не замёрзла.

Вернувшись домой, я принялась разгребать полки и шка-

фы, безжалостно выкидывая в коробку бывшие когда-то бесценными диски, глупые книги, постеры, игрушки с персонажами фильмов. У двери высилась, грозясь упасть, башня из журналов с цветастыми обложками, а рядом лежала гораздо более скромная кучка университетских тетрадок. И зачем, зачем я хранила билеты из кинотеатров за последние десять лет?! Спасибо хоть чеки от попкорна в альбом не клеивала!

Рюкзак так и стоял в углу, потому что я боялась открывать его, пускай там и были лишь мои старые вещи. Я ничего не взяла из той жизни.

– Это что у тебя? – Макс пришёл на шум, когда в коробку полетел очередной предмет, но не вместился и съехал на пол, прихватив с собой пару дисков и книгу.

Макс поднял диск с игрой, потом порылся в коробке и выудил коллекционное издание известного фильма.

– Дай-ка я разберу.

Он по-деловому вытащил у меня из комнаты коробку и направился к себе. Алина нашла мне превосходную замену.

Мне хотелось остаться одной, но оказалось, что Макс работал без расписания, мог сорваться на вызов и утром, и днём, а мог просидеть весь день дома, если не было работы. Он чинил компьютеры. Алина, как и прежде, работала два дня, а один отдыхала. На следующий день у неё как раз был выходной, а Макса прямо с утра вызвали на миссию, как он это называл. Мы с Алиной сидели на кухне и пили мятный чай с печеньями из круглой металлической коробки, как

в прежние времена. Но я больше не чувствовала себя той прежней Катей, Катькой, Екатериной. Рина осталась в другом мире. Кто же я теперь?..

Я потирала пятно клятвы и не могла сосредоточиться, как ни старалась. У меня звенело в ушах.

– ...вот представь: центр Афин, Парфенон, обломки, колонны! И тут она бросается за ограждение, потому что увидела какой-то там редкий цветок! Гид чуть не поседел, думал, охрана нас всех из-за неё выпроводит!

Я подскочила, уронив табуретку.

– Катька, ты что? – воскликнула Алина, но я уже была у входной двери.

Звон в ушах! Пятно! Да как же я не поняла! Я выбежала в коридор, всплеснула руками – не босиком же идти! Вернулась, заодно захватив ключи и накинув куртку. Лифт никак не шёл, и я бросилась вниз по лестнице. Меня заносило на поворотах, и только чуть не споткнувшись, я замедлила шаг.

Несмотря на морозящий дождь, волосы Джея и его плащ оставались сухими. Колдун выглядел иначе: с него как будто сошёл слой пыли, лицо посвежело, волосы блестели, хоть и были, на мой взгляд, слишком длинными. И я вспомнила – ведь по словам Лориного дяди это он пачками очаровывал красавиц и разбивал сердца. Теперь это не казалось удивительным.

– У меня была долгая беседа с моим... отцом, – наконец,

заговорил Джей, не глядя на меня. – Потом я взял паузу, чтобы всё обдумать.

Я молчала.

– Ты ничего не знаешь ни о магии, ни о моём мире, не говоря уже о других. Мне придётся учить тебя всему, и это не будет лёгкой прогулкой вдоль берега реки.

Но зато я знаю тебя, хотела ответить я. Если ты приглашаешь меня в путешествие по бурной реке с извилистым руслом, крутыми порогами и неожиданными мелями, то...

– Я согласна.

Он изучающе посмотрел на меня болотно-зелёными глазами, а потом протянул руку. Пятно клятвы защекотало кожу, когда наши ладони соприкоснулись. Оно постепенно меняло форму с кляксы на нечто, напоминающее вытянутый листок, а может и птичий силуэт. Джей улыбнулся и покачал головой.

Он остался ждать на улице, а я, запыхавшаяся, вбежала в квартиру, снесла башню из журналов и встала посреди комнаты, не зная, что делать.

– Алина! – в отчаянии крикнула я.

Алина появилась в мгновение ока.

– Что случилось?

– Пожалуйста, помоги мне собрать чемодан! – беспомощно попросила я.

– Куда это ты собралась? – подозрительно спросила моя соседка.

Я улыбнулась:
– Домой.

Об авторе

Социальные сети:

Группа ВК. Сны наяву Яны Ветовой

<https://vk.com/yana.vetrova.books>

Телеграм Янтарный ключ

https://t.me/amber_key_stories